

ISSN 2309-9917

STEPHANOS

СТЕΦΑΝΟΣ

2016

#4 (18) ~July

№4 (18) ~ИЮЛЬ

Stephanos
Сетевое издание
Рецензируемый мультиязычный научный журнал
Электронный проект
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Главный редактор:
доктОфилолОнаук"профессор"МОПРемнёва

Редакционная коллегия:

доктОфилолОнаук"профессор"ЕОПОБархударова
доктОфилолОнаук"старший"научный"сотрудник"АВОЗлочевская
доктОфилолОнаук"старший"научный"сотрудник"ВВОСорокина
доктОфилолОнаук"профессор"АГОШешкен
кандОфилолОнаук"доцент"АВОУржа
кандОфилолОнаук"научный"сотрудник"ЕОЮТевак"отвОсекретарь+
Технический редактор *Екатерина"Федорова*

Программное обеспечение и техническая поддержка проекта:
старший"научный"сотрудник"АМОЕгоров

Редакционный совет:

Александра'Вранеш, докт. филологии, проф., декан филологического факультета
*Белградский"университет"*Сербия+*
Екатерина'Федоровна'Журавлева, проф., председатель Всегреческой ассоциации
преподавателей русского языка и литературы, *Западно/Македонский"университет"*
*Греции"*Греция+*
Мария'Леонидовна'Каленчук, доктор филологических наук, проф., зав. отделом
фонетики, зам. директора по научной работе, *Институт"русского"языка*
*имОВВОВиноградова"РАН"*Россия+*
Максим'Каранфиловский, докт. филологии, проф. Почетный проф.
МГУ имени М.В. Ломоносова, *Университет"имОСввОКирилла"и"Мефодия"в"Скопье"*
**Македония+*
Леонид'Петрович'Крысин, докт. филол. наук, проф., зав. отделом современного
русского языка, *Институт"русского"языка"имОВВОВиноградова."РАН"*Россия+*
Весна'Мойсова'Чепишевская, докт. филологии, проф., зав. кафедрой македонской
и южнославянских литератур филологического факультета им. Блаже Конеского,
*Университет"имОСввОКирилла"и"Мефодия"в"Скопье"*Македония+*
Джей'Паджет, докт. филол. наук, проф., *Университет"Калифорнии"Санта"Круз"*США+*
Иво'Поспишил, докт. филол. наук, проф., зав. Институтом славистики,
*Университет"имОТИГОМасарика."Брно"*Чехия+!*
Елена'Стерьећулу, проф., *Национальный"Афинский"Университет"имОКаподистрии"*
**Греция+*

Stephanos
Network Edition
Peer reviewed multilingual Scientific Journal
Electronic Project
of Lomonosov Moscow State University Philological Faculty

Editor-in-chief:

F qevqt "qhlRj kqrqi { "Rtqlgmuqt "O ONOT go p gxc "

Editorial Board:

*F qevqt "qhlRj kqrqi { "Rtqlgmuqt "GONODetmj wf ctqxc
F qevqt "qhlRj kqrqi { "Ugpkqt "Tgugctej gt "CCKO\ nej gxumc {c
F qevqt "qhlRj kqrqi { "Ugpkqt "Tgugctej gt "XOXOUqtqkpc
F qevqt "qhlRj kqrqi { "Rtqlgmuqt "CI O Uj guj ngp
Ecpf kf cvg "qhlRj kqrqi kecn Uekpegu "F qegpv "CCKOWt | j c
Ecpf kf cvg "qhlRj kqrqi kecn Uekpegu "Tgugctej "Cuuqekcvg "GCCORgxc m
Gzgewkxg "Ugetgvct { +"

Technical Editor Ekaterina Fedorova

Software and Technical Support for the Project:

Ugpkqt "Tgugctej gt "COO OI gi qtqx "

Advisory Council:

O c tlc 'M c r p e j w m PhD, Prof., Head of the Department of Phonetics, Deputy of the Director for Science, "

*XOXOXkppi t cf qx "T w u k c p "N c p i w c i g "k p u k s w g. "T C U " * T w u k c + "*

O c z l o 'M c t c p h i t x u n f PhD, Prof. *W p k x g t u k s f "U u O E { t k l c p f "O g y j q f k u i W p k x g t u k s f "k p "U h u r l g.*

Honorary Prof. of *N q o q p q u a x "O q u e q y "U c v g "W p k x g t u k s f " * O c e g f q p k c + "*

N g q p l f 'M t { u l p PhD, Prof., Head of the Department of the Contemporary Russian Language

*XOXOXkppi t cf qx "T w u k c p "N c p i w c i g "k p u k s w g. "T C U " * T w u k c + "*

X g u p c 'O q l u x c / E j g r k j g x u n c PhD, Prof., Head of the Chair of the Macedonian and South Slavic

Literatures Philological Faculty «Blaj Koneski» *W p k x g t u k s f "U u O E { t k l c p f "O g y j q f k u i k p "U h u r l g "*

** O c e g f q p k c +*

L c { g 'R c f i g w PhD, Prof., Linguistics Stevenson Faculty Services *W p k x g t u k s f "q h E c r k l q t p l c "U c p v c "E t w j "*

** W U C + "*

K k q 'R q u r C h n PhD, Prof., Head of the Institute of Slavic Studies, *W p k x g t u k s f "q h V I "O c u c t { m "D t p q "*

** E / g e j "T g r w d r k e + "*

J g g p 'U g t i k q r q w u q w PhD, Prof. *U e j q q r i q h R j k q u a r j { O H c e w n f "q h U c x l e "U w f l g u "P c v k q p c n l c p f "*

*E c r q f k u t k c p "W p k x g t u k s f "q h C y g p u l " * I t g g e g +*

C i g z c p f t c 'X t c p g u j PhD, Prof., Dean of the Faculty of Philology *W p k x g t u k s f "q h D g n i t c f g " * U g t d k c +*

G a r v g t l p c " j w t c x i g x c PhD, Prof., Chairman of the Panhellenic Association of Teachers of Russian

Language and Literature *W p k x g t u k s f "q h Y g u n g t p "O c e g f q p k c " I t g g e g " * I t g g e g +*

Содержание

Статьи

<i>Солнцева</i> "НМОГносеология С. Клычкова и Н. Ключева (1920–1930-е гг.).....	9
<i>Коростелева</i> "ААОСемантика жеста махнуть рукой в русском языке	23
<i>Гуревич</i> "ДЮИИспанская лексема <i>sig</i> и ее функции	59
<i>Долженкова</i> ВВОК вопросу об особенностях современного дистанционного обучения	71
<i>Кутькова</i> "АВОЖаргон парлаче: современная история Колумбии глазами лингвиста	77
<i>Невокишанова</i> "ААОПонятие нормы применительно к национальным вариантам испанского языка	86
<i>Снеткова</i> "МСОО происхождении и функционировании галисийской хеады	93
<i>Жолудева</i> "ЛЮИЧерты диалектов Тосканы в пьесах итальянских комедиографов XVI века.....	105

Материалы и сообщения

<i>Носова</i> "ЕГОЖанр «угроза» в немецком речевом общении	118
<i>Эсалнек</i> "АЮЮТеория диалога в контексте современных коммуникативных исследований	124
<i>Уржа</i> "АВО"Скворцова"ВВО«Время», «сон» и «смерть» в рассказе В. Пелевина «СПИ» и его английском переводе: способы интерпретации реалий, аллюзий и движения времени в тексте.....	129
<i>Доржиева</i> "ДЦЮСпецифика и перспективы развития функциональной стилистики в отечественной и зарубежной лингвистике	140
<i>Пономаренко</i> "ЕНОПолусонеты полуамериканца (септеты в строфическом репертуаре Г.В. Голохвастова).....	146
<i>Nqlni</i> "O c i f c. Uprizoritve Bulgakova v slovenskih gledališčih / М. Булгаков на сцене словенских театров.....	152

ЗЖПоспеловские чтенияЮЛитературоведческий тезаурус обретения и потери

<i>Беляева</i> "ИЮЮРусский классический роман как «образец созерцания универсума»: нероманские истоки жанра.....	161
<i>Володина</i> "НВО«Телеология» как философско-эстетическая и историко-литературная категория	172
<i>Федотова</i> ПЮЮПейзаж: живопись и литература	182

**XXIII Международная конференция
студентов, аспирантов и молодых ученых
«Ломоносов»: секция «Филология»**

<i>Каранец В.В.</i> Точка с запятой перед союзом <i>et</i> в романе Г. Флобера «Госпожа Бовари» и особенности ее передачи в русских переводах романа	188
<i>Кочерган А.М.</i> Языковой анализ некоторых прагматических стратегий рекламного дискурса (на примере англоязычной журнальной рекламы).....	193
<i>Мирвода Т.А.</i> Поэтика страшного в жанрах сетевого фольклора	199

Программы

<i>Волошина О.А.</i> Программа учебной дисциплины «История лингвистических учений» для направления «Филология». Квалификация (степень) «магистр»	208
<i>Дементьева О.Ю.</i> Программа учебной дисциплины «Синтаксис русского языка как иностранного».....	229
<i>Нестерская Л.А., Виноградова Е.Н.</i> Программа учебной дисциплины «Лексикология в системе преподавания русского языка как иностранного».....	242

Библиографии

<i>Воропаев В.А.</i> Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2005–2006).....	260
---	-----

Критика. Библиография

<i>Умнягин В.В., иерей.</i> Книжная серия «Воспоминания соловецких узников (1923–1939)». Том четвертый.....	323
---	-----

In Memoriam

<i>Дементьева О.Ю.</i> Лидия Владиславовна Ершова (1955–2016).....	328
--	-----

Eqpvgrv

Rcrgtu

Uqrvugxc 'P00 Epistemology of S. Klychkov and N. Klyuev (1920–1930-ies.)..... 9

Mqtquvgrxc 'C00 The Semantics of a “hand stroke” Gesture in Russian Language 23

I wtgxej 'F0N The Spanish’s *vgr* and Its Functions..... 59

Fqr|j gpnqxc 'X0X0 On the Features of Modern Distance Education..... 71

Mwnqxc 'C0X0 Parlache Jargon as an Integral Part of Colombian Modern Spanish 77

Pgxqmj cpqxc 'C00 The Concept of Standard as Applied to National Variants of the Spanish Language 86

Upgvqxc 'O00 The Origins and the Use of the Galician *gheada*..... 93

\ j qmf gxc L.I. Tuscan Dialect Features in 16-century Italian Comedies 105

Eqo o wplecvkpu'c'pf 'O cvgt km

Pquqxc 'G0I 0 The Genre of a «threat» in German Spoken Language 118

GucrvgnlCQ c0 Theory of Dialogue in Context of Contemporary Communicative Investigations 124

Wt|j c 'C0X0 'Uhxqt vqxc 'X0X0 Time, Sleep and Death in Pelevin’s “Sleep” and Its English Translation: Ways of Interpreting Realia, Allusions and Time Movement 129

Fqt|j kgxc 'F0v0 The Specificity and Perspectives of Development of Functional Stylistics in Domestic and Foreign Linguistics 140

Rqpqo ctgpnq 'G0P0 Half sonnets of a Half American (Septet in Golovaton G.V. Strophic Repertoire) 146

Nqlm'0 . Bulgakov on the Stage of Slovenian Theaters 152

Vj g'ZKKRqur gnqxu'T gcf lpi u00 cvgt km'qhl'vj g'E qphgt gpeg

Dgrf c gxc 'K0C0 Russian Classic Novel as “the contemplation of the universe”: the Origins of the Not-Novel Genre..... 161

Xqrqf kpc 'P0X0 “Teleology” as a Philosophical and Aesthetic, Historical and Literary Category..... 172

Hgf qvqxc 'R0C0 Landscape: Painting and Literature 182

ZZKKK **Uwvf gpv.'Rqui t cf we vg'cpf 'l qwpi 'Uelgpvlw**
E qphgt gpeg'ëNqo qpquqxì 0Rj kqmi {

Mct cr gu'XX0 The Ways of Translation into Russian of the Combination
 “semicolon et” (G. Flaubert’s Novel “Madame Bovary”) 188

Mqej gti cp'CO0 The Linguistic Analysis of Pragmatic Strategies
 of Advertising Discourse (Advertisements in English
 and American Magazines)..... 193

Ok xqf c'VCO Poetics of Horror in Internet-Folklore 199

Rtqi t co u

Xqrquj kpc'QCO The Program is an Academic Discipline
 “History of Linguistic Studies” 208

F go gpwqxc'QQ n0 The Program is an Academic Discipline
 “The Syntax of the Russian Language as a Foreign Language” 229

P gungt unc {c'NCO'Xkpqi t cf qxc'GPO The Academic Subject Curriculum
 “Lexicology in a Framework
 of Teaching Russian as a Foreign Language” 242

Dkdkqi t cr j {

Xqt qrc gx'XCO The Bibliography of N.V. Gogol’s Works and Literature
 about Him in Russian (2005–2006) 260

Et kls wg0Dkdkqi t cr j {

Wo p {ci kp'XX0'rt kgi n0 The Book Series «Memories of Solovki Prisoners»
 (1923–1939). The Fourth Volume 323

Kp'O go qt ko

F go gpwqxc'QQ n0 Lydia Vladislavovna Ershova (1955–2016) 328

Статъи

Articles

Гносеология 'С0Клычкова' и 'НОКлюева' *3; 4263; 52/е'тг0+

Аннотация: Мировоззренческие искания Клычкова и Клюева в 1920–1930-е гг. существенно различаются, но в их творчестве мы видим общие философские, религиозные, этические приоритеты. В их теологии очевидны вопросы о духовной и плотской природе Бога-Отца и Бога-Сына. Остро поставлен вопрос о богооставленности. Высказана гностическая версия сотворения мира с участием Князя мира. В 1920–1930-е гг. актуализировался вопрос о смысле присутствия Князя мира в жизни человечества; высказаны мысли, отвечающие апокатастасии Оригена Александрийского.

Тема зла в их произведениях решается как апостасия. Оба описывают бессилие человека перед плотскими и сектантскими искушениями. Масштабы зла в романах Клычкова и поэзии Клюева коррелируют со словами ап. Иоанна «весь мир лежит во зле». Причины порчи человека они видят не только в социальном сломе русской жизни XX в., но и в изначальной природе твари. Среди проявлений отступничества – безверие, экологическая катастрофа. Их теодицея перекликается с воззрениями С. Булгакова, Н. Лосского, Е. Трубецкого. Решался и вопрос об искуплении, в том числе кровью, что соотносится с библейскими мотивами.

Клюев и Клычков – космисты, их взгляды на мироустройство близки идеям Г. Лютце, Я. Бёме, а также русских философов-космистов. Развита концепция целостности и идентичности верхнего и нижнего миров.

Ключевые слова: апостасия, Есенин, Клычков, Клюев, Ориген Александрийский, теодицея, Хильдегарда Бингенская, Хармс

Сдана в печать. The spiritual quest of Klychkov and Klyuev have significant differences in 1920–1930, but we see a common philosophical, religious, ethical priorities in their works. In their theology the evident question is about the spiritual and the carnal nature of God the Father and God the Son. Actual question is the abandonment by God. There was expressed gnostic version of the creation of the world with the participation of the Prince of peace. Also there was actualized the question about the Prince of peace in human life as apocatastasis of Origen of Alexandria.

The theme of evil in their works is solved as apostasia. Both describe the powerlessness of man before the carnal and sectarian temptations. The magnitude of evil in the novels of Klychkov and poetry Klyuev correlate with the words of the apostle John “the whole world lieth in wickedness”. They see the causes of person’s damage not only in social scrapping of Russian life of the 19 c., but in the original nature of the man. Among the manifestations

of apostasy – unbelief, ecological disaster. Their theodicy is correlated with the views of S. Bulgakov, N. Lossky, E. Trubetskoy. There was a question about the atonement through the blood that correlates with biblical motifs.

Klychkov and Kliuev – *equo kmi*, their views on the world are similar to the ideas of G. Lotze, J. Boehme and the Russian philosophers-cosmists. They developed the concept of integrity and identity of the upper and lower worlds.

Mg{ 'y qtf u 'apostasy, Yesenin, Klychkov, Klyuev, Origen of Alexandria, theodicy, Hildegard of Bingen, Harms

Творческая интеллигенция начала XX в. была готова соизмерять свои эстетические ценности с ценностями «народа-художника». Как сказано в главе «Мечты о народе-художнике» сочинения Вяч. Иванова «О веселом ремесле и умном веселии» (1907), «искусство идет навстречу народной душе», потому путь поэзии «к всечеловечности вселенской – народность», язык поэзии «прорастает из подпочвенных корней народного слова, чтобы загудеть голосистым лесом всеславянского слова», индивидуализм – «отвлеченное понятие», приоритетны «Хор, Миф и Действо»¹. Он же высказал такую аксиому: нельзя организовывать народную душу и ее творческую жизнь, «школить» мифологическое мирозерцание, религиозный почин, как нельзя в борьбе с государственной церковью «бороться против веры вообще»². Художественное и религиозное мирозерцание новокрестьянских писателей никто и не «школил» – они сами прислушивались к новым эстетическим и идеологическим веяниям: С. Есенин, Н. Клюев, А. Ганин, П. Орешин – к скифству, Клюев – к голгофскому христианству и акмеизму, С. Клычков – к символизму. Что-то перенимали, по-своему интерпретировали, что-то отвергли и расставались со «школой», создавали свой язык и свою концептосферу. Как сказал Клюев: «Мужицкой верой беспоповской / Мой дух в апостольник обряжен! – / Ни лунной, ни ученой пряжей / Его вовек не замережить!..»³ («Песнь о великой матери», между 1929 и 1934). К 1920-м гг. их воззрения были свободны от современной революционно-мистической мифологии. В новокрестьянах мы видим индивидуальное переживание далеко не всегда разрешенных в истории человеческой мысли, в современной им философии и литературе проблем бытия. Вопрос о путях зла не сводился ими только к политической ситуации, трагедии богооставленности или апостасии рассматривались в контексте вечных интеллектуальных и религиозных исканий, земная жизнь осмыслялась как космологическая данность.

Мы наблюдаем и освобождение от собственных сектантских искушений: у Клюева и П. Карпова это хлыстовство, у Есенина и Клычкова – аггелизм. Всё более проявляла себя родовая вера. Прежде всего это касается старообрядца поморского толка Клюева и старообрядца австрийского толка Клычкова. Поморская Церковь берет начало от Выговского монастыря – мощного духовного центра XVII в., в XX в. это беспоповское согласие было самым многочисленным. История австрийского согласия несколько сложнее: в правление Алексея Михайловича

¹ Иванов Вяч. Народное и вселенское / Сост., вступ. ст., примеч. В.М. Толмачева. М.: Республика, 1994. С. 70, 71.

² Там же. С. 71.

³ Клюев "НО Сердце Единорога / Предисл. Н.Н. Скатова; вступ. ст. А.И. Михайлова; сост., примеч. В.П. Гарнина. СПб.: РХГИ, 1999. С. 806. Здесь и далее поэтические тексты Клюева цит. по данному изданию, номера страниц указаны в скобках.

ча, Софьи и Петра Первого старообрядцы обосновались в Молдавии, в XVIII в. земли их расселения отошли к Австрии, но их вероисповеданию была дана свобода, их общины разрослись и появились в России.

В 1920–1930-е гг. в познании миропорядка Клюевым в большей мере сказались религиозный и интеллектуальный опыт, для Клычкова основами познаваемости бытия в большей мере стали интуиция, нравственные константы. Клюев уверен в спасении русского мира, «никогда не сомневается в конечной Божией справедливости»¹, как верно отмечает М. Никё. В Клычкове сильнее экзистенциальное мироощущение, ему знакомо чувство богооставленности; зимой 1930–1931 г. родились строки: «Не мечтай о светлом чуде: / Воскресения не будет! // Ночь пришла, погаснул свет... / Мир исчезнул... мира нет...»². В религиозном сознании Клюева были аффект, вдохновение, старообрядческая, а в раннюю пору и сектантская, бескомпромиссность. Религиозное чувство Клычкова глубоко личное, непретенциозное. В Клюеве была апостольская сила, он воспринимал себя участником Божьего замысла, ему являлись видения, он видел пророческие сны. Клычков в отношении к миру интимен. Клюеву и в позднюю пору свойственны утопические представления о крестьянском бытии; согласимся с Р. Врооном: «В его двух поэмах – “Заозерье” и “Погорельщина” – черты старообрядческого этоса окрашивают картину крестьянской утопии»³. Клычков не был утопистом; более того, в его романах крестьянской утопии об идеальном Сорочьем царстве противопоставлена реальность умирающей крестьянской ойкумены. При названных и не названных нами различиях гносеология того и другого содержит специфику крестьянских представлений о Боге и космосе, характеризует мировоззренческие приоритеты интеллигенции, вышедшей из крестьянских пластов народной жизни. Отметим, что сами они никогда не называли себя новокрестьянскими писателями, осознавали себя выразителями веками сложившегося крестьянского этоса.

Во-первых, они верующие. В их теологии вызрели вопросы: Бог-Отец органичен? Он есть дух? Он – и плоть, и дух? Бог-Сын в большей мере плоть или дух? В текстах Клюева натуралистической образности в восприятии Иисуса Христа предостаточно. Вот лишь одно его высказывание 1922 г. по поводу творящей мощи Господа: «Мой Христос не похож на Христа Андрея Белого. Если Христос только монада, гиацинт, преломляющий мир и тем самым творящий его в прозрачности, только лилия, самодовлеющая в белизне, и если жизнь – то жизнь пляшущего кристалла, то для меня Христос – вечная неиссякаемая удойная сила, член, рассекающий миры во влагалище, и в нашем мире прорезавшийся залупкой – вещественным солнцем, золотым семенем непрерывно оплодотворяющий корову и бабу, пихту и пчелу, мир воздушный и преисподний – огненный»⁴. Возможно, в таком умонастроении следует искать генезис эпатажного цикла «Спас» (между 1916 и 1918), поэмы «Мать-Суббота» (<1922>) и др. Возможно, отсюда

¹ Никё"МОТеодицея у Н. Клюева и С. Клычкова // XXI век на пути к Клюеву / Сост. Е.И. Маркова. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2006. С. 83.

² Клычков"СОИОСобр. соч.: В 2 т. / Вступ. ст. Н.М. Солнцевой, сост. и коммент. М. Никё, Н.М. Солнцевой, С.И. Субботина при участии Г. Маквея. Т. 1. М.: Эллис Лак, 2000. С. 247. Далее поэтические тесты Клычкова цит. по данному изданию, номера страниц указаны в скобках.

³ Вроон"РОС"Старообрядчество, сектантство и «сакральная речь» в поэзии Николая Клюева // Николай Клюев: исследования и материалы. М.: Наследие, 1997. С. 63.

⁴ Клюев"НО"Словесное древо. Проза / Вступ. ст. А.И. Михайлова; сост., примеч. В.П. Гарнина. СПб.: Росток, 2003. С. 53.

или от собственного витализма проистекают натуралистические коннотации есенинских образов вроде «Небо словно вымя, / Звезды как сосцы / Пухнет Божье имя / В животе овцы»¹.

Для Клычкова Бог – «безбородый, потому бороде негде на нем поместиться, ибо он есть высшая плоть, плоть плоти, сиречь речь говорится: нескончаемый дух!.. Только всего этого человек хорошо не может понять»². Полагаем, в строках Клычкова скрыта полемика с Есениным: в «Железном Миргороде» (1923) Саваоф – «дед с бородой»³, что было сказано с вызовом. Например, этот же образ «деда с бородой» у Д. Хармса был согрет детской впечатлительностью и не содержал ничего оскорбительного:

«– Каким вы представляете Бога? – спросил меня однажды Даниил Иванович. – Стариком Саваофом, каким его изображают под куполом Церкви? С бородой?

– В детстве – да, представлял таким.

– А я и сейчас именно таким. Краснолицым, с белой пушистой бородой»⁴.

К слову, Хармсу был очень интересен Клюев. Очевидно, не только как творец своего стиля, но и как религиозный мыслитель.

Клычков знал об учении Оригена Александрийского, размышлял над его сентенциями, потому не лишним будет обратиться к точке зрения Оригена, так сформулированной Вл. Соловьевым: Иисус Христос рожден прежде всякого творения, служил Отцу при создании мира, в последние дни стал человеком, не переставая быть Богом, воспринял вещественное тело, родившись от Девы и Духа Святого, страдал, умер, воскрес. По словам Соловьева, «в учении о Боге Ориген настаивает особенно на бестелесности Божества, доказывая (против антропоморфитов), что Бог есть “свет” не для глаз, а только для ума, Им просвещаемого»⁵. Антропоморфиты (IV в.), апеллируя к антропоморфным образам ветхозаветного «Бытия», полагали, что у Бога есть человекоподобное тело, есть сходные с человеческими чувства. Не касаясь спора оригенистов и антропоморфитов, отметим, что Клычкову ближе взгляды Оригена, а строки в его лирике 1930-х гг. «Пусть старый Бог живет на небеси, / Как вечный мельник у плотины...» (255) совсем о другом – о подобии микро- и макрокосма.

Отметим также, что и в гносеологии Клюева утверждалась – особенно в позднюю пору – идея Богочеловека: «Читал я Кантову “Kritik der reinen Vernunft” (“Критику чистого разума”). Ум глубокий, плодоносящий. Не то что Фойербах (так он произнес). Для него, дурнобашкового, Христос не Богочеловек, а человеко-бог. Мелок немец»⁶. В маленьких поэмах Есенина Христос слишком человек, но эта коннотация появилась от очень личной любви к Нему поэта, потому в его «Или, Или, лама савахфани, / Отпусти в закат» (158) («Илú, Илú, ламá савахфанú» – «Боже Мой, Боже Мой! Для чего ты Меня оставил?» [Мтф. 15: 34]) мы

¹ Сергей Есенин в стихах и жизни: Стихотворения 1910–1925 / Вступ. ст., сост. Н.И. Шубниковой-Гусевой. М.: Республика, 1995. С. 138. Далее цитаты поэтических текстов Есенина даны по этому изданию, в скобках указаны номера страниц.

² Клычков "СО" Чертухинский балакирь // Клычков С.А. Собр. соч.: В 2 т. Т. 2. М., 2000. С. 78.

³ Сергей Есенин в стихах и жизни: Поэмы 1912–1925. Проза 1915–1925 / Сост. Н.И. Шубниковой-Гусевой. М.: Республика, 1995. С. 246.

⁴ Пантелеев "ЛО" Верую... : Последние повести. Л.: Советский писатель, 1991. С. 43.

⁵ Соловьев "ВЛО" Философский словарь / Сост. Г.В. Беляев. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. С. 336.

⁶ Липкин "СПО" В Овражном переулке и на Тверском бульваре // Николай Клюев: Воспоминания современников / Сост. П.Е. Поберезкина, вступ. ст. Л.А. Киселевой, коммент. Л.А. Киселевой при участии Т.А. Кравченко, М. Никё, С.И. Субботина. М.: Прогресс-Плеяда, 2010. С. 581–582.

слышим лиризм пронзительный по сравнению, например, с эпической корректностью ахматовской строки «Отцу сказал: “Почто меня оставил”»¹.

Остро был поставлен вопрос о богооставленности. Герои романов Клычкова сетуют на то, что Бог их оставил, потому жизнь их нескладная и в родной стороне нет пресветлого Иордана. В «Погорельщине» (1928) Клюева рассказано об исходе святых: Егорий, св. Георгий-змееборец, уходит с иконы, оставляя крестьянский мир со змеем, а Микола, св. Николай Угодник, не откликается на просьбу крестьян о помощи. В «Песни о великой матери» «Никола наг, Егорий пеший / Стоят у китежских ворот!» (779). В одном из снов Клюева начала 1920-х гг. описывается, как от берега отчаливает «огромный пароход со многими ярусами, и на каждом ярусе стоят в старинных одеждах рядами русские подвижники, мученики, святые – каждый на своем ярусе. Здесь же и преподобные, и великомученики, и блаженные, и юродивые – по своим ярусам. На мачте – хоругвь с изображением Нерукотворного Спаса», только «одна Владычица осталась на земле в образе странницы»².

Однако ни у Клычкова, ни у Клюева нет недоумения по поводу такой обреченности русских людей на онтологическую незащищенность. Мы не встречаем в их произведениях упрека Богу или святым угодникам. Причину катастрофы оба видят в порче человека, его слабости перед плотскими и мыслительными искушениями. Клюев в лирике, в поэмах описал масштабы зла. Например, в «Песни о великой матери»: «Я вижу белую Москву / Простоволосою гуленой, / Ее малиновые звоны / Родят чудовищ наяву, / И чудотворные иконы / Не опаляют татарву! / Безбожие свиной хребет / О звезды утренние чешет, / И в зыбуны косматый леший / Народ развенчанный ведет» (779). И апостасия «развенчанного» народа, как это описано Клюевым, и грехолюбивая душа человека, показанная в романах Клычкова, – источники зла. Вряд ли Клычков, автор романа «Князь мира» (1927), знал о существовании романа Р.Х. Бенсона «Князь мира сего» («The Lord of The World», 1907), в котором победа антихриста – это победа социализма. Он прежде всего обратился к природе человека, попустившего власть дьявола над крестьянским миром.

Как ап. Иоанн сказал в первом послании, «весь мир лежит во зле» (5: 19). В словах Клычкова из дневников П. Журова, сказанных по поводу «Князя мира», есть явное обращение к словам ап. Иоанна: «...никто, как сам народ, не чувствовал, что мир во зле лежит, облеплен злом <...>. Покажи мне в русской жизни человека, перешагнувшего через зло»³. Его поздняя лирика – о том, что «давно не смотрит Спас с божницы, / И свет лампад давно погас» (252), что «черт сидит и рыбку удит / В мутном омуте души» (256). Клычков описал соблазны мирян и церковных служителей. Крестьяне трудолюбивы, терпеливы, они правдоискатели, их сознание поэтично, но они жестоки, впадают в пьянство, суеверие, их нищета порождает корысть. Еще в 1912 г. он писал Журову: «Волен человек русский и провалился в свою волю, как медведь в яму, – широка русская душа, и... подавилась своей шириной, как собака костью!»⁴. Среди новообрядцев – персонажей романов Клычкова – есть батюшки, слабые до женского пола и жадные до денег,

¹ Ахматова "А0Реквием // Ахматова А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3 / Сост., коммент., ст. С.А. Коваленко. М.: Эллис Лак, 1998. С. 28.

² Клюев "НОСловесное древо. С. 96.

³ РГАЛИ. Ф. 2862, оп. 1, ед. хр. 23.

⁴ Журов "ПЧ0Две встречи с молодым Клычковым // Русская литература. 1971. № 2. С. 152.

дьякон пропил водосвятный крест и верит в боженят, но и старообрядцы отступают от веры. Здесь нам лучше обратиться за разъяснением к специалисту. Как пишет о. Владимир (Чугунов): Клычков «застал <...> уже головешки этого некогда “огненного старообрядчества”. И все-таки можно вполне утверждать, что, пожалуй, оно одно почти до самой революции не утратило “живого интереса” к путям спасения. В чем угодно можно упрекнуть старообрядцев, только не в “тепло-хладности”, в которой пребывало тогда официальное православие. Канонически верно изложенное и охраняемое от еретических поползновений православие в итоге породило массовое безразличие в среде верующего русского народа»¹.

Порчу человеческой породы Клычков понимал как изначальную данность: «А все оттого, что человек, переставши быть зверем, сам стал больше, чем волк или медведь, на дикого зверя похож»². Однако апостасию соотносили и с современностью. В «Погорельщине» говорится о крестьянах из прошлой России, но в них во время голода просыпается такой дикий зверь: «Сосед освеживал мальчонка / И серой солью посолил / Вдоль птичьих ребрышек и жил. / Старуха же с бревна под балкой / Замыла кровушку мочалкой, / Опосле, как лиса в капкане, / Излилась лаем на чулане» (687). Признавая невозвратность ушедшего крестьянского менталитета, они писали о людях, сформировавшихся в условиях новой идеологии. Клычков в «Чертухинском балакире» (1926) забвение прежнего бытия соотнес с большевиками. В «Песни о великой матери» Клюева есть строки: «Молитва, милостыня, ласка, / В повойнике парчовой сказка / И песня про снежки пушисты, / Что ненавидят коммунисты!» (810). Там же появляется образ комсомолки: «Окно же с девичьей иголкой / Запыхало комсомолкой, / Кумачным смехом и махрой / Над гробом матери родной» (811), что коррелирует с есенинскими строками из «Возвращения на родину» (1924): «“Да!.. Время!.. / Ты не коммунист?” “Нет!..” / “А сестры стали комсомолки. / Такая гадость! Просто удавись. / Вчера иконы выбросили с полки, / На церкви комиссар снял крест”» (237). Сравним с элегической коннотацией этой же темы у Г. Иванова: с одной стороны, «А мы – Леонтьева и Тютчева / Сумбурные ученики – / Мы никогда не знали лучшего, чем праздной жизни пустяки», с другой – «И голубые комсомолочки, / Визжа, купаются в Крыму»³ («Свободен путь под Фермопилами...», изд. 1957).

Отступничество видели и в экологической катастрофе. Как писал Клюев: «Антихрист близок! Гибель, гибель / Лесам, озерам, птице, рыбе!..» (786). В «Чертухинском балакире» предрекаются скорые времена, когда человек уничтожит лесных зверей, выморит рыбу, переловит птиц, срежет все деревья и земля станет похожей на голую бабью коленку – вот тогда рогатый вместо души приделает человеку гайку.

Так новокрестьяне разрешали экзистенциальный вопрос о богооправдании – о теодицее. «Так холодно в людском жилье / На Богом проклятой земле!..» (810) – говорит Клюев, но трагедию бытия объясняет отступничеством человека. Только так Клычков и мог объяснить целесообразность зла. Крестьянская теодицея, в принципе, не отличалась от теодицеи высокой философии.

Е.Н. Трубецкой в первый пореволюционный год («Смысл жизни», 1918) задается вопросом: зло Богу нужно? Смысл жизни – в подчинении предустановлен-

¹ См.: *о. Владимир Чугунов* Открытое исповедничество Сергея Антоновича Клычкова // Сергей Антонович Клычков: Исследования и материалы / Ред.-сост. Е.В. Дьячкова. М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2001. С. 24.

² *Клычков* *СО* Чертухинский балакирь. С. 85.

³ *Иванов* *ТО* Собр. соч.: В 3 т. / Сост. Е.В. Витковский; коммент. Г.И. Мосешвили. Т. 1. М.: Согласие, 1994. С. 387.

ному не биологией, но Богом порядке. Есть биологическая непрерывность продолжения рода за счет смерти индивидуумов и пожирания друг друга. Метафора такого порядка вещей – гусеница-шелкопряд: «Куколки, бабочки, черви, куколки, бабочки, черви и так далее до бесконечности», и в этой «дурной» бесконечности «вращается на земле всякая жизнь»¹. Но удовлетворяет мыслящего и верующего человека биологическая заданность? Нет, «вместо того чтобы быть “оправданием” Бога, такая теодицея есть тяжкое против него обвинение, ибо она представляет Его жестоким мучителем, для которого страдания твари служат предметом эстетического наслаждения»². Бог не виновник зла, «единственной виновницей его является греховная и злая воля твари», которой дана свобода выбора. Свобода выбора между добром и злом – условие дружества между Богом и тварью, так как тварь несвободная другом быть не может. В таком дружестве – «предвечный замысел Бога о твари», но «вся наша действительность находится в полном противоречии с этим замыслом, <...> мы не хотим быть Богу друзьями»³. Н. Лосский, вслед за Ф.М. Достоевским, ставит вопрос о том, «как мог всемогущий и всеблагий Бог сотворить наш мир, столь глубоко пронизанный всевозможными видами зла»⁴, и пишет об ответственности человека: «Итак, человек – существо свободное; ничто не вынуждает его совершать дурные поступки; если человек отклоняется от пути добра и вступает на путь зла, он страдает и не имеет права сваливать вину на других, на среду или на Бога, будто бы плохо сотворившего мир»⁵. Антроподицея и теодицея в разрешении проблемы свободы – тема и Н. Бердяева («Мирозерцание Достоевского», 1923).

Не мог не возникнуть вопрос об искуплении. Согласно идее Лосского, источник зла – в недостатке любви, потому «страдание есть заслуженное человеком наказание, ведущее к очищению его души»⁶. Скорее всего, так неодолимую силу зла, его присутствие в жизни человека и общества объяснял Клычков во второй половине 1920-х и в 1930-е гг. Более того, он искал высший смысл трагических кончин и Есенина, и Маяковского и записал в дневнике свою мысль о самоубийстве как очищении кровью. Необъяснимо для нас она соотносится со строками из «Войны и мира» (1915–1916) Маяковского: «И стало невыносимо ясно: / если не собрать людей пучками рот, / не взять и не взрезать людям вены – / зараженная земля / сама умрет – / сдохнут Парижи, / Берлины, / Вены!»⁷ Возможно, Клычков на свое время спроецировал библейскую идею. Если в «Исходе» говорится о крови очистительной жертвы за грехи из рода в род (30: 10), то в Новом Завете речь уже шла об искупительной крови Иисуса. В Послании к Евреям апостол Павел говорил о том, что Христос пришел «не с кровью козлов и тельцов, но со Своею Кровию», она «очистит совесть нашу от мертвых дел» (9: 12, 14). Он говорил об очищении кровью как установленном порядке: «Да и все почти по закону очищаются кровью, и без пролития крови не бывает прощения» (9: 22). Эту же универсалию мы предполагаем в высказывании Клюева 1922 г.: «Человек-пахарь, немногим умаленный от ангелов, искупит ржавую кровью мир»⁸.

¹ *Трубецкой* "ЕОСмысл жизни. М.: Изд-во АСТ, 2003. С. 40, 41.

² Там же. С. 154.

³ Там же. С. 155, 156.

⁴ *Лосский* "НООМиропонимание Достоевского // Лосский Н.О. Бог и мировое зло / Сост. А.П. Поляков, П.В. Алексеев, А.А. Яковлев. М.: Республика, 1994. С. 110, 111.

⁵ Там же. С. 111.

⁶ Там же. С. 113.

⁷ *Маяковский* "ВОСоч.: В 3 т. / Примеч. Ф. Пицкель. Т. 3. М.: Худож. лит., 1967. С. 43.

⁸ *Клюев* "НОСловесное древо. С. 51.

Еще более острый вопрос в гносеологии новокрестьян – целесообразность Князя мира, рогатого. В прозе Клычкова персонаж развивает гностическую версию сотворения мира. Во-первых, Бог создал несовершенный мир, доделывал его черт. Во-вторых, черти сосуществуют с человеком извечно и живут в крестьянском доме. Вспоминается картина Я. Йорданса «Сатир в крестьянском доме» (после 1620). Кроме того, в самом человеке есть дьявольская суть, что описано в романах Клычкова и созвучно классическим философиям. Например, Клюев читал сочинения Я. Бёме, а одна из сентенций Бёме: «Вот почему человек носит с собою здесь, на земле, в своем теле вечную обитель дьявола»¹.

Отношение Клюева и Клычкова к дьявольским силам менялось. Откуда могло возникнуть намерение Есенина и Клычкова в первое пореволюционное время создать некий аггелизм? Аггел – падший ангел, злой дух, слуга сатаны. Клычков – старообрядец, Есенин увлечен старообрядчеством – и вдруг аггелизм. Даже лирическая героиня М. Цветаевой не допускала аггелов в свою жизнь: «Перед Саулом-Царем кичась, / Не заиграться б с аггелами!», «Перед Саулом-Царем играв, / С аггелами не игрывала!»² («Лютня», 1923). Откуда в «Песни Солнценосца» (<1917>) Клюева желание пригласить к обновлению страны и их? «На каменный зык отзовутся миры, / И демоны выйдут из адской норы», «О демоны-братья, отпейте и вы / Громовых сердец, поцелуйной молвы!» (363, 364). Возможно, от него и пришел этот аггелизм. Революцию новокрестьяне приняли религиозно и утопию всеобщего братства перенесли на аггелов. Эта идея не была случайной, и помимо религиозно-революционного экстаза эта мысль явно была обращена к древним ересям – к учению Оригена Александрийского и Григория Нисского об апокатастасисе: по благой воле Бога падшие ангелы будут прощены и восстановлены в первичный ангельский чин, претерпев очистительные адовы муки. Таким образом, демоны и дьявол воссоединятся с Богом. Рецепцию апокатастасиса, но как воли человека, мы видим в утверждении Клюева 1922 г.: «Ходатай за сатану, сотворивший хлеб из глыбы земной, пахарь целует в уста древнего Змия и вводит в субботу серафима и дьявола, обручая их перстнем бесконечного прощения...»³.

Однако в позднем творчестве Клычкова и Клюева нет и намек на апокатастасис – на восстановление демонов в прежней ангельской природе. Романы Клычкова пронизаны темой убийственного для человеческого рода Князя мира. Разместившиеся в лампадном масле черти смущали сознание верующих, очажный бес довел солдатку до самоубийства, демон в образе сахарного немца подтолкнул зауряд-прапорщика – крестьянина с нежной, заячьей душой – к ненужному убийству, черт укатал петроградскую землю, присвоил себе лик уважаемого односельчанами старца и сожительствовал с его женой, искушал крестьянский мир неразменным рублем и проч. Позднее высказывание Клычкова «Ориген был великий мыслитель. Он учил, что Господь Бог в веках простит и спасет ангела зла: сатану»⁴ говорит о воле Бога, но никак не об оправдании существования сатаны, или признании в нем брата, или личном прощении. Клычков, в отличие от раннего Клюева, всегда сохранял иерархию Творца и твари, знал пределы дозволенного

¹ Бёме "Я0Аврора, или Утренняя заря в восхождении / Пер. с нем. А. Петровского, вступ. ст. Д.Я. Калугина. СПб.: Азбука, 2000. С. 318.

² Цветаева "МОКниги стихов / Сост., коммент., ст. Т.А. Горьковой. М.: Эллис Лак, 2006. С. 589, 590."

³ Клюев "НОСловесное древо. С. 51.

⁴ Сергей Клычков: переписка, сочинения, материалы к биографии / Публ., сост. Н.В. Клычковой; вступ. ст., коммент. С.И. Субботина // Новый мир. 1989. № 9. С. 204.

человеку познания. Более того, в этих словах мы слышим растерянность человека, подвергнутого жесткому остракизму со стороны идеологов.

Вся «Погорельщина» Клюева – об уничтожении дьяволом старообрядческого мира, сон «Мертвая голова» (1922) – о демонах-мясниках, торгующих человечинной, цикл «Разруха» (<1934>) – о России, превратившейся «от Лаче-озера до Выга» в «кочевья леших и чертей» (624), о пьяном от крови сатане, который «по первопутку бед, сарыней, / И над кремлевскою святыней, / Дрожа успенского креста, / К жилью зловещего кота / Клубит метельную кибитку» (630). Обличие черта омерзительно: «И, подвязав воловий хвост, / На верезг мерзостной свирели / По-вылез черт из адской щели – / Он весь мозоль, парха и гной, / В багровом саване, змеей / По смрадным бедрам опоясан...» (359–360).

Пора Тамбовского и других крестьянских восстаний прошла. Клычков в 1930 г. считал, что подвиг, жертва, борьба и невозможны, и бессмысленны, нужно всем народом молиться об умягчении сердец власть предержащих. Он показал бессилие человека перед злом. Клюев тоже описал смирение поморских крестьян перед нашествием Змия. Их сюжеты, будь они мистического или исторического смысла, содержали аллюзию на современность. Вот дневниковая запись М. Волошина от 28 июня 1931: «И невольно преклоняешься перед тем великолепным смирением, которое теперь часто видишь у раскулаченных крестьян»¹. Можно говорить о физическом, психическом смирении, но не мировоззренческом, о чем, на наш взгляд, говорит мучительный поиск Клычковым высшего, мистического оправдания зла. Да и Волошин в «Левиафане» (1915, 1924) принимает волю Бога, создавшего левиафана. Клюев же верил в победу над злом: «Но дивный Спас! Змею копытя, / За нас, пред ханом павших ниц, / Егорий вздыбят на граните / Наследье скифских кобылиц!» (779) Следует также иметь в виду поведение Клычкова и Клюева, чтобы понять пределы смирения и силу личного бесстрашия. Это же касается их творчества. Много создано «в стол» и составило фонд потаенной литературы. Отвечая на вопрос анкеты журнала «На литературном посту» (1931. № 20–21) «Какой нам нужен писатель?», Клычков высказался о роковом для современного писателя отсутствии сопротивления современности: писателю необходимо сохранять для себя запретную зону мыслей и чувств.

И Клюев, и Клычков – космисты. Если следовать положениям «Ключей Марии» (1918) Есенина, крестьяне, чья жизнь обращена к почве и космосу, чей труд зависит от неба, не могут не быть космистами. Они космисты и в религиозном смысле. По Есенину, «сдвиг» человечества к космосу неизбежен, и через распятие Христос вошел «в пространство от луны до солнца»². Приведем высказывание Клюева 1922 г. о поэме «Мать-Суббота» (<1922>): «Причащение Космическим Христом через видимый хлеб – сердце поэмы»³.

Космос – пространство, в котором существуют крестьяне Клычкова. Луна – не декоративный элемент пейзажа или маркер душевного состояния, что наиболее часто встречается в литературе («Высоко поднялся и белеет / Полумесяц в белых небесах»⁴ в «Рассвете» И. Бунина, 1900; «Луна плывет, как круглый щит / Давно убитого героя, / А сердце ноет и стучит, / Уныло чуя роковое»⁵ в «Одержимом»

¹ Волошин *МО* Собр. соч. / Общ. ред. В.П. Купченко и А.В. Лаврова. Т. 7. Кн. II. М., 2008. С. 192.

² Есенин *СО* Ключи Марии // Сергей Есенин в стихах и жизни: Поэмы 1912–1925. Проза 1915–1925. С. 273.

³ Клюев *НО* Сердце Единорога. С. 51.

⁴ Бунин *ИО* *О* Собр. соч.: В 8 т. Т. 1 / Сост., коммент. А.К. Бабореко. М.: Моск. рабочий, 1993. С. 73.

⁵ Гумилев *НО* Соч.: В 3 т. Т. 1 / Вступ. ст., сост, примеч. Н.А. Богомолова. М.: Худож. лит., 1991. С. 84.

Н. Гумилёва, 1908; «Из длинных трав встает луна / Щитом краснеющим героя»¹ в «Голосе скрипок» А. Блока, 1910; «Когда луна сверкнет во мгле ночной / Своим серпом, блистательным и нежным, / Моя душа стремится в мир иной, / Пленяясь всем высоким, всем безбрежным»² в «Лунном свете» К. Бальмонта, <1894> и т. д.). Космическая образность романов Клычкова близка поэтике космических ощущений в «Котике Летаеве» (1917–1918) А. Белого. Луна сосуществует с человеком. То большеротый месяц перегнулся через окоп и посмотрел на солдат, то луна – источник интуиций героев, то дьякон раздавил ее, как яичный желток, тележным колесом и т. д. Луна – живой организм, что соответствует точке зрения упомянутого выше Оригена: кроме человека, есть в этом мире и другие разумные существа – в солнце, луне, звездах. Метафоричность пейзажных образов Клычкова объясняется верой в живую суть космоса: «Вечер пройдет и обронит / Щит золотой у ворот» (159), «Да заря крылом разбитым, / Осыпая перья вниз, / Бьется по могильным плитам / Да по крышам изб...» (164) и др.

Клюев знал «Микрокосм» (1856–1864, русский перевод 1870) Г. Лотце, разъяснявшего смысл бытия целостностью мира и человека. Космизм Клюева лежит в основе его тропов и метафорических картин: «Солнце избу взнуздало / Бревенчатого жеребца: / Умчимся в эскуриалы, / В глагол мирового Отца» (483), «Невозмутимы луга тишины – / Пастбище тайн и овчинной луны. / Там небеса, как полати, теплы, / Овцы – олады, ковриги – вольты» (641), «Тучка повойником кроет поля» (643) и др. В основе тропов Клюева лежит и гилозоизм – «воззрение, оживотворяющее материальную природу»³ и, конечно, отвечающее идее всеединства мира. Кроме того, Клюев не мог не воспринять идеи Бёме о «всём теле сего мира»: «Всё тело сего мира подобно человеческому телу, ибо в самой внешней своей окружности его обрамляют звезды, или взошедшие силы природы; и в теле правят семь духов природы, а сердце природы – посреди них внутри»; или: «Каково происхождение и начало жизни в твари, таково и первое возрождение природы новой жизни в поврежденном теле сего мира»; или: «Теперь смотри: каково в человеке существо и происхождение мозга, таково же существо и происхождение планеты Юпитер»⁴. П. Бицилли, имея в виду сознание средневекового европейца, писал: «Микрокосм – человек – устроен совершенно наподобие макрокосма»⁵. Такие идеи в 1920–1930-е гг. выглядели архаично, но были актуализированы новокрестьянами.

Для Клычкова неоспоримы как целостность бытия, так и идеи отражения или подобия, идентичности верхнего и нижнего миров: «Высь звездная – не та же ль ряска тины, / А мы не шуки ли и караси?» (255). Если Хильдегарда Бингенская в сочинении «Познай пути» (1140-е) уподобляла вселенную яйцу, землю – яичному желтку, то и леший из «Чертухинского балакиря» втолковывал деревенскому балакирю истину о сохранном смысле яйца, которое бабы погружают в кадушку с рассолом. Он же уподоблял вселенную кадушке с рассолом без прокиса, месяц – тележному колесу. В наивности этих сентенций глубокий смысл. Как писал К. Победоносцев, «что просто, только то право»⁶. В подобии микро- и макрокосма заключен мировой

¹ Блок "АОСобр. соч.: В 8 т. Т. 3 / Общ. ред. В.Н. Орлова и др. М.; Л.: Худож. лит., 1960. С. 192.

² Бальмонт "КЦО Стихотворения / Вступ. ст., сост., примеч. В. Орлова. Л.: Советский писатель, 1969. С. 79.

³ Соловьев "ВлФ"Философский словарь. С. 87.

⁴ Бёме "ЯО"Аврора, или Утренняя заря в восхождении. С. 318, 384, 386.

⁵ Бицилли "ПМО"Элементы средневековой культуры. СПб.: Мифрил, 1995. С. 56.

⁶ Победоносцев "КЦПО"Болезни нашего времени // Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени / Сост. С.А. Ростуновой, вступ. ст. А.П. Ланщикова. М.: Русская книга, 1993. С. 85.

порядок. Эта же мысль была близка Хармсу, он писал в 1933 г.: если он делает сапог, ему «важно, чтобы был тот же порядок, что и во всем мире», потому что чистота порядка «одна и та же в солнце, траве, человеке и стихах»¹.

Концепция целостности и подобия миропорядка скорее всего более была развита в философии, чем в художественных текстах. Зачинатель космической биологии А.Л. Чижевский в 1922 г. сформулировал теорию гелиотерапии – зависимости нашей жизни от Солнца. На вопрос о возможности изучения живого организма вне космической среды он ответил отрицательно: «Нет, не можем, ибо живой организм не существует в отдельности, вне этой среды, и все его функции неразрывно связаны с нею <...>. Мощные взаимодействующие силы исходят из космического пространства. Солнце, Луна, планеты и бесконечное число небесных тел связаны с Землей невидимыми узами»². Космические вибрации человеческой природы показаны в «Сахарном немце» (1925) Клычкова: созерцание и сознание героя максимально зависимы от состояния луны. Мысль об общей крови в жилах вселенной, о человеке – ребенке космоса выражена и в лирике Чижевского. Советский микробиолог, антропокосмист того времени Н.Г. Холодный писал, что человек – одна из «органических составных частей» космоса, а антропокосмизм означает «постоянное ощущение человеком своей органической, неразрывной и действенной связи» с природой, космосом, «учит нас подходить к истории человечества с масштабами космической жизни»³.

В философии Л. Карсавина мы находим связанные друг с другом основы миропорядка: «Какое бы место в ряду тварей человек ни занимал, в нем создано всеединство тварей: и высших его, как ангелы Божии, и низших, как животные. Оттого всеединство и есть всеединство, что в каждом единстве его содержатся все единства, хотя это и не вполне еще обнаружилось. Ведь содержится же весь Бог в каждой твари, Бог, которого мудрецы называют кругом, центр коего – везде, а окружность – нигде»⁴. Итак, всеединство и круг. В «Ключах Марии» приведено фольклорное уподобление: солнце – колесо. Там же онтологический смысл древнерусского алфавита описан как выражение, во-первых, единства вселенной («человечество будет переключаться с земли не только с близкими ему по планетам спутниками, а со всем миром в его необъятности»⁵) и, во-вторых, универсального закона движения по принципу круга. Тело человека, по Есенину, «разделяется на два световых круга, где верхняя часть от пупа подлечит солнечному влиянию, а нижняя – лунному»; и далее: «колесо нашего мозга движет луна»⁶. Идея круга как движения вселенной высказана и лешим – персонажем Клычкова. И если аббатиса Хильдегарда Бингенская («Книга Божественных творений», 1163–1173) представляла макрокосм в виде круга, который держит в своих руках Природа – Божественная мудрость, то и леший объясняет балакирю: «В мире, Петр Кирилыч, все круглое <...>. Потому круглый месяц, круглое солнце, круглое колесо...

¹ Хармс "ДОО явлениях и существованиях / Сост. Д. Токарев. СПб.: Азбука, 1999. С. 356, 357.

² Чижевский "АПОЗемное эхо солнечных бурь // Русский космизм: Антология философской мысли / Сост. С.Г. Семёнова, А.Г. Гачева; вступ. ст. С.Г. Семёновой; предисл. к текстам С.Г. Семёновой, А.Г. Гачевой; примеч. А.Г. Гачевой. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 318–319.

³ Холодный "НГОМысли натуралиста о природе и человеке // Русский космизм: Антология философской мысли. С. 337, 343.

⁴ Карсавин "ЛОСалigia, или Восьма краткое и душеполезное размышление о Боге, мире, человеке, зле и семи смертных грехах // Карсавин Л. Noctes Petropolitanae. М.: Изд-во АСТ, 2004. С. 54.

⁵ Есенин "СОКлючи Марии. С. 269.

⁶ Там же. С. 272, 273.

у телеги, потому что телега иначе не стронется с места, а на то она и телега, как на то же и месяц, и солнце, чтоб не стоять на одном месте, а катиться и катиться по небу. Куда?.. Вот этого, брат, никто уж не знает, потому у этой дорожки нигде нету конца»¹.

Итак, центр представлений Клычкова и Клюева о мире – Бог, понимаемый религиозно и космологически. Мир всеедин, модели его устройства – идентичность, круг. Человек – часть космоса, но и слабое, подвластное злу создание Бога.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахматова*"А0Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. М.: Эллис Лак, 1998. 768 с.
- Бальмонт*"КД0Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1969. 712 с.
- Бёме*"Я0Аврора, или Утренняя заря в восхождении. СПб.: Азбука, 2000. 416 с.
- Бицилли*"ТМ0Элементы средневековой культуры. СПб.: Мифрил, 1995. 264 с.
- Блок*"А0Собр.соч.: В 8 т. Т. 3. М.; Л.: Худож. лит., 1960. 760 с.
- Бунин*"ИМ0Собр.соч.: В 8 т. Т. 1. М.: Моск. рабочий, 1993. 540 с.
- Волошин*"М0Собр.соч. Т. 7. Кн. II. М.: Эллис Лак, 2008. 768 с.
- Вроон*"Р0Старообрядчество, сектантство и «сакральная речь» в поэзии Николая Клюева // Николай Клюев: исследования и материалы. М.: Наследие, 1997. С. 21–53.
- Гумилев*"Н0Сочинения: В 3 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1991. 519 с.
- Журов*"ПМ0Две встречи с молодым Клычковым // Русская литература. 1971. № 2. С. 152–158.
- Иванов*"Вяч0Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. 428 с.
- Иванов*"Т0Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. М.: Согласие, 1994. 656 с.
- Карсавин*"Л0Noctes Petropolitanae. М.: Изд-во АСТ, 2004. 240 с.
- Клычков*"СМ0Собр. соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Эллис Лак, 2000. 544 с.; Т. 2. М.: Эллис Лак, 2000. 656 с.
- Клюев*"Н0Сердце Единорога. СПб.: РХГИ, 1999. 1072 с.
- Клюев*"Н0Словесное древо: Проза. СПб.: Росток, 2003. 688 с.
- Липкин*"СП0В Овражном переулке и на Тверском бульваре // Николай Клюев: Воспоминания современников. М.: Прогресс-Плеяда, 2010. С. 577–582.
- Лосский*"Н00Бог и мировое зло. М.: Республика, 1994. 432 с.
- Маяковский*"В0Сочинения: В 3 т. Т. 3. М.: Худож. лит., 1967. 560 с.
- Никё*"М0Теодицея у Н. Клюева и С. Клычкова // XXI век на пути к Клюеву. Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН, 2006. С. 81–86.
- Пантелеев*"Л0Верую... : Последние повести. Л.: Советский писатель, 1991. 416 с.
- Победоносцев*"КП0Великая ложь нашего времени. М.: Русская книга, 1993. 640 с.
- Русский космизм: Антология философской мысли. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 368 с.
- Сергей Есенин в стихах и жизни: Стихотворения 1910–1925. М.: Республика, 1995. 415 с.
- Сергей Есенин в стихах и жизни: Поэмы 1912–1925. Проза 1915–1925. М.: Республика, 1995. 398 с.

¹ *Клычков*"СМ0Чертухинский балакирь. С. 25.

Сергей Клычков: переписка, сочинения, материалы к биографии // Новый мир. 1989. № 9. С. 193–224.

Соловьев "Вл"Философский словарь. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 464 с.

Трубецкой "ЕОСмысл жизни. М.: Изд-во АСТ, 2003. 396 с.

Хармс "ДОО явлениях и существованиях. СПб.: Азбука, 1999. 384 с.

Цветаева "МОКниги стихов. М.: Эллис Лак, 2006. 896 с.

Чугунов "ВО Открытое исповедничество Сергея Антоновича Клычкова // Сергей Антонович Клычков: Исследования и материалы. М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2001. 528 с.

TGHGTGREGU

Akhmatova A. Collected Works: In 6 vols. Vol. 3. Moscow: Ellis Lak Publ. 1998. 768 p.

Balmont K. Poems. Leningrad: Sovetsky Pisatel Publ. 1969. 712 p.

Böhme Jakob. (2009) Die Morgenröte im Aufgang. Deutscher Klassiker Verlag im Taschenbuch. 1165 S.

Bitsilli P.M. (1995) Elements of the Medieval Culture. St.-Peterburg: Miphiril Publ. 264 p.

Blok A. Collected Works: In 8 vols. Vol. 3. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1960. 760 p.

Bunin I.A. Collected Works: In 8 vols. Vol. 1. Moscow: Moskovsky Rabochij Publ. 1993. 540 p.

Voloshin M. Works. Vol. 7. B. II. Moscow: Ellis Lak Publ. 2008. 768 p.

Vroon R. Old Believers, Sectarianism and "Sacred Speech" in the Poetry of Nikolai Klyuev In: Nikolai Klyuev: Studies and Materials. Moscow: Nasledie Publ. 1997, pp. 21–53.

Gumilev N. Works: In 3 vols. Vol. 1. M.: Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1991. 519 p.

Zhurov P.A. Two Meetings with Young Klychkov. *Труды Петрозаводского государственного университета* 1971. No 2, pp. 152–158.

Ivanov Vyach. (1994) Native and Universal. Moscow: Respublika Publ. 428 p.

Ivanov G. Collected Works: In 3 vols. Vol. 1. Moscow: Soglasie Publ. 1994. 656 p.

Karsavin L. (2004) Noctes Petropolitanae. Moscow: AST Publ. 240 p.

Klychkov S.A. Collected Works: In 2 vols. Moscow: Ellis Lak Publ. 2000. Vol. 1. 544 p.; Vol. 2. 656 p.

Klyuev N. (1999) Heart Of The Unicorn. St.-Peterburg. 1072 p.

Klyuev N. (2003) The Verbal Tree: Prose. St.-Peterburg: Rostock Publ. 688 p.

Lipkin S.P. In Ovrazhniy Side Street and Tverskaya Boulevard. In: Nikolai Klyuev: The Memoirs of Contemporaries. Moscow: Progress-Pleyada Publ. 2010, pp. 577–582.

Lossky N. (1994) God and World Evil. Moscow: Respublika Publ. 432 p.

Mayakovsky V. Works: In 3 vols. Vol. 3. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1967. 560 p.

Nike M. "Theodicy N. Klyuev and S. Klychkov . In: XXI century on the Way to Klyuev / Karelian Research Centre of RAS. Petrozavodsk. 2006, pp. 81–86.

Panteleev L. (1991) Believe... : The Last Story. Leningrad: Sovetsky Pisatel Publ. 416 p.

Pobedonostsev K.P. (1993) The Great Lie of Our Time. Moscow: Russkaya Kniga Publ. 640 p.

Russian Cosmism: Anthology of Philosophical Thought. Moscow: Pedagogika-Press. 1993. 368 p.

- Sergei Yesenin in poetry and life: Verses 1910–1925. M.: Republic, 1995. 415 p.
- Sergei Yesenin in Poetry and Life: Poems 1912–1925. Prose 1015–1925. Moscow: Republic Publ. 1955. 398 p.
- Sergei Klychkov: Correspondence, Writings, Biographical Materials. *Рqx{l"Oκ*. 1989. No 9, pp. 193–224.
- Solovyov Vl. (1997) The Philosophical Dictionary. Rostov-na-Donu: Fenix Publ. 464 p.
- Trubetskoy E. (2003) The Meaning of Life. Moscow AST. 2003. 396 p.
- Harms D. (1999) About Phenomenons and Existences. St.-Peterburg: Azbuka Publ. 384 p.
- Tsvetaeva M. (2006) Book of Poems. Moscow: Ellis Lak Publ. 896 p.
- Chugunov V. Public Confession of Faith Sergei Antonovich Klychkov. In: Sergey A. Klychkov: Studies and Materials. M.: Publishing House of A.M. Gorky Literary Institute. 2001. 528 p.

Сведения об авторе:
Наталья Михайловна Солнцева,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Natalia M. Solntseva,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
natashasolnceva@yandex.ru

А.А. Коростелева

Семантика жеста *махнуть рукой* в русском языке

Аннотация: В статье представлен образец применения метода семантического коммуникативного анализа, разработанного для вербальных единиц, к кинесическим средствам языка (поза, мимика, жест). Вводятся понятия кинемы, кинесической конструкции, предлагается разделение кинем языка на коммуникативные и номинативные. На примере жеста *махнуть рукой* показана работа инвариантного семантического параметра жестовой единицы и взаимодействие кинесических и вербальных средств в составе коммуникативной конструкции.

Ключевые слова: коммуникативная семантика, русский звучащий диалог, кинесические средства языка

Abstract: The article presents an example of applying the method of semantic communicative analysis, designed for verbal units, to the kinesic units such as posture, facial expression, gesture. It introduces the concepts of kinema and kinesic structure. It suggests to divide language kinemas into communicative and nominative ones. On the example of a “hand stroke” gesture is shown the work of invariant semantic parameter of a gesture’s unit and the interaction of kinesic and verbal means in a communicative structure.

Key words: communicative semantics, Russian spoken dialogue, kinesic language means

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СЕМАНТИЧЕСКОГО КОММУНИКАТИВНОГО ПОДХОДА К ОПИСАНИЮ СИСТЕМЫ РУССКИХ КИНСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

За последние десятилетия колоссальные результаты в изучении современного русского звучащего языка дали исследования, выполненные методом семантического коммуникативного анализа, разработанным М.Г. Безяевой [Безяева 2002, 2005, 2006, 2008а, б, 2010а, б, 2012, 2013а, б, 2014, 2015а, б]. Вскрытие пласта коммуникативной семантики языка позволяет анализировать русский языковой материал с учетом роли средств, которые еще недавно пребывали в глубокой тени и представлялись загадочными, незначущими, разрозненными и не организованными в систему.

Метод семантического коммуникативного анализа подразумевает выделение в рамках любого языка системы *коммуникативного уровня*, противопоставленного номинативному. Семантика коммуникативного уровня связана с *позицией говорящего, позицией слушающего и оцениваемой и квалифицируемой ими ситуацией*, в то время как средства номинативного уровня передают информацию о действительности, преломленной в языковом сознании говорящего. Организующими понятиями для коммуникативного уровня являются понятия *целеустановки, вариации*

тивного ряда структур, ее выражающих, и инвариантных параметров средств, формирующих эти структуры. Под целеустановкой понимается языковой тип воздействия говорящего на слушающего, говорящего на говорящего, говорящего на ситуацию либо фиксация типа воздействия слушающего или ситуации на говорящего. Инвариантные значения коммуникативных единиц подчиняются определенным законам реализации (алгоритм антонимического развертывания параметров и возможность отнесенности к позиции говорящего, слушающего и к ситуации). Средства коммуникативного уровня языка могут быть разделены на две группы: это собственно коммуникативные средства, для которых функция выражения коммуникативных значений является первичной (частицы, междометия, интонация, порядок слов), и средства, которые могут передавать номинативное содержание высказывания, но способны также участвовать в формировании значений коммуникативного уровня (полнозначные лексические единицы, части речи и грамматические категории – вид, время, число, падеж). [Безяева 2002, 2005].

При работе с интонационными средствами языка последователи названного научного направления используют описание системы русской интонации, принадлежащее Е.А. Брызгуновой, а также разработанную ею усложненную интонационную транскрипцию [Брызгунова 1980, 1982]¹.

По аналогии с вербальными единицами, мы можем разделить кинесические средства (поза, мимика, жест) на **номинативные** (среди которых вычленяются **собственно номинативные**: «большой», «маленький», «ноль» и др., – и **номинативные, обладающие дополнительными коммуникативными характеристиками**: «деньги», «выпивка», «уже время, пора», показать большой палец, приложить палец к губам и др.) – и **коммуникативные** (кивнуть, махнуть рукой, развести руками, поднять брови, сузить глаза, закатить глаза, прижать руку к сердцу, сжать руку в кулак и др.). Ранее такое разграничение не проводилось.

Под коммуникативной кинемой мы будем понимать наименьшую жестовую, мимическую либо пантомимическую единицу языка, для которой может быть выделен собственный инвариантный семантический коммуникативный параметр. Кинемы могут употребляться изолированно либо объединяться в конструкции (как с другими кинемами, так и с вербальными единицами языка). *Кинесической конструкцией* мы называем две или более кинемы в случае объединенного выполнения (как правило, при этом задействуется один и тот же орган, но это не обязательно). Так, конструкция *потрясать указательным пальцем* включает в себя 1) жест *вытянуть указательный палец* и 2) колебательное движение руки в перпендикулярной телу плоскости; конструкция *стукнуть кулаком по столу* – жесты 1) *сжать руку в кулак* и 2) *стукнуть рукой [по твердой поверхности]* и др.

Значения коммуникативных кинем, в отличие от значений номинативных, *неосознаваемы*, то есть для того, чтобы сформулировать их, необходим предварительный лингвистический анализ материала, и рядовой носитель языка использует эти единицы интуитивно. Применение метода семантического коммуникативного анализа к кинесическим средствам языка позволяет выявить инвариантные коммуникативные параметры этих единиц и описать конкретные реализации этих параметров, характерные для русского диалога.

¹ Также Е.А. Брызгуновой принадлежат первые образцы анализа интонационных средств в русском художественном тексте [Брызгунова 1984].

Наблюдения над употреблением кинесических единиц в естественном русском диалоге показывают, что коммуникативные кинемы представляют собой неотъемлемую, органичную часть русской коммуникативной системы. Они могут употребляться изолированно, в отрыве от речи, или же могут входить в коммуникативные конструкции наряду с вербальными единицами (как правило, поддерживая при этом характерную для русского языка тенденцию к дублированию коммуникативных смыслов).

В современных словарях языка русских жестов [Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001; Акишина А.А. и др. 2010] номинативные («*ищу третьего*», *заткнуть уши*) и коммуникативные жесты (*развести руками*, *надуть губы*) никак не разведены и исчисляются вперемешку (здесь же неязыковые явления, например *присесть на дорожку*, *подтягивать кверху за уши*, *поздравляя с днем рождения*), один и тот же жест под разными наименованиями вводится как отдельная единица (*подбочениться* и *стоять руки в боки*), не делаются попытки установить инвариантные семантические параметры описываемых средств. Указывая на типичную синхронизацию жеста с той или иной вербальной единицей, логично было бы не ограничиваться простым указанием на этот факт, как это делают современные исследователи, а вскрыть семантическую подоплеку такого «тяготения» единиц друг к другу, что вновь требует обращения к коммуникативной семантике языка.

Материал, легший в основу современных словарей русских жестов, представляет собой корпус примеров из художественной литературы. Глобальный недостаток литературных произведений как материала для исследования группы кинесических средств языка заключается не только в том, что автор художественного текста случайным, произвольным образом отражает на письме лишь незначительную часть в действительности входящих в естественный диалог кинесических единиц. Невозможно ожидать от автора романа, что он будет педантично фиксировать, допустим, наличие / отсутствие у собеседников визуального контакта во время исполнения жеста (наличие либо отсутствие глазного контакта может иметь принципиальное значение; например, маркировать разные реализации семантического параметра жеста).

Обратимся к небольшому примеру из фильма «Бесприданница» 1936 г.:

Лариса протягивает руку, Карандышев целует.

Огудалова: Позвольте познакомиться, господа: // → Юлий Капитоныч Карандышев, / Сергей Сергеевич Паратов.

Паратов, сузив глаза, медленно кланяется (в поклон вовлечена голова и плечи), показывает Огудаловой глазами на Карандышева, сдвигает брови.

Паратов: Этот?

Огудалова кивает, опускает глаза и отворачивается. Паратов долго качает головой, затем пожимает плечом.

Если мы сопоставим этот фрагмент с приблизительно аналогичным ему отрывком из пьесы А.Н. Островского, то увидим, что драматург ограничивается в тексте лишь указанием на крупные этикетные, «ритуальные» кинемы (рукопожатие, поклон):

Огудалова. Позвольте вас познакомиться, господа! (*Паратову.*) Юлий Капитоныч Карандышев. (*Карандышеву.*) Сергей Сергеевич Паратов.

Паратов (*подавая руку Карандышеву*). Мы уже знакомы. (*Кланяясь*.) Человек с большими усами и малыми способностями. Прошу любить и жаловать. Старый друг Хариты Игнатьевны и Ларисы Дмитриевны.

Карандышев (*сдержанно*). Очень приятно.

Сравнивая «количественный» аспект описания кинесического поведения героев фильма и ремарок Островского, приходим к выводу, что ремарки выглядят крайне скупой. Если следовать логике ремарок, то при описании видеоряда фильма нужно было бы отметить лишь два жеста (*поцеловать руку и поклон*).

Рассмотрим пример из современного кино, где представлен бытовой диалог с типичной, вполне рядовой кинесической составляющей:

Лера сообщает, что якобы беременна от своего одноклассника Павлова.

Мать Темы (машет рукой): А, ты знаешь, / это даже хорошо... // (*Круговой «обобщающий» жест двумя руками*) Бабушка... ⁶поддержит... // (*жест «с богом, вперед» – ладони параллельны и резко переходят из вертикальной позиции в горизонтальную*). (*Деланно смеется*).

Лера (дважды кивает): Мг.

Мать Темы (разворачивает правую руку ладонью вверх): Ну, а Павлов че?

Лера: М. // Ну, а че ему? // (*Качнув головой, указывает «вдаль»*) Он свое дурное дело сделал, / правильно?

Мать Темы (кивает): Ну да. (*Кивает*).

Лера: Все, свободен.

Мать Темы (кивает): Ага.

Лера: Да я (*кивает*) замуж скоро выхожу.

Мать Темы: Да / ты что? // За кого?

Лера: Как «за кого»?

Мать Темы: Да.

Лера: За Темку вашего.

Мать Темы (криво улыбается и грозит ей указательным пальцем): Не-е-ет. // (*Грозит пальцем*) А-а-а! // Не-е-ет! // Это... / нет.

(«Привет, киндер!»)

Мы видим, что некоторые встречающиеся здесь жесты, постоянно, отнюдь не «оказионально» присутствуя в системе языка и обладая определенной, интуитивно понятной носителю языка семантикой, не имеют устойчивых обозначений. Странно было бы требовать от писателя, который захотел бы перенести этот разговор в рассказ или повесть, чтобы он скрупулезно зафиксировал все входящие в этот бытовой диалог значимые кинесические средства. Очевидно, что писатель не может ставить перед собой задачи создания подлинной детальной картины кинесического поведения собеседников в ходе естественного диалога. Это задача научного описания.

Ограничивая себя примерами из письменных текстов, исследователи сужают круг исследуемых явлений до кинем, «удобоописуемых» в художественной книге. Множество кинем и их реализаций автоматически остается «за бортом»; проанализировать при этом частотность рассматриваемых средств в диалоге, включенность их в состав коммуникативных структур наряду с вербальными средствами, взаимодействие семантических параметров обоих типов средств и т. д. не представляется возможным.

Как уже ясно, сложившаяся традиция именованя жестов в языке дополнительно затрудняет их исследование и описание. Нередко в языке существует особое, отдельное наименование для одной-единственной реализации жеста, в целом именуемого иначе (например, *отмахнуться от кого-, чего-л.* как реализация жеста *махнуть рукой*), часто одно и то же название объединяет жесты, радикально различные по способу исполнения, а самое главное – по своему происхождению и семантике (*кивнуть*). Целый ряд распространенных жестов не имеет устойчивого общепонятного именованя (при исследовании приходится давать им условные обозначения; таков жест «так и сяк» – *полукруговое движение в запястье влево-вправо, жест ускорения – вращение кистью* и многие другие). Немало закрепившихся в языке «именований жестов» в действительности обозначают не отдельный жест-кинем, а кинесическую конструкцию (например, *похлопать кого-л. по плечу, бить себя кулаком в грудь, прижать руку к сердцу, потрясать кулаком* и др.), где каждый из элементов обладает собственным семантическим параметром и входит также и в другие конструкции. Семантика конструкции в целом представляет собой сумму конкретных реализаций семантических параметров входящих в нее кинем. Рядовые пользователи языка по понятным причинам никогда не ставили перед собой задачу исчислить доступный им набор таких единиц. Более того, иногда наш язык в качестве популярного «обозначения жеста» предоставляет нам название *одной-единственной реализации кинесической конструкции* (например, *погрозить пальцем*): при исследовании такую конструкцию необходимо сначала «демонтировать», вычленив ее элементы, а затем, уяснив себе семантику элементов и вновь собрав их в конструкцию уже на новом витке понимания, исчислить *все* ее возможные реализации, а не одну, выбранную случайным образом. Если же мы пойдем на поводу у языка и примем на веру, что в русском языке существует нерасчленимый и ни с чем не объединяемый жест *погрозить пальцем*, это допущение помешает нам в поисках настоящего места данной единицы в системе и в установлении настоящих семантических связей между ее частями.

ЖЕСТ МАХНУТЬ РУКОЙ

КАК ЕДИНИЦА РУССКОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ СИСТЕМЫ

Способ исполнения жеста: расслабленная кисть руки поднимается на высоту плеча либо на высоту макушки и резко опускается, сгибаясь при этом в запястье. Существует также целый ряд разновидностей редуцированного исполнения жеста (например, взмах, в который вовлечена только кисть, при том что рука неподвижно висит вдоль тела).

Способ исполнения отличает единицу *махнуть рукой* от жеста *помахать рукой (кому-л.)*, при котором рука либо *сгибается в запястье многократно и плавно* («театральное» прощание), либо *сгибается в другой плоскости, качаясь в запястье / в локте вправо-влево*. От омонимичного неопределенно-указательного жеста *махнуть рукой (в сторону кого-, чего-л.)* интересующую нас кинем отличает

чает *вертикальная* (за редкими исключениями) *амплитуда исполнения* в противоположность *горизонтальной*. В то же время номинативный жест «уйди» – взмах руки, для которого характерна именно горизонтальная амплитуда, – сближается с коммуникативной кинемой с точки зрения семантики, поскольку и там и там в значении заложена базовая идея дистанцирования. При номинативном жесте «заходи» [правая] рука движется сверху вниз и влево по диагонали и, в отличие от жеста *махнуть рукой*, может фиксироваться в конечной точке.

Махнуть рукой – один из частотных жестов в группе кинесических коммуникативных средств русского языка. Он реализует инвариантный семантический параметр *отвлечения от некоторых обстоятельств, которые являются / не являются препятствием для действия либо надеяния*.

Рассмотрим различные реализации этого параметра.

1. Отвлечение от препятствия / от обстоятельств, объявляемых несущественными либо непреодолимыми, во имя надеяния

а) Позиция говорящего: ‘я отвлекаюсь от некоторых обстоятельств (как от несущественных либо непреодолимых) (во имя надеяния)’

В пренебрежении:

Щербук: Вы, молодой человек, юрист, / и ни-ка-ких других наук не вкусили, / кроме гуманитарных. (...) Вы ещё можете обольщать себя иллюзиями, знаете, там – / (махнет рукой) свобода, / (махнет рукой) равенство, / (махнет рукой) братство, / прочее... // (*Поднимает указательный палец*) Я же неисправимый дарвинист!

(«Неоконченная пьеса для механического пианино»)

‘Я отвлекаюсь от людских устремлений такого рода как от несущественных в силу их иллюзорности’.

Титаренко: Стой! // Стань.

Ромео становится на ворота. Титаренко забивает ему гол.

Титаренко (махнет рукой): Слабак.

(«В бой идут одни “старики”»)

Жестом формируется игровое пренебрежение (‘я отвлекаюсь от своих надежд на то, что эта молодежь когда-нибудь сравняется хоть в чем-нибудь со старшим поколением’).

Эта же реализация жеста, с вербальным сопровождением или без него, в определенных условиях формирует презрение.

Солдат (отдает честь): Товарищ командир, / задание вып...

Титаренко (махнет рукой): Потом!

(«В бой идут одни “старики”»)

Реализовано значение ‘я отвлекаюсь от вводимой тобой информации как от несущественной в данной ситуации’.

Декан художественного училища делает выговор студенту за хулиганство.

Декан: Сделай, пожалуйста, так, / чтоб мы с тобой... вообще не встретились. // И в следующем (*машет рукой*) воплощении.

Андрей: Не встретимся. // В следующем воплощении / я буду дельфином. («Граффити»)

‘Я хочу полностью отвлечься от всех связанных с тобою обстоятельств’.

В выражении примирения:

Волька выходит с экзамена по географии, который он провалил из-за «подсказок» Хоттабыча.

Хоттабыч: А... а мне было показалось (*вытягивает указательный палец*), / что эта почтенная женщина... / осталась (*наклоняет голову вбок*) недовольна широтой твоих познаний?

Волька (упершись Хоттабычу в грудь одной рукой, а второй взявшись за его плечо): Что ты, / что ты, / Гасан Хоттабыч!

Хоттабыч (взмахивает указательным пальцем): Я превратил бы её в колоду... на которой... (*тычок указательным пальцем*) мясники разделявают бараньи туши, / если бы не увидел, / что она оказала тебе высший почёт, / («объяснительный» жест) проводив тебя до самых дверей класса. // (*Машет рукой*) Мир с ней!

Волька: Конечно, мир с ней!

(«Старик Хоттабыч»)

‘Я отвлекаюсь от идеи мести третьему лицу’.

Валентина велит сыну Борьке стать в угол.

Валентина: И не лѣбься. // (*Кивает*) Вот так.

Борька ест ложкой варенье, выглядывает из-за занавески, проверяя, не смотрит ли мать, и с улыбкой машет рукой.

(«Начало»)

‘Я отвлекаюсь от выдвинутых матерью требований – стоять в углу и не улыбаться – и от того факта, что она на меня сердита, как от несущественных обстоятельств, поскольку никакого контроля с ее стороны все равно нет’.

Тётушка уговаривает Алексея жениться, упоминает при этом дочерей соседа.

Алексей (отмахивается обеими руками): Ну нет! // Миль пардон, Феодосья Ивановна! // Не о том я грежу в часы уединения.

Тётушка (кивает, машет рукой): Знаю я, о ком ты грезишь! // (...) Срам!

(«Формула любви»)

‘Я отвлекаюсь от обстоятельств, на которые ты ссылаешься, как от несущественных в данной ситуации и даже позорных (знаю, что ты влюблён в мраморную статую, но не рассматриваю это как полноценный аргумент в нашем споре)’.

В целеустановке недоверия:

Фрося: Меня / одну // в район на смотр выделяли. (...)

Профессор Соколов: И не ругали тебя?

Фрося: Наоборот – хвалили.

Профессор Соколов: Ну-ну-ну (*машет рукой*), / так уж и хвалили.

(«Приходите завтра»)

‘Я отвлекаюсь от вводимой тобой информации как от несущественной в силу ее неправдоподобия’.

В возражении с оттенком уверенности:

Потёмкин расспрашивает Прохора Курносова, корабельного мастера, отчего у России не получается строить стопушечные корабли.

Курносов: Пётр Первый... тоже о стопушечных-то... мечтал.

Потёмкин (*машет рукой*): У Петра не получилось, / у меня получится.

(«Фаворит»)

‘Я отвлекаюсь от твоего намека на большую трудность задуманного дела как от обстоятельства, для меня несущественного’.

В последних двух примерах представлено употребление жеста, имеющее в языке отдельное наименование – «отмахиваться / отмахнуться».

Далее, рассматриваемая реализация жеста появляется в отказе (часто – при отказе от совершения действия, которое каузировалось не собеседником, а самим говорящим или ситуацией, – ‘собирался, но передумал’), при выражении эмоциональных целеустановок типа раздражения, досады.

Местный фельдшер предупреждает Микишиных, что по селу ходит отравленный сагогон и что во время намечающейся свадьбы они могут случайно отравить людей.

Дядя Коля Микишин: Это чтобы я? Я... окочурятся люди? // Да ты что такое говоришь-то! (*Подносит руку ко лбу*) Да... Да я... (*Ударяет кулаком по скамейке*).

↓< Сейчас (*Грозит пальцем и уходит за сагогоном для дегустации*). Вот... это... / всё / мое // Голову / даю / (*поднимает указательный палец*) на отсечение. // (*Грозит указательным пальцем*)

Ежели ты окочурешься, / (*горизонтальная отмашка*) ты можешь меня арестовать вместе со своим знакомым... милиционером. // Давай.

(...) (*Пьёт*). Живой. (*Смеется. Разводит руками*) Не окочурился. (*Смеется*).

Фельдшер: Живой.

Дядя Коля: Да.

Фельдшер: Мг.

Дядя Коля: Давай.

Фельдшер (*машет рукой*): Да я верю, / не надо!

Дядя Коля: Не-ет. // (Грозит кулаком). Ты... давай попробуй, / либо ответишь мне за клевету. // Давай!

(«Участок», 3-я серия)

‘Я отвлекаюсь от первоначальных обстоятельств (я хотел лично попробовать самогон) как от несущественных теперь (хозяин сам попробовал самогон и остался жив) во имя недеяния’.

Сказительница: Я бы вам объяснила название, / насколько / позволит образование. // (Машет рукой) Эх! // Да тут и не нужно большого ума, / пусть лучше / сказка / расскажет сама.

(«Огонь, вода и медные трубы»)

‘Я отвлекаюсь от того обстоятельства, что необычное название сказки вроде бы требует комментария, как от несущественного и выбираю недеяние (сказка расскажет сама)’.

Груша объясняет брату, почему она не хочет выходить замуж за Владимира Николаевича.

Груша: Ну не лежит душа, / понимаешь? // Ну хоть ты что тут делай! // Сама себя уговаривала, / убеждала. // (Мотает головой) Нет. // (Машет рукой). Да я лучше буду век одна жить, / только нет. // Нет, // (сжимает руку в кулак и потрясает ею, держа ее у груди), нет, нет, нет, нет, нет!

(«Позови меня в даль светлую»)

Героиня отвлекается от всех обстоятельств, вынуждавших ее искать повторного замужества, – страха перед одиночеством, необходимостью «мужской руки» в доме и т. п.

В ряде употреблений жест *махнуть рукой* маркирует рассматриваемые (предлагаемые собеседником, ситуацией) обстоятельства как несущественные.

Девушки собираются к подруге на свадьбу.

Дуся: Ты сама-то в чем пойдешь?

Нина (машет рукой): Да-а! // Вот скоро я... прокурорскую форму надену – / и никаких забот. // И снимать не буду.

(«Женщины, которым повезло»)

‘Я отвлекаюсь от того обстоятельства, что на свадьбу к подруге полагается надеть что-нибудь красивое, как от несущественного’.

Вера рассказывает подруге про бывшую невесту своего сына.

Вера (машет рукой): Не заладилось у них что-то. // Теперь я ему сама невесту нашла.

(«Женщины, которым повезло»)

‘Можно отвлечься от этих обстоятельств (отношений сына с первой невестой) как от неактуальных и вследствие этого теперь несущественных’.

Мама: Запугали ребенка этой... подзорной трубой...

Папа: Да. // Кажется, перестарались. // («Объяснительный» жест) Что это будет за человек, / который все время живет с оглядкой? // Не парень будет, а... / кисейная барышня.

Входит Денис в разорванной рубашке, весь перемазанный углем. Папа смеется, закрывает рукой глаза.

Папа: Нет, / ему, кажется, уже теперь (*машет рукой*) это не грозит.

(«Подзорная труба»)

Реализовано значение ‘мы можем отвлечься от прежних обстоятельств как от несущественных’.

Сама ситуация, которую характеризует жест, может быть отнесена к прошлому:

Бабушка: «Давай, – / говорит, – / я на тебе... женюсь. // И увезу тебя / в Москву». // (*Зажмуривается и мотает головой*). Мх! // А я влюбилась уже... // (*Машет рукой*). Ой[с].

(«Похороните меня за плинтусом»)

‘Все другие обстоятельства оказались в той ситуации несущественными (настолько я была влюблена)’.

Обстоятельства могут также рассматриваться не как несущественные, но как **непреодолимые** – и говорящий вынужден отвлекаться от них, так как поправить уже ничего нельзя. В этом случае формируется выражение безнадежности:

Никанор Калинин, впервые посмотрев фильм «Чапаев», очень расстроился из-за того, что Чапаев в конце погибает. Его спутники решают прокрутить фильм в обратную сторону и показать ему.

Раднэр: Никанор Васильич, / перестаньте. // Мы сейчас посоветовались, / сейчас все исправим. // Вы на своё местечко сядьте. // Сейчас всё покажем.

Калинкин (*машет рукой*): Чего тут справишь... / когда утоп человек.

(«Агитбригада “Бей врага!”»)

‘Я отвлекаюсь от вводимой тобой информации как от несущественной в данной ситуации (Чапаев погиб, ничего уже не исправить)’.

Во время испытания для женихов Солдат раздумывает над заданной ему Принцессой загадкой. Песок в песочных часах почти весь пересыпался. Наконец Солдат, делая вид, что не может отгадать, **махнув рукой**, отворачивается. Принцесса приходит в восторг и злорадствует, вертя перед ним песочными часами.

(«Старая, старая сказка»)

‘Я оставляю попытки отгадать эту загадку в силу их бессмысленности – сколько бы я ни думал, я не найду ответа’.

Фрося: Да мало того, / я ж еще... жен[ш]ину... сшибла у вас.

Скульптор: Какую женщину?

Фрося: А вот... / та большая... с лопаткой стояла /. Так... (*машиет рукой*)
вдребезги.

(«Приходите завтра»)

‘Я отвлекаюсь от всякой надежды поправить это положение (разбитую вдребезги скульптуру не вернуть)’.

Исполнитель жеста может рассматривать как «несущественные обстоятельства» позицию собеседника или самого собеседника, например:

Ставрогин: Вы за что-то очень сердитесь. // Уж не боитесь ли, что я вас разлюбил?

Лебядкина: Да я об вас... (*машиет рукой*) совсем не забочусь.

(«Бесы»)

Жест передает смысл ‘я отвлекаюсь от всего, что с вами связано, как от несущественного для меня’.

Отец уверяет сына, что тот никогда не сможет поступить в Литинститут.

Отец (*потрясает указательным пальцем*): Вот попомни мои слова: / (*ещё раз встряхивает пальцем*) не будет этого!

Сын: Будет!

Отец (*кивает*): Нет.

Сын: А я говорю – / будет.

Отец (*кивает*): А я говорю – / нет. (...)

Сын: И всё-таки / (*кивает*) будет.

Отец (*задерживается было возле сына, затем машиет рукой*): Ах!

(«Диалог с продолжением»)

Здесь также сам собеседник с его позицией включается в число обстоятельств, которые говорящий решает проигнорировать: жест *махнуть рукой* означает ‘я отвлекаюсь от обстоятельств, толкающих меня к продолжению спора (в том числе и от позиции собеседника с его упрямством), как от несущественных’.

Мать Даши разбудила её утром на полчаса позже, чем она просила.

Даша: Мы с девочками договаривались!

Мать: Ничего страшного. // (*Пожимает плечами*). Опоздаешь немножко. // Не беда.

Даша: Ну, мне лучше знать, беда или не беда! // На тебя никогда нельзя понадеяться!

Мать: Так, / знаешь что, / в следующий раз / просыпайся сама. // И вообще: / как ты со мной разговариваешь?

Даша: Ой[ç]. (*Машет рукой*).

Мать: Не смей на меня махать!

(«Куклы колдуна», 2-я серия)

Жестом дочь показывает, что отвлекается от матери с ее позицией, так как считает всё, что относится к этой позиции, несущественным. Именно этим вызвана вербальная реакция матери.

Капитан: Только, ты знаешь, я должен тебе открыть... / страшную тайну. // (...)
Я не капитан. // Я джинн. // Понял?

Дениска машет рукой.

Капитан (прикладывает руку к сердцу): Ну серьезно я тебе говорю – / джинн третьего разряда. // Старика Хоттабыча знаешь?

Дениска: Мг.

Капитан: Старика Хоттабыча, / да?

Дениска: Знаю.

Капитан: Так вот он джинн второго разряда. // У нас там ведь все это тоже...
(*жест затруднения*) ну, в общем... / по рангам, / понимаешь?

Дениска (машет рукой): Какие там джинны, / что я, маленький, что ли?

(«Капитан»)

Реализуется значение ‘я отвлекаюсь от твоей позиции / от вводимой тобой информации как от несущественной (в данном случае – несущественной в силу ее неправдоподобия)’.

Водяной возбужденно раздает распоряжения свите, подбегает к Мудрецу-Молчальнику.

Водяной: А ты... // (*Мудрец издает какой-то звук*) Что? // (*Мудрец булькает, так как заранее набрал в рот воды*). Айй! // (*Машет рукой*).

(«Марья-искусница»)

Презрение с оттенком досады обращено на собеседника: жест означает ‘я отвлекаюсь от тебя как от несущественного обстоятельства, недостойного моего внимания’.

Жители села смотрят кинохронику, где показывают, как разбивают бутылку о нос корабля при спуске его на воду.

Местный пьянчужка: От ведь! // Пропадает / добро! // Лучше б нам поднесли!

Односельчанка (машет рукой): Опять ты за своё!

(«Полное дыхание»)

Здесь кинема *махнуть рукой* также означает ‘я отвлекаюсь от тебя и твоей позиции как от никому неинтересных, не заслуживающих внимания’.

Пассажир, направляющийся в Москву на игру «Поле чудес», жалуется попутчику в поезде на жену, которая убеждала его в случае удачи брать деньги, а не приз.

Пассажир (тычет рукой попутчику в грудь): Так надо ж брать приз? // Приз же?

Попутчик: Это смотря («объяснительный» жест) сколько предложат.

Пассажир: Так хоть (машет рукой)... сколько б ни предложили, хоть сто тыщ, / (тычет указательным пальцем в грудь собеседника) надо приз брать, / («объяснительный» жест) это же память!

Попутчик: Ну не знаю. // (Качает головой) Не, / вдруг там кефир? // Я б / взял лучше сто тыщ.

Пассажир: ↑ ХМ! // Потому что и (кивает) ты дурак (машет рукой).
(«Страна чудес»)

Выделенный жест *махнуть рукой* передает значение ‘я отвлекаюсь от тебя и твоей позиции, не заслуживающей внимания в силу ее глупости’.

(В первом случае семантика жеста – ‘я отвлекаюсь от размеров гипотетической суммы денег ради приверженности своей идее – брать нужно именно приз’.)

б) Объединение позиций говорящего и слушающего:

‘я сам отвлекаюсь и призываю тебя отвлечься от некоторых обстоятельств (как от несущественных) (во имя недеяния)’

Молодой актер Мусин в отчаянии оттого, что провалился на первом просмотре.

Корзинкина: Мусин? // Почему вы не на конкурсе?

Мусин: Ах, / (машет рукой) все кончено, / Корзинкина, / (поднимает брови, потрясает руками с растопыренными пальцами) полный / провал! // Понимаете?
(«Приключения Корзинкиной»)

‘Я отрешаюсь сам и призываю вас отрешиться от попыток что-либо исправить в этой конченной ситуации в силу их бессмысленности’.

Дениска: ...И мы идем. // А оттуда, значит, дым валит. // И кто-то пищит... / задыхается. // Ну, мы доску отняли, / а там – / маленькая девочка. // Плачет. // Задыхается. // Ну, мы ее – (кивает) за руки, / за ноги / и... спасли. // А тут ее мама... прибегает. // Говорит: / «Как ваша фамилия, мальчики? // Я про вас в газету благодарность напишу». // А мы отвечаем: // «Какая может быть благодарность за эту пустяковую девчонку?» // (Машет рукой) Не стоит благодарности!

Мишка: Че-человека с-спас-спас...ли? // А к... а к... а кто... с-спас?

Дениска: Ничего не поделаешь, Мишка. // Брось притворяться. // Я уже все рассказал. (Подмигивает. Подмигивает другим глазом. Подмигивает обоими глазами).

Мишка: А-а-а! // (Машет рукой) Ну зачем ты! // Ерунда какая-то!

(«Пожар во флигеле, или Подвиг во льдах»)

В двух последних примерах мы наблюдаем реализацию ‘я сам отвлекаюсь и предлагаю тебе отвлечься от этих обстоятельств как от несущественных, хотя ты их считаешь существенными’ (в первом примере – отвлечься во имя надежды, т. е. отказаться от выражения благодарности, во втором примере действия Дениски постфактум оцениваются Мишкой как ненужные, лишние).

Пренебрежение, презрение в адрес третьего лица может формироваться в том случае, если говорящий жестом предлагает слушающему отвлечься от каких-либо личностных характеристик, способностей и т.п. третьего лица как от несущественных, подобно тому, как отвлекается от них сам говорящий.

После окончания митинга и отбытия депутата местный сумасшедший тоже взбирается на ступеньки клуба, чтобы произнести речь.

Одна из женщин: ⁶О, / ⁶расскажи нам / ²про нашу хорошую жизнь! (*махнув рукой, уходит*).

(«Полное дыхание»)

Махнуть рукой – ‘я отвлекаюсь сама и предлагаю вам всем отвлечься от того, чтобы слушать этого оратора’.

Водяной демонстрирует в своем подводном дворце Мудреца-Молчальника, который набрал в рот воды, чтобы не сболтнуть лишнего.

Солдат: ²Интересно.

Водяной машет рукой.

Водяной показывает гостям Подводного Петуха.

Солдат: ^{2^^}Спесив .

Водяной (машет рукой) А-а! // ⁶Глуп ²как пробка! (*Петух возмущается*).

Солдат (*смеется*): Не ^{^^2}любит.

Водяной (машет рукой) А! // ⁷Пустое ²место!

(«Марья-искусница»)

Жестом в обоих случаях сформирован смысл ‘я сам отвлекаюсь и тебе предлагаю отвлечься от этой личности как от не заслуживающей внимания’.

Жест, относящийся сразу и к позиции говорящего, и к позиции слушающего, может также возникать в успокаивании:

*Ушивин: Чем занимаемся-то, ³знаешь? // ⁶Убийства, / ⁶бандитизм, / ⁶грабеж... // ⁶Это тебе, брат, / (*качает головой*) не ¹фунт ³изюму. // (*Улыбается*) Хе-хе. // ³Разведчик?*

Шарапов: Так ²точно. // Командир ¹разведроты.

Ушивин (машет рукой): Ну, тогда ²⁷приживешься.

(«Место встречи изменить нельзя»)

‘Я отвлекаюсь сам и предлагаю тебе отвлечься от сомнений в том, что ты сумеешь свыкнуться с работой в нашем отделе, как от несущественных’.

Если обстоятельства рассматриваются не как несущественные, но как безнадежные, непреодолимые, то формируется призыв к адресату отвлечься от них во имя недеяния.

Обслуживающий персонал пионерлагеря обсуждает ситуацию Иночкина.

Физкультурник: Ты с ним говорила?

Валя: Бесплезно.

Завхоз: Бесплезно.

Галя машет рукой.

(«Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен»)

‘Мы можем отвлечься от данных обстоятельств во имя недеяния (никаких действий в этом направлении предпринять все равно не удастся)’.

Троечник Фока, по прозвищу Зяблик, выходит после беседы с преподавателем училища.

Ваня: Ну что, / Зяблик?

Фока: Э-э-э... (*Машет рукой*).

Ваня: Го-во-ри.

Фока: Месяц дополнительных занятий... / по трем предметам. // Плюс практика, // м-/га.

(«Повелитель луж»)

Реализовано значение – ‘я сам отвлекаюсь и призываю тебя отвлечься от этих обстоятельств (какую именно переподготовку во время каникул мне назначил преподаватель), поскольку изменить их мы все равно не можем’.

в) Позиция слушающего: ‘я призываю тебя отвлечься от некоторых обстоятельств (как от несущественных либо безнадежных) (во имя недеяния)’

Семантика жеста может относиться к позиции слушающего и только к ней, если исполнитель жеста не разделяет с адресатом его беспокойство, замыслы и т. п., что мы видим, например, при каузации ожидания:

Андрей голосует у обочины дороги, проходивший мимо автобус притормаживает и сразу же начинает сигналить, поторапливая.

Андрей (машет рукой в сторону водителя – горизонтальная амплитуда исполнения): Да подожди ты!

(«Граффити»)

‘Отвлекись от обстоятельств, заставляющих тебя торопиться и торопить меня, как от не столь существенных’.

То же при отказе:

Рабочий продмага: Дусь! // Выпить принести?

Дуся (машет рукой): Не надо, / не надо!

(«Женщины, которым повезло»)

Полушкин (прижимает руку к сердцу, мотает головой): Ух ты! // Это ж... / водки позабористей.

Туристка: А вы закусите!

Полушкин (машет рукой): Да нет, / спасибо. // Не надо.

(«Не стреляйте в белых лебедей»)

‘Отвлекись от своей идеи как от ненужной (во имя надеяния)’.

Новосельцев берет в долг у Самохвалова двадцать рублей.

Новосельцев: Это... свободно? // Я тебе в получку сразу отдам.

Самохвалов машет рукой.

(«Служебный роман», 1977)

Жестом формируется значение ‘я предлагаю тебе отвлечься от этих обстоятельств как от несущественных’ (‘не стоит изо всех сил стремиться вернуть мне долг’).

Жест *махнуть рукой* в этой реализации типично выступает, в частности, как реакция на благодарность (со словесным сопровождением или без него), а также как реакция на любое обусловленное этикетом действие или высказывание, в котором, с точки зрения исполнителя жеста, нет необходимости.

Катя: Тебе.

Слава: Что это такое?

Катя: Убиралась у твоей Лидочки, / обнаружила ее знаменитые конспекты... / по теплотехнике // Я их тебе переписала.

Слава: Что, / за весь семестр?

Катя (машет рукой): А-а! // От нечего делать. // У меня все равно бессонница была.

(«Пять вечеров»)

‘Предлагаю тебе отвлечься от этого обстоятельства как от несущественного’ (что в данном случае подразумевает ‘не стоит благодарности, не такие уж большие трудности мне пришлось преодолеть’).

В лагере на Колыме врач Полина, узнав о готовящемся побеге политзаключенных, передает одному из них сумку с медикаментами. До этого она с трудом выбила ему, туберкулезнику, место в центральной больнице Колымы, но он отказался ради этого побега.

Полина: На вот, / возьми.

Солдатов: Что это?

Полина: Передай Левицкому, / он фельдшер, / он всё поймёт.

Солдатов: Спасибо / . Спасибо / . Ты самый лучший... / доктор... на Колыме.

Полина (кивает): Мг / . Мг.

Солдатов: Извиняй. // Спасибо... / за старое. // Мг?

Полина (*машет рукой*): Да ладно.

(«Последний бой майора Пугачёва»)

‘Предлагаю тебе отвлечься от этих обстоятельств как от несущественных’.

Пожилый врач в сельской больнице показывает молодой ассистентке свой план по созданию водолечебницы.

Арсений Иванович: Вот если не успею это сделать я, / закончите уже... вы

Татьяна Ивановна: То есть как не успеете, / что вы говорите, Арсений Иваныч?

Арсений Иванович (*машет рукой*): Да уж / там... // (*Улыбается, вздергивает подбородок и подмигивает*) А характер у вас как раз подходящий.

(«Сельский врач»)

Жест передает значение ‘отвлекитесь от этикетных норм, побуждающих вас раздражать мне, как от несущественных’.

Попутчик: Величать-то вас как, / сударь?

Потёмкин (*машет рукой*): Да не станем чиниться. // Одна дорога – / одна судьба. // Зови просто – Григорием. // Сам из рода... Потёмкиных. // Если из Петербурга ты, / то, может, слышал обо мне, / а?

Попутчик: Нет, / не слышал. // Я... / по корабельной части. // Курносов. // Прохор Курносов / меня зовут. // Тоже, небось, не слышал.

Потёмкин (*машет рукой*): Не слышал.

(«Фаворит»)

Значение жеста в первом случае – ‘я предлагаю тебе отвлечься от излишней в этой ситуации приверженности этикету’ (во втором употреблении параметр развертывается по позиции говорящего – ‘я отвлекаюсь от желания сделать тебе приятное – не могу сделать вид, что слышал от тебе, так как это неправда’).

Не только этикетное действие, но и всякое предлагаемое слушающим обстоятельство может расцениваться говорящим как несущественное и сопровождаться жестом *махнуть рукой*:

Председатель колхоза пытается усовестить пьющего отца Наташи. Между ними начинается ссора.

Наташа: Что вы выдумываете! // Ничего он меня не обижает! // Что вы к нему придираетесь?

Председатель (*машет рукой*): Ты погоди, погоди, Наташа.

(«Когда деревья были большими»)

Говорящий призывает Наташу отвлечься от ее желания выгородить отца во имя надеяния (то есть предлагает ей *не вмешиваться* в разговор).

Развертывание по позиции слушающего может быть представлено в возражении:

Докторша: ⁶О-ой, / я с ужасом жду родительского ^{1²}дня. // Мало нам ⁶местных... / так наедут еще ^{2³}бациллоносители из города.

Пионервожатая Валя: Ну и что? // (*Машиет рукой*) Очень хорошо!

(«Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен»)

Жест использован в значении ‘отвлекитесь от этих обстоятельств как от несущественных’.

Бычков: Ведь купцам ⁵только скажи, / они и ⁶ситец, / и ⁶кирпич, / и что ^{2³}удно привезут! // Тимофею ⁶Иванычу... ⁶решётку привезли, / (*кивает*) ⁶сейф привезли... // За ^{2³}деньги что ⁶удно привезут.

Вуквутагин: Капканы ⁶купить.

Бычков (машиет рукой): Да что ³капканы, / хоть ²паровоз ²покупай! // ^{2\}Всё можно.

(«Начальник Чукотки»)

‘Ты можешь отвлечься от идеи покупки капканов как от несущественной в силу ее скромности перед лицом открывающихся грандиозных возможностей’.

Обратим внимание на то, что в приведенном ниже примере невозможно введение жеста *махнуть рукой* в состав конструкции *Да не беспокойтесь вы!*

Банев волнуется о том, что из ташлинского интерната не эвакуировали детей.

Големба: Да не ²беспокойтесь вы! // Три ^{1²}катера уже отошли. // ¹Может, они там, / их ¹могли уже отправить.

Банев (прижимает руку к сердцу): ²Айк, / ²не было их там! // («Объяснительный жест») ²Я узнавал.

(«Гадкие лебеди»)

Невозможность использования здесь жеста *махнуть рукой* объясняется тем, что он ввел бы идею отвлечения от обстоятельств либо несущественных, либо безнадежных, а учитывая, что Виктор Банев хочет вывезти свою дочь из города, который вот-вот подвергнется химической атаке, обстоятельства эти никак нельзя расценивать как несущественные для него; еще менее того Големба хотел бы объявлять их безнадежными.

Реализация, при которой значение жеста развертывается по позиции слушающего, может использоваться и в похвальбе:

Водяной похваляется перед гостями подводного царства своим Казначеем.

Водяной: ³Видали? // ³Слыхали? // ²Научной старик! // (*Машиет рукой*) ⁶Всю арифметику ²наизусть знает!

(«Марья-искусница»)

‘Предлагаю тебе отвлечься от малейшего подозрения, что мой слуга может чего-нибудь не знать в арифметике’.

Сходная реализация может быть использована и в сообщении с оттенком успокаивания:

Врач ощупывает поврежденную ногу Ирины.

Ирина: ²Ой!

Врач: ²Стой, / ²тпру! // ²Ой. // ¹Я извиняюсь. // ⁶Я... / ¹не доктор, / ¹я ветеринар. // За доктором (*иллюстративный жест*) посылать надо, / ³а я (*машет рукой*) ^{1²}здесь, / ¹всегда под рукой. (...) ⁶Прогноз на ¹жизнь / ¹благоприятный, / (*машет рукой*) ^{6³}а / ^{1²}рекомендации... ^{1²}простые: // ⁶троксевазин... / ¹и тугая... ¹повязка. // (*Костя несколько раз кивает*). ⁶И-и / ⁶через три дня / (*машет рукой*) ²смело можно идти... (*машет рукой*) ^{1²}в жизнь. (*Улыбается*). (...)

Ирина (дает врачу деньги): ²Спасибо вам, ¹доктор.

Врач (с наклоном головы): ²Благодарствую. // ²Благодарствую. (*Протягивает Ирине свою трость*). ²А это – вам. // ^{1²}Для свободы передвижения.

Ирина (с улыбкой): ²Спасибо, / ⁴а как же вы?

Врач: ^{2³}Да нет, / ^{2³}нет, / ²ну что вы, / ²что вы. // ^{2³}Иы! // (*Машет рукой*) ^{1²}Я ее ношу ⁶для... (*иллюстративный жест – расправляет плечи*) ^{1²}представительности, / проще говоря – (*машет рукой*) ²для форсу.

(«Полное дыхание»)

В первом случае – ‘ты можешь отвлечься от опасений, что меня вдруг не окажется под рукой’; во втором – ‘ты можешь отвлечься от опасений, что рекомендации окажутся сложными для исполнения’; в третьем и четвертом – ‘ты можешь отвлечься от опасений, что через три дня наступать на большую ногу будет всё ещё опасно’; в пятом и шестом – ‘ты можешь отвлечься от опасений, что, принимая в подарок трость, забираешь у меня вещь, необходимую мне самому’.

В следующем примере передаваемый жестом смысл продублирован вербальными средствами:

А: ²Ну как там?

Б (машет рукой): ²Ой, / ¹лучше не спрашивайте. /PP/

‘Предлагаю вам отрешиться от желания меня расспросить (в данном случае – ради собственного душевного спокойствия, так как ничего хорошего я вам не скажу)’.

Заметим, что в этом употреблении жест с успехом может выступать в отрыве от вербальной составляющей, передавая ту же целеустановку – выражение безнадежности, совмещенное с размыканием контакта (‘даже не спрашивай’, ‘плохо всё’).

2. Отвлечение от некоторых обстоятельств / от некоего препятствия во имя действия

а) Позиция говорящего: 'я отвлекаюсь от некоторых обстоятельств / от некоторого препятствия во имя действия'

Старушка: На Семёновскую. // А вот Митя вас проводит. // Митя! // Митя!

Мальчик: Бабушка! // Бабушка! // Гляди, чего я нашёл!

Старушка: Хорошо. // Мигенька, / проводи товарищей к Лизавете Петровне. // (Мальчик заводит найденный будильник). Ну, Мигенька! // Товарищ с фронта.

Шура: Он же на поезд опаздывает! // Пойдем. // Ну пошли!

Мальчик (махнув рукой): Пошли!

(«Баллада о солдате»)

Семантический параметр жеста здесь раскрывается как 'я отвлекаюсь от своего желания поскорее изучить и опробовать интересную находку во имя требуемого действия (проводить приезжих по нужному адресу)'.¹

Водяной: Ну так вот, / слушайте мое решение. // (Показывает двумя руками жест «нечестного слова»). Сведу я вас в мой подводный дворец, / покажу вам всех моих слуг и служанок, / выбирайте, кого хотите, не жалко, / а взамен... // взамен вы отдадите мне / ба-/ра-/бан! // (Кивает) Согласны?

Солдат: Барабан? // Видал, куда хватил? // (...) Барабан?

Водяной: Барабан! // Ну-ну-ну-ну...

Солдат: Ага. // (Закусывает губу, затем машет рукой) Подходяще!

(«Марья-искусница»)

Жест использован в значении 'я отвлекаюсь от обстоятельств, препятствующих тому, чтобы отдать тебе барабан (барабан волшебный и очень важен для меня), во имя взаимовыгодного обмена'.²

Остап Бендер: ...Я готов работать из сорока процентов. // Лед тронулся?

Воробьянинов (машет рукой): Тронулся, / тронулся.

Остап Бендер: По рукам (бьют по рукам), / уездный предводитель команчей.

(«Двенадцать стульев», 1977)

Реализуется значение 'я отвлекаюсь от такого препятствия, как моя собственная материальная выгода, ради предстоящего дела'.³

Тетушка: Мы... граф... соседям сказали, что материализация... / (машет рукой) состоялась. // Чтоб... («объяснительный» жест) ваш-то авторитет... не уронить.

(«Формула любви»)

Реализовано значение ‘мы отвлеклись от реально известных нам обстоятельств (никакой материализации не было) ради поддержания вашего авторитета’.

При экспликации понимания:

Хоттабыч: ...Я до сих пор ещё / не могу прийти в себя. // Этот недостойный отрок!

Волька: Какой отрок?

Хоттабыч: С которым ты разговаривал у входа.

Волька (машет рукой): А-а, / Пилюля!

Хоттабыч: Этот Пилюля / наступил мне на мозоль. // Преме́рзкий отрок!

(«Старик Хоттабыч»)

Значение кинемы – ‘я отрешился от необходимости напряжённо соображать, о ком речь (так как понял, кого ты имеешь в виду), и готов слушать, что ты скажешь дальше’.

Алешка заставляет Николая извиниться перед Зиной, к которой тот приставал. Среди ночи Николай заходит в дом Зины и останавливается на пороге.

Николай: Ну ладно. // Извини. (*Махнув рукой, с опущенной головой выходит*).

(«Алешкина любовь»)

Здесь говорящий задним числом маркирует отвлечение от обстоятельств (изначально он вовсе не собирался извиняться) во имя этого действия – извинения, на котором настоял Алешка.

Фрося: Ария // Розины. // Музыка народная.

Профессор Соколов: Музыка Р[о]ссини!

Фрося (машет рукой): Ой. // Ваша правда. // Музыка [джэ] / Россини.

(«Приходите завтра»)

‘Я отвлекаюсь от своей прежней, неправильной позиции, которая была препятствием для совершения правильного действия (для того чтобы объявить номер как положено)’.

Следует отметить специфику исполнения жеста в данной реализации: рука не может подниматься выше головы (как правило, взмах идет на уровне плеча), глаза опущены.

б) Объединение позиций говорящего и слушающего:

‘я отвлекаюсь сам и призываю тебя / вас
отвлечься от некоторых обстоятельств /
от некоторого препятствия во имя действия’

Летчики (поют): ♪ Первым делом, первым делом самолеты... ♪

Девушки: Ну, а девушки?

Летчики: ♪ А девушки – потом ♪ (Один из друзей-летчиков прижимает руку к сердцу с наклоном головы, другой машет рукой).

(«Небесный тихоход»)

Говорящий маркирует необходимость для себя и для адресатов отвлечься от мыслей о девушках во имя боевых действий.

Бойцы второй эскадрильи поминают погибшего летчика. Все стоят молча. Капитан Титаренко качает головой, затем машет рукой. Далее следует нарезка из сцен боевых вылетов – наши летчики отчаянно бомбят фашистские позиции.

(«В бой идут одни “старики”»)

‘Нам нужно отвлечься сейчас от скорби о погибшем товарище, от желания поберечь себя или молодых бойцов и от всевозможных других обстоятельств, которые теоретически препятствуют нам бить врага’.

в) Позиция слушающего: ‘я предлагаю тебе отвлечься от некоего препятствия во имя действия’

Данная реализация имеет место при каузации действия, которое должно быть выполнено адресатом (без участия говорящего). Типично для убеждения, уговаривания.

Водяной боится нырять в холодный омут, где живет мудрый Сом Карпыч, совет которого необходим подводным жителям.

Квак: Ныр¹ни! // Ныр²ни!

Водяной: У⁶хх!..

Пираты (хором): Ныр²ни!

Водяной: А-у⁶хх!..

Подводный Петух (кивает и машет двумя руками): Ныр¹²ни.

Водяной разбегается и прыгает в омут.

(«Марья-искусница»)

‘Я призываю тебя отвлечься от обстоятельств, являющихся препятствием (в омуте холодно), в пользу задуманного действия’.

Сержант: Вот² // Возьмите² цветы.

Связистка (улыбается и качает головой): Что вы¹...

Сержант: Ну, / берите²-берите².

Связистка (улыбается и качает головой): Не надо¹.

Сержант (улыбается, машет рукой): Да берите²!

Связистка: Ну¹ спасибо.

Сержант: Пожалуйста².

(«Звезда», 1949)

‘Я призываю тебя отвлечься от некоторых обстоятельств, препятствующих исполнению действия (отвлечься от своих представлений об удобном и неудобном в данной ситуации и принять в подарок цветы)’.

Вечером на улице закрытого города Ташилинска Виктора Банева останавливает милицкий патруль. Он показывает разрешение на пребывание в закрытой зоне.

Банев (машет рукой): Всё нормально. (Милицкий «газик» отъезжает).

(«Гадкие лебеди»)

‘Говорящий предлагает слушающим отвлечься от обстоятельств, толкающих их заняться выяснением его личности, и следовать дальше’.

Водяной посылает прислужника Квака следить за своей внучкой Аленушкой.

Водяной: Беги следом за ней! // Подсматривай, / подглядывай, / подслушивай! // И как только произнесет она шесть заклинаний, / столкнешь ее в озеро!

Квак (на вдохе): Ах!

Водяной (машет рукой): Э-э-э! // Искушается в кипящей водичке, / авось при-
смирееет!

(«Марья-искусница»)

‘Я призываю тебя отвлечься от обстоятельств, которые, на твой взгляд, являются препятствием (ты не решаешься причинить вред моей собственной внучке), и совершить названное действие’.

Алеша: Я вот что решил: // я во время материализации про Марию буду думать. // Лицо ее буду вспоминать, / глаза, / плечи (тетушка вздыхает), / руки... / и так далее.

Тетушка (прижимает руку к сердцу): Милый ты мой! // Да об чем же тут думать, / когда все это рядом с тобой / в натуральном виде ходит.

Алеша: Что вы говорите такое, / тетушка? // Сами же учили: / на чужой каравай / рта не разевай.

Тетушка (машет рукой): Да мало ли я глупостей-то говорю! // А потом, человек когда любит, / он чужих советов (качает указательным пальцем) не слушает!

(«Формула любви»)

‘Я призываю тебя отвлечься от препятствия, мешающего тебе завоевать Марию, в данном случае – от моей собственной ранее выраженной позиции, во имя действия’.

Существуют случаи, когда действие предстоит совместное, однако отвлечься от неких препятствующих ему обстоятельств требуется именно слушающему и только ему. Вот пример такого использования жеста в успокаивании:

Директор новой, формирующейся школы проводит беседу с пожилой учительницей, кандидаткой на место учителя-словесника.

Наталья Семеновна (прикладывает руку с согнутыми пальцами к сердцу и постукивает ею по груди несколько раз): Вы поймите² меня правильно... // Вас РОНО прислало⁶ (*машет рукой*), / вы живете в этом районе⁶, / я обязана вас взять⁶ / и возьму² (*машет рукой*). Мне просто по-человечески¹² хотелось поговорить.
(«Женщины, которым повезло»)

‘Рекомендую вам отвлечься от опасений, что я не приму вас на работу, чтобы мы могли поговорить по душам’.

Кроме того, говорящий может адресовать призыв отвлечься от неких обстоятельств не слушающему, но присутствующим за кадром третьим лицам либо социуму, например:

Мэр города узнаёт от посетителя, что инопланетяне намерены устроить всемирный потоп, чтобы стереть человечество с лица Земли, поскольку считают человеческую цивилизацию неудачным экспериментом.

Мэр: Да я считаю, давным-давно надо было... всё затопить это / (*машет рукой*) к чёртовой матери! // Разве ж это люди?
(«Страна чудес»)

‘Я (сам отвлекаюсь и) призываю некий социум / неких третьих лиц отвлечься от излишнего гуманизма с тем, чтобы перейти к действиям по уничтожению человечества’.

3. Жест передает идею отвлечения от одного действия во имя другого

Имеет смысл также выделять особую реализацию, при которой жест передает идею **отвлечения от одного действия во имя другого**. При этом два действия могут быть равноценными по своей значимости для говорящего, однако чаще второе из них расценивается как намного более важное. Таким образом, сама вовлеченность в первое действие рассматривается как обстоятельства, препятствующие скорейшему переходу ко второму действию.

Профессор объясняет двум собутыльникам, Ивану и Митяю, на чем зиждится мировая экономика. Митяй жалуется, что он ничего не понял.

Иван: Хороший ты мужик¹, Митяй, / хоть и сволочь¹. // А профессор... / хорошо³ сказал // Ты просто не знаешь слова – / «жъздитя» // (*Пожимает плечами. Машет² рукой*) Давай, Анатолич². // За тебя.
(«Сваты», 3-й сезон)

С помощью жеста говорящий предлагает отвлечься от предыдущей темы, не развивать ее, и в то же время выпить еще по одной.

Пожилый солдат (отдает честь): Счастливой² дороги.
Ромео (отдает честь): < До свидания. (Хочет оглянуться на Машу. *Машет¹ рукой*) Не будем оглядываться!
(«В бой идут одни “старики”»)

Лейтенант Суслин получил от полковника приказ со своим взводом защищать Ильинку.

Кима: Митенький.¹²

Суслин: Кима.²

Кима: Прошу тебя, уцелей.²

Суслин: Кима.²

Кима: < Уцелей.^{h12}

Суслин: Ну Кима.²

Кима: Уцелей!²

Суслин (отталкивает ее): Извини.¹ // Ким, я...⁶ (*Махнув рукой, обрывает попытку что бы то ни было объяснить и убегает*).

(«Аты-баты, шли солдаты»)

Обстоятельства в двух последних примерах толкают героя к тому, чтобы задержаться, подольше поговорить с девушкой, что-то объяснить. От этого желания он в обоих случаях вынужден отвлечься, чтобы уйти в бой.

Бычков не смог сохранить народные деньги и приходит сдаваться в ЧК, считая себя государственным преступником и собираясь потребовать для себя высшей меры наказания.

Бычков: Здесь карают государственных преступников?³

Женский голос: Здесь, здесь. // Проходи, мальчик. // Сюда.²

Бычков: Если будете на Чукотке, / передайте... товарищу Зюкину... (*Машет рукой*).

(«Начальник Чукотки»)

‘Я отрешаюсь от намерения передавать что бы то ни было товарищу Зюкину ввиду несущественности этого намерения перед лицом необходимости пойти на расстрел’. Кинема *махнуть рукой* маркирует границу перехода от одного действия к другому: она связана с прекращением текущего разговора со случайными собеседниками возле дверей и предшествует шагу за порог, в помещение чрезвычайной комиссии, для принятия высшей меры наказания.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ОБЪЕДИНЕНИЯ ЖЕСТА МАХНУТЬ РУКОЙ В КОНСТРУКЦИИ С ВЕРБАЛЬНЫМИ КОММУНИКАТИВНЫМИ СРЕДСТВАМИ

В отсутствии вербальных средств жест *махнуть рукой* способен сформировать относительно небольшое число целеустановок: выражение решимости, выражение безнадежности, прерывание контакта (в ответной реакции). Рассмотрим соотношение семантики жеста *махнуть рукой* с семантикой вербальных единиц в составе коммуникативных конструкций, где этот жест типично встречается¹.

Жест *махнуть рукой* в значении ‘отвлекись от данных обстоятельств как от несущественных (во имя действия либо недеяния)’ или же ‘я отвлекаюсь от данных об-

¹ Инварианты русских вербальных коммуникативных средств даются по материалам публикаций [Безьева 2002, 2005а, 2005б, 2008а, б, 2010а, б, 2012, 2013а, б, 2015 а, б и др.], а также спецкурсов, прочитанных М.Г. Безьева на филологическом факультете МГУ в 2006–2015 учебных годах («Инвариантные параметры средств коммуникативного уровня русского языка», «Анализ коммуникативной семантики звучащего текста» и др.).

стоятельств либо от твоей позиции как от несущественных /-ой' часто синхронизируется с коммуникативными конструкциями, в которых типичными единицами оказываются начальное *да*, *там*, *ладно*, *ИК-7*, *ИК-2* (*да ну тебя*, *да что ты*, *да что ты понимаешь*, *да ладно (тебе)*, *да брось ты*, *да какой / где / куда там* и др.).

Рассмотрим примеры:

Будько оставили городским родственникам записку о том, что они якобы уехали копать картошку, а сами прятались, наблюдая за ними с чердака.

Ковалев: Да, / вы же говорили, что вы на картошку ушли.

Будько (махнет рукой): Да **какая там картошка.**

(«Сваты», 3-й сезон)

Да – ‘высказанное слушающим замечание неадекватно ситуации’, препозитивное *какая* – указание на полное невладение собеседником качественной характеристикой ситуации, *там* – указание на невключенность слушающего в ситуацию в силу незнания им подлинных обстоятельств, *махнуть рукой* – ‘я сам отвлекаюсь и предлагаю тебе отвлечься от данного обстоятельства как от не имеющего отношения к действительности и несущественного теперь, после всего, что произошло’.

Лысенко рассказывает посетившему его сотруднику Вавилова, как в ходе эксперимента каждые десять дней в течение года высевал местную пшеницу.

Сотрудник Вавилова: А помощники-то у вас были?

Лысенко (махнет рукой): **Какие там помощники! // Всё сам, конечно.**

(«Николай Вавилов», 1-я серия)

Какой и *там* выступают здесь в тех же реализациях, что и в предыдущем примере. Смысл жеста Лысенко – ‘я призываю вас отвлечься от представлений о каких-то мифических помощниках, которые якобы могли у меня быть’.

Лагерь геологов неожиданно переезжает. Алешка расстроен тем, что больше не сможет ходить на переезд повидаться с Зиной.

Пожилый буровик: А ты ей письмо напиши.

Алешка: Да **что там письмо!** (*Махнет рукой*)

(«Алешкина любовь»)

Да – ‘твой совет неадекватен ситуации (письмо не заменит личных встреч)’; *что* – ‘незнание слушающим сложившейся нормы ситуации’, *там* – ‘незнание, непонимание слушающим нужд и интересов говорящего, дистанцирование говорящего от позиции собеседника’, *махнуть рукой* – ‘я отвлекаюсь от твоего совета (во имя надежды) как от бессмысленного, не решающего проблему’.

Встреча в одной реплике *да* и *махнуть рукой* закономерна, поскольку жест передает значение ‘отвлекитесь от этикетных норм, побуждающих вас возражать мне, как от несущественных’, а единица *да* – ‘ваша позиция неадекватна ситуации, имеющимся обстоятельствам’. *Несущественность норм / взглядов, которым привержен собеседник*, и близкая к этому *идея неадекватности его позиции* становятся той семантической основой, которая объединяет вербальное и жестовое средство. (Единицы *какой*, *что* могут в дополнение к этому подчеркивать незнание собеседника).

Смысловым параметром, объединяющим *махнуть рукой* и *там*, оказывается идея *отвлеченности, дистанцированности*: жест *махнуть рукой* связан с желанием либо призывом отвлечься от чего-л. (от некоторых обстоятельств), в то время как в семантике *там* заложена идея дистанцированности, невключенности (так, в последнем примере *там* передает дистанцирование говорящего от этикетных игр, отсутствие их влияния на его личную сферу). Та же идея дистанцированности нередко привлекает в названные выше конструкции ИК-7 в значении расхождения позиций собеседников, а также позволяет объединять в одной структуре жест *махнуть рукой* и коммуникативную единицу *бог*:

Плюшкин: И еще это... / вот последние две недели... / < горячка выморила... //
целый куш мужиков. (...)

Чичиков: Сколько выморило?

Плюшкин (махнет рукой): Да! // Душ тридцать.

(«Дело о “мертвых душах”»)

Да – ‘говорящий указывает на то, что собеседник занимает неадекватную ситуации позицию, проявляя интерес к этой теме; здесь нечем интересоваться’; ИК-7 маркирует расхождение позиций говорящего и слушающего; жест *махнуть рукой* передает значение ‘я отвлекаюсь сам и предлагаю вам отвлечься от обсуждения этой темы как от совершенно бесплодного занятия (‘здесь не о чем говорить’)’.

Принц: Благодарю вас, / ваше величество, / но мне хотелось бы быть представленным принцессе.

Король: Моей дочери?

Принц: Да.

Король: Д-да... (махнет рукой) Бог с ней, / н-на что она нам, / пусть себе ре-

вится.

(«Принцесса на горошине»)

Да – ‘высказанное тобою желание неадекватно ситуации, обстоятельствам’, *бог* – ‘говорящий хотел бы дистанцироваться сам и удержать собеседника подальше от третьего лица (принцессы)’, жест короля привносит значение ‘призываю тебя отвлечься от тех закадровых обстоятельств, которые толкают тебя к знакомству с принцессой, как от несущественных и отказаться от этого действия’.

Частотная сочетаемость взмаха рукой с единицей *ладно* и с модальной реализацией ИК-2 со всплеском тона в предцентре также объясняется семантической близостью этих единиц. Обратим внимание на то, как работают коммуникативные средства в структуре неохотного согласия

А, ладно + махнуть рукой + кивок:

а – ‘говорящий под влиянием слушающего входит в новую ситуацию, в которую тот намеревался его ввести’, *ладно* – ‘говорящий отвлекается от своих интересов ради общего дела / ради собеседника’, ИК-2 – ‘сходство на фоне расхождения: хотя первоначально в планы говорящего не входило каузируемое собеседником

действие, он поступает своими прежними планами в соответствии с желанием слушающего’, *махнуть рукой* – ‘говорящий отвлекается от обстоятельств, служивших препятствием к исполнению действия, во имя каузируемого действия’, *кивок* – ‘говорящий маркирует слияние своей позиции с позицией адресата (изначально между этими позициями наблюдалось расхождение)’. Мы видим, что *ладно*, ИК-² и жест *махнуть рукой* отчасти дублируют значение друг друга. В их семантике есть общий параметр – *отказ от интересов / первоначального варианта и т. п. ради других интересов / другого варианта, расхождение между намеченным (желательным) и осуществляющимся (каузируемым) вариантом*.

На месте *ладно* в неохотном согласии может быть и *давай*:

Андрей: А эта навороченная... тачила / твоя, что ль?

Митяй (кивает): Моя.

Андрей: А чего везёшь?

Митяй: Говно везу. // А ты куда топаешь?

Андрей: О-о! // Да мне до моста надо.

Митяй: С-садись, / подброшу, / мне туда же.

Андрей (машет рукой): А, давай!

(«Граффити»)

В финальной реплике кинема *махнуть рукой* означает ‘я отвлекаюсь от своих сомнений, стоит ли воспользоваться предложением ассенизатора, ради действия (подъехать до моста)’, ИК-² – ‘говорящий выбирает осуществление действия при наличии фоновых сомнений в том, стоит ли садиться в такого вида и типа машину’, а – ‘я вхожу в эту новую ситуацию’, *давай* – ‘говорящий (после краткого периода нерешительности) каузирует действие, диктуемое логикой развития ситуации, при учете позиции слушающего’.

В этом отношении интересен также следующий пример:

Кирстен: Отец Раймонд!

Священник: Да.

Кирстен: Можно мне поговорить с вами?

Священник: У меня скоро похороны! // Мне нужно поторопиться.

Кирстен: Всего на минутку, прошу вас.

Священник (вздыхает; *взмах рукой*): Идёмте.

(«Деревня», США, 2010)

Несмотря на то что фильм переводной и жест на экране – предположительно американский (в американском фильме показана немецкая деревня), не вполне сходный с русским по способу выполнения (актер вскидывает сложенные щепотью пальцы левой руки до уровня левого виска, затем резко опускает руку), русским актером дуближа он, будучи пропущен через призму русской системы, ин-

терпретируется как *махнуть рукой* и сопровождается соответствующей интонацией – ИК-².

Наташа отказывается перевозить на пароме грузовики, водители которых рассчитывали проехать без очереди, «по благу».

Наташа (шоферам грузовиков): А вы... // Вот теперь будете (*резкий взмах рукой*) год стоять, / все равно вас не повезу!

Первый шофер: Ну что, / проскочили?

Второй шофер (машет рукой): Ну ладно, [ч:]ерт с ней! // Поехали в объезд, ¹успеем.

(«Когда деревья были большими»)

Махнуть рукой – ‘я отвлекаюсь сам и призываю тебя отвлечься от одного действия ради другого (перестать настаивать на своем праве попасть на паром и поехать в объезд)’, *ладно* – ‘я отвлекаюсь сам и призываю тебя отвлечься от наших первоначальных интересов (воспользоваться кратчайшим путем через реку) ради конечного результата (чтобы попасть все-таки вовремя на тот берег, необходимо трогаться)’.

Заметим также, что *давай* легко объединяется с кинемой *махнуть рукой* не только в вынужденном согласии, но и при каузации действия:

Пассажир в поезде предлагает попутчику выпить, но жена попутчика против.

Попутчик (жене): Да ладно!

Жена: Шо ладно?

Попутчик: Да ладно, / шо там в... это (*показывает пальцами маленькую рюмочку*)... (*Своему визави, махнув рукой*) **Давай!**

(«Страна чудес»)

Махнуть рукой – ‘отвлекись от позиции моей жены как от несущественной, неспособной служить нам препятствием’; *давай* – ‘следуй известной нам бенефактивной логике развития ситуации (без учёта позиции третьего лица)’.

Еще одна вербальная единица, в определенных реализациях тяготеющая к объединению с жестом *махнуть рукой* в речи, – междометие *эх*. В примерах типа

Эх, / была / не была! + *махнуть рукой*

(за высказыванием следует активное действие) или

Эх, / да что тут поделаешь! + *махнуть рукой*

(высказывание предшествует погружению говорящего в бездействие) значение единицы *эх* интерпретируется как ‘реакция говорящего на параметр внешних обстоятельств, мешающих реализоваться желаемому (при активной позиции говорящего в первом случае)’. Таким образом, *махнуть рукой* и *эх* могут объединяться за счет параметра внешних обстоятельств, служащих препятствием к чему-либо (к действию либо недействию).

Люба: Знаешь почему прибежала?

Гридя: Почему?

Люба: Князь меня сватает.

Гридя: Князь?

Люба: Вот-вот сваты будут.

Гридя: Всё равно. // Не бывать этому. // Никому тебя не отдам. // А ты? // Ты что скажешь?

Люба (со слабой улыбкой): Видишь – / прибежала.

Гридя (с улыбкой машет рукой): Эх, / что мне теперь князь! // Никого не боюсь!
(«Ледяная внучка»)

Эх – ‘говорящий отказывается учитывать осознаваемые им внешние обстоятельства (ему будет противостоять князь и вся его дружина), мешающие реализоваться желаемому’, *махнуть рукой* – ‘говорящий отвлекается от неблагоприятных обстоятельств в лице князя и его стражи во имя действия – женитьбы на Любе’.

Еще одна единица, типично совмещающаяся с жестом *махнуть рукой* в одной структуре, – междометие *у*. Связано это с тем, что *у* обладает, в частности, параметром *влияния полученной информации на дальнейшие действия говорящего, слушающего или на развитие ситуации* и «является сигналом-прологом к действиям говорящего» [Безяева 2002: 506]. (За формулировкой «дальнейшие действия говорящего / слушающего» в данном случае стоит как действие, так и недеяние). Кинема *махнуть рукой* также включает в своей семантике идею перехода к действию либо недеянию.

Ваня: Оно и правда. // С товарищем куда веселее.

Солдат (кивает): Ну вот видишь.

Ваня: А одному иногда и страшновато бывает.

Солдат: $\overset{6}{\underset{6}{\text{У}}}$ -у-у, / $\overset{2^3}{\text{милай!}}$ // (Машет рукой) $\overset{6}{\underset{6}{\text{У}}}$ -у-у!

(«Марья-искусница»)

У – ‘ты не можешь представить себе степень качества объекта, я знаю ее и выражаю оценку расхождения наших баз данных и оценку самого объекта, что влияет на мои дальнейшие действия’; значение кинемы *махнуть рукой* при данном звучании – ‘я отвлекаюсь сейчас от некоторых известных мне (ИК-6) весьма эффективных, впечатляющих (удлинение гласного центра) обстоятельств, чтобы не пускаться в рассказы о том, как страшно бывает одному в лесу’.

Вася: А где же мальчишка?

Жена: Какой?

Вася: Ну, мальчишка, / фронтовичок... // Меня провожал. // Герой: // два танка подбил.

Шофёр: Гражданочка, / поторопитесь, / а то я опаздываю.

Вася (*махнет рукой*): Эх, // жаль! // Ушёл!

(«Баллада о солдате»)

Эх – ‘говорящий реагирует на параметр внешних обстоятельств, мешающих реализоваться желаемому’, *махнуть рукой* – ‘я отвлекаюсь от своего намерения познакомиться тебя с моим попугачиком в силу непреодолимости обстоятельств’.

Рассматриваемый жест может также объединяться в конструкциях с *ой* в значении неготовности говорящего 1) к осознанию своего досадного промаха; 2) к отклонению от нормы, демонстрируемому собеседником либо третьим лицом; 3) к контакту с собеседником, к удовлетворению его любопытства и т. п. В первом случае *махнуть рукой* передает значение ‘я отвлекаюсь, отрешаюсь (и вам предлагаю отвлечься) от своей предшествующей позиции / ранее высказанной мною информации / ранее начатого мною действия во имя правильного варианта (правильного действия)’; во втором случае формируется издевка и жест означает ‘я отвлекаюсь от твоей позиции / высказанной тобой / третьим лицом информации и т.п. как от несущественной / неправдоподобной’; в третьем – при размыкании контакта – возникает значение ‘я предлагаю тебе отвлечься, отрешиться от обстоятельств / твоего интереса / этикетных норм и т. п., толкающих тебя к поддержанию контакта со мной в данный момент’. В первом случае делается выбор в пользу действия, во втором возможен переход как к действию, так и к недеянию, в третьем, как правило, собеседнику навязывается выбор в пользу недеяния (прекращения разговора), хотя возможны другие варианты, например:

Гридя узнаёт, что Люба отказалась выйти за князя.

Гридя: Где же она теперь?

Бабка Катерина (*махнет рукой*): Ой[с]! (Отворачивается). <невнятно> (Прижимает руку к сердцу) ↑ Ой! (Плачет).

Гридя: Что с ней?

Дед Еремей: Сейчас / мы тебе всё... / расскажем.

(«Ледяная внучка»)

Жест *махнуть рукой* – ‘говорящий сам пытается отвлечься и предлагает собеседнику отвлечься от интересующих его обстоятельств’, поскольку то, что случилось с Любой, слишком страшно для того, чтобы можно было это высказать (она оледенела от горя, превратилась в ледяную ведьму и заморозила всю деревню); за *ой* стоит значение неготовности к контакту (‘хотела бы ответить, но не могу’, ‘не вдруг и слова подберешь’). В данном случае третий собеседник, обладающий нужной информацией, берет действие на себя.

Две недолюбливающие друг друга супружеские пары – родители жениха и невесты – делают заказ в ресторане.

Мать невесты: Мне, пожалуйста... / салат... / из рукколы...

Мать жениха (*махнет рукой*): ↑ → Ой!

Мать невесты: ...и морковный фреш.

(«Страна чудес»)

Махнуть рукой – ‘я отвлекаюсь от этой нарочитой демонстрации своей утонченности как от несущественной’; *ой* – ‘ироническая неготовность говорящего к отклонению от нормы, демонстрируемому будущей родственницей’.

Два следователя ссорятся по поводу помощи, которую оказывает следствию театральный режиссёр – гений, выступающий время от времени с меткими догадками.

Вадим: Это всё гипотезы, / подкрепить их нечем!

Анна (*машет рукой, качает головой*): Ой, / ладно, / всё! // Давай до завтра!

(«Декорации убийства», 2-я серия)

Махнуть рукой – ‘я предлагаю тебе отвлечься от твоих интересов во имя надеяния (прекратить бессмысленное обсуждение)’ и в то же время ‘я отвлекаюсь от твоей позиции’, кинема *качать головой* маркирует наличие разрыва между позициями собеседников, *ой* обозначает неготовность говорящего к поддержанию контакта со слушающим, *ладно* использовано в значении ‘отвлекись от своих интересов ради общего дела – прервем этот спор, чтобы успеть выспаться’, *всё* вводит идею исчерпанности данного варианта развития ситуации на фоне других вариантов-стадий, что бенефактивно как для говорящего, так и для слушающего (при том что имеет место расхождение интересов – слушающий настроен продолжать спор), *давай* указывает на знание говорящим бенефактивной нормы развития ситуации (при формальном учете позиции слушающего), ИК-2 (*ладно, / всё!*) – ‘следует реализовать именно этот вариант’.

Приведенные примеры показывают, что кинесические и вербальные коммуникативные единицы обладают семантикой одного порядка и представляют собой явления одной и той же природы, что дает нам основания рассматривать коммуникативные кинемы как одну из групп в рамках коммуникативной системы языка.

ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ ЕДИНИЦЫ *МАХНУТЬ РУКОЙ* В СЛОВАРЯХ КИНЕСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ РУССКОГО ЯЗЫКА

«Словарь языка русских жестов» [Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001] подает различные реализации жеста как омонимичные, не связанные между собой, снабжая их толкованием применительно к данному употреблению. Технически единицы *махнуть рукой 1* и *махнуть рукой 2* оформлены так же, как *кивнуть 1* <классический кивок> и *кивнуть 2* <редуцированный поклон>, однако если в последнем случае для такого противопоставления действительно есть основания, то жест *махнуть рукой* таких оснований не дает. В действительности параметр *отвлечения от некоего препятствия / от неких обстоятельств* объединяет представленные в словаре жесты *махнуть рукой 1* (*отвлечение от позиции адресата*), 2.1 (*отвлечение от обстоятельств в пользу надеяния*) и 2.2 (*отвлечение от препятствующих обстоятельств в пользу действия*).

Семантическое раскрытие (три изолированных формулировки для трех выделенных словарных единиц) каждый раз охватывает чрезвычайно узкий диапазон примеров. Так, значение жеста *махнуть рукой 1* определяется следующим образом: «Лицо Y высказало некоторое суждение P. Жестикулирующий X дает понять, что P не имеет ничего общего с реальным положением дел и не заслуживает внимания». Отмечается, что «оценка, выражаемая этим жестом, может вызвать у Y-а обиду» [Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001: 67].

Вспомним широко представленное в языке этикетное использование жеста:

Сержант: Вот. // Возьмите цветы.

Связистка (улыбается и качает головой): Что вы...

Сержант: Ну, / берите-берите.

Связистка (улыбается и качает головой): Не надо.

Сержант (улыбается, **машет рукой**): Да берите!

Связистка: Ну спасибо.

Сержант: Пожалуйста.

(«Звезда», 1949)

Мы видим, что в сформулированное выше значение данное употребление никак не укладывается, но в то же время из трех возможностей, предоставляемых словом, такие примеры теоретически могут быть отнесены только к *махнуть рукой 1*.

Для *махнуть рукой 2.2* словарь предлагает следующее толкование: «Жестикулирующий X должен совершить некоторое нежелательное для него действие P. Перебрав в уме возможности избежать выполнения P, жестикулирующий убеждается, что ни одна из них не является достаточным основанием для того, чтобы не делать P, и решает, что необходимо сделать P» [Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001: 69].

Вспомним уже приводившийся выше пример из к/ф «В бой идут одни старики» (по логике словаря, его можно отнести только к *махнуть рукой 2.2*):

Бойцы второй эскадрильи поминают погибшего летчика. Все стоят молча. Капитан Титаренко качает головой, затем машет рукой. Далее следует нарезка из сцен боевых вылетов – наши летчики отчаянно бомбят фашистские позиции.

Очевидно, что здесь отсутствует момент перебора вариантов, как избежать задуманного действия, а также неактуальна идея нежелательности действия.

При таких суженных и детализированных формулировках целый ряд частотных реализаций жеста безусловно остается за пределами рассмотрения. Характеристики типа привязанности жеста к «ситуации неформального общения» или «равного либо более низкого статуса» адресата по сравнению с жестикулирующим также легко опровергаются живым русским материалом.

В лингвострановедческом словаре «Жесты и мимика в русской речи» [Акишина А.А. и др. 2010] трактовка жеста *махнуть рукой* не идет далее целеустановочного уровня:

«МАХАТЬ / махнуть, замахать РУКОЙ (руками) [на кого-л.]. (...)

Отказ от контакта, разговора, отказ высказать свое мнение. (...)

Недовольство, досада, раздражение. Отрицательная оценка чего-л. (...)

Выражает безнадежность, безвыходность положения»

[Акишина А.А. и др. 2010: 86-87].

В то же время введение инвариантного параметра русского жеста *махнуть рукой* в сочетании со знанием законов реализации семантических параметров коммуникативных единиц становится ключом к пониманию значения данного жеста в любом его использовании, а также отсылка к нему в устной и письменной русской речи.

ЛИТЕРАТУРА

Акишина А.А., Кано Х., Акишина Т.Е. Жесты и мимика в русской речи. Лингвострановедческий словарь. М., 2010. 152 с.

Безяева М.Г. Инвариантные коммуникативные параметры русского *von* (материалы к словарю коммуникативных средств) // *Язык, культура, коммуникация*. М., 2013а. С. 58–73.

Безяева М.Г. К вопросу о коммуникативных параметрах вводных слов *главное* и *между прочим* // *Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания*. Сборник научных и научно-методических статей. Вып. 11. М., 2015а. С. 18–41.

Безяева М.Г. Коммуникативная семантика как объект филологического исследования // *Филология вечная и молодая*. М., 2012. С. 63–78.

Безяева М.Г. Коммуникативное поле как единица языка и текста // *Слово. Грамматика. Речь*. Вып. XV. М., 2014. С. 101–118.

Безяева М.Г. О коммуникативных параметрах сакральных единиц русского языка (Господи, Боже). Материалы к словарю коммуникативных средств // *Слово, Грамматика Речь*. Вып. 10. М., 2008а. С. 10–27.

Безяева М.Г. О номинативном и коммуникативном в значении слова. На примере русского «тут» // *Язык, культура, человек*. М., 2008б. С. 11–38.

Безяева М.Г. О семантических основаниях коммуникативной моды // *Вопросы русского языкознания*. Вып. 13. Фонетика и грамматика. Настоящее, прошедшее, будущее. М., 2010б. С. 159–170.

Безяева М.Г. О специфике коммуникативной интерпретации текста (на материале соотношения письменной основы и звучащего варианта) // *Вестник Московского университета*. Серия 9, Филология. 2013б. № 2. С. 19–36.

Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М., 2002. 752 с.

Безяева М.Г. Семантическое устройство коммуникативного уровня языка (теоретические основы и методические следствия) // *Слово. Грамматика. Речь*. Вып. VII. М., 2005. С. 105–129.

Безяева М.Г. Слово *правда* как средство коммуникативного уровня русского языка // *Stephanos*. Сетевое издание. Рецензируемый мультиязычный научный журнал. 2015б. № 6. С. 35–59.

Брызгунова Е.А. Интонация // *Русская грамматика*. Т. 1, М., 1980. Т. 2, М., 1982. 1492 с.

Брызгунова Е.А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М., 1984. 116 с.

Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е. Словарь языка русских жестов. М. Вена, 2001. 256 с.

Коростелева А.А. О применении метода семантического коммуникативного анализа к описанию невербальных средств языка в преподавании РКИ // *Русский язык@Литература@ Культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания в России и за рубежом: III Международная научно-практическая интернет-конференция...* Труды и материалы. М., 2011а. С. 130–141.

REFERENCES

Akishina A.A., Kano H., Akishina T.E. (2010) Gestures and Facial Expressions in the Russian Language. Encyclopedic Dictionary. Moscow. 152 p.

Bezyaeva M.G. (2013a.) Invariant Communicative Parameters of Russian ‘von’ (Materials to the Dictionary of Communicative Means). In: Language, Culture, Communication. Moscow, pp. 58–73.

Bezyaeva M.G. (2015a.) Towards Communicative Characteristics of the Words *главное* (glavnoe) and *между прочим* (mezhdu prochim). In: Language, Literature, Culture. Actual Problems of Learning and Teaching: Collection of Scientific and Methodological Articles. Vol. 11. Moscow, pp. 18–41.

Bezyaeva M.G. (2010a.) Communicative Semantics of Sounding Literary Text. In: The Fourth International Congress “Russian Language: Its Historical Destiny and Present State”. Moscow, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology. March 20–23, 2010. Moscow University Press, p. 751.

Bezyaeva M.G. (2012) Communicative Semantics as an Object of Philological Research. In: Philology: Everlasting and Young. Collected Articles for Prof. Marina L. Remnyova’s Anniversary. Moscow University Press, pp. 63–78.

Bezyaeva M.G. (2014) Communicative Field as a Unit of Language and Text. In: Word. Grammar. Speech. Vol. XV. Moscow, pp. 101–118.

Bezyaeva M.G. (2008a.) On Communicative Parametres of Sacred Units of the Russian Language (Lord, God). In: Materials to the Dictionary of Communicative Means. Word. Grammar. Speech. Vol. 10. Moscow, pp. 10–27.

Bezyaeva M.G. (2008b.) On Nominative and Communicative in a Meaning of a Word (Russian ‘tut’). In: Language, Culture, Person. Moscow, pp. 11–38.

Bezyaeva M.G. (2010b.) On the Semantic Basis of Communicative Fashion. In: Questions of Russian Linguistics. Phonetics and Grammar. Present, Past, Future. Moscow. Vol. 13, pp. 159–170.

Bezyaeva M.G. (2013b.) On the Specifics of the Communicative Interpretation of the Text (on a Material of Correlation of the Written and Sounding Versions). *Moscow State University Bulletin. Series 9, Philology*. No 2, pp. 19–36.

Bezyaeva M.G. (2002) Semantics of Communicative Level of Sounding Language. Moscow. 752 p.

Bezyaeva M.G. (2005) The Semantic Device of Communicative Level of Language (Theoretical and Methodological Foundations of the Investigation). In: Word. Grammar. Speech. Vol. VII. Moscow, pp. 105–129.

Bezyaeva M.G. The Word ‘pravda’ as a Unit of Communicative Level of Russian Language. *Stephanos. Network Edition. Peer Reviewed Multilingual Scientific Journal*. 2015b. No 6, pp. 35–59.

Bryzgunova E.A. Intonation. Russian Grammar. Vol. 1. Moscow, 1980; Vol. 2. Moscow, 1982.

Bryzgunova E.A. (1984) Emotional and Stylistic Differences of Russian Sounding Speech. Moscow. 116 p.

Grigoryeva S.A., Grigoryev N.V., Kreydlin G.E. (2001) Dictionary of Russian Gestures. Moscow; Vienna. 256 p.

Korosteleva A.A. (2011a.) On the Application of Semantic Communicative Analysis Method to the Description of Non-Verbal Language Means in Russian as Foreign Language Teaching. In: Russian Language @Literature @Culture: Actual Problems of Studying and Teaching in Russia and Abroad: III International Scientific and Practical Internet-Conference... Works and Papers. Moscow, pp. 130–141.

Сведения об авторе
Анна Александровна Коростелева,
канд. филол. наук
доцент
кафедра русского языка
для иностранных учащихся
естественных факультетов

филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Anna A. Korosteleva,
PhD
Assistant Professor
Department of Russian Language
for Foreign Students of Natural Sciences
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
korosteleva.a@gmail.com

Испанская лексема *que* и ее функции

Аннотация: Испанская лексема *que*, являющаяся результатом развития нескольких латинских слов, принадлежавших различным частям речи и выступавших в функции подчинительных союзов, обладает крайне широкими синтаксическими возможностями и может присоединять придаточные предложения разнообразных типов: субстантивные (дополнительные и подлежащие), причины, цели, условия, уступки. Особенностью этой лексемы является ее грамматическая многозначность, что влечет за собой эффект диффузности логико-синтаксических отношений, возникающих между предложениями, объединенными данным элементом. Вследствие этой диффузности, которая в ряде работ носит название *'s que' r qtkxcrgpvq*, данная лексема, в отличие от того, что предлагается традиционными испанскими грамматиками и справочными пособиями, не может являться только союзом или относительным местоимением, поскольку способна выражать целый комплекс логико-синтаксических, модально-прагматических и дискурсивно-коммуникативных значений. Такая многоаспектность его семантики требует более детальной классификации, разработке и описанию которой посвящена данная статья.

Ключевые слова: испанский язык, лексема *que*, подчинительный союз, дискурсивный маркер, коннектор

Учво о с т ъ: The Spanish *que*, the result of fusion of a few Latin words of different classes that functioned as subordinative conjunctions, has an extremely wide range of syntactic values and is used to adduce various clauses: substantive (objective and subject ones), causal, final, conditional, concessive. The specificity of *que* is in its grammatical polyvalence than leads to a kind of blurring effect when the logical-semantic relations between propositions are rather hinted at than explicitly marked. As a consequence, this use of *que* has been branded as *'s que' r qtkxcrgpvq*. In contrast to what the traditional grammars and reference grammar books suggest, this *que* is more than just a conjunction / relative pronoun: it is capable of expressing a whole complex of logical-syntactic, modal-pragmatic, discourse and communicative meanings. The versatile semantics of *que* makes one to think of a clearer approach to classifying its functions, and this is what the present paper is focused on.

Мгф"у qtfu. Spanish language, uses of *que*, subordinative conjunction, discourse marker, syntactic connector

30' ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Испанское слово *sig*, чей грамматический статус и связанная с ним частеречная принадлежность будут рассмотрены ниже (п. 2 настоящей статьи), является одним из наиболее частотных в текстах разных функциональных стилей. По данным сайта Испанской королевской академии, лексема *sig* занимает третье место по степени встречаемости на материале корпуса современного испанского языка (CREA; 160 млн словоупотреблений), уступая только предлогу *fg* и форме артикля женского рода *lc*. Вследствие такой высокой частотности, которая предполагает многозначность и связанную с ней многофункциональность, испанское *sig* принимает на себя множество различных грамматических значений. Как отмечал А. Бельо, один из основоположников современной испанской грамматической традиции, «no hay palabra castellana que sufra tan variadas y a veces inexplicables transformaciones»¹ [Bello 1903, §1006: 267].

Слова Бельо можно проиллюстрировать следующими примерами²:

(1) Mejor *sig* empiece desde el principio;

Ahora gano e doble *sig* hace un año;

Lo digo para *sig* vea usted;

Por razones *sig* ahora le explicaré.

¡Claro *sig* te quiero, mi alma!

¡*Sig* viva España!

(2) Suba, *sig* tenemos una plaza;

¡Anda *sig* no es pesada!;

Los móviles, *sig* no son los míos;

Ven, *sig* te presento.

Беглое сравнение приведенных примеров показывает, что функции элемента *sig* отличаются не только на грамматическом, но и на дискурсивном уровне: в примерах группы (1) *sig* выступает только как союз в единственном грамматическом значении, в подчинительной функции, присоединяя зависимую пропозицию к эксплицированному, свернутому до номинализации или имплицированному высказыванию в функции синтаксически главного предложения; в примерах группы (2) *sig* обладает свойствами прагматического коннектора (дискурсивного маркера) с разнообразным набором функций, к которым может добавляться также и союзная. Характерно, что среди испанских союзов по крайней мере еще один – *rgu'б* может объединять структурную и коммуникативную функции³, однако его значения не так разнообразны.

Подобная особенность характерна не только для испанского языка. Другие романские языки, например итальянский или португальский, также эксплуатируют многозначность лексем *sig'' e j g*, которая может быть как союзом с каким-либо одним определенным синтаксическим значением (3), так и обладать диффузными

¹ «Нет другого испанского слова, которое претерпевало бы столь разнообразные и иногда необъяснимые трансформации» (перевод наш. – ДГО)

² Все приведенные здесь и далее примеры заимствованы из различных художественных текстов (преимущественно кино- и телесценариев), написанных в Испании в последние три десятилетия. Тексты опубликованы на интернет-портале <http://www.cervantesvirtual.com/bib/portal/lgb/guiones.shtml> [дата обращения 16.06.2016].

³ Ср.: Se ve muy poco, pues ahora apenas hay luz; Llegó muy cansado, no irá, pues, a la reunión. versus Ah, ¿sí? Pues ahora me voy.

синтаксическими значениями, объединяя пропозиции по более чем одному параметру – (4); (5) [Гуревич, Жолудева 2015: 627]:

(3) Pensava *ej g* fosse troppo presto (итал.);

Me contaram *s w g* tem muita obra em andamento (порт.).

(4) Io sono una donna tranquilla, *ej g* sto a casa, lavoro (итал.)

(5) Meu pai é avogado. Vamos lá *s w g* ele resolve (порт.)

В (3) *ej g* / "s w g" выступает как союз, вводящий придаточные дополнительные предложения; в (4) его значение можно интерпретировать как определительное, причинное (*r g t e j*²), присоединительное (нет специализированной синтаксической функции, указывает на общую синтаксическую привязку к теме «*donna tranquilla*»), сочинительный союз; в (5) значение союза также можно истолковать как причинное (*r q t s w g*), сочинительное (*g'g r g' t g u q x g*), присоединительное (также без специализированной функции), целевое (*r c t c' s w g' t g u q x c*). Значения союза, реализованные в (4) и (5), получили в итальянской лингвистике специальное обозначение – *ej g' r q i k x c i g p w g* – и рассматриваются как один из маркеров разговорного регистра речи [Berruto 1987, 2014: 78–79].

В данной статье нас будет интересовать синтаксическая, прагматическая и стилистическая функция *s w g*, реализованная в контекстах, идентичных приведенным в группе (2), основная особенность которых заключается в диффузном (полифункциональном, поливалентном) синтактико-прагматическом значении связующего элемента *s w g*.

40 ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТАТУС ИСПАНСКОГО *QUE* И ЕГО ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

400 Терминология

В испанской грамматической традиции не существует какого-либо устойчивого названия для обозначения функций *s w g*, которые реализованы в примерах группы (2), хотя подобное употребление обращало на себя внимание грамматистов начиная с середины XIX в.¹ В современных работах используются разные термины. Так, например, М. Боррегера Сулоага использует термин «*s w g polivalente*» [Borreguero Zuloaga 2015: 109] вслед за итальянской исследовательницей Р. Сорникала [Sornicola 1981], этим же термином пользуется А. Дюфтер [Dufter 2010: 255]; С. Понс Бордерия использует термин «*s w g inespecífico*» [Pons Bordería 2003: 535]; М. Порроче Бальестерос называет исследуемый элемент «*partícula*», «*marcador del discurso*» и «*s w g introductor*» [Porroche Ballesteros 2000: 100 et ss.]; П. Грас использует термин «*s w g conectivo*» и «*s w g insubordinante*» [Gras 2013: 97].

Подобная терминологическая пестрота объясняется, на наш взгляд, несоответствием между двумя различными методологическими подходами к трактовке языковых явлений: структуралистским и функциональным. Испанская академическая грамматическая традиция (в рамках которой написаны академическая граммати-

¹ Ср., например, грамматико-семантическую трактовку *que* у таких исследователей как А. Бельо, Л. Шпитцер, М. Молинер, Х. Алсина и Х.М. Блекуа, С. Хили Гайа. Не предложив каких-либо удачных терминов, удержавшихся в дальнейшей испанской грамматической традиции (а среди предлагавшихся можно назвать, в частности, «*que explicativo*»; «*que narrativo*» – Spitzer; «*poder expansivo de que*» – Moliner; «*construcciones con relación lógica*» – Alcina & Blecua), эти исследователи указывали на полифункциональный характер союза и приводили примеры, не вполне укладывающиеся в традиционную модель его описания, что и приводило к появлению терминов-неологизмов.

ка, в том числе и последняя – Nueva gramática de la lengua española, 2009–2011¹, а также многочисленные справочные словари и пособия – например, Diccionario panhispánico de dudas, 2005; Diccionario de la lengua española, 2014), во многом придерживающаяся структуралистских подходов, декларирует зависимость грамматической функции от грамматического статуса, т. е. идет от формы к смыслу по модели: союз → подчинительный грамматический элемент в определенном типа придаточных или иных конструкциях (и только в них!). Именно поэтому академические грамматические справочники, претендующие на фиксацию грамматической нормы, выделяют значения *s i g* как союза и как относительного местоимения, фактически не рассматривая значения, приведенные в примерах группы (2).

Функциональный подход, которого придерживается ряд авторов, названных выше, и лишь отчасти принимаемый академической традицией¹, предполагает интерпретацию языковых фактов с учетом коммуникативных задач. Перечисление таких задач предполагает использование терминов лингвистической прагматики: дискурсивный маркер, коннектор, модальный оператор и др. Несогласованность двух методологических подходов приводит к рассогласованности в терминах, за которой стоит неодинаковое понимание языкового статуса элемента *s i g*.

4.040' Формально/грамматическая и функциональная классификация

Испанская грамматическая традиция выделяет два типа *'s i g*: ударное и безударное.

Ударное несет на себе словесное ударение, которое отражается в орфографии (*s i g*²), и в зависимости от реализуемых грамматических функций относится к классу вопросительных и восклицательных прилагательных, вопросительных и восклицательных местоимений, наречий или междометий. Оно может вводить придаточные предложения (преимущественно субстантивные в функции прямого дополнения: *No te imaginas en qué sitios he estado*) и не встречается в контекстах с диффузным синтактико-прагматическим значением. Особенности его употребления здесь не анализируются.

Безударное *s i g* не несет самостоятельного словесного ударения, в фонетическом отношении ведет себя как безударная клитика в препозиции; оно рассматривается как союз и как относительное местоимение. Выделяемые функции – это функции синтаксического подчинения в придаточных разных типов, в конструкциях сравнения, в конструкциях эмфатического выделения (топикализация) (*Ha sido el gato que ha tirado un vaso*), а также в так называемых независимых предложениях в декларативном (*S i g estoy celebrando*) или оптативном / дезидеративном значении (*¡S i g viva España! / ¡S i g te calles!*). Кроме того, безударное *s i g*-местоимение способно присоединять артикли (*el que; la que; lo que*) в зависимости от наличия или отсутствия антецедента в придаточном определительном, а *s i g*-союз может входить в состав сложных союзов, образованных по модели «предлог + *s i g*» или «наречие + *s i g*» (*para que; por que; sin que; así que; aunque, g*).

Одним из формальных критериев дифференциации функций *s i g* является синтаксический критерий, т. е. его позиция во фразе: оно может находиться внутри одного высказывания, выполняя союзную функцию присоединения зависимого в логико-синтаксическом отношении высказывания к главному, а может стоять в

¹ Главным образом, в двух последних по времени академических грамматиках: Дескриптивной грамматике испанского языка (*Gramática descriptiva de la lengua española*, 1999) и Новой грамматике испанского языка (*Nueva gramática de la lengua española*). В словарях и справочных пособиях академия придерживается традиционного частеречного подхода.

абсолютном начале высказывания, тем самым маркируя высказывание, содержащее синтаксически независимое предложение. Такой семантико-синтаксический подход разделяют многие испанские грамматисты старшего поколения, принадлежащие к традиционной научной парадигме¹.

Вместе с тем, как было показано выше, в современном испанском языке встречаются примеры, где элемент *sí* выступает в более чем одной синтаксической функции, являясь либо многофункциональным союзом, либо вообще выполняя не союзную функцию, а функцию прагматического коннектора, которую выделяют современные исследователи [Briz, 1993; Cascón Martín, 1995; Borreguero Zuloaga, 2015; Dufter, 2010; Pons Bordería, 2003; Porroche Ballesteros, 2000; Gras, 2013]. Классификация, таким образом, должна учитывать не только частеречную принадлежность и связанную с ней грамматическую функцию, и синтаксическое положение элемента *sí* внутри фразы либо в начале ее, но также и коммуникативную нагрузку, которую несет элемент *sí*, выступающий в качестве коннектора.

Наиболее удачной нам представляется классификация, которая учитывала бы три функциональных параметра, которыми может обладать элемент *sí*, вводящий полноценную пропозицию:

1) грамматические функции, т. е. функции собственно союзные (логико-синтаксические), выражающиеся в синтаксическом подчинении или сочинении двух и более пропозиций между собой, в этом случае *sí* находится между ними, не несет никакой нагрузки за пределами высказывания и принадлежит всему высказыванию, а не только придаточному предложению, даже если графически стоит после точки и написано с заглавной буквы:

(6) *Espero sí no le importe* [придаточное дополнительное];
¡Ven sí te tienta! [придаточное цели];

Eso significa que vamos por buen camino, sí es firme [придаточное определительное (el cual) / придаточное причины (porque)]

(7) *Venga, sí mamá os espera* [придаточное причины];
Espera, sí no he terminado [придаточное причины].

2) прагматические функции (модально-грамматические, иллокутивно-обусловленные), заключающиеся в выборе грамматического способа выражения иллокутивных значений – пожелание (конъюнктив: *Sí te calles*), декларация (индикатив: *Sí estoy celebrando*), повтор реплики/цитация (индикатив+интонация *Sí de noche lo mataron al Caballero*), в этом случае *sí* стоит в начале пропозиции, которая составляет отдельное высказывание, начинающееся со слова *sí*:

(8) *¡Sí viva España!* [безличное, оптативное];
Sí los coman recalentados ellos, yo no [косвенно-побудительное, дезидеративное];
¡Sí te la cojas! [прямо-побудительное, императивное];

{*Han puesto una bomba.*} *Sí han puesto una bomba* [повтор реплики с подчеркиванием иллокутивных целей];

3) коммуникативные функции коннектора / дискурсивного маркера (контекстуально зависимые, информационно обусловленные), выражающиеся в маркирова-

¹ Среди них такие, например, маститые фигуры как М. Секо, Э. Аларкос Льорак, Ф. Матте Бон – авторы авторитетнейших грамматик и справочных пособий. Характерно, что грамматика Ф. Матте Бона носит название коммуникативной (*Gramática comunicativa del español*) и содержит примеры, хотя и авторского сочинения, но, безусловно, отражающие основные синтаксические характеристики разговорной речи.

нии комментирующих, толковательных, оценочных и пр. контекстно-связанных значений, которые говорящий приписывает тому высказыванию, в начале которого стоит *s i g*, в этом случае *s i g* вводит синтаксически самостоятельное, но дискурсивно связанное высказывание, объединенное с предыдущим общей иллокутивной установкой:

(9) ¡Miguel!, ¡Alicia!, ¡*s i g* estamos aquí! [повтор / уточнение];
¿El dinero, *s i g* cuánto es? [рема / комментарий к топику «dinero»];
Me ha llegado una carta *s i g* estoy apuntado en el f chero [разъяснительное, толковательное];
Hola, Palomero, ¿qué hay? Oye, *s i g* necesitaba una paella ahora [ввод новой темы].

Первые две функции *s i g* являются грамматически обязательными, кроме примеров группы (7); последняя – грамматически факультативна, о чем свидетельствует возможность опущения коннектора. В этом случае, как отмечает П. Грас [Gras 2013: 92], возникают очевидные дискурсивные эффекты:

(10) ¡Miguel!, ¡Alicia!, [*s i g*] ¡estamos aquí! [сообщение, а не уточнение];
¿El dinero, [*s i g*] cuánto es? [не однозначно: может относиться к количеству денег, а может относиться к цене любой вещи];
Me ha llegado una carta [*s i g*] estoy apuntado en el f chero [аграмматично, если без паузы; не однозначно, если с паузой: может быть воспринято как два не связанных высказывания].

4050' Этимология

Многофункциональность слова "*s i g*" может быть связана с его этимологией. Неспециализированные словари (Diccionario CLAVE, Diccionario de la lengua española – DRAE; Diccionario de uso del español María Moliner) указывают в качестве этимона слова *s i g* латинское QUID, которое в классической латыни могла быть прилагательным или существительным. В то же время в работах, посвященных истории складывания испанских союзов, отмечается, что современное *s i g* является результатом конвергенции сразу нескольких латинских лексем: QUID (QUOD), QUAE (QUEM / QUAM) и QUIA, в результате чего смешивались значения относительного местоимения, вводившего придаточные определительные, неопределенного / вопросительного местоимения, вводившего придаточные дополнительные и подлежащные, наречия, вводившего элемент сравнения в сравнительных конструкциях, и союза, вводившего придаточное причины [Batista Rodríguez 1987–1988: 111; Corominas, Pascual 1981, 4: 703]. Такое смешение привело к тому, что союз *s i g* в комбинации с разными предлогами и наречиями стал выражать практически любое субординативное значение. В староиспанском, когда этот процесс только шел и комбинация «предлог / наречие + *s i g*» была факультативна и использовалась в целях уточнения искомого синтаксического значения, лексема "*s i g*" могла присоединять придаточные различных типов. Со временем эта многофункциональность, вероятно, закрепилась в семантике лексемы и повлияла на ее современное употребление в качестве не только союза, но и дискурсивного маркера / коннектора, присоединяющего одно высказывание к другому благодаря единой для них иллокутивной установке.

**50 ТИПОВЫЕ СЛУЧАИ УПОТРЕБЛЕНИЯ QUE
КАК ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОГО СОЮЗА И КАК КОННЕКТОРА**

5030 Que/союз

Диффузное значение союза *sing*, которое проявляется в способности выступать в роли различных подчинительных союзов, а также в составе сложноподчиненных предложений с более чем одним подчинительным значением, могут быть проиллюстрированы следующими примерами¹.

Приимперативное употребление:

(11) *Espera, sing no he terminado;*
No os preocupéis, sing ya os traduzco yo;
Oye, quita esa foto del Tuenti, sing parezco gilipollas;

(12) *¡Levanta, sing esto te va a encantar!;*
Déjame, sing se lo ato;
Ven, sing te presento.

Примеры групп (11) и (12), содержащие эксплицитированный императив, выражают причинное значение (11) либо собственно диффузное, нерасчлененное значение (12). Следует отметить, что это одно из наиболее частотных употреблений многозначного "*sing*". Такое приимперативное употребление отмечается многими исследователями². Для него характерно наличие детерминированной (например, причинная) либо недетерминированной (диффузной, многозначной) логической либо психологической связи между главным и зависимым предложением, такая связь не всегда может укладываться в рамки «классических» типов придаточных, как, например, в трех последних фразах.

(13) *Cuidado, sing soy yo;*
Un momento, sing ya voy;
Hala, hala, sing se nos hace tarde;
Sssshhhh, sing vamos a despertar a mi compañera;
A casa, hombre, a casa... Padre, sing nos vamos, hala.

Примеры группы (13), содержащие имплицитированный императив, обычно выражают значение, близкое к причинному, но не совпадающее с ним полностью. В отличие от примеров в группе (11), где возможна замена союза *sing* на *rqt sing* (*No os preocupéis, sing ya os traduzco* → *No os preocupéis rqt sing ya os traduzco*) в примерах группы (13) такая замена вряд ли возможна, поскольку эти примеры выражают значение более сложное, чем только причинное. Употребление причинного союза *rqt sing* в примерах данного типа в использованных источниках нами отмечено не было³.

(14) *Ven sing te lo arregle;*
Trae sing te ayude;
¡Ven sing te tiente!

К группе (14) относятся примеры, содержащие придаточное цели, в них союз *sing* эквивалентен целевому союзу *rctc 'sing*.

(15) *Oiga usted, sing yo soy muy católica, pero si empezamos a faltar...*

¹ Деление нижеследующих контекстов на императивные и неимперативные отчасти основано на положениях, содержащихся в [Гуревич, Жолудева 2015].

² См., например, [NGRAE 2009, §46.6i-k: 3478]; [Гуревич, Жолудева 2015].

³ Ср. в этой связи употребление в русской разговорной речи союза «а то»: «Давай, давай, а то будет поздно»; «Тсс, а то соседку разбудим» при невозможности сказать «*Давай, давай, потому что будет поздно»; «*Тсс, потому что соседку разбудим».

Данный пример (15) представляет собой уступительное значение, союз *s i g* может быть заменен типовым союзом со значением уступки *s i r s i g*.

Прииндикативное употребление:

(16) Lo que digo es que le podrías preguntar si está casada, si tiene novio... *S i g* sí, pues me retiro como un campeón, ahora... *s i g* no, cojo el pico, la pala y la linterna y pa dentro.

В группе (16) представлен пример, содержащий значение условия, где союз *s i g* эквивалентен союзу *u k* в условном значении: *U k*[ella] está casada, *u k* tiene novio...; *U k*[ella] no [está casada, no tiene novio]...

(17) [Bebo] Solo hoy, *s i g* estoy con mi hermano.
S i g estoy celebrando;
A correr, *s i g* es buena idea;
Eso signif ca que vamos por buen camino, *s i g* es firme.

В группе (17) приведены примеры, содержащие смешанные субординативные значения. В отличие от примеров группы (12), где отношения между главным и придаточным не всегда могут быть соотнесены с «классическими» типами придаточных, в данном случае союз *s i g* можно интерпретировать как один из двух-трех возможных в данном синтаксическом контексте стандартных подчинительных союзов. Ср.: [Bebo] Solo hoy, *s i g* estoy con mi hermano → *r q t s i g* estoy con mi hermano (причинное значение) / → *e w c p f q* estoy con mi hermano (временное значение); A correr, *s i g* es buena idea → porque es una buena idea (причинное значение) / → lo que es buena idea (определяющее значение).

(18) Pero, Alberto, cariño, *s i g* yo te escucho;
No, no, *s i g* creo que lo entiendo;
Corcuera, Corcuera, *s i g* una no es de piedra;
Ay, ay, bueno, ya, *s i g* me tiras;
Señora, señora... *S i g* está roto. – {¿Qué?} – {El cajero, está roto...}

В группе (18) представлен переходный, смешанный тип, при котором союз *s i g* имеет много общего с коннектором *'s i g*. С одной стороны, здесь можно усмотреть именно логико-синтаксические связи, например, значение придаточного причины: Alberto [díme], *s i g* te escucho → *r q t s i g* te escucho; Corcuera, Corcuera, [no lo hagas / no lo digas] *s i g* una no es de piedra → *r q t s i g* una no es de piedra; или придаточного дополнительного (изъяснительного): *S i g* está roto → Ya ve usted / quiero decir *s i g* está roto. С другой стороны, здесь присутствует и связь внутриконтекстного типа, когда две пропозиции объединены в большей степени по коммуникативным причинам благодаря общей для них иллокутивной силе, чем строго грамматически с обязательной связью, выраженной морфосинтаксическими средствами (союзами). Кроме того, *s i g*/высказывания данной группы содержат отсылку к общей пресуппозиции всего «большого» высказывания. Ср.: [El cajero está roto. Usted, señora, no lo sabe / no lo ve.] (пресуппозиция) → [Yo quiero que usted sepa] → *s i g* está roto.

5040' *Que*/коннектор

В данную группу войдут контексты, в которых *s i g* выражает различные контекстно-связанные значения. Ни в одном из нежеприведенных случаев *s i g* не может являться союзом, так как не выражает стандартных грамматических значений, которые допускали бы перефразировку другими союзными средствами.

(19) ¿El dinero, *s ig* cuánto es?;
La traductora. *S ig* no viene;
El gallo... *S ig* se me ha escapado el gallo;
Los móviles, *s ig* no son los míos.

В группе (19) представлены случаи комментария к заявленному топику. Топиком (темой) является слово, стоящее непосредственно слева от *s ig*-коннектора, который в свою очередь вводит комментарий. В отличие от субъектно-предикатной структуры, предполагающей грамматическую связь, выраженную на поверхностном морфологическом уровне, здесь представлена структура типа «топик – комментарий», когда никакой грамматической связи между двумя элементами нет, связь только ассоциативная, выраженная в линейном соположении компонентов: «топик – *s ig*” – “комментарий».

(20) {¿Qué pasa? ¿Qué ha pasado?} – No, *s ig* no he podido hacerlas;
{Bueno, ¿qué miras?} – No, nada, *s ig* voy a... voy a llenar un par de frascas; ¿Qué pasa? – Nada, *s ig* quería preguntarte una cosa.

В данной группе (20) перечислены случаи ответа-комментария на общий вопрос типа ¿Qué pasa / Qué hay? («В чем дело? / Что случилось?»). Здесь реализована достаточно сложная коммуникативная модель, содержащая эллипсис ответа на вопрос, когда представлен только комментарий к опущенному ответу: ¿Qué pasa? – No [pasa nada de especial. Lo que pasa es] *s ig* no he podido hacerlas¹.

(21) {¿Cómo dices?} – Toñuca, *s ig* si ha vuelto;
{¿Y esa chaqueta?} – ¡Es de Héctor, *s ig* ya no le gusta!

В данной группе (21) представлены ответы-комментарии к частному вопросу. В отличие от примеров (20), здесь эллиптируется не весь ответ, а только модальная рамка ответа, при сохранении диктальной части, которая и является комментарием к топику. Ср.: {¿Y esa chaqueta?} – [Digo/Creo/Opino que] Es de Héctor, [pero también creo] *s ig* ya no le gusta!

60' ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, как показывает наш анализ, существующие классификации лексемы *s ig*, опирающиеся только на ее морфосинтаксические возможности (*s ig*”ó”относительное местоимение и *s ig*-союз), не отражают всей полноты ее языковых функций. Рассмотренные случаи его употребления показывают, насколько широко в современном испанском языке встречается употребление *s ig* в функции полифункционального, многозначного союза, присоединяющего придаточные разных типов, в том числе и не характерные для данного союза (причинные, целевые, условные, уступительные).

Наряду с союзной функцией, можно выделить также и дискурсивно-коммуникативную функцию, функцию коннектора, дискурсивного маркера, не отраженную в традиционных испанских грамматиках и описываемую в отдельных работах только в начальной позиции. Предложенная нами классификация, опирающаяся на комплекс параметров: грамматических, прагматических и коммуникативных, – отражает более адекватно весь спектр значений *s ig* и учитывает как

¹ В русской разговорной речи в такой дискурсивной функции часто встречается аргументативный маркер «просто», ср.: Что случилось? – Ничего. Просто я не справился; В чем дело? – Ни в чем. Просто я хотел спросить у тебя одну вещь.

его логико-синтаксические функции (подчинительный союз), функции модально-оператора (оптативный союз) и функции дискурсивного маркера (коннектор).

ЛИТЕРАТУРА

- Гуревич, Жолудева 2015 – Гуревич "ДЮЮ" Жолудева "ЛЮЮ" Полифункциональность союза *que / che* в португальском и итальянском языках // Древняя и новая Рومания. 2015. Т. 15. № 1. С. 625–634.
- Alcina Franch, Blecua 1982 – *Срѣлрс "Нт срѣј "ЛЮ "Дггевс "ЛЮ О* Gramática española. Barcelona: Ariel, 1982. 1274 p. (3a ed.)
- Batista Rodríguez 1987–1988 – *Дс ѡлкс "Тгфт ѣ" wg/ "ЛЮ* Sobre el /que/ y la subordinación en castellano // Revista de Filología. Universidad de La Laguna. 1987–1988 № 6 y 7. P. 103–117.
- Bello 1903 – *Дгмг "СО* Gramática de la lengua castellana destinada al uso de los americanos. París: R. Roger y F. Chernoviz, 1903. 366 p.
- Berruto 2014 – *Дгтт ѡг "І О* Sociolinguística dell'italiano contemporaneo. Roma: Carocci, 2014. 280 p.
- Borreguero Zuloaga 2015 – *Дгтт ггг "гтг" \ ѡгсггс "О Р О* El gato, que ha tirado un vaso: ¿construcciones escindidas en el español coloquial? // Revista internacional de lingüística iberoamericana (RILI). 2015. T. XIII. № 2(26). P. 101–122.
- Bosque, Demonte 1999 – *Дгус гс "Ю "F го гпгс "XO* Gramática descriptiva de la lengua española: En 3 vols. Madrid: Espasa Calpe, 1999. 5352 p.
- Briz 1993 – *Дтк "СО* Los conectores pragmáticos en español coloquial: su papel argumentativo // Contextos. 1993. T. XI. № 21–22. P. 145–188.
- Cascón Martín 1995 – *Есue»Ѣ "О ст ѡѢ "GO* Español coloquial. Rasgos, formas y fraseología de la lengua diaria. Madrid: Edinumen, 1995. 190 p.
- Corominas, Pascual 1980–1981 – *Егт го крс "ЛЮ "Rcuewcn "ЛЮ СО* Diccionario crítico etimológico castellano e hispánico: En 6 vols. Madrid: Gredos, 1980–1991.
- Dufter 2010 – *F ѡгт "СО* El que galicado: distribución y descripción gramatical // La excepción en la gramática española. Perspectivas de análisis / Eds. C. Sinner, A. Zamorano Aguilar. Madrid & Frankfurt: Iberoamericana / Vervuert, 2010. P. 253–278.
- Gili y Gaya 2003 – *І кк "І с {с "УО* Curso superior de sintaxis española. Barcelona: Vox, 2003 (1961). 347 p. (15a ed.)
- Gras 2013 – *І тс "R O* Entre la gramática y el discurso: valores conectivos de que inicial átono en español // Autour de que. El entorno de que / D. Jacob, K. Ploog (Coords.) Frankfurt am Main: Peter Lang, 2013. P. 89–112.
- Moliner 1987 – *О гткргт "О О* Diccionario de uso del español: En 2 vols. Madrid: Gredos, 1987 (1966–1967).
- Pons Bordería 2003 – *Rгпу "Дгтг гт "ѣ "У «Que»* inicial átono como marca de modalidad // ELUA. Estudios de Lingüística. 2003. № 17. P. 531–545.
- Porroche Ballesteros 2000 – *Rгтт гег г "Дсггггтгг "О О* Círculo de Lingüística Aplicada a la Comunicación (CLAC) // Universidad Complutense de Madrid. 2000. № 3. P. 100–116.
- CREA – Real Academia Española: Banco de datos (CREA) [en línea]. Corpus de referencia del español actual. <<http://www.rae.es>> [Дата обращения: 21.06.2016]
- NGRAE – Real Academia Española. Nueva gramática de la lengua española: En 2 vols. Madrid: Espasa Libros, S.L.U., 2009–2011. 3886 p.
- DRAE – Real Academia Española. Diccionario de la lengua española: En 2 vols. Madrid: Espasa Libros, S.L.U., 2014. 2312 p. (23a ed.)

Real Academia Española 2005 – Real Academia Española. Diccionario panhispánico de dudas. Madrid: Santillana Ediciones Generales, 2005. 834 p.

Sornicola 1981 – *Uqt pkeqr 'TOSul* parlato. Bologna: Il Mulino, 1981. 302 p.

Spitzer 1942 – *Ur k/ gt 'N*Notas sintáctico-estilísticas a propósito del español que // Revista de filología hispánica. 1942. T. 4. № 2. P. 105–126.

TGHGTGPEGU

Gurevich, Zholudeva 2015 – Gurevich D.L., Zholudeva L.I. Polyfunctionality of the Unions que / se in the Portuguese and Italian. *Cpekpv'čpf 'Pgy 'Tqo ci pc*. 2015. Vol. 15. No 1, pp. 625–634.

Alcina Franch, Blecua 1982 – Alcina Franch J., Blecua J.M. (1982) Gramática española. Barcelona: Ariel. 1274 p. (3a ed.)

Batista Rodríguez 1987–1988 – Batista Rodríguez J.J. Sobre el /que/ y la subordinación en castellano. *Tgxknc 'f g'Hkqrqi 'f OWpkxgt ulf cf 'f g'Nc 'Nci wpc* 1987–1988. No 6 y 7, pp. 103–117.

Bello 1903 – Bello A. (1903) Gramática de la lengua castellana destinada al uso de los americanos. París: R. Roger y F. Chernoviz. 366 p.

Berruto 2014 – Berruto G. (2014) Sociolinguística dell'italiano contemporaneo. Roma: Carocci. 280 p.

Borreguero Zuloaga 2015 – Borreguero Zuloaga M.N. El gato, que ha tirado un vaso: ¿construcciones escindidas en el español coloquial? *Tgxknc 'kpvgt pcekqpcnf g'rkpi Áñknc 'kdg tqo gt k' epc 'T KVK*. 2015. Vol. XIII. No 2(26), pp. 101–122.

Bosque, Demonte 1999 – Bosque I., Demonte V. (1999) Gramática descriptiva de la lengua española: En 3 vols. Madrid: Espasa Calpe. 5352 p.

Briz 1993 – Briz A. Los conectores pragmáticos en español coloquial: su papel argumentativo. *Eqpvz vqu*. 1993. Vol. XI. No 21–22, pp. 145–188.

Cascón Martín 1995 – Cascón Martín E. (1995) Español coloquial. Rasgos, formas y fraseología de la lengua diaria. Madrid: Edinumen. 190 p.

Corominas, Pascual 1980–1981 – Corominas J., Pascual J.A. (1980–1991) Diccionario crítico etimológico castellano e hispánico: En 6 vols. Madrid: Gredos.

Dufter 2010 – Dufter A. El que galicado: distribución y descripción gramatical. En: La excepción en la gramática española. Perspectivas de análisis / Eds. C. Sinner, A. Zamorano Aguilar. Madrid & Frankfurt: Iberoamericana / Vervuert. 2010, pp. 253–278.

Gili y Gaya 2003 – Gili y Gaya S. (2003) Curso superior de sintaxis española. Barcelona: Vox. 347 p. (15a ed.; 1a ed. – 1961).

Gras 2013 – Gras P. Entre la gramática y el discurso: valores conectivos de que inicial átono en español. En: Autour de que. El entorno de que / D. Jacob, K. Ploog (Coords.) Frankfurt am Main: Peter Lang. 2013, pp. 89–112.

Moliner 1987 – Moliner M. (1987) Diccionario de uso del español: En 2 vols. Madrid: Gredos. [1966–1967].

Pons Bordería 2003 – Pons Bordería S. “Que” inicial átono como marca de modalidad. *GNWCO Gwvf kqu'f g'Nkpi Áñknc*. 2003. No 17, pp. 531–545.

Porroche Ballesteros 2000 – Porroche Ballesteros M. Círculo de Lingüística Aplicada a la Comunicación (CLAC). *Wpkxgt ulf cf 'Eqo rnvxgug'f g'O cf tf* 02000. No 3, pp. 100–116.

CREA – Real Academia Española: Banco de datos (CREA) [en línea]. Corpus de referencia del español actual. <<http://www.rae.es>> [Дата обращения: 21.06.2016]

NGRAE – Real Academia Española. Nueva gramática de la lengua española: En 2 vols. Madrid: Espasa Libros, S.L.U., 2009–2011. 3886 p.

DRAE – Real Academia Española. Diccionario de la lengua española: En 2 vols. Madrid: Espasa Libros, S.L.U., 2014. 2312 p. (23a ed.)

Real Academia Española 2005 – Real Academia Española. Diccionario panhispánico de dudas. Madrid: Santillana Ediciones Generales, 2005. 834 p.

Sornicola 1981 – Sornicola R. (1981) Sul parlato. Bologna: Il Mulino. 302 p.

Spitzer 1942 – Spitzer L. Notas sintáctico-estilísticas a propósito del español que. *Труди филологического факультета МГУ* 1942. Vol. 4. No 2, pp. 105–126.

Сведения об авторе:
Дмитрий Львович Гуревич,
канд. филол. наук
доцент
кафедра иберо-романского языкознания

Dmitry L. Gurevich,
PhD
Associate Professor
Department of Ibero-Romance Linguistics
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
caipira@yandex.ru

К'вопросу'бб'вособенностях'современного'дистанционного'ббучения

Аннотация <Основной базой для дистанционного обучения в сети Интернет является учебная среда (платформа) – система управления обучением, ориентированная на организацию взаимодействия между преподавателем и учениками. В данной статье рассмотрен проект в сфере дистанционного интерактивного образования Coursera (www.coursera.org). Он представляет собой базу бесплатных онлайн-курсов, размещенных на единой платформе в сети Интернет. Проект сотрудничает с различными университетами во многих странах мира, чьи преподаватели публикуют и ведут курсы по различным отраслям знаний. На портале Coursera был изучен курс «Corrección y estilo en español» Автономного Университета Барселоны. Предметом изучения вышеназванного курса стал весь спектр проблематики современного испанского языка на материале сравнительного анализа переводов на испанский язык романа Джерома Сэлинджера «Над пропастью во ржи».

Среди изучаемых процессов различные вопросы морфологии испанского языка, вопросы синтаксиса и пунктуации, лексико-семантические аспекты современного испанского языка, проблематика стиля и перевода художественного текста.

По окончании данного курса были сделаны следующие выводы: дистанционное обучение способно выполнить такие методические задачи, как ориентация студента на самообучение, развитие коммуникативных методик как наиболее полно отвечающих прагматическим задачам обучения, ориентация на межкультурную коммуникацию, использование новейших технологий как основного мотивирующего фактора для студента.

Подобного рода образовательные проекты предоставляют преподавателям возможности использовать форумы и социальные сети с методическими целями, а также служат для развития и поддержания контактов с коллегами из разных университетов и стран.

Кроме того, использование Интернета в качестве средства продвижения образовательной деятельности кафедры и университета дает высокий индекс цитируемости научных трудов в интернет-поисковиках и образовательных форумах.

Ключевые слова <Интернет, учебная среда, дистанционное интерактивное образование, Coursera, перевод, лексико-семантические аспекты, самообучение, развитие коммуникативных методик, межкультурная коммуникация, блог, форум, социальные сети

Now the considerable role in a society life is played by the Internet which simultaneously is as the huge information system which is constantly filled up with a database, and the means of socializing by social networks, blogs and chats. A basis for remote training in the Internet is the educational environment (platform) – the system of control and training focused first of all on the organization of interaction between the teacher and pupils. The project in sphere of remote interactive formation Coursera is considered in given article. It represents base of the free online courses placed on a uniform platform in the Internet.

The project co-operates with various universities in many countries of the world, whose teachers publish and conduct courses on various branches of knowledge. It has been passed by me on portal Coursera the course «Corrección y estilo en español» by Independent University of Barcelona. All spectrum of a problematic of modern Spanish language on a material of the comparative analysis of translations into Spanish by the novel of Jerome Salinger «The catcher in the rye» became a subject of studying of the named course.

Such questions as morphology of the Spanish language, syntax and punctuation questions, lexico-semantic aspects of modern Spanish language, a problematic of style and translation of the literary work were studied. Remote training is capable to realize such methodical problems as: focus of the student to self-training, development of communicative techniques that answer pragmatical problems of training, orientation to intercultural communication, use of the newest technologies as the basic motivating factor for the student.

Similar sort educational projects give to teachers a possibility to use forums and social networks both with the methodical purposes, and to develop and maintain contacts with colleagues from different universities and countries. By means of advancement of educational activity of chairs and universities Internet gives a high index of quoting of educational and searching works.

The Internet, the educational environment, remote interactive education, Coursera, the lexico-semantic aspects, the literary work, self-training, the development of communicative techniques, intercultural communication, a forum, a blog, the social networks

В настоящее время значительную роль в жизни общества играет Интернет, который одновременно является как огромной информационной системой, постоянно пополняемой базой данных, так и средством общения в социальных сетях, блогах и чатах. Многообразие функций делает невозможным исключение сетевых возможностей из учебного процесса.

Эти возможности предоставляет пользователю существующая версия Интернета 2.0, обеспечивающая комплексный подход к организации, реализации и поддержке интернет-ресурсов. Особенностью версии 2.0 является участие пользователей в наполнении, обновлении и редактировании информационного материала, что положило начало существованию социальных сетей, блогов, твиттеров и других форм онлайн-общения. Тим Бернерс-Ли, автор и разработчик Всемирной паутины, характеризуя технологию web2.0, сказал, что «она существует, чтобы все люди были вместе»¹.

Возможности версии 2.0 в педагогической практике:

¹ Личная страница Тима Бернерса-Ли www.w3.org/People/Berners-Lee

– участие в новых формах деятельности без специальных знаний и навыков в области информатики, которые связаны как с поиском информации в сети, так и с созданием и редактированием собственных цифровых ресурсов;

– самостоятельное создание сетевых учебных материалов. Теперь каждый может не только получить доступ к уже представленным в сети учебным и методическим материалам, но и принять участие в формировании собственного сетевого содержания;

– использование сетевых сообществ для распространения и обмена учебными материалами. В результате существующей популярности социальных сервисов в открытом доступе в сети оказывается огромное количество материалов, которые можно использовать в учебных целях;

– наблюдение за деятельностью участников сообщества и общение внутри подобного сообщества. Зачастую общение все чаще реализуется не в форме прямого обмена высказываниями, а в форме взаимного наблюдения за сетевой деятельностью.

Основной базой для создания виртуального учебного курса является модульная объектно-ориентированная динамическая учебная среда (платформа) – система управления обучением, ориентированная прежде всего на организацию взаимодействия между преподавателем и учениками, которая подходит как для организации традиционных дистанционных курсов, так и для поддержки очного обучения. В нашей стране подобное программное обеспечение зачастую называют системами дистанционного обучения, поскольку именно при их помощи во многих вузах организовано дистанционное обучение. Мировыми лидерами в области разработки подобных обучающих оболочек и программ, а также их применения в сфере образования являются США и Испания.

В данной статье будет рассмотрен проект в сфере дистанционного интерактивного образования Coursera¹. Он представляет собой базу бесплатных онлайн-курсов, размещенных на единой платформе в сети Интернет. Проект сотрудничает с различными университетами во многих странах мира, чьи преподаватели публикуют и ведут курсы по различным отраслям знаний, доступ к которым предоставляется в большинстве случаев бесплатно всем зарегистрированным пользователям. Проект был основан профессорами информатики Стенфордского Университета. Слушатели проходят курсы, общаются друг с другом, сдают тесты и экзамены непосредственно на сайте Coursera или через официальные приложения для мобильных устройств на системах iPhone и Android.

В проекте представлены курсы по физике, биологии, математике, информатике, экономике и бизнесу, инженерным дисциплинам, гуманитарным наукам и искусству, медицине. Продолжительность курсов составляет примерно от шести до десяти недель, с одним или двумя часами видео-лекций в неделю. Также курсы содержат задания, еженедельные упражнения и тесты, итоговые задания. Доступ к ним ограничен по времени: каждое домашнее задание или тест должно быть выполнено только в определенный период времени. По окончании курса слушатель получает сертификат об окончании в формате pdf, который хранится в личном кабинете пользователя. Основная часть курсов представлена на английском языке, есть курсы на китайском, испанском, французском, русском, португальском и других языках. При этом активно добавляются субтитры на многих языках мира, которые создаются слушателями на добровольных началах.

¹ www.coursera.org

Среди университетов, сотрудничающих с проектом – Калифорнийский технологический институт, Эдинбургский университет, Колумбийский университет, Пенсильванский университет, Московский физико-технический институт, Высшая школа экономики.

Создатели проекта своей задачей ставят обучить миллионы студентов со всего мира, изменив методы традиционного преподавания, при этом выделяя следующие преимущества выбранной ими модели:

- возможность учиться по собственному графику;
- поэтапно овладеть предметом, что помогает студентам полностью усвоить материал, переходя в изучении от простого к более сложному. Одно и то же задание может быть представлено в нескольких вариантах, чтобы у студента была возможность изучить материал лучше и пересдать тест при необходимости;
- оценка и рецензирование работы сокурсников;
- расширение возможностей очного обучения студентов, что, по данным создателей проекта, повышает вовлеченность студентов в учебный процесс, увеличивает посещаемость, улучшает успеваемость, а также дает более высокие результаты обучения, чем в исключительно очных классах.

Для преподавателя преимущества данной образовательной системы заключаются в возможности создать самостоятельно электронный курс и управлять его работой. Только с помощью справочной системы преподаватель, не обладающий глубокими знаниями в области программирования и администрирования, может вставлять таблицы, схемы, графику, видео, выбрать цветовую гамму и другие элементы оформления учебного материала. Имеется как тематическая, так и календарная структуризация курса. Редактирование содержания курса проводится автором в произвольном порядке и может осуществляться прямо в процессе обучения. Преподаватель может регистрировать других учителей и учащихся, объединять учащихся в виртуальные группы, получать сводную информацию о работе каждого ученика. С помощью встроенного календаря определять даты начала и окончания курса, сдачи определенных заданий, сроки тестирования. Система обладает большим набором средств коммуникации. Это не только электронная почта и обмен вложенными файлами с преподавателем, но и форум, чат, обмен личными сообщениями, ведение блогов.

На портале Coursera мною был изучен курс «Corrección y estilo en español» Автономного Университета Барселоны, автор – профессор кафедры испанского языка Сантьяго Алькоба. Курс рассчитан на 6 недель занятий по 2–4 часа в неделю, представляет собой набор видеолекций автора (по одной в неделю). Как правило, каждая лекция состоит из трех параграфов по определенной лексико-грамматической теме. Кроме того, после ознакомления с основным материалом лекции слушателям предлагаются дополнительные материалы в формате pdf, видеокomentarии и интервью по теме лекции других приглашенных ученых и преподавателей. В конце каждой недели следует пройти интерактивный тест на проверку понимания и усвоения всего материала урока. Есть возможность трижды пересдать тест. По окончании курса сдается итоговый тест по всем пройденным темам. Курс считается успешно пройденным в случае получения в совокупности оценки в 85% и выше. Есть возможность получения итогового сертификата.

Предметом изучения вышеназванного курса стал весь спектр проблематики современного испанского языка на материале сравнительного анализа переводов на испанский язык романа Джерома Сэлинджера «Над пропастью во ржи». Автор

исследует перевод 1961 г., выполненный Мануэлем Мендесом де Андесом, версию 1998 г. (переводчик Педро Рэй), а также два перевода (1978 и 2006), автором которых является Кармен Криадо.

Среди исследуемых явлений – вопросы морфологии испанского языка, в частности, особенности постановки ударения, специфика колебания дифтонгов, правила согласования в числе подлежащего и сказуемого, различные спорные случаи словоупотребления, такие, как употребление местоимения *que* с предлогом и без, разница между употреблением *que* и *cuál*, специфика предложного управления глаголов, корректность употребления герундия и другие.

Отдельные параграфы лекций посвящены вопросам синтаксиса и пунктуации. Среди лексико-семантических аспектов современного испанского языка подробно исследуются семантические различия синонимов, способы выражения сравнения, способы выражения безличности, лексические особенности аргентинского и кастильского вариантов испанского языка и многие другие. Как уже было сказано, материалом исследования послужили примеры из вышеназванных переводов романа. Кроме того, актуальность проведенного исследования обуславливает то, что в подтверждение своих тезисов автор приводит не только авторские тексты, но и примеры из газетных текстов, статистику из корпусов испанского языка *Crea* и *Corde*.

После изучения специфики лексико-грамматического строя испанского языка автор переходит к вопросам проблематики стиля и перевода художественного текста, проводя сравнительный анализ указанных версий перевода. Например, подробно рассматривает адекватность перевода английского названия романа «*The Catcher in the Rye*» на испанский язык: «*El cazador oculto*» в версии 1961 г. Мануэля Мендеса де Андеса и версии 1998 г. (переводчик Педро Рэй) и «*El guardián entre el centeno*» в переводах Кармен Криадо (1978 и 2006). Автор анализирует специфику перевода речевых особенностей главного персонажа, в частности, перевод таких отличительных черт разговорной речи, как употребление в ней дискурсивных частиц, фразеологизмов, стилистически окрашенной лексики.

Таким образом, можно сделать вывод, что содержание курса «*Corrección y estilo en español*» профессора кафедры испанского языка Автономного Университета Барселоны Сантьяго Алькоба представляет интерес не только для студента-филолога, но и для преподавателей, исследователей различных аспектов современного испанского языка. Форма подачи материала от простого к сложному, возможность общения с преподавателем на специально открытом форуме также способствует лучшему освоению материала. По окончании курса все материалы хранятся в открытом доступе для всех слушателей и доступны для скачивания.

В заключение хочется отметить, что в настоящее время подобные обучающие веб-порталы привлекают все больше учащихся, поскольку обучение строится на реализации следующих принципов:

- обучение на аутентичных материалах, так как интернет представляет доступ к материалам прессы, телевидения, словарям, учебникам;
- обучение в процессе получения и поиска информации;
- обучение в процессе взаимообмена информацией и виртуального общения: блоги, социальные сети, персональные сайты;
- обучение в процессе выполнения или даже создания собственных методических материалов в форме аудио-, видеофайлов, виртуальных заданий.

Дистанционное обучение, в свою очередь, способно реализовать такие методические задачи, как ориентация студента на самообучение, развитие коммуника-

тивных методик как более всего отвечающих прагматическим задачам обучения, ориентация на межкультурную коммуникацию, использование новейших технологий как основной мотивирующий фактор для студента.

Подобного рода образовательные проекты предоставляют преподавателям возможности использования форумов и социальных сетей с методическими целями, а также служат для развития и поддержания контактов с коллегами из разных университетов и стран. Использование Интернета в качестве средства продвижения образовательной деятельности кафедры и университета дает высокий индекс цитируемости научных трудов в интернет-поисковиках и образовательных форумах.

Кроме того, с помощью интерактивных дидактических материалов возможно создание проверочных тестовых заданий, контроль правильности выполнения которых осуществляется в режиме онлайн. Это повышает объективность выставления оценки, дает возможность дополнять учебно-методические комплексы интерактивными заданиями, а также использовать в процессе обучения аудио-визуальные материалы.

Сведения об авторе:

Виктория Викторовна Долженкова,
доцент
кафедры иберо-романского языкознания
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Viktoriya V. Dolzhenkova,
Associate Professor
Department of Ibero-Romance Linguistics
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
dolvik@mail.ru

Жаргон'парлаче<современная'история'Колумбии'глазами'лингвиста

Аннотация: В статье представлен анализ функционирования жаргона парлаче как неотъемлемой составляющей современной разговорной речи Колумбии. Этот социолингвистический феномен становится заметен в 1980-х гг. и изначально представляет собой «тайный язык» маргинальных социальных слоев Медельина. В сравнительно краткие сроки парлаче превращается в средство эмоциональной экспрессии, образного, эвфемистического, игрового словоупотребления и становится неотъемлемой составляющей повседневной коммуникации современного Медельина, а отдельные его лексемы в ходу не только в других районах страны, но и за ее пределами.

Ключевые"слова: социальный диалект, парлаче, колумбийский национальный вариант испанского языка, испанский язык Колумбии

Сдмтсев. The article analyzes functioning of parlache jargon as an integral part of Colombia's modern vernacular. This sociolinguistic phenomenon made its appearance in the 1980s as a cant spoken by marginal groups in Medellín. It quickly became a means for emotional expression, imagery, euphemisms and wordplay – an integral part of everyday communication of modern Medellín, with some lexical items current elsewhere in the country and beyond.

Mg{ 'y qtf u. social dialect, parlache, Colombian Spanish

Парлаче – относительно новый социолингвистический феномен в колумбийском национальном варианте испанского языка, недостаточно исследованный в отечественной испанистике.

Возникновение этого жаргона связано с острым экономическим кризисом в Колумбии в 1980-х гг. Тогда в Медельин, второй по величине и значению колумбийский город, хлынули толпы деревенских жителей, которые бежали от нищеты и отсутствия уверенности в завтрашнем дне. Но поиски лучшей доли для многих закончились трагедией: легального заработка переселенцы не находили, вынуждены были селиться в самых бедных районах и браться за любое занятие, приносящее деньги. Этим пользовались наркоторговцы, заказчики убийств и прочие представители городской криминальной среды. Именно в это время Медельин приобрел славу столицы мирового наркобизнеса, в которой правил Пабло Эскобар, один из самых жестоких преступников XX в. В 1980-е и 1990-е гг. богатей-

ший медельинский наркоборон вел настоящую террористическую войну против колумбийского правительства, пытавшегося выдать его властям США.

После устранения Эскобара в 1993 г. правительство страны приложило немало усилий к тому, чтобы остановить беспорядки и террор и вернуть городу статус культурного центра и промышленной столицы Колумбии.

Но память о трагических страницах истории города и страны сохраняется в жаргоне парлаче.

Лингвисты не раз отмечали тот факт, что формирование новых социолектов находится в тесной связи с социальными потрясениями. Подрыв языковых норм – это своего рода ответ на социальные переломы, смену общественно-политических установок и экономических условий существования¹.

Установка на разрушение заданной социальной системы путем подрыва системы языковой очевидным образом лежит в основе парлаче, возникшего в среде молодежи из бедных районов, маргиналов, большей частью приехавших в Медельин из провинциальных районов в поисках работы, остро ощущающих свою неприкаянность и уязвимость и не умеющих найти другого заработка, кроме нелегального.

«Лингвистическая революция» в парлаче совершается при помощи приемов, в целом характерных для испанских жаргонов.

Это лексико-семантический способ образования новых слов, заключающийся в том, что существующим и хорошо известным словам присваивается новое значение на основе метафорического или метонимического переноса (например, *f erro* – пистолет), фонетического или графического сходства (например, вместо *pada* говорится *patilla*, вместо *mal* – *maletas*).

Из морфологических способов словообразования наиболее продуктивна аффиксация (например, *f erro*, *f errito*, *superf erro*, *enf errado*, *enf errada*, *f errazo*, *superenf errado*), а также – словосложение (*cometrapos*), усечение (*ñalada*), удвоение (*rinrín*) и произвольное удлинение основы (*sisas*) слова.

Низкое социальное положение и провинциальные корни жителей бедных районов, основных носителей парлаче, повлияли на то, что в парлаче широко используется лексика, вышедшая из широкого употребления, но сохранившаяся в просторечии или говорах (например, *pelle*).

Словарь парлаче пополняется также заимствованиями из других языков (в большинстве случаев это английский язык; португальский и индейские языки), из социальных и территориальных диалектов испанского языка.

Из аргентинского лунфардо, к примеру, в парлаче позаимствованы не только многочисленные лексические единицы, но и силлабическая инверсия². Нет ничего удивительного в том, что лексика и словообразовательные приемы, характерные для аргентинского лунфардо, встречаются в колумбийском парлаче: в бедных районах Медельина танго пользуется популярностью. Причина этой популярности в первую очередь заключается в очевидных исторических параллелях формирования и в мировоззренческой близости этих двух социолектов; важную роль сыграл также тот факт, что Карлос Гардель погиб в авиакатастрофе именно в этом колумбийском городе³.

¹ Об этом более подробно см., например: [López Morales 2010; Sebrelí 2011; Фирсова 2011; Овчинникова 2011] и др.

² [Gobello 1996].

³ Более подробно о словообразовательных моделях в парлаче мы писали в [Кутькова 2014].

Как видно из приведенного выше краткого обзора, модели, по которым образуется новая лексика в парлаче, традиционны для социальных диалектов испанского языка¹.

Вместе с тем есть одна важная особенность, отличающая парлаче от других подобных социальных диалектов, и она состоит в беспрецедентной скорости и масштабах его распространения, как социального, так и географического.

Колумбийский журналист Рикардо Арикапа в своем эссе «Medellín es así: crónicas y reportajes», опубликованном в 1998 г., так сформулировал «заразительность» парлаче: «El parlache es como la miel: quien en él anda algo se le pega»².

Уже в 1990-е гг. лексемы этого социального диалекта начинают активно использоваться в текстах СМИ и социальной рекламы, появляются фильмы и книги о жизни молодежи бедных районов, основных носителей этого социолекта. Более того, в целях придания выразительности, «жизненности» и остроты жаргонизмы из парлаче используют в своих речах некоторые политики. Другими словами, расширяется социальная группа, пользующаяся парлаче.

Тогда же группа исследователей из Университета Антиокии под руководством лексикографов Лус Стельи Кастаньеды Наранхо и Хосе Игнасио Энао Саласара начинает сбор материала для работы над словарем молодежного жаргона Медельина³.

Разумеется, в ходе исследования возникла необходимость дать название данному социолингвистическому феномену. Поначалу обсуждались варианты названий с использованием лексем этого жаргона, например такие: *j cdrct 'vqtekf q'(vqtekf q* – жаргонизм со значением «ilegal, ilícito, que va contra las normas establecidas, especialmente contra la ley»), *rcteg°qn* (сочетание *rcteg* – наиболее распространенного жаргонизма, означающего «amigo muy querido», – и *gurc°qn* по аналогии с *portuñol*, *costeñol* и др.), *ukicupqrcu* (представляет собой сложение жаргонизмов со значением утверждения – *ukicu* и отрицания – *prcu*). У всех этих вариантов имелись свои сторонники и противники, но к единому мнению прийти не удавалось. В конце концов было решено расширить круг причастных к поиску удачного названия и открыть публичную дискуссию, в которой приняли активное участие студенты университета, а также информанты из социальных кругов, где парлаче является неотъемлемым инструментом общения. Один из информантов, житель бедного района города, как раз и предложил слово *rctwej g*. Молодой человек рассказал группе исследователей, что видел во сне недавно погибшего друга и тот будто сказал ему: «Sabe qué, mano, el nombre para nuestra manera de hablar es *elrct/wej g*». И это название – с историей, звучное, имеющее в своем происхождении мистический элемент и, что немаловажно, представляющее собой сложение двух концептуально важных для данного жаргона слов: *rctwt* (разговаривать) и *rctej g* (место встречи; встреча друзей; компания друзей), – получило единодушное одобрение всех исследователей⁴.

Первые результаты лексикографического исследования были опубликованы в 2001 г. под названием *Gn'Rctwej g* и представляли собой сборник текстов и глоссарий, насчитывающий около полутора тысяч лексем.

¹ [El argot, entre España y Colombia 2012; De parques y troncos 2013].

² [Aricapa Ardila 1998].

³ [Castañeda Naranjo 2005].

⁴ [Lopez Morales 2010: 334].

Одновременно с этим, в 2001 г., термин *rctnej g* фиксирует Королевская академия испанского языка в 22-м издании словаря (*Diccionario de la lengua española, DRAE*) со следующим определением: «*jerga surgida y desarrollada en los sectores populares y marginados de Medellín, que se ha extendido en otros estratos sociales del país*»¹⁰

Важно и то, что в 22-е издание *FTCG*, авторитетного словаря Королевской академии, были включены также тридцать два жаргонизма из парлаче: *bareta*, *chichipato*, *cacho* (марихуана); *muñeco* (мертвец); *desechable* (наемный убийца); *colino* (человек, находящийся под воздействием наркотиков); *basano*, *basán* (высшая положительная оценка); *basuco*, *bazuco*, *bazuca* (сигарета с наркотиком); *bazuquero* (пристрастившийся к таким сигаретам); *camellar* (работать на износ); *camello* (работа); *sana* (тюрьма); *soquero* (наркоман); *cuero* (старая женщина); *duro* (человек, наделенный властью); *encanar* (посадить в тюрьму); *faltón* (человек, нарушающий установленные правила); *feo* (полицейский); *f erro* (оружие); *furgusca* (ссора); *gallada* (компания, шайка); *guandoca* (тюрьма); *guerrillo* (боец партизанского отряда); *dar parraya* (дать шанс); *quebrar*, *quiñar* (убить); *rana*, *sapo* (доносчик); *untar* (привлечь к участию в преступлении).

Четыре года спустя, в 2006 г., опубликовано первое издание Словаря парлаче (*Diccionario de parlache, DIPARLA*)². Словарь пользуется спросом, и в 2009 г. выходит его обновленная версия³.

Любопытное свидетельство причин популярности словаря находим в блоге молодого американца, прожившего несколько лет в Медельине и тесно общавшегося с молодежью из бедных районов города (amanofnacion.com). В 2010 г. он делает запись, в которой рассказывает историю о том, как его друзья-колумбийцы, приехавшие в Медельин из Боготы, вынуждены были то и дело заглядывать в словарь парлаче, чтобы понять местных жителей: «About three years ago I bought a book called “Diccionario de Parlache” by Luz Stella Castañeda Naranjo & José Ignacio Henao Salazar <...>. A while ago I hosted two guys from Bogotá, Colombia and they walked around town with this dictionary. When I saw them later that day they thanked me for lending them the book because often times they couldn’ t understand what was said. Colombians unable to understand other Colombians» («Около трех лет назад я купил книгу под названием “Diccionario de Parlache” Лус Стеллы Кастаньеды Нارانхо и Хосе Игнасио Энао Саласара. Некоторое время спустя ко мне приехали погостить два приятеля из Боготы и по городу они пошли гулять с этим словарем. Когда мы встретились в конце дня, они стали меня благодарить за то, что я им этот словарь одолжил, потому что они то и дело не понимали, что им говорят. Надо же, одни колумбийцы не в состоянии понять других колумбийцев»).

В 2010 г. значительное количество жаргонизмов из парлаче было включено в *Diccionario de americanismos*, фундаментальный труд Ассоциации Академий испанского языка⁴.

За этим событием последовали пять лет интенсивной исследовательской и просветительской работы лексикографов из Университета Антиокии.

Результатом последней можно считать формирование общественного интереса к парлаче. Так, к примеру, в сети Интернет публикуются серии комиксов, разъясняющих значение тех или иных жаргонизмов, с той же целью на сайте

¹ [DRAE, rae.es]

² [DIPARLA 2006].

³ [DIPARLA 2009].

⁴ [DA 2010].

Youtube создан канал под названием *Tgcn'Сecf go kc'f g'rc'Escng* и серия роликов *Fgr'rc'rc'ej g'c'rc'ceek»p*, парлаче становится темой для обсуждения в программах на колумбийском радио и телевидении с зоной вещания в Антиокии, в публикациях СМИ прослеживается тенденция дать оценку популярности парлаче и таким образом сделать выводы о ведущих ментальных моделях современного общества и молодой его части в особенности, о «порче» языка и др.

Научные результаты проведенной за последние годы исследовательской работы регулярно публикуются. Особое место среди этих публикаций занимают два сборника работ, посвященных сравнительному анализу испаноязычных жаргонов: *Gri'cti qv.'gprtg'Gurc°c'f'Eqnqo dkcOGumf kqu'kzkequ'f'rtci o°vkequ¹* (2012), и *Fg'rc'tegu'f'vqpequOPwqxqu'gphqs wgu'uqdtg'rq'u'cti qm'f kur^a pkequ²* (2013).

Еще одним важным результатом кропотливой многолетней работы лексикографов из Университета Антиокии стал словарь *Fkeekpctkq'f g'wua'f g'rc'rc'ej g³*, вышедший на этот раз в европейском, точнее, в немецком издательстве *Rgvgt'Ncpi* в конце 2015 г. В новой версии словаря уточнено и переработано содержание статей, в сравнении с DIPARLA некоторые статьи изъяты или добавлены, однако принцип построения словарной статьи сохраняется в точности таким, как в DIPARLA: каждая лексема, кроме разъяснения значения и уточнения области употребления, обязательно приводится в контексте, который представляет собой одну или несколько цитат из художественного или публицистического текста последних лет, из записей спонтанных разговоров жителей Медельина и пригорода, а также расшифровок записей передач колумбийских радиостанций и телевидения.

Разнообразие источников, задействованных для воспроизведения контекста употребления жаргонизмов, свидетельствует не только об обоснованности данных словаря, но также о широте распространения интересующего нас социолингвистического феномена.

Однако обратимся к любопытному примеру, который приводит в своей статье «F»rmlas de apertura y cierre en procesos de interacci ́n verbal en parlache» Лус Стелья Кастаньедо Наранхо. Он свидетельствует не только о широте распространения парлаче, но и о необходимости четко представлять себе социокультурный контекст, в котором уместно употребление жаргонизмов. Дело происходит в Университете де ла Плата; одна из студенток, носительница аргентинского национального варианта испанского языка, желая польстить своему знакомому из Медельина, здоровается с ним следующим образом: «¡quiubo, carechimba!». Колумбиец смущен и неприятно поражен таким обращением, не скрывает этого, на что девушка удивляется: «¿Así no se saludan en Colombia? Yo lo aprendí viendo El cartel de los sapos» («А разве не так здороваются в Колумбии? Я выучила это приветствие, когда смотрела *Gri'ect vgn'f g'rq'u'ucrqw*). Поясню, что речь идет о популярном колумбийском сериале, главные герои которого связаны с миром криминала. Колумбиец посоветовал подруге отказаться от использования этого приветствия, пояснив, что оно в ходу только у малообразованных людей низкого социального происхождения⁴.

Данные словарей парлаче разных лет и нашего опроса подтверждают, что в приведенном примере речь идет о стилистически маркированном обращении

¹ [El argot, entre España y Colombia 2012].

² [De parces y troncos 2013].

³ [Diccionario de uso de parlache 2015].

⁴ [Castañeda Naranjo 2012: 54].

(*carechimba*) с изначально отрицательным значением, связанным в сознании носителей с непрестижной социальной группой, так что его употребление уместно в ограниченном количестве контекстов.

В таком случае встает вопрос о том, как воспринимают носители действительно распространенные и поэтому стилистически маркированные в меньшей степени жаргонизмы.

Попробуем ответить на этот вопрос на примере другого приветствия, поскольку именно ритуализированные формулы, какими являются приветствия, на наш взгляд, представляют собой тот пласт лексики, который заимствуется, в том числе в другие жаргоны, с наибольшей легкостью.

В настоящее время самым распространенным приветствием, которое, согласно нашим данным, носители колумбийского национального варианта однозначно связывают с парлаче, с Медельином и регионом Антиокия, является *Quiubo parce*. Далее приведен один из комментариев, полученных в процессе проведенного нами опроса. Информант – уроженец Медельина, 54 лет, лингвист. Вот его комментарий: «*Hoу en día se ha convertido en un saludo muy popular entre los jóvenes, mayoritariamente. Yo diría que actualmente se emplea sin distingo social o educativo. Quiubo es una forma de saludo que conocemos desde nuestra niñez, pero acompañada de “parce”, es más reciente. Esta última expresión ganó mucho terreno y dejó atrás el menosprecio con el que muchos la veían pues su procedencia es bastante oscura, y se remonta a la época en que la mafia tuvo su máximo apogeo en el país. La empleaban los sicarios al servicio del mafioso Pablo Escobar y por lo tanto pertenecía al lenguaje del bajo mundo. Parce es la abreviación de parcero, amigo o compañero (en aquel entonces de fechorías). Se difundió en el habla nacional a través de los medios de comunicación hasta posicionarse como un regionalismo más. A menudo empleo el “quiubo” con amigos de confianza, pero jamás diría “parce”. Digamos que tengo ciertos escrúpulos para negarme a usarla*» («В последнее время это приветствие пользуется популярностью, особенно у молодых людей. Я бы сказал, что его употребление не зависит от социального и культурного уровня. Приветствие *Quiubo* мы знаем с детства, а вот в сочетании с *parce* оно стало появляться с недавнего времени. Это приветствие получило большое распространение, и уже никто не вспоминает о пренебрежении, с которым к нему относились раньше, по причине его темного происхождения / криминального прошлого. Им пользовались бандиты из окружения Пабло Эскобара, и потому оно относилось к лексикону маргинальных слоев. *Parce* – это сокращение от *parcero*, что значит друг или приятель (а по сути – подельник в грязных делах). Это словцо распространилось, благодаря средствам массовой информации и сейчас даже относится к разряду регионализмов. Я сам часто использую *quiubo*, приветствуя близких друзей, но я никогда не обратился бы к ним “*parce*”. Скажем так, я брезгую употреблять это слово в речи»).

Приведенный комментарий ценен для нас в первую очередь тем, что в нем представлены две точки зрения на употребление интересующей нас формулы, широко распространенной среди молодежи, но при этом хорошо известной и старшему поколению, которое эту формулу может отвергать в силу того, что считывает дополнительную информацию, неизвестную, несущественную или же иначе интерпретируемую в среде людей молодого поколения.

В заключении сформулируем основные выводы, которые позволяют нам сделать ретроспективный обзор формирования парлаче и анализ связанных с ним лексикографических исследований.

В наши дни Медельин, второй по величине и значимости колумбийский город с поэтичным прозвищем *la ciudad de la eterna primavera* (город вечной весны), постепенно становится спокойным и безопасным, но память о недавних трагических страницах истории города и страны, память о жестоких войнах за сферы влияния в наркобизнесе, в которые в той или иной степени было втянуто большинство населения Медельина, сохраняется в жаргоне парлаче.

Память об этих трагических событиях и их интерпретация неодинаковы в случае людей старшего поколения и молодежи, что проявляется в их отношении к употреблению лексики жаргона парлаче, возникшего в 1980-е гг. как «тайный язык» маргинальных социальных слоев Медельина. Если первые нередко относятся к популярности парлаче настороженно или негативно, то для последних, независимо от их социального положения и уровня образования, парлаче является важным источником лингвистических средств эмоциональной экспрессии, различного, эвфемистического, игрового словоупотребления, благодаря чему парлаче в настоящий момент представляет собой неотъемлемую составляющую повседневной коммуникации современного Медельина, шире – Антиокии. Отдельные жаргонизмы известны в других районах страны и за ее пределами.

ЛИТЕРАТУРА

- Aricapa Ardila 1998 – *Ctkeerc "Ctflkr" T0* Medellín es así: crónicas y reportajes Editorial Universidad de Antioquia, 1998. 399 p.
- Castañeda Naranjo, Hena Salazar 2006 – *Ecux° gfc "Pctcplq" N00 { "J gpcq" Uer/ct "L00* Diccionario de parlache. Carreta Editores, 2006. 233 p.
- Castañeda Naranjo, Hena Salazar 2009 – *Ecux° gfc "Pctcplq" N00 { "J gpcq" Uer/ct "L00* Diccionario de parlache. Edición depurada y actualizada para LEA. ENVIGADO, 2009. 250 p.
- Castañeda Naranjo, Hena Salazar 2015 – *Ecux° gfc "Pctcplq" N00 { "J gpcq" Uer/ct "L00* Diccionario de uso de parlache. Versión revisada y actualizada. Peter Lang, 2015. 464 p.
- Castañeda Naranjo, Hena Salazar 2001 – *Ecux° gfc "Pctcplq" N00 { "J gpcq" Uer/ct "L00* El Parlache. Medellín, Ed. Universidad de Antioquia, 2001. 263 C.
- Castañeda Naranjo 2005 – *Ecux° gfc "Pctcplq" N00* El Parlache: Resultado de una investigación lexicográfica // Forma y Función, enero-diciembre. 2005. № 18. P. 74–101.
- Castañeda Naranjo 2012 – *Ecux° gfc "Pctcplq" N00* Fórmulas de apertura y cierre en procesos de interacción verbal en parlache // Lingüística y literatura. 2012. № 62. P. 47–62.
- De parces y troncos 2013 – De parces y troncos. Nuevos enfoques sobre los argots hispánicos / N. Vila Rubio (Ed.). Lleida: Edicions de la Universitat de Lleida, 2013. 315 p.
- Diccionario de americanismos. ASALE. Logos, 2010. 2333 p.
- Diccionario de la lengua española, 22 ed., 2001. Электронный ресурс: www.rae.es (Дата последнего обращения 15.12.2015)
- El argot, entre España y Colombia 2012 – El argot, entre España y Colombia. Estudios léxicos y pragmáticos / N. Vila Rubio, L.S. Castañeda Naranjo (Eds.). Lleida: Edicions de la Universitat de Lleida, 2012. 155 C.
- Gobello 1996 – *I qdgmq "L0* Aproximación al lunfardo. Buenos Aires: Universidad Católica de Argentina, 1996. 261 p.
- López Morales 2010 – *N»rg/ "Oqtcrqu" J 0* La andadura del español por el mundo. Madrid: Taurus, 2010. 464 p.
- Riaño Alcalá 2006 – *Tk° q "Crcst" "R0* Jóvenes, memoria y violencia en Medellín. Una antropología del recuerdo y el olvido. Medellín: Ed. Universidad de Antioquia, 2006. 276 p.

Sebreli 2011 – *Ugdt grk'LO* Buenos Aires, vida cotidiana y alienación: seguido de Buenos Aires, ciudad en crisis. Buenos Aires: Editorial Sudamericana, 2011. 320 p.

Кутькова АВОЖаргон парлаче как социолингвистический феномен в испанском языке Колумбии // Древняя и новая Романия / СПбГУ. СПб., 2014. Т. 13. № 1(13). С. 243–253.

Овчинникова"АВОСоциолингвистические аспекты изучения речи испанской молодежи: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 2011. 24 с.

Фирсова"НМОСовременный молодежный сленг испанцев. М.: Libroком, 2011. 104 с.

TGHGTGPEGU

Aricapa Ardila R. (1998) *Medellín es así: crónicas y reportajes* Editorial Universidad de Antioquia. 399 p.

Castañeda Naranjo L.S. y Henao Salazar J.I. (2006) *Diccionario de parlache*. Carreta Editores. 233 p.

Castañeda Naranjo L.S. y Henao Salazar J.I. (2009) *Diccionario de parlache*. Edición depurada y actualizada para LEA. ENVIGADO. 250 p.

Castañeda Naranjo L.S. y Henao Salazar J.I. (2015) *Diccionario de uso de parlache*. Versión revisada y actualizada. Peter Lang. 464 p.

Castañeda Naranjo L.S. y Henao Salazar J.I. (2001) *El Parlache*. Medellín, Ed. Universidad de Antioquia. 263 p.

Castañeda Naranjo L.S. *El Parlache: Resultado de una investigación lexicográfica*. *Hqto c'f' "Hvpek»p*. 2005, enero-diciembre. No 18, pp. 74–101.

Castañeda Naranjo L.S. *Fórmulas de apertura y cierre en procesos de interacción verbal en parlache*. *Npi Á¶wkec'f' 'kgtcwt c*. 2012. No 62, pp. 47–62.

De parces y troncos. Nuevos enfoques sobre los ar gots hispánicos / N. Vila Rubio (Ed.) Lleida: Edicions de la Universitat de Lleida. 2013. 315 p.

Diccionario de americanismos. ASALE. Logos. 2010. 2333 p.

Diccionario de la lengua española. 22nd ed. 2001. Электронный ресурс: www.rae.es (Date last accessed 15.12.2015).

El argot, entre España y Colombia. Estudios léxicos y pragmáticos / N. Vila Rubio, L.S. Castañeda Naranjo (Eds.). Lleida: Edicions de la Universitat de Lleida, 2012. 155 p.

Gobello J. (1996) *Aproximación al lunfardo*. Buenos Aires: Universidad Católica de Argentina. 261 p.

López Morales H. (2010) *La andadura del español por el mundo*. Madrid: Taurus. 464 p.

Riaño Alcalá P. (2006) *Jóvenes, memoria y violencia en Medellín. Una antropología del recuerdo y el olvido*. Medellín: Ed. Universidad de Antioquia. 276 p.

Sebreli J. (2011) *Buenos Aires, vida cotidiana y alienación: seguido de Buenos Aires, ciudad en crisis*. Buenos Aires: Editorial Sudamericana. 320 p.

Kutkova A. *Parlache Jargon as a Sociolinguistic Phenomenon of Colombian Spanish*. *Qrf " cpf "Pgy "Tqo cpk*. St.-Peterburg, 2014. Vol. 13. No 1(13), pp. 243–253 p.

Ovchinnikova A. (2011) *Sociolinguistic Aspects of Studing Spanish Youth Slang*. Moscow. 24 p.

Firsova N. (2011) *Modern Spanish Youth Slang*. Moscow: Librocom. 104 p.

Сведения об авторе:
Анастасия Владимировна Кутькова,
канд. филол. наук,

ст. преподаватель
кафедра иберо-романского языкознания
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Anastasia Kutkova,
PhD (Linguistics)
Senior Lecturer
Department of Ibero-Romance Linguistics
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
a.kutkova@rambler.ru

Понятие нормы применительно к национальным вариантам испанского языка

Аннотация Проблемы нормирования и кодификации языка – традиционно актуальное направление лингвистических исследований. В настоящей статье рассматривается понятие нормы применительно к национальным вариантам испанского языка, а также дается краткая характеристика соотносимости понятия «языковая норма» в традиционном ее понимании с языковой ситуацией в современной Аргентине.

Ключевые слова Испанский язык, аргентинский национальный вариант, языковая норма, языковая ситуация

Суть The problems of language standardization and codification traditionally form the area of constant interest in linguistic researches. The article deals with the concept of standard in respect to national variants of the Spanish language and contains the brief description of applicability of the “language standard” concept in its traditional meaning to the language situation in contemporary Argentina.

Ключевые слова Spanish language, argentinean spanish, linguistic norm, linguistic situation

Одной из наиболее актуальных проблем современной испанистики в последние годы является проблема разработки единой паниспанской языковой нормы, а также, в целом, проблема нормы применительно к испанскому языку во всем многообразии его национальных вариантов.

Этой тематике посвящен целый ряд теоретических работ. Так, например, Э. Косериу утверждал, что должен существовать некий языковой «образец» для всех разновидностей испанской речи, однако отмечал, что в испаноязычном мире практически отсутствует необходимая для этого «языковая решимость»¹.

По мнению В.С. Виноградова, существует «паниспанская языковая и литературная нормы, равно как и национальные общеязыковые и литературные нормы»². В то же время ученый отказывается от категоричных суждений на этот счет из-за «недостаточной исследованности этой области испанистики»³. Это доказывает,

¹ Цит. по: *Nqr g'Drcpej 'LLO* La norma lingüística hispánica. P. 8 (congresosdelalengua.es/valladolid/ponencias/unidad_diversidad_del_espanol/1_la_norma_hispanica/lope_j.htm).

² *Виноградов' D'E* Лексикология испанского языка: Учебник. 2-е изд., испр. и доп. М., 2003. С. 82..

³ Там же.

что вопросы, связанные с нормой (или нормами разного порядка) испанского языка, являются крайне актуальными для современной испанистики.

В работе, посвященной национальным вариантам испанского языка, Н.М. Фирсова отмечает, что «в каждой из стран имеется своя национальная норма», однако в то же время подчеркивает, что «эти нормы в ряде стран находятся еще на стадии становления». Там же вслед за Н.Ф. Михеевой применительно к функционированию местоимения *xqui* в Аргентине Н.М. Фирсова упоминает об общенациональной норме разговорно-обиходной речи. Таким образом, применение понятия «норма» к национальным вариантам испанского языка осложняется тем, что процесс кодификации и становления национальной нормы не завершен¹.

В испаноязычной научной литературе встречаются два понимания нормы: норма как прескрипция и «модель для следования» и норма как устоявшийся узус. Амбивалентность этого термина признают многие лингвисты: Эухенио Косериу, Луис Фернандо Лара, Мануэль Альвар, Рольф Эберенс, Чарльз Кени.

Вопрос единой языковой нормы для всего испаноязычного региона поднимался на протяжении всего XX в. Дамасо Алонсо, Рафаэлем Лапесой или Анхелем Розенблатом, продолжавшими традицию, заложенную крупными филологами еще в период острого языкового национализма. Все они писали о том, что необходимо сохранить языковое единство испаноязычной территории, общее информационно-коммуникативное пространство.

Существование / формирование паниспанской общезыковой нормы вызывали многочисленные научные дискуссии. В рамках традиций испанского пуризма предлагалось не просто проанализировать, какие из языковых реализаций составляют нормативный узус, но создать нормативное языковое описание, которое будет регулировать речь носителей разных вариантов испанского языка, до определенной степени унифицируя ее.

Такая точка зрения практически не была поддержана крупными филологами. Так, например, Мануэль Альвар, признавая существование некой нормативной формы испанского языка, реализуемой образованными людьми в речи, считает, что не может существовать единой нормы, которую следовало бы «навязывать» носителям разных вариантов испанского языка: «Стремление к тому, чтобы язык был идеальным, означает неспособность понять, что язык не должен стремиться к такого рода идеалу. Какой испанский язык мы должны считать нормативным? Всего лишь тот, на котором говорят образованные люди в каждой стране. Аргентинские преподаватели, мексиканские врачи или испанские архитекторы. Только это. Навязывать другим? Серьезнейшая ошибка <...>. Если мы изучили научный труд по испанской лингвистике и хотим претворить его в жизнь, кто будет говорить по этому идеальному образцу? Никто, ни один человек!»²

Общепризнанным становится понимание паниспанской нормы как набора языковых реализаций, признанных нормативными и «эталонными» внутри каждого

¹ Фирсова Н.М. Современный испанский язык в Испании и странах Латинской Америки. М., 2007. С. 25.

² «Pretender que una lengua sea perfecta en alguna parte, es ignorar que la lengua no es objeto de semejantes perfecciones. ¿Qué español es el que debemos considerar normativo? Sencillamente el que hablan las gentes instruídas de casa país. El argentino de los profesores, el mexicano de los médicos o el español de los arquitectos. Simplemente esto. ¿Imponer a los demás? Grasísimo error /.../ Si estudiamos un tratado de lingüística española y lo queremos aplicar a nuestra realidad, ¿quién hablará con ese arquetipo ideal? Nadie, absolutamente nadie» (*Смкт "О* Por los caminos de nuestra lengua. Madrid, 1996. P. 40). Здесь и далее перевод наш. – АНН

из вариантов. Это скорее комплекс частных «норм», «образец», к которому может (но не должен) стремиться носитель любой разновидности испанского языка, когда перед ним стоит задача «говорить и писать правильно».

В целом говорить о «норме национальных вариантов испанского языка» достаточно сложно в силу большого количества стран, к тому же зачастую анализ языковой ситуации осложняется тем, что речь жителей крупных городов или столицы и столичного региона значительно отличается от речи жителей других регионов (и такие различия могут проявляться в странах Латинской Америки ярче, чем в Испании). При этом доля сельского / нестоличного населения так велика, что говорить об актуальности столичной речевой нормы для всей территории соответствующих стран было бы слишком большим допущением.

Тем не менее изучение соотношения нормы и узуса в речи жителей столичного региона может стать отправной точкой для исследования обобщающего характера при условии, что на следующем этапе все региональные языковые особенности будут учтены. Исследования подобного рода начинают предприниматься в испаноязычных странах с середины XX в.: в это время в академической среде была выдвинута инициатива рассмотреть, охарактеризовать и проанализировать «норму культурной речи» крупных городов испаноамериканского пространства, чтобы очертить круг языковых явлений, нормативных для разных вариантов испанского языка. Инициатива была поддержана Ассоциацией Академий испанского языка, однако работа в этом направлении велась достаточно медленно и до сих пор невозможно говорить о ее завершении.

Инициатором проекта был мексиканский филолог Хуан Мануэль Лопе Бланч, впоследствии продолживший активные научные изыскания в области нормы. Ученый утверждает, что согласно проведенным им исследованиям на сегодняшний день единству испанского языка на всей испаноязычной территории ничто не угрожает, и «языковая раздробленность» испаноязычного ареала не кажется ему «реальной исторической угрозой»: «Las investigaciones realizadas hasta el momento parecen probar que la unidad esencial de la lengua española está sólidamente establecida, y que el temor a una posible fragmentación idiomática de nuestra lengua común está muy lejos de corresponder a una amenaza real histórica»¹

В то же время ученый считает необходимым разработку общей языковой нормы для вариантов испанского языка несмотря на высказываемое во многих работах мнение, что испаноязычное коммуникационное пространство останется единым, будущее региона и потенциальное «снижение качества» испанского языка отдельных территорий с последующим превращением их в отдельные диалекты и (существенно, впрочем, позднее) даже в языки, вызывает у него беспокойство. Беспокойство такого рода традиционно для представителей испанской и латиноамериканской академической среды; подобные мнения встречаем у Андреса Бельо и Руфино Хосе Куэрво, однако в разные исторические периоды категоричность научных выводов в этой области существенно меняется.

По мнению Лопе Бланча, при общей относительности понятия языковой нормы, внутри каждой географической разновидности испанской речи существует некая «культурная норма», которая управляет испанским языком на данной территории. Ученый отмечает, что в случае с латиноамериканскими вариантами испанского языка может быть меньше различий между «культурной языковой нормой» разных стран, чем между культурной речью и просторечием одного географиче-

¹ *Nqr g'Drcpej 'L00 0La norma lingüística hispánica. P. 6.*

ского региона. Подчеркивается, что речь идет об идеальной норме. Этот «идеал» не должен совпадать ни с одной из реальных, в узком понимании этого термина, языковых норм испанского языка. Внутри этой идеальной нормы следует, по мнению ученого, принять существование некоторых расхождений и множественность отдельных конкретных языковых реализаций.

В то же время точки зрения на проблему существования «идеальной» нормы испанского языка не во всем совпадают. Как у любой серьезной лингвистической проблемы, у нее в разное время были как сторонники, так и противники. Так, например, приверженцы идей испанского пуризма признавали только уже существующую норму – пиренейскую. Некоторые ученые и писатели начала XIX в., пропагандировавшие идею языковой эмансипации латиноамериканских территорий, настаивали на существовании национальных языков и необходимости их кодификации. В последние годы многие ученые разделяют идею необходимости создания паниспанской языковой нормы. На этих же позициях стоит и Испанская Королевская академия (RAE), в целом занимающая с каждым годом все менее категоричную позицию в вопросах вариативности испанского языка.

Традиционно выделяется лишь несколько серьезных грамматических различий, таких, как, например, особенности функционирования местоимения второго лица единственного и множественного числа, а также притяжательных местоимений; особенности глагольной парадигмы в странах, где встречается феномен *xquiqq* = оппозиция простого (Pretérito Indefinido или, в другой традиции, Pretérito Perfecto Simple) и сложного (Pretérito Perfecto Compuesto) прошедших времен индикатива; некоторые особенности употребления местоимений прямого и косвенного дополнения; значимые (для орфографии) фонетические различия, в частности феномены *igigq* "и" / *g* / *yo q*. Данные различия, однако, не представляют неразрешимой проблемы для формирования паниспанской языковой нормы: ни грамматическое, ни лексическое (более значительное) разнообразие национальных вариантов не признается достаточным для этого основанием.

Изучение проблемы языковой нормы применительно к национальным вариантам испанского языка представляется перспективным направлением исследования в каждой из латиноамериканских стран и могло бы стать предметом отдельного комплексного теоретического исследования. В данной статье в качестве примера мы прокомментируем языковую ситуацию в Аргентине.

Проблемами языковой нормы здесь занимались многие ученые: Луис Альфонсо, Хуан Альварес, Хосе Арсе, Хорхе Диас Велес и другие. Большое количество работ, посвященных языковой норме и «культурной речи», появилось в середине XX в., когда правительство начало проводить активную языковую политику. Также были опубликованы работы членов Аргентинской Академии испанского языка, посвященные проблеме «правильного и неправильного использования языка»¹. Наконец, если говорить о языковой норме применительно к аргентинскому варианту испанского языка, можно утверждать, что на сегодняшний день нормой в узком смысле этого слова является норма Испанской Королевской Академии. Это весьма показательно – аргентинская научная традиция не породила значимых идей о необходимости разработки отдельной, собственной языковой нормы. О собственно аргентинской языковой норме речь шла только в начале XIX в., когда, после обретения политической независимости, аргентинское общество настаивало на независимости языковой и ряд ученых утверждал, что существует «ар-

¹ Academia Argentina de Letras. El uso y el mal uso del idioma, BAAL. 38, 1973. P. 351–353.

гентинский язык». Особенности аргентинского варианта испанского языка (фонетические, грамматические, лексические, диалектальные) достаточно подробно изучены и описаны аргентинскими лингвистами, однако работ прескриптивного, нормативистского характера, повсеместно принятых и используемых в Аргентине, не существует. Так, например, образец «школьной нормы» – традиционно принятые издания, рекомендованные для школьного обучения родному языку, – это грамматика, словарь и орфография Испанской Королевской Академии.

Понятие нормы применительно к аргентинскому варианту испанского языка, таким образом, крайне размыто.

Современные исследования показывают, что школьные учебники никак не отражают языковую действительность. За исключением упоминания о *xqugq*, ни в одном из них не отражены национальные особенности испанского языка в Аргентине. Такой подход к созданию дидактических текстов демонстрирует отсутствие единой национальной концепции в вопросах нормы аргентинского национального варианта. Мы можем утверждать, что аргентинский вариант испанского языка не имеет собственной, особой, кодифицированной нормы в узком смысле этого слова. Его грамматические, лексические и фонетические особенности зафиксированы в научных исследованиях, однако основные инструменты создания национальной нормы – грамматика и школьный учебник – на сегодняшний день не направлены на кодификацию аргентинского варианта.

Это объясняется рядом экстралингвистических факторов. До 1990-х гг. в Аргентине преобладал академический подход к созданию школьных учебников. Содержание учебного пособия по испанскому языку как родному никак не отражало языковую реальность; была создана целая серия научных исследований, содержащих рекомендации для преподавания испанского языка в начальной и средней школе. Языковая норма, признанная в этот период в Аргентине, – пиренейская языковая норма.

По отношению к унифицированному, стандартизированному испанскому языку, преподавание которого становится целью большинства школьных учебников, употребляются термины *ngpi w'gw^o pf ct. 'gur c^o qn'I'eciwngncpq'i nqdcnk| cf q. 'gur c^o qn'I'eciwngncpq'pgwtq* и даже *'fkcrgvq'i gpgt cn'pgwtq0*

Как следствие того, что понятие «разновидности испанского языка» так или иначе в большинстве случаев связано с неформальным регистром речи, диалектными особенностями и разговорной речью, так называемый «язык-стандарт» – *ngpi w'gw^o pf ct* – автоматически воспринимается как более «престижная» форма речи, лишенная упомянутых особенностей: «/Стандартный язык/ – это язык определенного языкового сообщества, лишенный неформальных регистров и диалектов. Его характеризует престиж (значимыми оказываются только те высказывания, которые отвечают нормам устной и письменной речи) и жесткая кодификация (грамматики и словари определяют правильный узус)»¹.

С одной стороны, такой стандарт мог бы быть национальным, однако, согласно тексту тех же пособий, в силу особенностей преподавания испанского языка в Аргентине в настоящее время это невозможно. В то же время «паниспанская норма» является главной целью многих ученых и Академий, но на сегодняшний

¹ «/Lengua estándar/ es la lengua de intercambio de una comunidad lingüística, desprovista de formas informales o dialectos. Se caracteriza por su prestigio idiomático (se valoran sólo aquellas emisiones que respetan las normas del uso oral o escrito correcto) y su codificación rígida (las gramáticas y vocabularios definen su uso correcto)» (*Nqr g/ 'I cte'f: 'O0* Norma estándar, variedad lingüística y español transnacional: ¿la lengua materna es la lengua de la «madre patria»? // Revista de Lingüística y Lenguas Aplicadas. 2010. P. 96).

день она не закреплена в словарях и грамматиках испанского языка и не признана научным сообществом. Такая неоднозначная ситуация приводит к тому, что оказывается размыто значение термина *región geográfica* и синонимичных ему терминов. Во многих учебниках встречается характеристика *región geográfica* как такой языковой разновидности, которая позволяет всем носителям испанского языка, независимо от их диалектальной, социальной, национальной принадлежности, понимать друг друга.

В целом языковая ситуация в странах Латинской Америки заставляет задуматься не только о том, какова языковая норма национальных вариантов и возможно ли существование паниспанской языковой нормы, но и о том, насколько это понятие важно для испаноязычного ареала. В современных условиях развития интернет-коммуникации и информационных технологий языковая норма и обязательное «высокое качество» текста (в традиционном его понимании) теряют авторитет. Таким образом, возможно, целесообразнее было бы закрепить в качестве «национальной нормы» вариантов особенности традиционного узуса, не отказываясь при этом от идеи единой пиренейской нормы, в ее современном, открытом виде в рамках политики *unificación lingüística*. В противном случае есть вероятность, пусть и незначительная, что разработать общую единую норму не удастся, а отказ от пиренейской приведет к формированию национальных норм и, как следствие (по прошествии более долгого времени), в ряде регионов Латинской Америки – национальных языков.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов В.С. Лексикология испанского языка. М., 2003. 312 с.
- Фирсова Н.М. Современный испанский язык в Испании и странах Латинской Америки. М., 2007. 352 с.
- Alvar M. (1996) Por los caminos de nuestra lengua. Madrid, 1996. 246 p
- Academia Argentina de Letras, El uso y el mal uso del idioma. BAAL, 38. 1973. P351–353.
- Lope Blanch J.M. La norma lingüística hispánica. congresosdelalengua.es/valladolid/ponencias/unidad_diversidad_del_espanol/1_la_norma_hispanica/lope_j.htm
- Lopez García M. Norma estándar, variedad lingüística y español transnacional: ¿la lengua materna es la lengua de la “madre patria”? // Revista de Lingüística y Lenguas Aplicadas. 2010. polipapers.upv.es/index.php/rdlyla/article/view/755

Т Г Н Г Т Г Р Е Г У

- Vinogradov V.S. (2003) Spanish Lexicology. Moscow. 312 p.
- Firsova N.M. (2007) Contemporary Spanish in Spain and in Latin America. Moscow. 246 p.
- Alvar M. (1996) Por los caminos de nuestra lengua. Madrid. 246 p
- Academia Argentina de Letras. El uso y el mal uso del idioma. BAAL, 38. 1973, pp. 351–353.
- Lope Blanch J.M. La norma lingüística hispánica. congresosdelalengua.es/valladolid/ponencias/unidad_diversidad_del_espanol/1_la_norma_hispanica/lope_j.htm
- Lopez García M. Norma estándar, variedad lingüística y español transnacional: ¿la lengua materna es la lengua de la “madre patria”? In: Revista de Lingüística y Lenguas Aplicadas. 2010. polipapers.upv.es/index.php/rdlyla/article/view/755

Сведения об авторе:
Анастасия Андреевна Невокшанова,
старший преподаватель
кафедра иберо-романского языкознания
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Anastasia A. Nevokshanova,
Senior Lecturer
Department of Ibero-Romance Linguistics
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
nevokshanova@gmail.com

О происхождении и функционировании галисийской хеады

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы происхождения, функционирования и восприятия в обществе хеады – фонетического явления в галисийском языке, заключающегося в произношении на месте звонких велярных звуков: смычного [g] и фрикативного [ɣ] – фрикативного фарингального глухого [h]. Несмотря на то что хеада признана нормативной, она социально маркирована и вызывает полемику как в лингвистических кругах, так и среди рядовых галисийцев.

Ключевые слова: хеада, галисийский язык, теория самостоятельного развития хеады, теория адстрата, хеада в искусстве и в обществе

Суть: This article describes the origins and the use of the Galician *ij gcf c*, which involves the pronunciation of the voiced velar occlusive [g] or fricative [ɣ] as a voiceless pharyngeal [h], as well as social attitudes towards it. Although accepted by the language norms, this phonetic phenomenon is marked sociolinguistically and keeps generating controversy among linguists and native speakers.

Мета: *ij gcf c*, Galician language, the theory of the internal evolution of *ij gcf c*, the adstrate theory, *ij gcf c* in art and society

Хеада (*ij gcf c*) – фонетическое явление в галисийском языке, реализация фонемы /g/ в одной из разновидностей звука [h]. При этом следует отметить, что фонемы /h/ (/x/) в галисийском языке нет.

Это одно из характерных и довольно ярких явлений галисийского языка (его обычно рассматривают в паре с другим фонетическим явлением – сесео *uiguq* – нейтрализацией в одной из разновидностей зубного сибиланта [s] фонем /θ/ и /s/). С одной стороны, хеада регулярно звучит в речи, поэтому осознается рядовыми носителями, которые наделяют ее определенными коннотациями. С другой стороны, среди исследователей нет единого мнения относительно ее происхождения.

Приведем два определения этого термина из толковых словарей галисийского языка.

30'1 J GCF C

SUBSTANTIVO FEMININO

Nkpí **Ñmlec** Fenómeno fonético que se presenta en gran parte do territorio lingüístico galego e que consiste na pronuncia do fonema g (oclusivo ou fricativo velar sonoro) como h (normalmente aspirado xordo).

Q'iqp'f c' i j gcf c' i c rgi c '2 'ugo gnc pvg'c q'f q'j 'c w kcf q'kpi n' u'0

¹ Dicionario da Real Academia Galega. www.academia.gal

40'I J GCF C

(DE I J G, DENOMINACIÓN DA LETRA I CON PRONUNCIA ASPIRADA + SUF. -ADA)

f. Fenómeno fonético do idioma galego consistente en pronunciar o *i* como un *j* aspirado farínxeo: *ijcɨq* por *icɨq*¹.

В словаре Королевской академии галисийского языка отмечается распространённость этого феномена, словарь издательства «Cumio» обращает внимание на место образования звука – фарингальный.

Именно такая реализация – фрикативный фарингальный глухой – является наиболее частотной. Напомним, что традиционным в официальном регистре галисийского языка является позиционное чередование звонких велярных звуков, смычного [g] и фрикативного [ɣ]. В рамках же рассматриваемого явления также встречается фрикативный велярный глухой [x], совпадающий с испанским [x] и представленный в большей мере в речи молодых носителей языка. Кроме того, зафиксированы две другие фрикативные реализации: глоттальная и увулярная².

Это явление встречается практически во всех фонетических позициях: [h]ato, os [h]atos, ami[h]o, a[h]radecer. Некоторая нестабильность наблюдается только при произнесении группы /pi/ в середине слова, возможны варианты: domin[g]o, domin[k]o, domin[h]o. Ф. Фернандес Рей в своем учебнике 1990 г. пишет, что в этой позиции нет системности: «Hai que ter en conta que a gheada no grupo/pi/ medial está aínda sen consolidar, polo que a carón de falas nas que se rexistra *f qo kpeq*, hai outras de *f qo kpi q* ou *f qo kpi j q*; e nun mesmo lugar, nunha mesma familia, pode rexistrarse /pi/ ou /pe/, segundo os falantes»³. В статье 2004 г. этот же автор отмечает, что в университете Сантьяго-де-Компостела все чаще появляются студенты, сознательно употребляющие хеаду в том числе и в этой позиции. Это молодые люди, чувствующие личную ответственность за положение галисийского языка в обществе, которые выбирают его «менее обезличенный, более подлинный вариант», либо таким образом заявляющие о своем несогласии с нормой: «É xente comprometida coa causa do galego que procura unha lingua menos despersonalizada e máis auténtica, ou simplemente é un xeito de estar á contra, tan lícito como o que quere estar á contra empregando a terminación -/»p'ou usando grafemas propios hoxe da escrita portuguesa pero non habituais na do galego»⁴.

Карту хеады традиционно представляют следующим образом. В частности, в таком виде она появляется в классическом учебнике по галисийской диалектологии Ф. Фернандеса Рея⁵ (см. рис. 1).

В двух западных провинциях Корунья и Понтеведра хеада является преобладающим явлением, а также захватывает почти половину Оуренсе и около трети Луго.

Основных источников информации для составления изоглосс в галисийской лингвистике два:

1. *Сиву'Nkpi Ñjmkq'f g'rc'Rgp'pwwr'Kl²tkec'**CNRK под редакцией Т. Наварро Томаса, вышедший в 1934 г.;

¹ Gran Diccionario Cumio da Lingua Galega. 1ª ed. 2011. P. 625.

² *Ht gkz gkt q'O cɨq'ZOT* Gramática da lingua galega. I: Fonética e fonoloxía. Vigo: Edicións A Nosa Terra, 2006. P. 142.

³ *Hgt p^a pf gl'Tgk'HD* Dialectología da lingua galega. Vigo: Xerais, 1990. P. 167.

⁴ *Hgt p^a pf gl'Tgk'HD* Gheada e seseo no galego coloquial e no galego estándar dos anos 90. Notas sobre a súa presenza nos media e nos textos musicais // Álvarez R., Fernández Rei F., Santamarina A. (Eds.): A lingua galega: historia e actualidade. Vol. 2. Santiago de Compostela: Consello da Cultura Galega / Instituto da Lingua Galega, 2004. P. 334.

⁵ *Hgt p^a pf gl'Tgk'HD* Dialectología... P. 163.

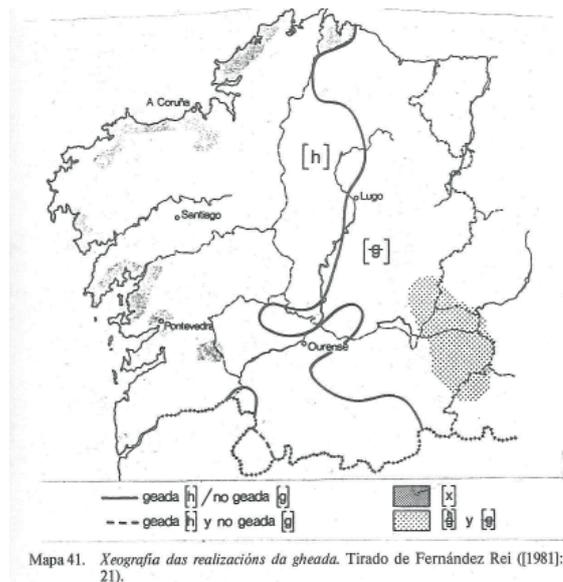

Рис. 1.

2. *Списокъ Галгійскаго языка* + под редакцией А. Сантамарины, данные для которого собирались в 1974–1976 гг. и одним из авторов которого является упомянутый Ф. Фернандес Рей.

Также проводятся новые, менее масштабные исследования. Например, некоторые результаты одного из них, осуществленного в 2008 г., представлены в статье Д. Родригеса Лоренсо¹. На карте, завершающей статью, показано, как сократилась зона хеады за счет смещения изоглоссы с востока на запад (см. рис. 2).

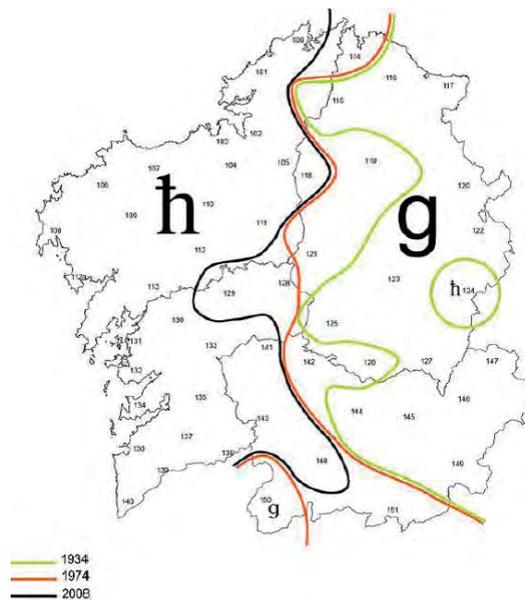

Рис. 2.

Автор проводил полевые исследования в 53 населенных пунктах, задействованных в обоих атласах, и работал с информантами, удовлетворяющими тем же

¹ *Tqf t wgl 'Nqtgp/q'FOA gheada, un fenómeno innovador do galego. Evolución diatópica no século XX.* alpi.csic.es/sites/default/files/publicaciones/gheada.pdf (дата обращения 27.06.2016).

требованиям: это люди пожилого возраста, традиционных профессий, из сельской местности и в течение длительного времени не покидавшие родные края.

Вывод, к которому приходит Д. Родригеса Лоренсо, таков: изоглосса очевидным образом продвигается на запад. Хеада теряет свои позиции даже в тех зонах, где традиционно преобладала. Если эта тенденция продолжится, ее последним редутом станет атлантическое побережье, а на остальной территории Галисии явление исчезнет.

Причем такое относительно плавное движение – с востока на запад – позволяет автору сделать другой немаловажный вывод. Хеада отступает перед галисийской же фонетической моделью без хеады. Потому что, если бы ее вытесняла испанская фонетическая система, зоны без хеады группировались бы вокруг крупных городов, которые являются очагами распространения кастильской нормы.

Итак, мы кратко рассмотрели пространственный (или диатопический, в терминологии Э. Косериу) аспект хеады.

Если обратиться к диастратическому (или социальному) аспекту, то все факты указывают на следующее: хеада традиционно ассоциируется с наименее обеспеченными и образованными слоями общества и поэтому становится причиной презрительного отношения и обидных шуток.

Диафазическая (или стилистическая) составляющая такова: чем более формальна ситуация общения, тем меньше вероятность появления хеады в речи. И наоборот: чем непринужденнее ситуация общения, тем чаще ее можно услышать.

Письменные свидетельства рассматриваемого феномена немногочисленны, ведь в случае с хеадой и сесео речь идет о фонетических явлениях, о еще одном способе произношения букв и буквосочетаний «g» и «z» / «ce» / «ci» соответственно¹. Следовательно, отражение их на письме всегда маркировано и используется для противопоставления нейтральному произношению без них, например, как средство создания речевой характеристики в художественных текстах.

Ученые согласны в том, что хеада – довольно позднее явление, которое появилось в языке во второй половине XVII, а то и в XVIII в. Для сравнения, окончательное установление в испанской фонетической системе велярной фонемы [x] датируется XVII в.²

Тут, кстати, следует напомнить, что письменная традиция в Галисии прерывистая. Первый этап ее существования, связанный с лирикой галисийско-португальских трубадуров, поистине славен. Однако после смерти португальского короля Дона Диниша I в 1325 г. трубадуры стали перебираться поближе к кастильскому двору – и Галисия осталась в стороне от литературного процесса³.

Еще более важную роль сыграли политические события конца XV в., имевшие последствия экономического, социального и культурного характера. В войне за наследство между дочерью Энрике IV Кастильского Хуаной Бельтранехой и

¹ «De todas as formas, débese ter en conta que tanto a gheada como o seseo son fenómenos fonéticos que non habería que reflectir na escrita en ningún caso, aínda que tradicionalmente se veu facendo, porque tanto *icrk'c* como *tcrc/c* permiten a pronuncia con ou sen gheada e seseante ou non seseante, respectivamente!» (*Ht gkz.gkt q'O cvq'ZQFO* Estilística da lingua galega. Vigo: Xerais, 2013. P. 89).

² См.: Карнова ТООАЭволюция системы согласных испанского языка: путь от шипящих [š] и [ž] к велярной [x] // Stephanos. 2015. № 2(10). С. 163–167.

³ Galicia. Literatura. Tomo XXXI: Los Siglos oscuros. El siglo XIX // Galicia. Proyecto editorial creado y dirigido por HDT qf t ¶ wg/ 'K rgukc u. A Coruña: Hércules de Ediciones. S.A, 2000. P. 28.

его сестрой Изабеллой Кастильской Галисия вслед за Португалией поставила на проигравшую, и новая королева этого не простила. Местную знать стали лишать имущества и положения и высылать из Галисии – либо на войну, либо на службу при Кастильском дворе. Образованных галисийцев, занимавших до этого государственные должности, смещали, освобождая места для кастильцев. Были установлены непосильные для плохо развитой экономики налоги, в годы неурожая наступил страшный голод. Запретили все ассоциации, даже гулять на свадьбах разрешалось не больше одного дня. Когда у людей нет возможности собраться, нет и почвы для литературной и музыкальной деятельности.

Более того, говорить и писать по-галисийски стало «нерентабельно». Первыми это поняли обеспеченные галисийцы: знать и администрация, подчинявшаяся напрямую кастильцам, а также те, кто был задействован в торговле. Соответственно, язык и литература на нем могли сохраниться среди тех слоев общества, которым не было прямой выгоды от испанского языка. Есть основания думать, что литература была довольно обширной, но существовала в устной форме. Спорадические письменные свидетельства галисийского языка эпохи так называемых «Темных веков» (*Uñewñu'gñewñu*, XVI–XVIII вв.) существуют, но говорить о литературном процессе не приходится.

У самой яркой фигуры этого времени – Мартина Сармьенто, священника и эрудита XVIII в. – безусловных упоминаний хеады, по свидетельству Р. Мариньо Паса, нет¹. Напротив, в трактате о происхождении галисийских имен собственных «*Onomástico etimolóxico da lingua galega*» (1758–1769) галисийский язык дважды противопоставлен испанскому именно по признаку отсутствия в нем звука [x]. В первом случае Сармьенто вспоминает, как проучил одного невежду-кастильца, который насмеялся над его галисийским произношением буквосочетаний «ge», «gi», процитировав Небриху, тем самым дав понять, что галисийское произношение ближе к латыни и, следовательно, правильное, в то время как кастильская норма является «порчей» (*deturpación*) языка. Во втором случае Сармьенто рассуждает о вреде бездумного заучивания в школе и упоминает между прочим, что галисийцам традиционно не дается произношение кастильского звука [x], который в их исполнении звучит как [g]².

Возрождение галисийской литературы (*Tgzñf ko gñvñ*) пришлось на вторую половину XIX в. Хеада, как правило, отсутствует в литературе этой эпохи, даже в текстах тех авторов, которые жили в зоне распространения явления; достаточно вспомнить трех классиков галисийского Возрождения: Росалию де Кастро, Мануэля Курросо Энрикеса, Эдуардо Пондаля. В текстах этого времени хеада появляется редко и исключительно для намеренной стилизации просторечия. То есть в возрожденной письменной традиции для хеады также не нашлось места.

Грамматики и словари XIX в. об этом явлении не упоминают вовсе либо отзываются очень нелестно. Приведем яркий пример из галисийско-испанского словаря М. Вальядареса Нуньеса. С точки зрения составителя, это «ошибка, свойствен-

¹ «Nin Sarmiento nin en xeral os poucos escritores en galego dos séculos XVII e XVIII lle deron cabida a este fenómeno lingüístico nas súas obras, non sendo en certos casos esporádicos para min bastante seguros pero certamente suxeitos á discusión» (*Octñq"Rc/'T0* Estudio introductorio, en Sarmiento, Fr. Martín, Coloquio de vintecatro galegos rústicos // Freixeiro Mato X.R. Estilística... P. 90.

² «Sábese que os galegos non entran ben na pronuncia castelá do *lc"bu zc* e que se han pronunciar a voz *r"azctcu* como en Castela, dirán *r"i ctcu*» (*Octñp"Ucto kñvñ'ññ0* Sobre a lingua galega. Antoloxía. Vigo: Galaxia, 2002. P. 172, 191. www.consellodacultura.gal/sarmiento/files/2008/04/sobre_a_lingua_galega.pdf – дата обращения 27.06.2016).

ная речи недалеких людей» («defecto de la gente idiota»), «насилие над произношением» («abuso de simple pronunciación»)¹.

Лексикограф Л. Карре Альварельос не менее жестко высказывается об этом явлении уже в 1950-е гг. Для него это «странный и неприятный звук, свидетельство серости и бескультурья» («sonido extraño y desapacible, signo de rusticidad e incultura»), «ужасная контаминация с испанским звуком, имеющим африканское происхождение» («esa horrible contaminación castellana de origen africano»)².

Некоторое признание этого явления – по крайней мере, в лингвистических кругах – начало происходить в последние десятилетия XX в. Например, в 1969–1970 гг. нынешний президент Галисийской Академии языка Ш. Алонсо Монтеро обвинил галисийских авторов, и себя в их числе, в том, что, отказываясь от фиксации на письме хеады, они следуют на поводу у испанской нормы, антигалисийской и антипопулистской. Это свидетельство опасной тенденции – считать, что лучшим галисийским языком является его менее галисийский вариант, приближенный к испанскому («creer que el mejor gallego es el gallego menos gallego o, de otro modo, el más próximo al castellano»)³. С другой стороны, тот же автор критикует преподавателей, позволяющих себе употреблять хеаду в стенах университета, пусть и не на занятиях. По его мнению, филологи и преподаватели должны с особой тщательностью относиться к своей речи и не выходить за пределы литературной нормы⁴.

«Орфографические и морфологические нормы галисийского языка», впервые вышедшие в 1982 г., ставят целью зафиксировать «общий для всего общества язык, закрепившийся в узусе, но очищенный от испанских заимствований, укоренившийся в традиции, связанный и гармонично сочетающийся с другими языками»⁵.

В соответствии с этими критериями, хеада включена в норму – в скобках – в разделе «алфавит»:

30'Q'CNHCDGVQ

Letra	Nome	Pronuncia
g	gue	[g] (ou [h])

Далее в тексте она упоминается только один раз – в разделе об употреблении на письме буквы “g”:

3050'S'I TCH'S'I

Para explicitar a pronunciación con *ij gcf c* utilízase o dígrafo *ij 'i j c v q. 'i j k e j q. 'c o k i j q. f*.

Причем никаких пояснений о статусе явления нет, что должно бы свидетельствовать о полном равноправии звуков «g» и «h». Но на практике получается, что предвзятое отношение к этому явлению не преодолевается.

Существуют три основных теории происхождения галисийской хеады⁷:

¹ *Xcmf ct gu'PÀ° gl' 'O O* Diccionario Gallego-Castellano (1884) // *Ht gkz gk q' O c v q' ZOT O* Estilística... P. 91.

² *Ect t' Cxct gm qu' NO* La gheada en Galicia // *Ht gkz gk q' O c v q' ZOT O* Estilística... P. 92.

³ En: *Ht gkz gk q' O c v q' ZOT O* Estilística... P. 95.

⁴ «Un idioma como o galego necesita que os seus profesores e os seus filólogos se esmeren na tarefa de configurar e consolidar un sociolecto culto, emítase este, nun centro de ensino, dentro ou fóra da cátedra. Habería que extremar esta actitude» (En: *Hgt p' a pf gl' T gk' HD* Gheada... P. 334).

⁵ «Unha lingua común asentada na fala, mais depurada de castelansmos, supradialectal, enraizada na tradición, coherente e harmónica coas demais linguas de cultura» (Normas ortográficas e morfolóxicas do idioma galego. Real Academia Galega. 23ª ed. Vigo: Galaxia, 2012. P. 10).

⁶ Normas... P. 13, 17.

⁷ *Hgt p' a pf gl' T gk' HD* Dialectoloxía da lingua galega. Vigo: Xerais, 1990. P. 181–186.

1. Теория субстрата, предложенная А. Саморой Висенте в 1950-е гг. Он нашел связь между зоной функционирования хеады и территорией распространения до-романских городищ – кастро. Следовательно, хеада – это свидетельство некоего древнего доиндоевропейского языка.

2. Теория адстрата была предложена в 1970-е гг. Х.Л. Пенсадо Томе. В условиях языкового контакта с более престижным – испанским – языком произошло такое изменение. На первом этапе галисийцы произносили новый для них звук [x] как [g], что вызывало насмешки со стороны кастильцев (это явление называется *i ngcf c*):

joven – goven,
hijo – higo.

На втором этапе произношение выровнялось:

goven – joven,
higo – hijo.

Но одновременно с этим звук [x] был перенесен на исконные галисийские слова, содержащие звук [g] (это уже собственно хеада):

luejo (вместо luego),
jlogia (вместо gloria).

3. Структуралистская теория, или теория самостоятельного развития галисийской фонетической системы, была предложена немецкими учеными, а в Галисии подхвачена Антоном Сантамариной. Согласно этой теории у фонемы /g/ существовало две реализации, находящихся в дополнительной дистрибуции: взрывной [g] в абсолютном начале или после [n] и фрикативный [g] в остальных позициях. Далее фрикативный звук стал еще более расслабленным. А потом исчезла разница в произношении в четырех позициях:

[gálo], [uŋ gálo], [o hálo], [os hálos].

Однако явление не было повсеместным: слова типа *domingo*, *longo* изменились по другой модели. И это для автора убедительное доказательство самостоятельного развития явления.

Сейчас первая теория, кажется, окончательно развенчана: крайне маловероятно, чтобы фонетическое явление произошло в одном языке под влиянием другого языка, исчезнувшего несколько сотен лет назад.

Две же других теории конкурируют, причем доминирующей пока является концепция самостоятельного развития. Ее поддерживают корифей галисийской диалектологии Ф. Фернандес Рей, а также большинство филологов из Университета Сантьяго-де-Компостела, сотрудничающих с Институтом галисийского языка. Нет ничего удивительного в том, что эта концепция популярна. Галисийский постоянно испытывает на себе гнет испанского языка, выбор вариантов при создании нормы, равно как и индивидуальный выбор носителей, обеспокоенных судьбой галисийского языка, зачастую осуществляется вопреки испанскому языку. Поэтому успех теории самостоятельного развития языкового явления, тем более подкрепленной вескими доводами, был предрешен.

Теорию адстрата отстаивает, например, Ш.Л. Фрейшейро Мато – автор четырехтомной грамматики и целого ряда других работ по галисийской филологии, преподающий в университете Коруньи. Нам бы хотелось вкратце рассмотреть его доводы, они кажутся весьма убедительными.

1. В XVII–XVIII вв. в галисийском языке произошли и другие фонетические явления, отдаляющие его от португальского и приближающие к испанскому языку

ку: например, оглушение «z», межзубное произношение «ç». Направление языковых изменений от доминирующего языка к подчиненному в условиях диглоссии является традиционным.

2. Полное отсутствие хеады в португальском языке – беспрецедентное явление, ведь у всех остальных фонетических процессов есть некая переходная зона, ни одно другое явление не обрывается так резко на границе реки Минью.

3. Не вызывает споров тот факт, что сначала появилось явление *i ɨçfç*, которое, кстати, зафиксировано и в португальских текстах той эпохи. Но если в Галисии такое неправильное произношение стало поводом для насмешек, так как было уже много людей, научившихся правильно произносить этот звук, то в Португалии этого не произошло. Период Иберийской унии продлился 60 лет (1580–1640 гг.), после чего антииспанские настроения только усилились. Португальцам не пришлось подстраиваться под испанское произношение, поэтому у них не возникло это явление.

4. Считается общим местом то, что более испанизированными оказались прибрежные зоны Галисии. И именно в них позиции хеады наиболее прочные.

5. Все признают, что с самого появления хеады была поводом для насмешек, знаком необразованности и низкого социального статуса. Если бы она зародилась внутри системы, то была бы обусловлена каким-то естественным процессом и не вызвала бы такой единодушной негативной реакции, как не вызвали ее другие фонетические процессы в языке. Также непонятно, почему писатели из прибрежных областей, отстаивающие самобытность галисийского языка, никогда не пользовались этим аргументом.

Так что полемика по поводу происхождения хеады остается открытой. А мнения относительно нее встречаются интересные и даже забавные.

Например, филолог и писатель Ш. Ферро Руибаль в программе «Ben falado!» вспоминает высказывание известного писателя-билингва Рафаэля Дьесте (1899–1981), который был родом из Рианшо – муниципалитета на западе провинции Корунья. Когда он начал произносить «*i stʰo si*» вместо «*i j stʰo si*», ему казалось, что куры, о которых он говорит, окончили престижную школу и были лишены той свободы, которая является залогом качества яиц¹.

В обществе (в частности – в Интернете) время от времени возникает полемика, связанная с хеадой. Расскажем о трех таких случаях.

В первом хеада затронута немного по касательной. Речь идет о выпуске телереалити шоу «Gran Hermano» 2011 г., в котором жительница Коруньи Марта Лопес очень нелестно отозвалась о галисийском языке. Бурю негодования² вызвали ее высказывания в духе: «Первое впечатление, которое производит молодой человек, говорящий по-галисийски, негативное». Это может значить только одно – что он «буйный националист». «Людам со стороны галисийский акцент обычно

¹ X. Ferro Ruibal: «Rafael Dieste que era de Rianxo en 1970 contou que cando el pasou a chamarlle “galiñas” as “ghaliñas” tiña a sensación de que eran aves pasadas por un colexio refinado e que carecían desa liberdade que é a que lle dá a calidade aos ovos» (Ben falado! 138: A gheada. TVG, 1.09.2009) www.youtube.com/watch?v=F3spDJHMDvE (дата обращения 27.06.2016).

² В качестве примера приведем несколько заголовков: ¿Gallegofobia en «Gran Hermano»? (www.periodistadigital.com). «Marta López, de ‘Gran Hermano’, exemplo de gallegofobia e ignorancia» (Facebook). La coruñesa de ‘Gran Hermano’ y su lengua: Cientos de internautas critican en las redes sociales a la concursante de A Coruña por comentarios despectivos sobre los gallegoparlantes y su percepción en Galicia (www.laopinioncoruna.es/)

нравится, но сами галисийцы его стыдятся». Особо героиня прокомментировала и произносительную норму: «Грубый, неприглядный галисийский язык (и это, по словам героини, общее суждение, а не ее личное мнение) – это галисийский язык с хеадой и сесео: этот вариант присущ еще более безграмотным людям»¹.

Второе событие такое. В 2012 г. руководство Телевидения Галисии (TVG) попросило ведущую субботних и воскресных выпусков дневных новостей «A Revista» Лорену Посе прекратить использовать в своей речи хеаду. По словам журналистки, руководство обосновало свою просьбу тем, что многие зрители не идентифицируют себя с этим вариантом произношения и оно может быть им неприятно. Для своих информационных выпусков канал выбирает наименее маркированный стандартный вариант². После указанной даты в речи телеведущей действительно стал звучать звук [g] / [ɣ]. Отзывы на это событие, как и следовало ожидать, поступили разные. По-видимому, это изначально был некий эксперимент (программа шла в выходные в 12:20 дня), который в итоге сочли не очень удачным.

Наконец в октябре 2014 г. в Интернете появился двухминутный ролик под названием «Ghalegho», собравший более 150.000 просмотров в [qimmdg³ и еще шире распространившийся через социальные сети. Газета «Голос Галисии» (*Nc "xq/ 'f g" I crkek*) посвятила ему две заметки, одна из которых названа: «“Ghalegho”: видеоролик, снятый в Рианшо, порвал Интернет»⁴. В этом видео его автор – студентка факультета журналистики университета Сантьяго-де-Компостела Ноэлия Гомес – и трое ее друзей отстаивают не только свое право использовать в речи хеаду и сесео, но также и тезис о самостоятельном возникновении хеады в галисийском языке, подчеркивая его самобытность и независимость от испанского.

Но также есть сфера, в которой хеада периодически появляется, не вызывая полемики. Речь идет о сфере искусства. При этом отнюдь не всегда она служит для создания образа малограмотного деревенского жителя. Часто она используется для создания юмористического эффекта, придания образам достоверности, как выражение социальной позиции, чтобы отличить «своих» от «чужих».

Например, по-настоящему успешным на телевидении было появление хеады в сериале «Mareas vivas», который рассказывал о жизни небольшого рыбацкого городка на побережье Коста-да-Морте (Costa da Morte). В устах его жителей этот феномен звучал очень естественно.

В музыке хеаду можно услышать в репертуаре фолк-коллективов. Например, солист группы «A Roda», существующей с 1970-х гг. и исполняющей традиционную галисийскую музыку, может выкрикнуть между куплетами: «Да здравствует

¹ «El primer estímulo que te produce escuchar a una persona joven hablar gallego es negativo». «A la gente de fuera le suele gustar nuestro acento y , sin embargo, nosotros oímos el acento y nos avergonzamos». «El gallego bruto, el feo, por decirlo de alguna forma, que yo no digo que sea feo pero, lo que se ve así tal, es el gallego que utiliza la *ij gcf c* y el *ugug* (...) Ese gallego está todavía más metido a la gente todavía más ignorante». www.laopinioncoruna.es/sociedad/2011/02/15/corunesa-gran-hermano-lengua/467682.html (дата обращения 27.06.2016).

² TVG pide a una presentadora que no utilice la ‘gheada’. ccaa.elpais.com/ccaa/2012/03/24/galicia/1332614868_924474.html (дата обращения 27.06.2016).

³ Ghalegho. www.youtube.com/watch?v=wdO26vpOjGI (дата обращения 27.06.2016).

⁴ «Ghalegho», o vídeo ideado en Rianxo que arrasa na Rede. www.lavozdeg Galicia.es/noticia/barbanza/2014/10/24/ghalegho-video-ideado-rianxo-arrasa-na-rede/0003_201410B24C4991.htm (дата обращения 27.06.2016).

Галисия – земля мужчин и женщин с усами!» («Viva Ghalicia, terra de homes e mulleres con bighote!»).

Прижилась хеада в эстетике «браву» («bravú») – своеобразном рок-движении, возникшем в Галисии в 1990-е гг. и использующем элементы народной культуры. Сами участники этого движения определяют его как «некастрированный рок, возникший, когда гитары добрались до деревень»¹. Например, хард-рок группа «Heredeiros da Crus» использует в своих текстах в высшей мере неформальный регистр галисийского языка, в том числе хеаду и сесео. Один из ее дисков называется “¡¡Está que te sajas!!”, а некоторые видеоролики на Youtube, посвященные записи нового альбома, озаглавлены «Jravando novo disco». Обратим внимание, что в их текстах хеада последовательно отражается на письме через испанскую букву «j», а не через нормативное буквосочетание «gh».

Поэтесса и актриса Мария Ладо (род. 1979) и при чтении своих стихов, и в любых других обстоятельствах использует это фонетическое явление. Довольно много аналогичных примеров приводит в своей статье Ф. Фернандес Рей².

На улице можно встретить футболку подлинного галисийца с надписью «Son dos auténticos. Gheada. Seseo» на фоне бело-голубого галисийского флага. А шуточная заставка для поисковой системы «Гугл» может выглядеть так (см. рис. 3)³.

Рис. 3.

Здесь мы снова видим ненормативное отображение на письме хеады. Фразу «E lojo, ti que viñas buscando?» можно перевести как «Слыш, ты чего искал-то?». В нижнем левом углу надписи: «Это что за чертовщина? Буквы “хота” (“j”) нет в галисийском языке!»

¹ «...un rock sin capa, que surgió cuando las guitarras llegaron a las aldeas» (Documental «Galiza bravú»: más de 15 años después del rock bravú. tanakamusic.com/2010/06/29/documental-galiza-bravu-mas-de-15-anos-despues-del-rock-bravu/ (дата обращения 27.06.2016).

² Hgt pápf gl / TgkHDGheada... .

³ taquetaque.com/taque-taque/historietas/frikadas/jalsia-is-different-try-the-new-jujel-typical-jalisan.php (дата обращения 27.06.2016).

Так что хеада – довольно неоднозначный феномен. Это фонетическое явление прекрасно осознается рядовыми жителями Галисии как нечто характерное только для галисийцев, однако единого мнения относительно его происхождения нет. Лингвистические атласы показывают, что постепенно хеада исчезает, отступая с востока к западному побережью, где ее позиции по-прежнему прочны. С другой стороны, в последние десятилетия наметилась тенденция использовать хеаду для того, чтобы подчеркнуть свою социальную позицию (часто националистические воззрения), выразить протест, отделить «своих» от «чужих». В искусстве хеада используется с этой же целью, а также для придания образам достоверности, создания колорита или юмористического эффекта. В официальную норму хеада включена, однако негативные коннотации, которыми она была наделена в обществе практически с момента появления, вряд ли позволят ей когда-либо стать полноценной частью этой нормы.

ЛИТЕРАТУРА

Карпова Ю.А. Эволюция системы согласных испанского языка: путь от шипящих [š] и [ž] к велярной [x] // Stephanos. 2015. № 2(10). С. 163–167 (www.stephanos.ru).

Языки мира. Романские языки / Под ред. И.И. Чельшевой, Б.П. Нарумова, О.И. Романовой. М., 2001. 720 с.

Ánxet gl 'T0'Zqxg'Z0 Gramática da lingua galega. Vigo: Editorial Galaxia, 2002. 770 p.

Hgt p^a pf g/ 'Tgk'HD Dialectoloxía da lingua galega. Vigo: Xerais, 1990. 273 p.

Hgt p^a pf g/ 'Tgk'HO Gheada e seseo no galego coloquial e no galego estándar dos anos 90. Notas sobre a súa presenza nos media e nos textos musicais // R. Álvarez, F. Fernández Rei, A. Santamarina (Eds.). A lingua galega: historia e actualidade. Vol. 2. Santiago de Compostela: Consello da Cultura Galega / Instituto da Lingua Galega, 2004. P. 307–336.

Ht gkz.gkt q' 'O c vq'Z0T0 Gramática da lingua galega. I: Fonética e fonoloxía. Vigo: Edicións A Nosa Terra, 2006. 316 p.

Ht gkz.gkt q' 'O c vq'Z0T0 Estilística da lingua galega. Vigo: Xerais, 2013. 572 p.

Galicia. Literatura. Tomo XXXI: Los Siglos oscuros. El siglo XIX // Galicia. Proyecto editorial creado y dirigido por F. Rodríguez Iglesias. A Coruña: Hércules de Ediciones. S.A. 2000. 527 p.

I qp/ ^a rg/ 'Tgk'D00 Ortografía da lingua galega. A Coruña, Galinova Editorial, 2004. 567 p.

Normas ortográficas e morfolóxicas do idioma galego. Real Academia Galega. 23^a ed. Vigo: Galaxia, 2012. 242 p.

Tgi wgt c'Z0N0 Cambios fonéticos e fonolóxicos no galego contemporáneo *Estudos de Lingüística Galega*. 2009. № 1. P. 147–167. www.usc.es/revistas/index.php/elg/article/view/1492/1329 (дата обращения 27.06.2016).

Tqf t' wgt/ 'Nqt gp/ q'F0A gheada, un fenómeno innovador do galego. Evolución diatópica no século XX. alpi.csic.es/sites/default/files/publicaciones/gheada.pdf (дата обращения 27.06.2016).

Ucto kprvq' 'Ht'00ct v'p0 Sobre a lingua galega. Antoloxía. Vigo: Galaxia, 2002. 423 p.

TGHGTGP EGU

Karpova Y.A. The Evolution of the System of Consonant Phonemes in Spanish: from the Hushing Sounds [ʃ]–[ʒ] to the Velar [x]. *Ugrj cpqu*. No 2(10), pp. 163–167 (www.stephanos.ru).

Languages of the World. Romance Languages / I.I. Chelysheva, B. Narumov, O.I. Romanova (Eds.). Moscow. 2001. 720 p.

- Álvarez R., Xove X. (2002) Gramática da lingua galega. Vigo. Editorial Galaxia. 770 p.
- Fernández Rei F. (1990) Dialectoloxía da lingua galega. Vigo. Xerais. 273 p.
- Fernández Rei F. Gheada e seseo no galego coloquial e no galego estándar dos anos 90. Notas sobre a súa presenza nos media e nos textos musicais. En: R. Álvarez, F Fernández Rei, A. Santamarina (Eds.). A lingua galega: historia e actualidade. Vol. 2. Santiago de Compostela: Consello da Cultura Galega / Instituto da Lingua Galega, 2004, pp. 307–336.
- Freixeiro Mato X.R. (2006) Gramática da lingua galega. I: Fonética e fonoloxía. Vigo. Edicións A Nosa Terra. 316 p.
- Freixeiro Mato X.R. (2013) Estilística da lingua galega. Vigo. Xerais. 572 p.
- Galicia. Literatura. Tomo XXXI: Los Siglos oscuros. El siglo XIX // Galicia. Proyecto editorial creado y dirigido por F. Rodríguez Iglesias. A Coruña. Hércules de Ediciones. S.A., 2000. 527 p.
- González Rei B. (2004) Ortografía da lingua galega. A Coruña. Galinova Editorial. 567 p.
- Normas ortográficas e morfolóxicas do idioma galego. Real Academia Galega. 23ª ed. Vigo. Galaxia, 2012. 242 p.
- Regueira X.L. Cambios fonéticos e fonolóxicos no galego contemporáneo *Gunf qu'f g'Npi Ñ'ak' ec' T c'igi c02009*. No 1, pp. 147–167. www.usc.es/revistas/index.php/elg/article/view/1492/1329 (27.06.2016).
- Rodríguez Lorenzo D. A gheada, un fenómeno innovador do galego. Evolución diatópica no século XX. alpi.csic.es/sites/default/files/publicaciones/gheada.pdf (27.06.2016).
- Sarmiento Fr. Martín (2002) Sobre a lingua galega. Antoloxía. Vigo. Galaxia. 423 p.

Сведения об авторе
 Марина Сергеевна Снеткова,
 доцент
 кафедра иберо-романского языкознания
 филологический факультет
 МГУ имени М.В. Ломоносова

Marina S. Snetkova,
 Associate Professor
 Department of Ibero-Romance Linguistics
 Lomonosov Moscow State University
marina_snet@inbox.ru

Черты диалектов Тосканы в пьесах итальянских комедиографов XVI века

Аннотация: Статья посвящена функционированию диалектно окрашенных языковых единиц фонетического и морфологического уровней в пьесах флорентийских и сиенских комедиографов XVI века (Н. Макиавелли, А. Пикколомини, Дж. Баргальи, Дж.М. Чекки, А.Ф. Граццини, членов сиенской Академии Интронати). Совмещение диалектных и нормативных языковых черт в текстах флорентийских и сиенских комедий служит моделью того, как итальянский язык, изначально кодифицированный на основе литературных образцов XIV века и использовавшийся преимущественно в письменных жанрах, обретает способность выполнять новые коммуникативные функции, обогащаясь и преодолевая искусственность нормы за счет контактов с живыми диалектами Тосканы. С точки зрения итальянской социолингвистики комедии XVI века заслуживают внимания как свидетельство взаимопроникновения формирующейся литературной нормы и диалектного узуса.

Ключевые слова: итальянский язык, диалекты Италии, флорентийский диалект, сиенский диалект, язык итальянской драматургии, языковая норма, разговорная речь, социолингвистика

Abstract: The article focuses on the functioning of dialectal features of phonetics and morphology in the comedies by 16-century Florentine and Siena-born authors (N. Machiavelli, A. Piccolomini, G. Bargagli, G.M. Cecchi, A.F. Grazzini, Intronati Academy members). The way dialectal and normative features are combined in the plays in question can be regarded as a model of how the Italian language, initially codified on the basis of 16-century literary texts and used mainly in writing, was progressively mastering new communicative functions. It is by using the potential of living Tuscan dialects that the Italian language norm gradually overcomes its inevitable artificiality. The 16-century comedies deserve attention on the part of Italian sociolinguistics as a manifestation of ongoing interaction between the evolving standard language and living dialects' usage.

Keywords: Italian language, dialects of Italy, Florentine dialect, Siena dialect, language of Italian drama, language norm, spoken language, sociolinguistics

30' ВВЕДЕНИЕ 0
ИТАЛЬЯНСКИЕ 'КОМЕДИИ' X V I В Е К А
И 'ЯЗЫКОВАЯ' СИТУАЦИЯ В ИТАЛИИ

Итальянская комедия Возрождения и раннего Нового времени открыла новую страницу в истории драматургии, став началом традиции западноевропейского профессионального театра [Дживелегов 1954: 7]. Несмотря на всю условность характеров-масок и предсказуемость сюжетных поворотов, она не только послужила переходным этапом от народного театра к театру Шекспира и Лопе де Вега, Гольдони и Мольера, но стала самостоятельным направлением, принесшим итальянским комедиографам и артистам общеевропейскую известность. Несмотря на то что итальянскому театру XVI в. посвящено множество исследований, в лингвистическом отношении тексты комедий этого периода по-прежнему остаются изученными далеко не со всех точек зрения. В данной работе мы сосредоточимся на том, как в комедиях авторов тосканского происхождения (Никколо Макиавелли, Джироламо Баргальи, Алессандро Пикколомини, Антона Франческо Грацини, Джован Марии Чекки, Джиролами Баргальи и членов сиенской Академии Интронати – Академии Оглушенных) используются черты, свойственные их родным диалектам – флорентийскому и сиенскому.

Итальянский театр XVI в. часто приводится в пример, когда речь заходит об изменении языковой ситуации в этот период. Переход от относительного равноправия итальянских вольгаре к иерархическому соотношению литературного языка и диалектов совпадает с расцветом диалектной драматургии [Trifone 1994: 105–110; Migliorini 1963: 337–338]. Диалект использовался и как средство речевой характеристики персонажа-чужестранца (что было типично для итальянских – и не только – комедий этого периода (см. [Eteroglossia e plurilinguismo letterario 2002]), и как языковая основа произведения, что объясняется социолингвистической ситуацией в Италии XVI в.

Говоря о сознательном использовании диалектной речи в комических произведениях, Бенедетто Кроче предложил специальный термин – «*dialettalità rif essa*» – в противоположность «*letteratura dialettale spontanea*», т. е. диалектной литературе ранних эпох (до кодификации языка) или фольклорным произведениям на диалекте ([Croce 1951: 355; Tavoni 1992: 141]). В первой половине столетия в результате оживленной полемики о принципах кодификации языка (*questione della lingua*) были заложены основы итальянской языковой нормы. Ее основным источником стали литературные произведения «Трех венцов» («*Tre corone*») – Данте, Петрарки и Боккаччо; опора на авторитетные образцы, с одной стороны, позволяла избежать соперничества между региональными центрами, претендовавшими на роль ориентиров в процессе языкового нормирования, а с другой – давала возможность ускоренными темпами решить задачи, связанные с практикой книгопечатания. В условиях диалектной вариативности даже внутри Тосканы выработать набор базовых правил грамматики и орфографии на основе ограниченного круга текстов оказалось легче, чем опираться на живую речь.

Искусственность литературного языка, складывавшегося на основе заведомо устаревших образцов, вызывала протест со стороны многих авторов XVI в., в особенности тех из них, кто был носителем диалектов Флоренции, Сиены и других крупных городов Тосканы, где язык «Трех писателей» за двести лет естественным образом эволюционировал. Попытки подражания «Канцоньере» и «Декамерону» зачастую воспринимались как жеманство и претенциозность, причем не только

уроженцами Тосканы, но и выходцами из других регионов: см., к примеру, критику подражания Боккаччо в трактате Бальдассара Кастильоне «О придворном», (кн. I, XXXI). Широко известна и точка зрения Никколо Макиавелли, утверждавшего, что хорошую комедию невозможно написать на искусственном литературном языке, коим является «italiano», в противоположность «f orentino» – живому флорентийскому диалекту¹.

Функциональная ограниченность формирующегося литературного языка с XVI в. преодолевалась за счет использования диалектной речи в тех жанрах, где была важна опора на естественный и современный разговорный язык. Однако, как мы увидим, было бы упрощением полагать, что комедии писались на чистом диалекте и не испытывали влияния формирующегося языкового стандарта.

Пьетро Трифоне характеризует язык комедиографов сиенской школы как «усредненный тосканский диалект с отдельными сиенскими чертами, взятыми из речи среднего стиля <...> и – по большей части – не маркированными социально как просторечные»² [Trifone 1994: 110]. При подобном подходе мы могли бы ожидать, что у авторов-современников, жителей одного города и представителей одной литературной школы (скажем, у членов сиенской Академии Интронати, куда входили, среди прочих, Алессандро Пикколомини и Джироламо Баргальи, или флорентийских комедиографов – Никколо Макиавелли, Донато Джаннотти, Антон Франческо Граццини, Джован Марии Чекки) набор диалектных особенностей, встречающихся в их пьесах, будет примерно одинаковым, а влияние литературной нормы на этот «усредненный тосканский диалект» будет минимальным. Но на практике между комедиями как авторов-сиенцев, так и авторов-флорентийцев наблюдаются различия в соотношении диалектных и предписываемых нормой черт – и в фонетике, и в грамматике. Более того, как будет показано в данной работе, это соотношение может быть различным даже в комедиях одного и того же автора.

40'КОМЕДИИ'И'ИХ'АВТОРЫ

Материалом для нашего исследования послужили следующие тексты.

1) КОМЕДИИ ФЛОРЕНТИЙСКИХ АВТОРОВ

Антон Франческо Граццини «Монах» («Il Frate», 1540)

Донато Джаннотти «Влюбленный старик» («Il Vecchio amoroso», 1533–1536)

Джован Мария Чекки «Сова» («L'Assiuolo», 1549)

Никколо Макиавелли «Мандрагора» («La Mandragola», до 1520), «Клиция» («Clizia», 1525)

2) КОМЕДИИ СИЕНСКИХ АВТОРОВ

Академия Интронати «Обманутые» («Gl'Ingannati», 1537)

Джироламо Баргальи «Странница» («La Pellegrina», 1564)

Алессандро Пикколомини «Постоянство в любви» («L'Amor costante», 1536)

¹ «Di questa sorte sono le commedie; perché, ancora che il fine d'una commedia sia proporre uno specchio d'una vita privata, nondimeno il suo modo del farlo è con certa urbanità e termini che muovino riso... Ma perché le cose sono trattate ridicolamente, conviene usare termini e motti che facciano questi effetti, i quali termini, se non son proprii e patrii... non muovono né posson muovere. Donde nasce che uno che non sia toscano non farà mai questa parte bene... facendo una composizione mezza toscana e mezza forestiera; e qui si conoscerebbe che lingua egli avessi imparata, s'ella fusse comune o propria. Ma se non gli vorrà usare, non sappiendo quelli di Toscana, farà una cosa manca e che non arà la perfezione sua». Discorso o dialogo intorno alla nostra lingua, 1525 [Machiavelli 1976: 22–23].

² Здесь и далее перевод цитат мой. – ЛЮЖО

Среди комедиографов-флорентийцев выделяется фигура Никколо Макиавелли (1469–1527), известного, в первую очередь, своей общественной и политической деятельностью, а также, если говорить о судьбе итальянского языка в XVI в., участием в *questione della lingua* на позициях крайнего флорентинизма. Будучи патриотом своего родного города, Макиавелли считал себя прежде всего гражданином Флорентийской республики; принадлежность к такой абстрактной и неформальной общности, как «italiani», для него значила не так много. Макиавелли отстаивал номинацию «lingua florentina» в противовес «lingua toscana», «lingua cortigiana» или тем более «lingua italiana». На языковом уровне флорентинизм Макиавелли проявлялся в демонстративном отказе от следования нормам, предлагаемым флорентийцам «сверху» уроженцами северных регионов Италии (каковыми были авторы первых опубликованных грамматик итальянского языка – Франческо Фортуньо и Пьетро Бембо). В то же время узус Макиавелли не столь однороден, как можно было бы ожидать, и в его текстах наряду с флорентийскими инновациями XV–XVI вв. встречаются и архаичные черты, свойственные флорентийскому вольгаре XIII–XIV вв. и предписанные грамматистами-северянами как нормативные.

Вторым по известности флорентийцем в нашем списке может считаться Антон Франческо Граццини (1503–1584), знакомый также под своим академическим псевдонимом *il Lasca* (Голавль): подобно другим членам Флорентийской Академии Мокрых (*Accademia degli Umidi*), он получил «рыбное» прозвище, которое оставил за собой и позже, в 1582 г., войдя в состав Академии делла Круска. Как и Макиавелли, Граццини был противником архаизации языка и активным сторонником ориентации на живой узус Флоренции; это, среди прочего, привело к тому, что в 1547 г. Граццини покинул Академию Мокрых и вернулся в ее состав только спустя два десятилетия.

Для Донато Джаннотти (1492–1573), политика и дипломата, литературное творчество – как и вопросы языковой нормы – было хобби. Помимо двух комедий, написанных в подражание античным образцам, он известен трактатами о политическом устройстве Флорентийской и Венецианской республик. В обоих случаях Джаннотти опирался на собственные наблюдения: в 1527–1528 гг. он был в Венеции послом, а после возвращения Медичи к власти отошел от дел и с 1538 г. жил в Венецианской республике – почти всю оставшуюся жизнь. Язык комедий Джаннотти в меньшей степени отражает структурные особенности, непринужденность и динамику разговорной речи, чем язык других флорентийских комедиографов.

Джован Мария Чекки (1518–1587), флорентийский нотариус, купец и меценат, писал о себе ([*Commedie* 1962: 123]), что он всю жизнь «жил, не теряя из вида купола», т.е. не уезжая из города настолько далеко, чтобы вдали не виднелся купол Санта Мария дель Фьоре. Чекки живо интересовался своим родным диалектом, собирал флорентийские пословицы, слова и крылатые выражения (сборник был опубликован лишь в 1819 г.). Кроме того, перу Чекки принадлежат двадцать одна комедия, двадцать две драмы на религиозные сюжеты, четыре карнавальных фарса, одна трагедия и несколько интермедий. Диалоги в комедиях Чекки отличаются живостью и остроумием, насыщены столь любимыми Чекки пословицами и идиомами.

Все перечисленные выше сиенские авторы комедий – члены Академии Оглушенных (*Accademia degli Intronati*). Алессандро Пикколomini (1508–1578) по прозвищу *il Stordito* (Ошеломленный) был поэтом, драматургом и режиссером. Его комедия «Постоянство в любви», впервые поставленная в 1536 г. в честь

приезда в Сиену Карла V, завоевала популярность благодаря яркости характеров, остроумию диалогов и увлекательности сюжета. Текст насыщен диалектными и иноязычными вкраплениями, а также аллюзиями, отсылающими к знаковым событиям эпохи, таким, как готовящийся Тридентский собор. Пикколомини, по-видимому, был также одним из авторов вошедшей в наш список комедии «Обманутые», которая была опубликована в 1537 г. в Венеции, а затем в 1611 в Сиене – как коллективное произведение Оглушенных.

Джироламо Баргальи (1537–1586), юрист и преподаватель права, в Академии Оглушенных носил прозвище *il Materiale* (Основательный). «Страница» – единственная комедия Баргальи, написанная им по заказу кардинала Фердинандо Медичи. Это самое позднее из рассматриваемых нами драматических произведений; его стилистика отражает новые тенденции в театральном искусстве тех лет – моду на сентиментальные сюжеты и длинные монологи. В то же время «Страница» не лишена и традиционных для комедий Интронати художественных особенностей, в частности, обращения к разговорной стихии, плюрилингвизму и языковой игре.

Все эти сведения об авторах комедий приводятся здесь не только в качестве краткой биографической справки. Как это часто бывает с итальянскими авторами XVI в., языковые особенности их произведений во многом объясняются их происхождением, политическими убеждениями, интересами и даже тем, насколько часто и надолго они «теряли из вида купол», покидая малую родину.

50'ТОСКАНСКИЕ'ДИАЛЕКТЫ'ѐСЕРЕБРЯНОГО'ВЕКАі

На протяжении XVI столетия в процессе складывания кодифицированной нормы и ее применения в редакторской практике – как в Тоскане, так и за ее пределами, если речь шла о текстах, предназначенных для распространения по всей Италии, – происходит окончательное размежевание между литературным итальянским языком и когда-то давшими ему начало живыми диалектами. Из всех диалектов Тосканы флорентийский и сиенский и на современном этапе остаются максимально структурно близкими к литературному языку. Основные расхождения между *italiano* и *toscano* стали очевидны грамматистам (в том числе и выходцам из северных регионов (см., к примеру, комментарии Джанджорджо Триссина в его «Грамматических сомнениях», 1529 г.) уже к началу XVI в. Флорентийский вольгаре, на котором написаны «Книги о семье» Леона Баттисты Альберти (1434–1441), стихи Лоренцо Медичи и Полициано и другие литературные (и не только) произведения Кваттроченто, по ряду фонетических и грамматических признаков отличается от флорентийского вольгаре «золотого века», т. е. эпохи Данте, Петрарки и Боккаччо. Отчасти это объясняется естественной эволюцией живого диалекта, отчасти – притоком во Флоренцию населения из других (преимущественно западных) областей Тосканы после того, как эпидемия чумы, описанная в Декамероне, привела к нехватке рабочих рук.

Отметим те фонетические и грамматические особенности флорентийского диалекта «серебряного века» – «*florentino argenteo*» [Castellani 1967–1970], которые носили наиболее системный характер [Nencioni 1955: 111–141; Migliorini 1963: 285,291]. Большинство из них также характерны для сиенского вольгаре XV–XVI вв.

ФОНЕТИКА<

– намечаются расхождения между диалектами Тосканы (а также между диалектами и формирующейся нормой) в том, что касается сохранения / упрощения дифтонгов *ie*, *uo*. Во флорентийском диалекте, в отличие от сиенского, намечается тенденция к

упрощению дифтонгов. Литературной нормой будет закреплено отсутствие дифтонга а) после групп «согласный + r» (trovo, provo) и б) после палатального (gioco, f gliolo). Впрочем, на протяжении всего XVI в. на письме наблюдаются колебания: breve / brieve, trova / truova [Migliorini 1963: 385];

– для тосканских диалектов (преимущественно для флорентийского) характерен переход палатального l в сочетание gj, отсюда написания типа f gghia, tegghia вместо f glia, teglia.

ГРАММАТИКА<

– во флорентийском диалекте наблюдается предпочтение форм определенного артикля мужского рода el, e более ранним il, i под влиянием западнотосканских диалектов;

– в третьем лице множественного числа презенса индикатива действует тенденция к унификации окончания: -опо для всех трех спряжений (pensono, vedono, partono); грамматистами будет закреплено противопоставление форм на -ано для первого спряжения и форм на -опо для второго и третьего;

– развившееся по аналогии с презенсом окончание -аво в первом лице единственного числа имперфекта индикатива (io andavo) не будет поддержано авторитетными грамматиками, но, тем не менее, со временем победит под давлением узуса;

– с XV в. наблюдается тенденция к совпадению форм второго лица имперфекта индикатива в форме единственного числа на -ави, -еви, -иви (tu / voi andavi);

– происходит упрощение группы -vt- в формах будущего времени и кондиционала глагола avere (arò, arebbe);

– в формах имперфекта конъюнктива глагола essere – как в сиенском, так и во флорентийском диалекте – ударный гласный более закрытый, чем предписывается нормой: fusse (ит. fosse);

Наряду с тосканскими чертами «серебряного века», диалектно маркированные становятся и некоторые из процессов и тенденций, действовавших в «золотую» эпоху, а затем преодоленных (полностью или частично) в процессе языкового нормирования. Особенно это касается глагольной морфологии, где наблюдаются максимальные колебания узуса. Отношение к вариативности среди образованных флорентийцев (и, шире, тосканцев) XV–XVI вв. не было отрицательным; напротив, в эпоху, предшествующую складыванию кодифицированной нормы, варьирование флексий позволяло ориентироваться на литературные образцы высокого стиля (т. е. архаичные образцы собственного диалекта), одновременно не теряя связи с живым узусом собственной эпохи¹ [Nencioni 1955: 80–81];

– в разговорной речи наряду с традиционными притяжательными местоимениями, находящимися в препозиции, сохраняются постпозитивные формы (mogliema), а также используется общая для обоих родов форма на -a (mia f gli, tua fratelli);

– во всех тосканских диалектах используется указательное местоимение codesto / costesto, занимающее в системе пространственного дейксиса промежуточное положение между questo и quello;

¹ «il risorgere del volgare a dignità di lingua d'arte e il suo progressivo liberarsi dal passivo soggiacere al latinismo portarono, per ovvio contraccolpo, una crescente ripresa di contatto coi grandi del Trecento. <...> questa ripresa di contatto non fu un ritorno al passato e il nuovo volgare letterario di creazione umanistica si distinse, anziché per una impronta trecentescamente aulica, per una eccezionale elasticità di strutture e d'impasto, che gli consentirono di alternare (quando non mescolare) l'architettura o la patina classicheggianti con la più vivace e goduta adesione alla lingua parlata» [Nencioni 1955: 80–81].

– сохраняется вариативность форм третьего лица множественного числа простого перфекта; для разговорного флорентийского и, как следствие, «низких» литературных жанров (ч) характерно сохранение старых диалектных форм на -ogono, -orno¹ (cominciorno), -ono (feciono) – вместо насаждаемых грамматистами форм на -arono, -ero (cominciaron, fecero);

– по аналогии с правильными причастиями прошедшего времени от глаголов второго спряжения у глагола *essere* образуется причастная форма *suto*;

– в презенсе конъюнктива глаголы всех спряжений могут иметь окончания на -i-, закрепленные нормой за первым спряжением (*convenghi, sappino*);

– сохраняются старые формы имперфекта конъюнктива на -asseno, -esseno, -isseno;

– в третьем лице множественного лица кондиционала, наряду с закрепленными нормой аналогическими (по аналогии с сильными перфектами) формами на -ero (*sarebbero*), сохраняются старые этимологические формы на -ono (*sarebbono*);

Помимо перечисленных особенностей, сохраняются и закрепляются расхождения между диалектами Тосканы, в частности те, что противопоставляют наиболее близкие вольгаре Флоренции и Сиены:

– для сиенского диалекта не характерен флорентийский переход предупредительного начального -a- в -e-: сиен. *parlarò, Margarita* – флор. *parlerò, Margherita*;

– в сиенском диалекте не происходило закрытия ударных -e-, -o- в -i-, -u- под влиянием соседнего палатального или группы «n + g/k»: сиен. *fameglia, venco* – флор. *famiglia, vinco*;

– в сиенском диалекте менее активно шел процесс закрытия предупредительных -e-, -o- в -i-, -u-: сиен. *veneziano, cocitura* – флор. *viniziano, cucitura*.

60' КОМЕДИИ 'ФЛОРЕНТИЙСКИХ' И 'СИЕНСКИХ' АВТОРОВ < ОТ 'ДИАЛЕКТА' К 'ЯЗЫКУ

Говоря о комедиях XVI в., обыкновенно подчеркивают их диалектную природу (см., к примеру, процитированную выше характеристику, данную Пьетро Трифоне языку сиенских комедиографов); однако на практике диалектная маркированность текста комедий вовсе не предполагает последовательного и скрупулезного воспроизведения всех фонетических, грамматических и лексических черт, свойственных данному вольгаре [Marazzini 1993: 135–136]. Многие особенности диалектной фонетики (к примеру, тосканская спирантизация – так называемая «*gorgia toscana*») не воспроизводятся на письме в силу особенностей графики и / или орфографических условностей. Другие черты остаются незафиксированными, возможно, из-за слишком сильной просторечной окраски (так, даже в комедиях редко встречаются тосканские формы с дистантной ассимиляцией типа *rovago, rovatina* и формы с [gj] на месте палатального l типа *f gghia*). Наконец, если речь идет не о родном диалекте комедиографа, а, например, о неаполитанском диалекте, с которым автор знаком более поверхностно, или об иностранном языке (чаще всего испанском), в ход идут стереотипы и ассоциации: множество подобных примеров можно найти в речи персонажа «Постоянства в любви» неаполитанца Лигдонио и в репликах героев-испанцев, особенно любимых сиенскими комедиографами.

¹ Стилистическую окраску форм на -ogono применительно к данному периоду Дж. Ненчони характеризует как «*popolare*», а форм на -orno – как «*plebeo*» [Nencioni 1955: 139].

При анализе соотношения диалекта и нормированного языка необходимо также учитывать, что заявленный грамматистами языковой стандарт с середины XVI в. оказывает влияние не только на язык высокой поэзии и литературную прозу «серьезных» жанров, но и на комическую литературу, традиционно рассматриваемую как область, где господствуют диалекты. Это в особенности касается пьес на тосканских диалектах – именно в силу того, что кодифицированная норма генетически связана именно с вольгаре Тосканы. В данной связи интерес может представлять то, как комедиографы находят баланс между «литературностью» и диалектным началом и какие именно диалектные черты позволяют им, подобно флорентийским авторам предшествующего столетия, сохранять связь с живой разговорной стихией, при этом избегая излишней грубости или темноты слога.

630' Фонетика

Из перечисленных выше фонетических особенностей, свойственных тосканским диалектам XVI в., все в той или иной степени представлены в текстах комедий. Так, и у флорентийских авторов наблюдаются колебания в употреблении форм с дифтонгами *ie*, *uo* и без них. У флорентийцев (Н. Макиавелли, Д. Джаннотти), в отличие от сиенцев, формы с дифтонгом после палатального (*f gliuolo*) чередуются с формами без дифтонга в аналогичном окружении (*f gliolo*). Подобным образом стяжение дифтонга после группы «согласный + г» наблюдается только у флорентийцев, использующих также и формы с дифтонгом (А.Ф. Граццини, Н. Макиавелли: *prova* наряду с *truova*). В некоторых случаях формы без дифтонга могут рассматриваться как стилистически возвышенные: такие слова, как *core*, *oto*, *loso*, к XVI в. уже традиционно ассоциировались с языком поэзии, испытавшим сицилийское влияние (отсюда отсутствие «тосканской» дифтонгизации открытых гласных *e*, *o* под ударением).

Во «Влюбленном старике» Д. Джаннотти можно встретить другой пример нарушения флорентийского фонетического закона: формы без закрытия предударных *e*, *o* (*resolvette*, *recusare*, *deletazione* наряду с *divincolarsi*, *rispose*). По-видимому, эти формы – примеры латинского влияния на стилистику комедии Джаннотти, весьма ощутимого и на других языковых уровнях (ср. многочисленные абсолютные причастные конструкции, сложные дополнения («аккузатив с инфинитивом»), дистантное расположение синтаксически связанных частей предложения и т. п.). У других авторов-флорентийцев формы с закрытием предударного абсолютно преобладают; редкие исключения – это галлицизмы (*desinare*), формы из северных диалектов (Дж. Баргальи: *Venezia*; ср. Н. Макиавелли: *Viniziani*) и формы с *-o-* в предударном положении (*tomore*, *socitura*; в отличие от закрытия *-e-*, процесс закрытия *-o-* в диалектах Тосканы происходил менее системно и интенсивно [Rohlfs 1966, I: 165]).

Яркий пример расхождения между узусом сиенских и флорентийских авторов – отображение (или, напротив, отсутствие) перехода *ag > eg* в ненадлежащей предударной позиции. Здесь по одну сторону оказываются сиенские комедиографы (А. Пикколомини: *si levarebbe*, *serbaremo*, *adoperarei*, *ammaestraremo*, *comandarete*, *coglionaria*, *Margarita*, *bisognarà*, *corparello*; Дж. Баргальи: *trovarete*, *intendarà*, *menarò*, *lodarete*, *adoraranno*, *bisognarebbe*; встречаются даже примеры гиперкоррекции, когда в формах будущего времени и кондионала *-a-* появляется даже у глаголов второго спряжения: *uccidcrebbe*, *prendcrebbe*), по другую – Н. Макиавелли, А.Ф. Граццини и Дж.М. Чекки, чей узус в данном случае полностью совпадает с

закрепленным нормой (*parlerai, lascerebbe* и т. п.). Интересно, что у Д. Джаннотти можно встретить как флорентийские формы с *ar > er* (*manderò, guarderebbe*), так и формы, напоминающие сиенские: *tornaremo, mancarebbe*; возможно, определенную роль здесь сыграло пребывание Джаннотти за пределами Тосканы, в Венецианской республике (в диалектах Венето переход *ar > er* в предупредительном начальном слоге также отсутствует).

6040' Грамматика

Во всех проанализированных комедиях можно встретить местоимение *cotes-to / codesto* – как в субстантивной, так и в адъективной позиции. Впрочем, и в литературном языке XVI в. оно использовалось довольно широко, в отличие от современного языка, где *codesto / cotesto* почти вышло из употребления и воспринимается как ярко выраженный тосканизм [Berruto 2014: 87].

Формы определенного артикля мужского рода у всех комедиографов, кроме Н. Макиавелли, выглядят как *il, i*. Широко распространены также редуцированные формы (*'l tempo, 'l punto, 'l padron*). Единственный автор, у которого, как и у Макиавелли, наряду с *il, i* можно встретить и *el, e* (колебания иногда наблюдаются даже в пределах одного монолога), – это А. Пикколomini.

Что касается форм артикля у Н. Макиавелли, «Мандрагора» и «Клиция» могут послужить примером того, как постепенно, по мере кодификации языка, усиливается влияние архаизирующих тенденций. «Мандрагора» была написана до 1520 г.; первая грамматика итальянского языка, «Грамматические правила народного языка» («*Regole grammaticali della volgar lingua*») Франческо Фортуньо, была впервые издана в 1516 г. (всего за XVI в. она издавалась восемнадцать раз [Skytte 1990: 272]. «Клиция» датируется 1525 г.; эта дата стала одной из знаковых в истории итальянского языка: в 1525 г. вышли в свет «Беседы о народном языке» («*Prose della volgar lingua*») Пьетро Бембо – вторая по хронологии, но первая по значимости работа, посвященная кодификации итальянского языка на основе языка писателей Треченто. При всем своем флорентийском патриотизме и стремлении противопоставить свое понимание литературного языка тому, что предлагал П. Бембо и его единомышленники, Макиавелли не избежал влияния нормализующих тенденций. Если в «Мандрагоре» на 28 примеров артикля «*il*» (16%) приходится 151 «*el*» (84%), а на 2 «*i*» – 18 «*e*», то в «Клиции» пропорция заметно сдвигается: на 154 примера «*il*» (28%) приходится уже 398 «*el*» (72%), а на 19 «*i*» – 21 пример «*e*».

Все комедиографы используют формы кондиционала и будущего времени с упрощением группы *-vt-* (*arò, arebbe* и т. п.); контпримеры также встречаются, но не столь системно.

Ставшую к XVI в. архаичной форму имперфекта первого лица единственного числа на *-ava* (*io parlava*) использует Д. Джаннотти, выделяющийся на фоне прочих авторов языковым консерватизмом. Из прочих комедиографов такие формы спорадически использует только Дж. Баргали.

Тенденция к выравниванию форм презенса конъюнктива по модели на *-i* наблюдается у всех флорентийцев (*venghi* – ит. *venga, veggì* ит. – *veda, sappino* – ит. *sappiano*) и, что не поддается логическому объяснению, в «Обманутых» Академии Интронасти (*sentino* – ит. *sentano, vogliño* – ит. *vogliano, faccino* – ит. *facciano*), при отсутствии подобных форм в неанонимных пьесах А. Пикколomini и Дж. Баргали.

Все авторы единодушны в предпочтении форм имперфекта конъюнктива *essere* на -u- (*fussi, fussino* и др.) формам на -o-, ставшим нормативными. Другая особенность имперфекта конъюнктива, распространенная во всех пьесах, – использование этимологических форм третьего лица множественного числа на -eno: *vedesseno, insegnasseno* (у сиенцев и Д. Джаннотти) / -ino: *bastassino, avessino* (у флорентийцев). Любопытно, что у сиенских комедиографов нередки и новые, аналогические формы на -ero (*parlassero*), а у А. Пикколомини они даже преобладают: 3 результата -sseno на 14 -ssero. Похожим образом у Дж. Баргальи распределяются этимологические формы третьего лица множественного числа кондиционала на -bbono (*potrebbono*) и новые, аналогические формы на -bbero (*avrebbero*).

В текстах комедий появляются и другие диалектно маркированные черты: так, у Дж.М. Чекки часто встречаются флорентийские формы первого лица единственного числа глаголов *andare* и *fare* (*vo* и *fo* соответственно; ит. *vado, faccio*); Н. Макиавелли использует аналогические формы множественного числа (*le mane*), а Дж. Баргальи – образованные по аналогии формы рода на -o / -a (*giovano, giovane*; ит. *giovane*); почти у всех авторов встречаются нерегулярные причастия глагола *andare* – *ito, ita*, иногда также инфинитив *ire*. Все эти и прочие спорадически отмечаемые особенности, наряду с диалектно маркированной лексикой, придают текстам комедий ту самую разговорную окраску, которая помогает репликам персонажей звучать живо и аутентично.

В то же время мы видим, как почти в каждом из перечисленных случаев диалектно маркированные черты соседствуют с нормативными – даже у таких авторов, как Н. Макиавелли, идеолог лингвистического (равно как и политического) флорентинизма. Уже на заре существования итальянской языковой нормы в ее кодифицированном виде мы сталкиваемся с тем, что Гаэтано Берруто называет *italiano regionale popolare*.

70' ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В связи с феноменом «*italiano regionale popolare*» – современным регионально маркированным итальянским языком сниженных стилистических регистров – Г. Берруто отмечает, что чем сильнее выражена сниженная стилистическая окраска, тем выше будет степень интерференции между итальянским языком и соответствующим диалектом [Berruto 2014: 28]. Итальянский разговорный язык нейтрального стиля лишь в последние десятилетия, с появлением современных средств массовой информации и повышением мобильности населения, преодолел столь же тесную связь с диалектами, что потребовало от языковой нормы стать несколько эластичнее, а от лингвистов – прибегнуть к новым терминам (*italiano dell'uso medio, italiano neostandard*). С точки зрения итальянской социолингвистики комедии XVI в. заслуживают внимания как свидетельство начала важнейшего процесса взаимопроникновения формирующейся литературной нормы и живого диалектного узуса.

На ранних этапах развития итальянского литературного языка для него была характерна функциональная ограниченность: это был преимущественно письменный язык, а языковая ситуация в Италии была, по сути, диглоссийной (учитывая глубину расхождений между диалектами Италии и литературным языком, термин «диглоссия» представляется вполне уместным, но в итальянской лингвистике, в частности в трудах Г. Берруто, используется также термин «дилалия», указывающий на более тесные отношения между языком и диалектом, чем при

«классической» диглоссии). Расширение функциональной парадигмы и освоение таких коммуникативных ситуаций, как спонтанная устная речь в неформальной обстановке, потребовали от литературного языка обращения к диалектным ресурсам, а также к смешанным формам речи, выполнявшим соответствующие функции в предшествующие столетия. В этом смысле язык комедий – как XVI в., так и последующих эпох – может рассматриваться как своеобразная лаборатория общенационального литературного языка в его разговорной форме.

Анализ использования диалектных черт в пьесах тосканских драматургов показывает, что между литературной нормой и диалектами Тосканы не существовало «коммуникативной пропасти». Именно это позволяло при необходимости осуществлять не только письменную, но и устную коммуникацию на языке, приближенном к литературному, примером чего участники лингвистической полемики XVI в. справедливо считали общение при папском дворе. Современники теоретиков «придворного языка» – от П. Бембо до Н. Макиавелли – скептически оценивали перспективы столь эклектичных и эфемерных форм речи, однако языковая практика тосканских комедиографов, включая самого Макиавелли, парадоксальным образом свидетельствовала о возможности появления хотя и гибридного, с изрядной долей диалектных черт, но в то же время понятного для всех регионов, живого и богатого итальянского языка. Оставалось только дождаться объединения Италии и «омыть в водах Арно» (А. Мандзони) местами обветшавший стандарт.

ЛИТЕРАТУРА

- Дживелегов* "АККОИтальянская народная комедия / АН СССР. М., 1954. 298 с.
- Dgttwq'T* OSociolinguistica dell'italiano contemporaneo. Roma: Carocci, 2014. 280 p.
- Есuки nkpg'DO*Il Libro del Cortegiano. Milano: Fabbri Editori, 2001. 400 p.
- Есuиgmpk'CO*Italiano e fiorentino argenteo // Studi linguistici italiani. 1967–1970. № 7. P. 3–19.
- Commedie del Cinquecento. Vol. I. A cura di Nino Borsellino. Milano: Feltrinelli, 1962. 588 p.
- Etqeg'DO*Filosofia, poesia, storia. Pagine tratte da tutte le opere. Milano; Napoli: Riccardo Ricciardi Editore, 1951. P. 355–364.
- Eteroglossia e plurilinguismo letterario. Vol. II. Plurilinguismo e letteratura. Atti del XXVIII Convegno interuniversitario di Bressanone (6–9 luglio 2000). A cura di Furio Brugnolo e Vincenzo Orioles. Roma: Il Calamo, 2002. 585 p.
- Ocej kcxgnk'PO*Discorso o dialogo intorno alla nostra lingua. Torino: Einaudi, 1976. 132 p.
- Ockf gp'O*Storia linguistica dell'italiano. Bologna: Mulino, 1998. 308 p.
- Octc//kp'E*Storia della lingua italiana. Il secondo Cinquecento e il Seicento. Bologna: Il Mulino, 1993. 403 p.
- Oki nkqt kpk'DO*Storia della lingua italiana. Firenze: Sansoni, 1963. 842 p.
- Pgpekqpk'I* OFra grammatica e retorica. Firenze: Leo Olschki Editore, 1955. 184 p.
- Tqj rhu'I* OGrammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti. Vol. I. Torino: Einaudi, 1966. 520 p.; Vol. II. Torino: Einaudi, 1966. 400 p.
- Unfvg'I* ODall'Alberti al Fornaciari. Formazione della grammatica italiana // Revue Romane. 1990. Bind 25. 2. P. 269–278.
- Vcxqpk'O*Storia della lingua italiana. Il Quattrocento. Bologna: Mulino, 1992. 452 p.

Материалы и сообщения

Communications and Materials

Жанр «угроза» в немецком речевом общении

Аннотация: Статья посвящена изучению феномена вербальной агрессии в обиходно-бытовой сфере. На материале немецкого разговорного языка рассматриваются языковые средства, являющиеся маркерами агрессивного поведения, характерные для угрозы – одного из древнейших видов речевой агрессии. Приводится определение жанра «угроза». Анализируются структурные типы угроз. Раскрываются особенности лексики и использования средств словесной образности. Исследование лексического наполнения разнообразных словесных формул позволяет выявить их стилистический потенциал и этнокультурные особенности.

Ключевые слова: речевая агрессия, речевой акт, угроза, футуральная перспектива, формы местоимений, структура и семантика словесных формул, этнокультурная специфика

Abstract: The article deals with phenomenon of verbal aggression in everyday and domestic sphere. The author discusses the language means which are markers of aggressive behavior, typical for the threat – the one of the oldest forms of a verbal aggression – on a material of German spoken language. These are analysed definition of the genre «threat», the structural types of threats, the vocabulary and means of verbal imagery which used in these construction in the article. A study of the lexical content of various verbal formulas let us to discover their stylistic potential and ethno-cultural features.

Key words: verbal aggression, speech, threat, futural perspective, forms of pronouns, structure and semantics of verbal formulas, ethno-cultural specificity

В настоящее время изучение речевой агрессии стало одним из приоритетных направлений в лингвистике. При этом основное внимание ученых привлекают наиболее подверженные агрессивности прагматические дискурсы, такие как политический дискурс и публицистика. Однако не менее интересным представляется изучение феномена вербальной агрессии в обиходно-бытовой сфере, поскольку именно здесь в наибольшей степени проявляется многообразие речевого выражения человеческих эмоций. В настоящей статье будет предпринята попытка описать языковые средства, являющиеся маркерами агрессивного поведения, характерные для угрозы – одного из древнейших видов речевой агрессии.

Как известно, угроза – речевой акт, высказывание, в котором говорящий заявляет о своем намерении нанести адресату физический или иной ущерб; обычно является резко негативной реакцией на враждебные действия или намерения [5: 353–355].

Угроза используется в конкретной ситуации. Особенностью коммуникативного акта является в данном случае стратегия давления, которое оказывает на адресата отправитель текста, тот, кто произносит словесную формулу. Установка на конфликт, конфронтацию характеризует выбор поведения с активным воздействием на партнера по коммуникации, с доминированием роли говорящего, с использованием негативных средств речевого общения [1: 23]. По своей общей семантике, логическому содержанию (пугание) угроза сближается с предостережением. Например, обращения угрожающего характера, такие как *Ht gwpf ej gp#Ht gwpf uej ch# O @prej gp#*, а также высказывания типа *Nc E'f kej 'pkej v'nt kgi gp#Ug'ukpf 'i gy ctpv#* в зависимости от ситуации могут быть как угрозой, так и предупреждением. Причем в данном случае действенность угрозы значительно повышается за счет средств интонации, жестов и мимики.

Для жанра «угроза» характерна определённая система речевых явлений. Так, данный жанр обладает футуральной перспективой: события, о которых идет речь, относятся к сфере человеческих поступков, действий, которые отнесены в будущее [2: 721–722]. Для выражения действий в будущем служит *Rt @gpu"y kt 't gHgp" wpu'pkej o cny qcpf gt u#Kej 'dtgej g'f kt 'u@ wkej g'Mpqej gp'ko 'Ngkd#*; а также – реже – Futurum I: *Kej "y gtf g'f kt 'f kg'Tkr r gp'pwo gt kgt gp0* Как известно, фактор прошлого нерелевантен для речевого жанра «угроза» [2: 721–722]. Однако в такой форме угрозы, как риторический вопрос, широко употребляется перфект. Перфект устанавливает непосредственную связь между событием прошлого и настоящим моментом, в который событие вызывается в представлении говорящих. Ср: *F kt 'kw' y qj n'kpi g'ngk'Rhcwo gpo wu'c wuf gt 'P sug'i gix w'gpa'"F w'j cw'y qj n'kpi g'ngkpg'Mpq/ ej gp'i gj w'gva*

Еще одной характерной для угрозы лингвистической особенностью является схема использования 1-го и 2-го лица ед. числа. Первое лицо – субъект речи, второе лицо – реальный адресат. Как известно, личные местоимения в основном стилистически нейтральны, однако они имеют определенную функционально-стилистическую окраску. Весьма показательны в этом смысле примеры использования в данном жанре форм 3-го л. ед. числа. Ср.: *F gt 'uqnl'o kt 'pwt 'nqo o gp#"F gt 'y kf 'pkej 'cp' o kej 'f gpngp#* Подобные угрозы, где местоимение *der* заменяет местоимение 3-го л. ед. числа *er*, адресуется человеку, который в настоящий момент отсутствует.

Вежливая форма *Sie* может употребляться в угрозе, если автор угрозы – лицо, наделенное какими-либо полномочиями, в более официальной обстановке. Ср.: *Ug'ukpf 'i gy ctpv#F cu'y gt f gp"Ug'pkej 'dgt gwgp#* Однако форма вежливого обращения нетипична для данного жанра, поскольку угрозы обычно произносятся в конфликтных бытовых ситуациях. Их речевая ткань особенно активно проявляет себя в сферах функционирования устной речи (в семье, школе, в армии, в среде рокеров, в сфере обслуживания, в сфере хозяйства, где используется физический труд) и обращает на себя внимание ярко выраженной разговорностью, отсутствием официальности.

Лексико-грамматические свойства угрозы такие, что текст с первого раза в любых условиях воспринимается адресатом: здесь нет малопонятных слов, длинных цепочек слов в словосочетании. Интонация разговорной речи приводит к

преобладанию в тексте угрозы малораспространенных конструкций. Структурные типы угроз довольно разнообразны. Так, как уже было сказано выше, единицами общения в конфликтной ситуации могут быть односоставные бытовые реплики, например обращения **Ht gwpf ej gp#O @ppej gp#0B* исследуемом жанре встречаются также угрозы, выраженные словосочетанием. Ср.: *Fw'ngdgpno Af g" Ncm#* Данная угроза адресуется обычно наглому человеку, который так же надоедлив и назойлив, как упомянутое в высказывании насекомое, участь которого он должен разделить, т. е. адресат подлежит физическому уничтожению. В функции угрозы выступают также побудительные предложения: *Wpvgtwgi 'f kej #Pc.'y ct vg#* Особенно показательно для угрозы как жанра повседневного устного общения использование кратких простых предложений, структура которых основана на схеме «я сделаю + кому + что». Первый компонент данной схемы – сочетание личного местоимения с глаголом, называющим конкретное действие, которое должно причинить ущерб (чаще всего это глаголы *j cwgp.'uej xi gp.'ft gi gp.'dt gej gp.'| gt/uej xi gp.'dgkĚgp*). Второй компонент – дополнение, на которое направлено действие, выраженное сказуемым. Ср.: *Kej 'uej pgkf g'f kt 'f kg'Qj tgp'cd#Kej 'y gtf g'f kt 'f kg' Tkr r gp'pwo gt kgt gp#"K o 'o 3/ej vg'kej 'cng'Mpkej gp'| gt uej xi gp#* Приведенные высказывания содержат прямое дополнение и косвенное дополнение. Причем из существующих разновидностей свободного дательного падежа для угрозы характерен *dativus commodi*, который, как известно, обозначает лицо, в отношении которого совершается действие. В последней фразе дополнение в дательном падеже занимает первое место. Инверсия стилистически окрашивает предложение, приводит к эмоциональному выделению слова.

Обстоятельства в тексте угрозы встречаются сравнительно редко. Ср.: *Y kt 't gh' hgp'wpu'pkej o cny qcpf gt u#Kej 'ucn' g'f kej 'kp'f gkpg'o 'gki gpgp'Dnw'gkp#*

Текст угрозы может разрастаться за счет включения в него предупреждения о негативных последствиях для адресата при условии, если адресат совершит или не совершит чего-либо, а также сведений о степени тяжести негативных последствий для адресата. Например, *Y gpp'f w'f cu'pkej v'huu:'ncppw'f w'y cu'gtngdgp#Kej " j cwg'f kej . 'f cĚf w'f gkpg'Mpkej gp'ko 'Uceni'pcej 'J cwig'vt ci gp'ncppu0Pc 'y ct vg.'y gpp " kej 'f kej 'gtu kej g#* Последнее высказывание – это нейтральная угроза, в ней нет указания на нанесение конкретного физического ущерба. Такие «мягкие» угрозы имеют воспитательное значение.

Косвенные угрозы могут быть выражены характерными для устной речи предложениями с наречием *uqpu'Uqpu'o cej g'kej 'cwi'f kt 'Rv'f kpi 'TI gj cemgu'THt kncuig"U' Uej cwej nkt* или предложением с союзом *qf gt "J cwx d.'qf gt 'kej 'dgkĚf kej 'kp'f kg'Pcug-0*

В угрозе заслуживает внимания также употребление именительного падежа, что имеет место в случае расчленения высказывания на простые, краткие смысловые группы с большой коммуникативной самостоятельностью. Ср. *0'Gkp 'Uej xi . " wpf 'f w'dkw'r gpukpudgt gej vki v#*

Gkp'Uej xi . 'wpf 'f gkpg'Ho kkg'kw'cwii gt qvg#

Gkp'Uej xi . 'wpf 'f cu'J go f 'wgi v'cmgkp'f c#Gkp'Uej xi . 'wpf 'f kg'Pcug'ukl v'j kvvgp#

Gkp'Ukej 'o k'f go 'Ucemej . 'wpf 'f w'ko 'J go f 'f c#

В приведенных примерах, где автор угрозы хвалится своей силой, имеется коммуникативное выделение одного из членов высказывания, выраженного существительным. Грамматически это выделение оформляется в самостоятельную группу именительного падежа. Синтаксический сегмент «Schlag» репрезентирует

более крупные части предложения, что является одним из проявлений языковой экономии.

Классификация структурных типов угроз была бы неполной без упоминания так называемых недосказанных формул. Фигура речи «умолчание» («усечение») весьма распространена в жанре «угроза». Ср.:

3"Y ctvg. 'kej 'y kn'f k #

4"Kėj 'y gtf g'f k 'i r'gkej 'j g'ngp#*? 'kej 'y gtf g'f k 'j g'ngp. 'dgko "Pcej dct 'Mkt uej gp'/'w'wgi r'gp"? "kej 'y gtf g'f k 'j g'ngp 'j g'ngp#0

5"Kј o 'n'p'pvg'kej 'u'w'p'f g'p'r'p'i #*? 'kј o 'n'p'pvg'kej 'u'w'p'f g'p'r'p'i 'k'p'u'I g'ukej v'uej ci gp. 'k'p'u I g'ukej v'ur'w'engp'w'000

Подобные усеченные конструкции могут выражать различные эмоции и эмоциональные состояния говорящего с точки зрения гнева, возмущения, негодования. Среди приведенных фраз есть довольно «мягкие» угрозы, которые адресуются часто детям (1, 2), ироничная угроза (2), более «жесткая» словесная формула, в которой заключено довольно сильное средство воздействия (3). В любом случае нельзя не согласиться с точкой зрения Деметрия Фалерского (354–283 г. до н. э.), который писал о фигуре речи «умолчание» следующее: «Умолчание часто заключает в себе некоторую силу. Мало того, даже неясность: недосказанное производит более сильное впечатление, а к тому, что пространно выражено, относятся с пренебрежением» [3: 350].

С точки зрения отбора лексических средств угроза характеризуется высокой степенью воспроизводимости, повторяемости, поскольку тематика словесных формул в данном случае охватывает прежде всего сферу физического здоровья. Угроза располагает большим числом специальных названий для отдельных частей тела человека, прежде всего это голова, зубы, лицо, ребра, нос, уши, шея, кости. Немало угроз содержат насмешку, иронию, вызывают разнообразные, иногда метафорические ассоциации. Определенным словесным формулам нельзя отказать в остроумии. Таковы, например, забавные образы некоторых берлинских угроз. Ср.: *Kėj 'ur'w'eng'f k 'c'wh'f gp 'Mqr h'f c'Ė'f w'f tgk'Vci g'w'p'vgt 'Y c'ui'gt 'l'wgj w'0Kėj 'j c'wg'f k 'c'wh'f gp 'Mqr h'f c'Ė'f g'kp g'N'0'w'ug'r'kgr gp' *y ko o gt p'0Kėj 'j c'wg'f k 'c'wh'f gp 'Mqr h'f c'Ė'f w'f w'ej 'Tkr r gp' *f gp 'Dt w'anc'w'gp' +i w'emw'v' kg'g'kp" Ch'g'f w'ej u'I k'w'gt 0* Подобные высказывания привлекают внимание, забавляют своим остроумием, однако они не совсем безобидны и не всеми могут быть восприняты с юмором. Нейтральные по своей сути объекты, части тела человека в исследуемом речевом акте часто подвергаются снижению и вульгаризации. Так, традиционный пренебрежительно-презрительной реноминации подвергаются в угрозе голова (Kopf) и лицо. Ср. *0' Kėj 'j c'wg'f k 'c'wh' 'Maul. 'f c'Ė'f k 'f kg' \ @j pg' d'c'v' n'p'p'v' g'kug'/' wo "O c'w'it' c'w'ung' o gp'0Kėj 'j c'wg'f k 'c'wh' 'O c'w'n'f c'Ė'f k 'f kg' t' qvg' 'Dt Āj g'/' wo "J c'nu' t' c'w'urt' k' v' #*i qvg' 'Dt Āj g'?" 'D'w'w'0 I r'gkej 'j c'wg'kej 'f k 'f gp' 'Rk' 'cd#*Rk' "? 'Mqr h'0'0'F k 'f g'j g'kej 'f kg' 'Uej pcw' g'k'p'u'I gp'kem (угроза свернуть шею как курице). Kėj 'j c'wg'f k 'i r'gkej 'g'kp gp'xqt 'f gp' 'Mct v'qp#*Mct / v'p"? 'Mqr l'0'k' i gn'Āt / vgt 'Hqt o 'c'p'c'qi' /' w'Xgt w'c'p'f unc'w'gp'0*

Ich haue dir die Kerne aus der Melone!

Ich haue dir auf die Glocke, bis du Lust zum Sterben kriegst. (Glocke = Gesicht, Kopf).

Как видно из приведенных примеров, эмоциональная напряженность угрозы во многом создается именно метафорой. Что касается других средств словесной образности, то их роль в угрозе практически сведена к нулю. Анализ текстов

выявил отсутствие в данном жанре эпитетов; образные сравнения и метонимии встречаются здесь крайне редко. Ср.: *Кej "npceŋg'fkej 'fwt ej 'y kg'gkpg'Oqj ttÄdg#" Мррив'f w'f kgug'J cpf uej wj pwo o gtA* Последняя фраза обычно сопровождается соответствующим жестом: угрожающий подставляет к лицу стоящего напротив него человека кулак. (*Die Handschuhnummer = große Hände*) – название, которое перенесено с вместилища на содержимое. В результате метонимического переноса у слова *Handschuhnummer* появилось новое лексическое значение, в семантике слова совместились принципиально разные значения: признаковые и предметные [4: 142–144].

Характеризуя лексическое наполнение угроз, нельзя не остановиться на словесных формулах, где в качестве устрашителя используется этнический образ. Например *<Fkej 'y kf 'i rŋkej 'f gt 'Mt co r wu'j qŋgp#* Крампус – огромный, рогатый, волосатый, козлообразный демон, который засовывает непослушных детей в мешок и утаскивает их в свое лесное логово [6: 14].

Кej 'j cwŋ'fkej 'lwo 'J co r gŋw cŋp# Хампельман – марионетка, детская раскрашенная игрушка в виде фигурки человечка, руки и ноги которого приводятся в действие дерганьем за веревочки (*HampeImann* от нижненемецкого *hampeln* – «махать руками, дрыгать ногами»). Обращает на себя внимание также угроза, включающая в себя одну из известных немецких пословиц: *Кej 'j cwŋ'f k 'gkpg. 'f cĒ'f w'f gpmw: 'Qu' wtp'w'f 'Rlŋpi wŋp 'l@n'c w'gkpg'Vci #*

К национально-специфичным угрозам можно отнести также следующие фразы: *ĒКej 'uej ŋci g'fkej . 'f cĒ'f w'f gp'J ko o gŋlĀt 'gkpg'F w'f gŋc en'c'pukg'j w# "Ēf gp'J ko / o gŋlĀt 'gkpg'F w'f gŋc en'c'pug'j gpi "? 'dg/gej v'ugk. 'j gkgt. 'uqt i ŋqu'ugkp0+*

Кej 'j cwŋ'fkej 'c w'f gp' Mqr h'f cĒ'f w'f gp'J o o gŋlĀt 'gkpg'DcĒi gki g'j @mw'c'pukg'j w# "Ēf gp'J o o gŋlĀt 'gkpg'DcĒi gki g'c'pug'j gpi "? 'dgt wŋgp'ugkp0+ Данные угрозы возникли из представлений о музицирующих ангелах.

В целом в лексике угрозы встречается все то, что можно услышать в разговорной речи немцев. Несмотря на ограниченность тематики, угроза с точки зрения лексики представляет собой весьма разнообразную и интересную картину: здесь встречаются заимствования, например *Кej 'y gtf g'fkej 'nŋŋgp#* (killen – из английского языка «to kill» – употребляется в значении *j-n töten*), используются данные из области музыки: *o gkp'ŋgdgt 'Uej y cŋp#* – ироничная угроза-обращение, заимствованная из оперы Вагнера «Lohengrin»; из художественной литературы: *Кej 'y gtf g' fkej 'kp'f kg'gy ki gp'Lci fi t Äpf g'dgĤ4 f gtp "xgt ugvl gp# die ewigen Jagdgründe (pl.) = Jenseits* – обозначает мир мертвых индейцев, заимствовано из романов Джеймса Фенимора Купера и Карла Мая.

Таким образом, жанр «угроза» не является замкнутой структурой, на лексическом уровне он постоянно обогащается реалиями, отражающими конкретную эпоху.

ЛИТЕРАТУРА

1. Купина "НОА" Михайлова"ООАО Лингвистические проблемы толерантности // Мир русского слова. № 5(13). 2002. С. 54–64.
2. Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник. М., 2003. 840 с.
3. Москвин "ВПОВыразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры: Терминологический словарь М., 2007. 944 с.
4. Русский язык. Энциклопедия. М., 1979. 432 с.

5. Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица). М., 1999. 736 с.

6. *Historicum*. 2016. Январь / Февраль.

ИСТОЧНИКИ'ЯЗЫКОВОГО'МАТЕРИАЛА

1. *Городникова"МДО"Добровольский"ДОО* Немецко-русский словарь речевого общения. М., 1998. 332 с.

2. *Mãrr gt 'J Ø* Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Stuttgart, Dresden: Klett, Verlag für Wissen und Bildung, 1993. 959 S.

TGHGTGPEGU

1. Kupina N.A. H.A., Mikhaylova O.A. "Linguistic Problems of Tolerance. *Ok 'Tmumqi q'*" *Uqxc*. No 5(13). 2002, pp. 54–64.

2. Culture of Russian Speech. Collegiate Dictionary Directory. Moscow. 2003. 840 p.

3. Moskvin V.P. (2007) The Expressive Means of the Contemporary Russian Language. Tropes and Figures of Speech: Terminological Dictionary. Moscow. 944 p.

4. Russian Language. Encyclopedia. Moscow. 1979. 432 p.

5. Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary: In 5 vols. Vol. 5: S (Skazka) – Ya (Yascherica). Moscow. 1999. 736 p.

6. *Historicum*. 2016. January / February.

VJ G'UQWTEGU'QH'NCPI WCI G'O CVGT KCN

1. Gorodnikov M.D., Dobrovolsky D.O. (1989) German-Russian Dictionary of Verbal Communication. Moscow. 332 p.

2. Küpper H. (1993) Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Stuttgart, Dresden: Klett, Verlag für Wissen und Bildung. 959 S.

Сведения"об"авторе:
Елена Георгиевна Носова,
канд. филол. наук
доцент
кафедра немецкого языкознания
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Elena Nosova,
PhD
Associate Professor
Department of German Linguistics
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
iirina06@yandex.ru

Теория 'диалога' в контексте 'современных' коммуникативных исследований

Аннотация: В статье содержатся сведения о возникновении и формировании теории диалога, обосновывается ее связь с лингвистическими исследованиями в области теории текста и социологическими наблюдениями и выводами в сфере теории коммуникации.

Ключевые слова: диалог, высказывание, текст, коммуникация

Сдмтсев. The article contains information about the beginnings and formation of theory of dialogue in works by M. Bakhtin, substantiations of its relation with linguistic investigations in the sphere of theory of text and with sociological reflections in the sphere of theory of communication

Мгф'у qtfu. dialogue, dictum, text, communication

Понятие диалога является одним из самых востребованных и функционирующих в разных областях знания. К настоящему времени накопилось огромное количество исследований на данную тему, большинство которых связано с анализом и интерпретацией идей М.М. Бахтина. Изданный в 2000 г. в Великобритании библиографический указатель русских и зарубежных работ, опубликованных до 1997 г., насчитывал 1001 название; отечественный сборник «Бахтин в зеркале критики», включающий работы до 1995 г., содержит 1047 наименований. К настоящему времени их количество явно умножилось. Казалось бы, дальнейшее обсуждение излишне. Однако представляется целесообразным еще раз обратить внимание на некоторые аспекты указанной теории. Выделю и обозначу два из них: а) рождение идеи диалогичности и становление понятия диалога на раннем этапе его изучения; б) соотносительность теории диалога с современными исследованиями в коммуникативной сфере.

Одним из факторов, послуживших стимулом к данной постановке вопроса, стало наличие полного собрания сочинений Бахтина, в котором представлены все тексты ученого, снабженные комментариями, содержащими сведения о времени, месте и атмосфере их публикации. Какие тексты наиболее значимы в изучаемом контексте? Во-первых, устные высказывания Бахтина, сохранившиеся в памяти его коллег и друзей; во-вторых, первая монография «Проблемы творчества Достоевского», создание и публикация которой тщательно датированы самим автором: написание в начале и середине 1920-х гг., сдача в печать в 1928 г., выход – летом 1929 г. [Бахтин,

2]; затем «Слово в романе», 1934–1935 гг. [Бахтин, 3]; статья «Проблема речевых жанров», 1950-е гг. [Бахтин, 5]; переработанная монография «Проблемы поэтики Достоевского», 1963 г. [Бахтин, 6]; статья «Проблема текста», писавшаяся в 1950–1960-е гг., опубликованная в 1976 г. в журнале «Вопросы литературы» [Бахтин, 5].

Как известно, главной идеей, выдвинутой ученым в первой монографии и развивавшейся в дальнейшем, была идея полифонии. Нельзя заподозрить С.Г. Бочарова в негативном или хотя бы недоверчивом отношении к Бахтину, но, комментируя для ПСС разные тексты Бахтина, он высказал мысль, что «основной тезис книги в его полноте и радикальной авторской теоретической постановке в итоге не принял никто из писавших о ней критиков, при этом оценивавших ее в высоких тонах» [Бахтин, 6: 501].

Вместе с тем уже в той, первой монографии появились суждения о диалоге: «роман Достоевского диалогичен», «сознание героев сплошь диалогизовано». Использовались понятия «чужое слово», «преломляющее слово», «двуголосие», «диалогическая обращенность слова». Так понятие «диалог» оказалось в центре внимания, постепенно приобретая концептуальное значение, вместе с тем обозначился новый подход к диалогу, таящий внутреннюю полемику с исследователями того времени, в первую очередь с лингвистами (имелись в виду статья Л.П. Якубинского «О диалогической речи», 1923 г.; книга В.В. Виноградова «О художественной прозе», 1930 г.), и наметился принцип его рассмотрения в коммуникативном аспекте.

Свой подход Бахтин назвал внелингвистическим, или металингвистическим, его новизна состояла в том, что ученый выдвинул в качестве ключевого понятие **высказывания**. Пояснив, что высказывание – это **'реальная' единица 'речевого' общения**, «высказывание наполнено диалогическими обертонами», «высказывание – звено в цепи других высказываний», высказывание предполагает вопросно-ответный характер, подразумевает наличие слушателя, адресата, ориентацию на «другого» [Бахтин, 5: 167, 170]. Такое понимание диалога предопределяло два пути его интерпретации: 1) обоснование диалога как типа сознания; 2) осмысление языка и литературы в целом как коммуникативных явлений.

Своеобразие диалога, по убеждению Бахтина, в первую очередь заключалось в признании за ним определенного типа миропонимания, при котором в позиции человека (или героя) преобладает ощущение внутренней свободы, нерешенности или незавершенности, открытость развитию, отсутствие желания навязать свои мысли без учета мнения «другого», что и было названо им диалогизмом в противоположность монологизму и продемонстрировано в ходе анализа великих романов Достоевского.

Что касается второго аспекта, т. е. коммуникативных возможностей диалога, то, по мнению Бахтина, они не учитывались лингвистами того времени, воспринимавшими диалог как композиционную форму речи, хотя, по словам современного ученого Ю.Н. Караулова, у В.В. Виноградова уже присутствовала мысль о коммуникативной роли языка, что проявилось в его размышлениях о проблеме автора («образа автора», как предпочитал говорить сам Виноградов), а также в анализе речевой организации выступлений ряда деятелей судебной сферы досоветского периода: А. Урусова, В. Спасовича, Ф. Плевако [Караулов 1987]. Разъясняя и уточняя свою мысль, Бахтин писал: «Всякое слово существует для говорящего в трех аспектах: как нейтральное и никому не принадлежащее слово языка, как чужое слово других людей, полное отзвуков чужих высказываний, и, наконец, как мое слово,

ибо я имею с ним дело в определенной ситуации с определенным речевым намерением» [Бахтин, 5: 192).

Мысль о необходимости восприятия и исследования языка и речи в коммуникативном аспекте овладела сознанием русских лингвистов в 1960–1970-е гг., в результате чего стала складываться научная область, получившая название «Теория текста». В ходе разработки этой области появилось немало концепций, точек зрения, конкретных определений, принадлежащих известным ученым, в числе которых И. Гальперин, А. Горшков, Л. Новиков, Д. Шмелев, В. Костомаров. «Объектом современной теории текста как науки является коммуникативная деятельность человека посредством текста» – таково суждение А.А. Чувакина, автора и редактора пособия «Теория текста», созданного коллективом сотрудников Алтайского государственного университета (Барнаул), опубликованного в 2012 г. в Москве и содержащего основательную библиографию по данному вопросу [Теория текста 2012: 26].

В ходе указанных исследований в фокусе внимания ученых оказалось понятие текста, предельно широкое – как любая знаковая система, обладающая значением и способная хранить и передавать информацию, будь то речевое высказывание или сигнал светофора, и собственно филологическое, одно из определений которого принадлежит В.Г. Костомарову и, несомненно, заслуживает внимания: «Договоримся называть текстом любое вербальное произведение, любой результат общения: высказывание, сообщение, обмен информацией и мнениями. Текст – продукт порождения и предмет восприятия» [Костомаров 2005: 33]. При этом нельзя не отметить, что ученый дополняет свою мысль основательным обзором текстов, присутствующих в медийной сфере, совмещающих в себе вербальные и дисплейные качества [Костомаров 2014]. Так активизировался и реализовался интерес к коммуникативным возможностям языка и литературы вообще, что было замечено и учтено литературоведами, которые «взяли на вооружение» понятие текста, нередко используемое для обозначения «произведения».

Как известно, понятие коммуникации заняло важное место в исследованиях разных школ и направлений, в том числе социологических, что вполне естественно в век всеобщей информации, связи и глобализации. Социологами было установлено, что данное понятие присутствовало в университетских курсах и словарях американских ученых уже в 1930-е гг. В 2008–2009 гг. в России был издан энциклопедический словарь-справочник под названием «Коммуникология», образована Российская коммуникативная ассоциация (РКА); стала разрабатываться теория коммуникации и формироваться специальная область исследований под названием «Коммуникология». В процессе становления теории коммуникации и выработки понятийного аппарата у социологов возник вопрос о соотношении понятий «коммуникация» и «общение». В их среде сложилось мнение, что термин «общение» реально применяется для обозначения межличностных контактов; в размышлениях о контактах более широких масс людей или организаций следует использовать термин «взаимодействие». В решении этого не только терминологически значимого вопроса возникает потребность опереться на знания, полученные в смежных областях. Такой областью в первую очередь и является теория текста, которая занимается исследованием коммуникативных особенностей языка. В этой связи стоит еще раз обратить внимание на суждения Костомарова, напомнившего, что **общение** началось с межличностного общения, в процессе которого люди использовали «первородный», «изначальный простодушный зву-

ковой язык». При этом, по словам ученого, «выдающиеся авторитеты верили в то, что истинное знание вызревает в душе как часть сознания и памяти, а не припоминается извне посредством каких-то кастрированных знаков. Сократ, например, возражал против записи диалогов, Пифагор не написал ни одной книги» [Костомаров 2014: 11].

В течение столетий вырабатывались многочисленные и разнообразные способы передачи информации, как устные, так и письменные, в результате чего и родилось убеждение в необходимости и значимости процесса коммуникации. Теория коммуникации обрела статус междисциплинарного направления, которому подвластны разные виды коммуникативной деятельности, и огромное место принадлежит различным средствам и формам массовой коммуникации, с чем люди соприкасаются практически ежедневно, а также художественной литературе.

Таким образом, в середине и конце XX в. сомкнулись усилия разных специалистов в осознании колоссального значения коммуникативной деятельности людей; при этом нередко звучат ссылки на Бахтина, чьи идеи в их полноте и глубине не всегда понятны социологам, а подчас и филологам: и те, и другие трактуют понятие «диалог» очень широко и неоднозначно. А ведь именно М.М. Бахтин оказался у истоков теории коммуникации, предложив то, что можно назвать теорией диалога, которая и сейчас требует ее дальнейшего осмысления и донесения до сознания разных специалистов, призванных к участию в коммуникативной деятельности или ее исследованию.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. М.: Русские словари, 1996–2012.

Проблемы творчества Достоевского. Т. 2. С. 5–175.

Слово в романе. Т. 3. С. 9–121.

Проблема речевых жанров. Т. 5. С. 195–206.

Проблемы поэтики Достоевского. Т. 6.

Проблема текста. Т. 5. С. 306–326.

Бочаров С.Г. Комментарии // Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. М., 2002. С. 501.

Караулов Ю.И. Русский язык и языковая личность. М. 1987. 363 с. (и др. издания).

Теория текста: Учебное пособие. 2-е изд., перераб и доп. М., 2010. 224 с.

Костомаров В.Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики. М., 2005. 287 с.

Костомаров В.Г. Рассуждение о формах текста в общении. 2-е изд. М., 2014. 96 с. (Гл. 3, 4.)

REFERENCES

Bakhtin M.M. The Collected Works: In 7 vols. Moscow. Russkie Slovarei Publ., 1996–.

Problems of Dostoevsky's Art. Vol. 2, pp. 5–175.

The Word in a Novel. vol. 3, pp. 9–121.

The Problem of Speech Genres. Vol. 5, pp. 195–206.

Problems of Dostoevsky's Poetics. Vol. 6.

The Problem of a Text. Vol. 5, pp. 306–326.

Bocharov S.G. Commentaries. In: Bakhtin M. M. The Collected Works: In 7 vols. Vol. 6. Moscow. Russkie Slovarei Publ. 2002, p. 501.

Karaulov Yu.N. (1987) Russian Language and Linguistic Identity . Moscow. 363 p. (and other eds.).

Theory of Text: Textbook. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow. 2010. 224 p.

Kostomarov V.G. (2005) Our Language in Action. Essays on Contemporary Russian Stylistic. Moscow. 287 p.

Kostomarov V.G. (2014) Discourse on the Forms of Text in Communication. 2nd ed. Moscow. 96 p. (Chapter 3, 4.)

Сведения об авторе:
Асия Яновна Эсалнек,
докт. филол. наук
профессор
кафедра теории литературы
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова.

Asiya Ya. Essalnek,
Doctor of Philology
Professor
Department of Theory of Literature
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
essalnek@yandex.ru

Time, Sleep and Death in Pelevin's "Sleep" and Its English Translation: Ways of Interpreting Realia, Allusions and Time Movement

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы интерпретации ключевых понятий рассказа В. Пелевина «СПИ» (таких как «время», «сон» и «смерть») в переводе на английский язык, выполненном Э. Бромфилдом. В фокусе исследования – способы передачи оригинальных аллюзий и трудных для перевода реалий. Специфика движения времени в рассказе «СПИ» обусловлена наличием двух противоречащих друг другу временных контекстов: история Никиты Сонечкина охватывает несколько месяцев, однако целый ряд исторических аллюзий и социальных реалий указывает на то, что Никита взрослеет, стареет и умирает незадолго до конца рассказа. Некоторые реалии (например, «лекция по эм-эл философии») удачно интерпретированы переводчиком («lectures on Marxism-Leninism»), но ряд предложенных им решений уводит иностранного читателя в сторону от авторского приема. Так, во фразе «Мы учили духов, духи учили нас» слово «духи», которым советские солдаты называли «душманов» (афганских боевиков), интерпретировано при помощи номинации «spirits» («призраки», а также «алкогольные напитки»). Таким образом, темпоральная локализация события в переводе исчезает, высказывание приобретает иное содержание. Оригинальные реалии и аллюзии, указывающие на изменение исторической эпохи, а также возраста и социального статуса героя, описываются в статье с точки зрения их текстовой функции и способов перевода. Опираясь на данные опроса, проведенного среди американских студентов, прочитавших «СПИ» в переводе, авторы статьи выявляют проблемные фрагменты текста и рассматривают возможные способы их интерпретации для англоязычных читателей.

Ключевые слова: перевод, время, хронотоп, реалия, коннотация, интерпретация, Пелевин, РКИ

Abstract: The article concerns ways of interpreting key concepts of V. Pelevin's "Sleep" (such as "time", "sleep" and "death") in the English translation made by A. Bromfield. The ways of rendering original allusions and realia that are difficult to translate are in the focus of the study.

Peculiar time movement is presented in the original in two contradictory ways: the explicit story of Nikita Dozakin covers several months of his youth, though many hints

supported by certain historic allusions and social realia convince the attentive reader that the plot covers several decades and Nikita gets old and dies some time before the end of the story. Some of these realia (for example, “em-el philosophy” = “lectures on Marxism-Leninism”) have been skillfully explicated and rendered by A. Bromfield, but some interpretations lead the reader astray, as the word “spirits” instead of the Soviet soldiers’ slang “dukhi”, used for “dushmany” (Afghan militants) during the war in 1979-1989: “We’ve taught the spirits, and the spirits have taught us”. The whole scene lost its temporal location and besides mystic connotation got some connection to alcohol. Realia and allusions to Soviet and Yeltsin’s times, pointing to changing age and social status of the hero, are described in the article according to their function in the text and potential translatability. Using the data of the survey carried out among American students who had read ‘Sleep’ in translation, the most sophisticated passages in the text are revealed, and the ways of their interpretation for English-speaking readers are offered.

Key words: translation, time, realia, Pelevin, Russian for foreigners, interpretation, cultural reference, connotation

INTRODUCTION.

THE NEED FOR STUDYING REALIA IN PELEVIN’S TEXTS

The article presents some results of the current research studying cultural references in Pelevin’s prose and its English translations [Urzha 2009, Skvortsova 2012]. One of the main goals of the research is collecting the data and elaborating methodological grounds for composing a commented reader’s book on Pelevin’s prose for foreigners who learn Russian.

Victor Pelevin is one of the most popular Russian writers nowadays; in 2011 he was nominated for the Nobel prize in Literature. “Generation P” and “The Buddha’s Little Finger” are included in the courses on contemporary post-modern literature in many universities. Growing interest to Pelevin’s stories and novels among foreign readers creates the demand for translations, and on the ground of these translations the content and the style of Pelevin’s texts are perceived, as well as the key ideas of the narratives, and the image of the author. However, producing interpretations of these narratives is a really challenging task. The stories and novels by Victor Pelevin, describing Soviet epoch and the period of Perestrojka, are filled with the realia which have already gone away, sometimes not even being fixed and described in the dictionaries or encyclopedias. Not only foreigners, but also young Russian people would not thoroughly understand some passages of his books without a detailed commentary.

Of course, this could be said about any writer showing the certain period of history in detail, but Pelevin’s texts provide an extraordinary case here. This author never uses cultural references just to describe anything typical, the words denoting realia reveal their connotations, form unexpected metaphors, explicating the philosophical message of the author, involving the reader into the intertextual play upon quotes, clichés and popular images. Critics and linguists, writing about Pelevin’s language, often use the word “blend” referring to the author’s mixing English and Russian words, or slang and literary language [Antonov 1995, Genis 1999, Lipovetskij 1999, Repina 2004, Markova 2005, Paulsen 2006]. For example, Mark Lipovetskii uses this concept to characterize Pelevin’s style concerning his, so to say, “untranslatability”: “Notwithstanding the success of all of Pelevin’s earlier novels in English translation, the translation of Generation P will hardly be adequate – after all this novel is written in a fantastic blend

of Russian and English, where one and the same text or even simply a single word acquires a double meaning by virtue of its double status, i.e. it becomes a metaphor in the process” [Lipovetskij 1999].

Although the literary critics and philologists refer to Pelevin’s prose rather often, the linguistic study of these texts have not gone far yet [Babenko 2004, Markova 2005, Palchik 2003, Paulsen 2006, Zarubina 2007]. What gets left aside is a creative “blend” of cultural references that Victor Pelevin uses to transfer his ideas to the attentive reader. This fantastic, sophisticated blend is one of the unique features of Pelevin’s style that lets each reader have a different text interpreting the same story. On the other hand, this very feature gets the task of translating Pelevin’s prose into any other language really challenging.

REALIA AND ALLUSIONS EMPLOYED IN CONTRADICTIONARY TIME MOVEMENT IN “SLEEP”

The story “SPI” (or “Sleep”, in the English translation by Andrew Bromfield), which we will focus on in this article¹, provides convincing illustrations for the idea stated above. The main plot about Soviet student Nikita Sonechkin (Dozakin in the translation), who discovers that all people around him spend their lives sleeping and finally falls into the eternal sleep himself, turns out to be just a small part of the story. This plot blurs weirdly, and the attentive reader can notice that it covers not only several months of Nikita’s life, but also several decades of the Soviet and Post-Soviet period. A drastic twist of the time-flow is realized in the text only with the help of the realia, because no dates are mentioned, so the contradiction between two different time-frames of the story appears only to some of the readers, who can notice and interpret the cultural references.

Here are some examples. The story begins when Nikita attends the lecture in “em-el philosophy”, and the reader has to guess that “em-el” means “Marxism-Leninism” – the theory studied in all Soviet schools and universities in 70-80-s, but not later. Nikita and his parents watch a TV program where they can see a major standing in a hot mountain ravine, and this military man says: “We’ve taught the *dukhi*, and the *dukhi* have taught us”. The Russian word “*dukhi*” is a slang used by Soviet soldiers for “dushman” (Afghan militants) during the war in 1979–1989, where the USSR rendered military help to the pro-Soviet Afghan government. In the university one of Nikita’s friends tells him an anecdote about “*three Georgians in the space*”. This anecdote is only mentioned, but not narrated in the story. The research shows that this text turns to be a mixture of two different anecdotes, and the first one (“*the Georgians in the space*”) concerns tensions between Armenia and Azerbaijan during the conflict in Nagorny Karabakh at the end of the 80-s. The second anecdote is about “*three Georgians in the bath*”, and the hero of Pelevin’s story really finds himself in the Russian bath, where he sees “*women, <...> dressed in short ballet dresses made of feathers*”. This allusion to the “Swan Lake” and its famous translation on TV during the attempt of the coup removing Mikhail Gorbachev in the August 1991 is easily discovered by middle-aged Russian readers, but gets missed by young people. In the final evening, mentioned in the story, Nikita goes for a walk to talk to “sleeping” people and find out the truth – to know what they are dreaming about. He meets two men in white coats (the author leaves a hint here: these coats “*made them look like angels*”), and the names of the men are not at all deliberate.

¹ The research project also includes other Pelevin’s texts, such as “Deviatyj son Very Pavlovny” and “Prince of Gosplan”, compared to their English translations.

They are Mikhail and Gavriila – the names of two main archangels – messengers from God. They offer Nikita to have a drink with them – and vodka with the inscription “SPI” (which is an abbreviation of the exporter) makes a secret influence on the main hero. The signs of his social status start to change quickly. They are represented by such realia as *a half day-off* (“*otgul*”), and a working food bonus called *a grocery order* (“*zakaz*”), which mean that Nikita is already not a student, but a working man. He thinks of his wife and daughter. His looks (*a bald head*, then *wrinkled face*) change, he becomes older with every minute. Nikita does not want *to walk to the subway with the captain and talk about Yeltsin*, which means that the plot goes on in the 90-s. Finally the reflection of Nikita’s face in the train window disappears, and we can read two letters “DA” written *from the outside* of the window glass, which means that they should be read as “AD”, that is “hell”. The whole life of the hero flows and ends in one evening, and the philosophical themes of “life as a sleep”, “sleep as death” are intermingled here with the idea of life in the Soviet Russia as a passive, sleep-like state.

“BLENDING REALIA” AS A SPECIAL DEVICE

We can see that the device of “blending” is used in the story not only concerning some separate images or events, but in the very structure of the narrative, its time-flow and philosophical content. And in the sphere of the realia, the bizarre mixtures appear here and there in the text turning the process of reading into the intriguing play. For example, Nikita dreams of “*a business visit to Moscow by the Mongol Khan*”, where Soviet expression “*rabochij visit*” (a business visit) is united with the ancient image of Mongol Khan. Nikita’s friend speaks about the match between “*Spartak*” and “*Salavat Yulajev*” (Russian readers know that these are the names of hockey teams), and the hero understands that his friend is dreaming of something “*Romano-Pugachevian*”, mixing two historical epochs when Roman gladiator Spartak and Bashkir rebel Salavat Yulajev lived. Other mixture in the reference to an anecdote (about Dzerzhinsky’s revolver (“*mauser*”) and Dnepropetrovsk geysers (“*mazut*”) is based on the misuse of proper names and paronyms: “(on) stal govorit’ o mazute Dnepropetrovska vmesto mauzera Dzerzhinskogo”¹. One of the key images of the story is *seaweed* – one of the cheapest products available in Soviet shops. Nikita spends his time standing in the line for the seaweed, his parents have a special cupboard where they store the seaweed etc. – this grotesque shows the food shortage in the USSR.

THE GOALS OF COMMENTING ON THE REALIA

Comments on the explored realia and their functions in Pelevin’s text could be applied in different ways. First of all, providing the sources of the author’s allusions could help both foreigners who read Pelevin in the original and young Russian readers who wish to understand his post-modern strategies. Secondly, such comments could be

¹ The full text of the anecdote can be found in different versions, here is the variant from the book by A.K. Zholkovsky [Zholkovsky 2015], we present it in the English translation:

Two Soviet violinists went to an international contest. One of them got the second prize, and the other was only the 37th. The former was really upset, and the latter asked him:

– Why are you so sad? The second prize is nearly the same thing as the first prize!

– No, you don’t understand! If I had got the first prize, I would have had the chance to play the violin made by Stradivari!

– And what’s the buzz about it?

– Well, how can I explain? It is just like having the chance to shoot from Dzerzhinsky’s mauser!

used at the “pre-translation” stage in order to find most appropriate ways of interpreting realia in Pelevin’s texts. (A commentary to “Eugene Onegin” by Y.M. Lotman paradoxically comes to mind here, and this comparison would not seem odd: Andrey Bitov, a modern Russian writer, said at the meeting with Moscow students that he was not surprised when his American colleagues once called Alexander Pushkin “the first Russian post-modern writer”. As we know, Lotman’s commentary, referring to different kinds of realia in Pushkin’s novel, is used not only by contemporary Russian and foreign readers who wish to get thoroughly acquainted with the text of “Eugene Onegin”, but also by translators and scholars in Translation Studies).

Of course, the commentaries can be different, taking into the account the language skills and the acquaintance of the target readers with Russian history and Soviet culture. At present, there are several commented reader’s books on contemporary Russian prose that include Pelevin’s stories (“Nika” and “Zigmund in a café”), they provide the reader with comments on text composition, style, some grammar peculiarities, and realia, among others, though they do not use any classification of the realia, where each group, or class, would be given a special comment [Yatsenko 2006; Pelevin 2007 (Yudina, Kirichenko comp.)]. And up to now, there have been no supporting manuals for translators who would wish to interpret Pelevin’s texts into other languages. In order to prepare any of these two types of information materials (the reader’s book for foreigners or the manual for translators) the elaborating a taxonomy of the realia in Pelevin’s texts, based on classifications, offered by Russian and foreign scholars, is necessary.

THE CLASSIFICATION OF THE REALIA IN “SLEEP”

The problems of translating realia have been among the most acute in the Translation Studies, different opinions on the subject being discussed in the works by K.I. Chukovsky, E. Nida, G. Mounin, Y. Levyi, A.V. Fedorov, S. Vlachov, S. Florin and many more up to present times (V.S. Vinogradov, L.S. Barkhudarov, G. Toury, M. Baker, B. Hatim, J. Mason, B. Osimo, N.K. Garbovsky etc). The term “realia” denotes objects of culture that are relevant for a certain nation in the certain historic period, for example, clothes, dishes, measures, money, titles and ranks, national celebrities, famous artifacts and many more (see [Vlachov, Florin 1980]). Quite often this term is applied also to the words and expressions denoting realia, although the vast number of other terms have been offered the scholars (for example, exotisms [Suprun 1958], etnolexemes [Sheiman 1978], cultural lacunae, or gaps [Revzin, Rozentsveig 1964; Titkova 2007; Ruzhitskij 2015]). As far as the semantics of these elements is concerned, scholars consider them having “cultural references”, and this term is widely applicable, because it can be referred to the words that include a cultural component either as a seme or as a connotation. In the latter case this semantic component is “connected to the object in the native speakers’ mentality, though it is not obligatory for the use of the word denoting this object” [Apresyan 1995: 156].

One of the first classifications of the words and expressions with cultural references was offered in the work by E.M. Vereshchagin and V.G. Kostomarov “Language and Culture”, published in 1973, later it was applied to other languages [Tomakhin 1988]. It included the nominations of traditional household (*borsch*), the out-of-date realia (*lap-ti*), the folklore expressions (*dobry molodets*), sovietizms (word denoting Soviet realia, such as *kolkhoz*), the new realia (*zags* – as the abbreviation for the registry office), and the loanwords [Vereshchagin, Kostomarov 1990: 51]. Later this classification was corrected and extended for different purposes, for instance, for the purposes of translation [Vlachov, Florin 1980; Osimo 2004].

It is important to point out that the cultural connotations of the words denoting realia help us to localize the mentioned objects in the certain time and space, and this localization usually works as a supplementary device of creating time-references in a narrative (while the main device here is the use of dates and nominations of periods in time: years, weeks, hours etc). In Pelevin's "Sleep", as we could see, the time frame, constructed with the help of the realia, contradicts the explicitly postulated period of several months in Nikita's life and expands the temporal context of the narrative.

Working out the classification of the realia in "Sleep", we referred to the existing taxonomies and also took into the account the special textual functions of these elements, described above. The thorough study of the historical and cultural context of the realia required the reference to official documents, memoirs, encyclopedias, literary texts, and surveys among Russian adults, who grew up and lived in the Soviet epoch.

The realia in "Sleep" have been divided into several groups:

- Soviet realia (*zakaz, otgul, druzhinnik* etc);
- names of celebrities and historic events (*Lunacharsky, Dzerzhinsky, Yeltsin, Kurskaya bitva* etc);
- frames, or scenarios (for example, standing in the long queue to the grocery store¹, in Pelevin's text: "*medlennaja ochered' za morskoy kapustoj*" (a slow queue for the seaweed);
- metaphors and comparisons based on cultural references ("bananovo-limonovyj Singapur" (banana-lemon Singapore) – an expression referring to the bright and exotic life abroad, as it seemed for the people behind "the iron curtain");
- allusions to popular texts (anecdotes, films, songs etc).

The words and expressions from each group require a special kind of commentary, for example, the frame, as a stereotypical situation in progress [Demjanenko 1981], should be described as a sequence of iterated procedures performed by some agents in special circumstances. The allusions to popular texts (the term "precedentnyj text" is used here in Russian [Sorokin 1985]) need the reference to the source, the explanation of the way the allusion was made and sometimes even a quote from the text.

Each commentary should refer to the function of the realia in Pelevin's narrative. We showed some of these functions above, presenting the concepts, names, texts and events that are used for creating certain time-references in the plot of "Sleep" (a lecture in "*emel philosophy*", Afghan "*dukhi*", anecdotes concerning the Karabakh conflict, "*the short ballet dresses made of feathers*" ("*the Swan Lake*"), *zakaz, otgul, Yeltsin* etc). These functions also deserve special attention of future translators of Pelevin's prose.

UNDERSTANDING THE REALIA IN TRANSLATION:

THE RESULTS OF THE SURVEY AMONG AMERICAN READERS OF "SLEEP"

The English translation of "SPI", or "Sleep", made by Andrew Bromfield offers many excellent inventions, such as "chances of "Spartak" and "Salavat Yulajev" in soccer", or "SLEEP" as the abbreviation of the Special Limited Extra Export Product. Inserting paraphrase nominations, Bromfield explains some details of the Soviet life: «*He could see a sign, "GLORY TO SOVIET MAN"»* ("*stala vidna slava sovetскому cheloveku na kryshe vysokogo doma*"). But such devices as transcription and transliteration (*borscht, Zil, Desinsectal*) did not work well here.

¹ This scenario has been thoroughly described in the article about "the discourse of the queue" [Vereshchagin 1996: 15–26].

This was shown by the results of the survey which Valeria Skvortsova made among American students, who had read Bromfield's translation. The survey was carried out among the American students (20–23 years old). 87% of the respondents study Russian, but they have read the story in the English translation, not being acquainted with Soviet realia. 25% of the respondents have been to Russia (already in XXI century).

The respondents said that “the language did not make sense” to them in many cases of transliterations. Here is one of the comments:

*On page 71, Nikita recommends **Desinsectal** to the old man who sees bed bugs. Desinsectal is not something I've ever heard of.*

The method of literal translation was also unsuccessful:

*There are some places where the language did not make sense to me. Nikita passes a “anti-tank gun and tobacco shop” on page 69. I was confused by the phrase “**anti-tank gun.**”*

Some interpreted passages of Pelevin's story led American readers astray. For example, the phrase of a major about “*dukhi*” was translated as “*We've taught the spirits, and the spirits have taught us*”. The whole scene lost its temporal location and besides mystic connotation got some connection to alcohol. The name of the TV show “*Nash sad*” has been interpreted literally as “*Our garden*”, and Nikita's thoughts about “*the inventor of a popular sexual perversity*” (Marquis de Sade) seemed to come out of the blue for English-speaking readers. The Russian word “*DA*” in the final scene has been translated as “*YES*”, which can not be read vice versa and has no connection with the arising infernal theme.

As a result, the American readers' apprehension of the story turned out to be rather different. They focused their attention only on the twisted mind of the main hero “swinging” between the sleep and the reality:

*Some points where he was alternating between the dream and his life stood out as somewhat **confusing**.*

*I really enjoyed the beginning but **had trouble following** the rest once all the dreams got **mixed up** until the very last page.*

*The difficulties I had in understanding stemmed primarily from the **confusing dream sequences**.*

The second reason explaining many strange mixtures and bizarre objects mentioned in the story has been found in the state of intoxication, provoked by “spirits” and “export vodka”:

*So perhaps throughout the story **he's been intoxicated?***

*It could mean **they're drunk** (spirits = alcohol in some contexts) so much so that they no longer fear death.*

The readers noticed Nikita's changing looks in the final, but did not interpret his disappearance as a possible “metaphysical” death. One of the readers noticed that the name of the hero had changed, and interpreted this fact (which is just a translation mistake or misprint) as a social sign:

He surely gets older; he's no longer a student and also his name goes from Nikita to Nikolai.

One of the respondent's answers can be used as a summary of these reading misfortunes:

I really enjoyed reading the story. There were some things that didn't really make sense to me because they were cultural references. The references to “Dnepropetrovsk

geysers instead of Dzerzhinsky's mauser", a Romano-Pugachevian dream, the television show "Traveler's Club," the archimandrite Julian, Alsatians, and the reference to the German Parmenych all went over my head. I was also wondering about all of the seaweed. What is a seaweed sandwich? It sounds really weird in English.

On the other hand, some details, noticed by the respondents, explicated A. Bromfield's skilful interpretations of some realia. For example, the readers pointed out that the constellation Ursa Major, mentioned at the end of the story, is normally called "the Big Dipper" and not "the Great Bear", but noting the fact that the expression "the Great Bear" is also widespread, we can suppose that the translator chose his variant ("the dipper shape of the Great Bear") to save the original allusions, which concern Soviet Russia ("*sovok Bol'shoj Medveditsy*").

Working on the material, we offered several solutions for the issues mentioned above. For example, the name of the TV show "*Our garden*" could be translated in the form of a slogan "*Don't be sad – make the flowerbed*", which could be used to evoke allusions with the "the inventor of a popular sexual perversity". And for the interpretation for the word "*DA*" ("yes") being also read as "*AD*" ("hell") we could offer "*an inscription 'HELLO' with erased letter 'o'*".

CONCLUSIONS

Exploring the realia in Pelevin's prose and commenting on their usage (as it has been shown on the example of "SPI") lets us reveal and show the special 'blending' device used by the author to create the images in the narrative based on many cultural references. Also it becomes possible to describe the crucial role performed by these realia in marking the contradictory time-flow of the text. These findings can help post-Soviet young readers get acknowledged with Pelevin's literary strategies; they can also be used by foreigners who wish to read Pelevin in the original; and finally, they can be concerned by future translators wishing to get closer to the author's exclusive manner.

REFERENCES

Antonov A. VNUJAZ ["vnutrennij jazyk"] in the Works of Pelevin. *Grany*. 1995. No 28, pp. 125–148.

Apresyan Y.D. The Connotations as a Part of the Pragmatists of the Word (the lexicographical aspect). In: Apresyan Y.D. Selected Works Vol. 2. Moscow, 1995. – 767 p.

Babenko L.G. (2004) Philological Analysis of Text. Fundamentals of the Theory, Principles and Aspects of the Analysis. Moscow, Ekaterinburg. 464 p.

Baker M. (2001) In Other Words. London, New York. 306 p.

Barkhudarov L.S. (1975) Language and Translation. Moscow. 240 p.

Demjanenko V.Z. The Pragmatic Bases of the Interpretation of Sayings. *Izvestia AN SSSR, Ser. Literaturny i Yazyka*. 1981. Vol. 40. No 4, pp. 368–377.

Fedorov A.V. (1983) The Fundamentals of General Theory of Translation. Moscow. 303 p.

Garbovskij N.K. (2004) The Theory of Translation. Moscow. 544 p.

Genis A. (1999) Pelevin's Fenomenon. pelevin.nov.ru/stati/o-gen1/1.html

Hatim B., Mason J. (1997) The Translator as Communicator. London, New York. 218 p.

Jacenko I.I. (2006) "Non-Traditional" Russian Prose of the Late Twentieth Century. Reader's Book for International Students. 2nd ed. St.-Peterburg. 168 p.

- Lipovetskii M. The Blue Salo of Generation, or Two Myths about a Crisis. *\ pco {c*. 1999. No 11. magazines.russ.ru/znamia/1999/11/lipovec.html
- Markova T. “Special Language” of V. Pelevin’s Prose. *Tvumnc {c Tgej*. 2005. No 1, pp. 46–51.
- Nida E. (1964) *Toward a Science of Translation. With Special Reference to Principles and Procedures involved in Bible Translating*. Leiden. 332 p.
- Osimo B. (2004) *Manuale del traduttore*. Seconda edizione. Hoepli. 645 p.
- Palchik Y.V. (2003) *Interaction of Epic Genres in Victor Pelevin’s Prose*. Thesis (PhD). Samara. 181 p.
- Paulsen M. Criticizing Pelevin’s Language: The Language Question in the Reception of Viktor Pelevin’s Novel *I gpgt c vkap 'õ Rö*. In: *Landslide of the Norm. Language Culture in Post-Soviet Russia*. Bergen. 2006, pp. 143–158.
- Pelevin V. (2003) *A Werewolf Problem in Central Russia and Other Stories / Translated by A. Bromfeld*. New York. 216 p.
- Pelevin V. (2007) *Nika / Eds. G. Yudina, S. Kirichenko*. St.-Peterburg. 56 p.
- Pelevin V. (1991) *Sinij fonar’ (The Blue Lantern)*. Moscow. 316 p.
- Repina M. (2004) *The Works of V. Pelevin in the 90s of the Twentieth Century in the Context of Russian Literary Postmodernism*. Thesis (PhD). Moscow. 199 p.
- Revzin I.I., Rozencveig V.Y. (1964) *The Basics of General and Machine Translation*. Moscow. 244 p.
- Ruzhickij I.V. (2015) *Dostoevsky’s Language: Idioglossary, Thesaurus, Eidos*. Moscow. 543 p.
- Sheiman L.A. Registering of Ethno-Cultural Vocabulary in Courses of Russian Language for Non-Russian Students. *Tvumnc {c / { mlx 'Pcekqpcrpql 'Uj nqrg*. 1978. No 5, pp. 69–78.
- Skvortsova V. The Cultural Connotation Vocabulary and Its Function in the Creation of the Effect of Time Movement in V. Pelevin’s “SPI”. In: *Materials of Science Forum “Lomonosov 2012”*. Moscow . 2012 (http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2012/structure_27_1908.htm).
- Sorokin Y.A. (1985) *Psycholinguistic Aspects Studying of the Text*. Moscow. 168 p.
- Suprun A.E. Exotic Vocabulary. *Rj kqmqi kecn Uekpegu Uekpvkhe 'Guac {u'qlh'J ki j gt 'Gf wec / vkap*. 1958. No 2, pp. 50–54.
- Titkova S.I. Language Gap in the Practice of Teaching Russian as Foreign (from the Experience of Teaching Russian Language English-Speaking Students). *Tvumncp 'Ncpi wci g' Cdt qcf 0* 2007. No 3, pp. 39–50.
- Tomakhin G.D. (1988) *The Realia-Americanisms. School-Book for Regional Geography* . Moscow. 239 p.
- Urzha A. The “Conflicting” Means of Verbalizing the Time-Movement in the Text: V. Pelevin’s “SPI”. In: *International Scientific Conference “IV Novikovskiy Proceedings: Functional Semantics and Semiotics of Sign Systems”*, RUDN University. Moscow. 2009, pp. 71–574.
- Vereshchagin E.M. About Lingua-Regional Geographic Archaeology. In: *Language, Poetics, Translation. Collection of Scientific Works*. Issue 426. Moscow. 1996, pp. 15–26.
- Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. (1990) *Language and Culture: Linguistic Teaching RFL*. 4th ed. Moscow. 246 p.
- Vinogradov V.S. (1978) *Lexical Problems of Translating Fiction*. Moscow. 173 p.
- Vlahov S., Florin S. (1980) *Untranslatable in Translation*. Moscow. 343 p.

Zarubina D.M. (2007) *Universalis in the Novels of V. Pelevin*. Thesis (PhD). Ivanovo. 205 p.

Zholkovskij A.K. (2015) *Vain Perfections and Other Vignettes*. Moscow. 544 p.

ЛИТЕРАТУРА

Антонов"АОВНУЯЗ ["внутренний язык"] в творчестве Пелевина // Грани. 1995. № 28. С. 125–148.

Апресян"ЮОДЮКоннотации как часть прагматики слова (лексикографический аспект) // *Апресян Ю.Д.* Избр. труды. Т. 2. М., 1995. 767 с.

Бабенко"ЛГОФилологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа. М., Екатеринбург, 2004. 464 с.

Бархударов Л.С. Язык и перевод. М., 1975. – 240 с.

Верещагин"ЕМОИз лингвострановедческой археологии // Язык, поэтика, перевод. Сборник научных трудов. Вып. 426. М., 1996. С. 15–26.

Верещагин"ЕМО"Костомаров"ВГОЯзык и культура: Лингвострановедение в преподавании РКИ. 4-е изд. М., 1990. 246 с.

Виноградов"ВСОЛексические вопросы перевода художественной прозы. М., 1978. 173 с.

Влахов"СО"Флорин"СОНепереводимое в переводе. М., 1980. 343 с.

Гарбовский"НКОТеория перевода. М., 2004. 544 с.

Демьяненко"ВВОПрагматические основы интерпретации высказывания // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40. № 4. С. 368–377.

Жолковский"АКОНапрасные совершенства и другие виньетки. М., 2015. 544 с.

Зарубина"ДМОУниверсалии в романном творчестве В. Пелевина: Дисс. ... канд. филол. наук. Иваново, 2007. 205 с.

Маркова"ТНО«Особый язык» прозы В. Пелевина // Русская речь. 2005. № 1. С. 46–51.

Пальчик"ЮВОВзаимодействие эпических жанров в прозе Виктора Пелевина. Дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 2003. 181 с.

Пелевин"ВОНика / Сост. Г. Юдина, С. Кириченко. СПб., 2007. 56 с. (Серия «Библиотека Златоуста»)

Пелевин"ВОСиний фонарь. М., 1991. 316 с.

Ревзин"ИИЮ"Розенцвейг"ВЮООсновы общего и машинного перевода. М.: Высшая школа, 1964. 244 с.

Ретина"МВОТворчество В. Пелевина 90-х годов XX века в контексте русского литературного постмодернизма. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2004. 199 с.

Ружицкий"ИВОВЯзык Достоевского: идиоглоссарий, тезаурус, эйдос. М., 2015. 543с.

Сворцова"ВВОКультурно-коннотированная лексика и ее роль в реализации движения художественного времени в рассказе В. Пелевина «СПИ» // Материалы Международного научного форума «Ломоносов-2012». М., 2012 (http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2012/structure_27_1908.htm).

Сорокин"ЮОЮПсихолингвистические аспекты изучения текста. М., 1985. 168 с.

Супрун"АЕОЭкзотическая лексика // Научные доклады высшей школы: Филологические науки. 1958. № 2. С. 50–54.

Титкова"СЮЮЯзыковая лакуна в практике преподавания РКИ (из опыта обучения русского языка англоговорящих учащихся) // Русский язык за рубежом : Учебно-методический журнал МАПРЯЛ. 2007. № 3. С. 39–50.

Томахин"ТЮЮРеалии-американизмы: Пособие по страноведению. М., 1988. 239 с.

Уржа"АВЮ«Конфликт» средств вербализации движения художественного времени в тексте: рассказ «СПИ» В. Пелевина // Функциональная семантика языка, семиотика знаковых систем и методы их изучения. II Новиковские чтения, РУДН. М., 2009. С. 571–574.

Фёдоров"АВЮОсновы общей теории перевода. М., 1983. 303 с.

Шейман"ЛЮЮОб учете этнокультуроведческой лексики в русскоязычных курсах для нерусских учащихся // Русский язык в национальной школе. 1978, № 5. С. 69–78.

Яценко"ИЮЮРусская «нетрадиционная» проза конца XX века: Пособие для иностранных учащихся. 2-е изд. СПб.: «Златоуст», 2006. 168 с.

Дснгт"ЮЮIn Other Words. London and New York, 2001. 306 p.

Ј сѣю "ДЮЮО сѣюп"ЛЮЮThe Translator as Communicator. London and New York, 1997. 218 p.

Рѣ с"ЮЮToward a Science of Translation . With Special Reference to Principles and Procedures Involved in Bible Translating. Leiden, 1964. 332 p.

Ююю ю"ДЮЮManuale del Traduttore. Seconda Edizione. Hoepli, 2004. 645 p.

Рсѣюп"ЮЮЮCriticizing Pelevin's Language: The Language Question in the Reception of Viktor Pelevin's Novel *I gpgt cѣюп"бРö* // Landslide of the Norm. Language Culture in Post-Soviet Russia. Bergen, 2006. P. 143–158.

Ргрѣюп"ЮЮА Werewolf Problem in Central Russia and Other Stories /Translated by A. Bromfeld. New York, 2003. 216 p.

Сведения об авторах:

Анастасия Викторовна Уржа,
канд. филол. наук
доцент
кафедра русского языка
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Валерия Витальевна Скворцова,
преподаватель русского языка как иностранного
кафедра немецкого и русского языков
Макалестер колледж (США)

Anastasia V. Urzha
PhD
Associate Professor
Russian Language Department
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
English2@yandex.ru

Valeriia V. Skvortsova,
Lab. Instructor (Russian as a Foreign Language)
Department of German and Russian Studies
Macalester College (USA)
skv.val@mail.ru

Епецифика и перспективы развития функциональной стилистики в отечественной и зарубежной лингвистике

Аннотация: В статье рассматривается специфика развития и основные тенденции функциональной стилистики в отечественной и зарубежной лингвистике. Хронологические рамки исследования охватывают 1929–2015 гг. Особое внимание уделяется переходу от структурно-функциональной стилистики к коммуникативной стилистике и прагматике, что находит свое выражение во взаимодействии методологических принципов функционализма, структурализма и антропоцентризма в лингвистике.

Ключевые слова: функциональная стилистика, структурализм, коммуникативная стилистика, прагматика

Summary: The article concerns the specific development and main trends of functional stylistics of Russian and foreign linguistics. The chronological frameworks of investigation embrace the period of 1929–2015. Special focus is made on the shift from structural-functional stylistics to communicative stylistics and pragmatics that reveals itself in the interaction of methodological principles of functionalism, structuralism and anthropocentrism in linguistics.

Keywords: functional stylistics, structuralism, communicative stylistics, pragmatics

Согласно Н.И. Клушиной, функциональная стилистика идеально описала литературный язык, создала нормы стилей и стала классической университетской дисциплиной [Клушина 2015: 45]. Сегодня, однако, традиционная система функциональных стилей подвергается перестройке, изменяются сами стили и отношения между ними. Как отмечает С. Гайда, «место стабильной стилевой системы с четкими внутренними границами все больше занимает динамичное дискурсивное пространство [Гайда 2015: 18].

На протяжении XX в. развитие функциональной стилистики происходило сначала в русле функционального структурализма Пражской лингвистической школы, идеи и положения которой нашли свое продолжение в отечественной лингвистике первой половины XX в., а затем привели к развитию коммуникативно-прагматического направления стилистики начала XXI в.

Необходимо подчеркнуть, что отличительной чертой языкознания в течение всего XIX в., а также в начале XX в. был его исторический / диахронный характер.

С точки зрения Г.О. Винокура, понятие «системы» Ф. де Соссюра подтолкнуло лингвистику к исследованию внутренней организации языка: «...лингвистика де Соссюра ищет не связь лишь между отдельными этапами развития какого-либо изолированного факта, а связи между различными фактами целой языковой системы» [Винокур 1929: 31]. Вслед за Ф. де Соссюром лингвисты осознают необходимость синхронного изучения и описания актуальной языковой действительности и анализа языка в системе его собственных формальных элементов.

По мнению Э. Бенвениста, вместо того чтобы рассматривать каждый элемент сам по себе и искать его «причину» в более ранней стадии, язык начали рассматривать как часть синхронного целого: атомизм уступил место структурализму [Бенвенист 1974: 24]. Именно в русле структурализма развивается Пражская лингвистическая школа, или Школа функциональной лингвистики. Представители Пражской школы придерживаются двух методологических принципов: структурного и функционального. Они рассматривают речевую деятельность как продукт целенаправленного человеческого взаимодействия, а язык как «систему средств выражения, служащей какой-то определенной цели». Признавая социальную природу языка, прагматики исследуют проблему соотношения языка и внеязыковой действительности, без которой «он не имеет ни смысла, ни права на существование» [Трнка 1965: 155].

Центральным понятием функциональной лингвистики является понятие функции, которую представители Пражской школы рассматривают как задачу, целевую установку. Вл. Скаличка пишет: «В понимании пражских лингвистов термин «функция» употребляется тогда, когда речь идет о значении (функции слова, предложения) или о структуре смысловых единиц (функция фонемы)», т. е. термин «функция» употребляется, когда речь идет о значении того или иного элемента в системе знаков» [Скаличка 1965: 152].

Согласно Бенвенисту в рамках структурализма функционирование языка понимается как прямая реализация языковой системы. Системный подход к изучению языка и его функций оказал влияние и на отечественную лингвистику.

Основное направление отечественных стилистических исследований определили работы В.В. Виноградова, его стилистики языка, стилистики речи и стилистики художественной литературы, а также дифференциация функциональных стилей на основе разработанной им системы функций языка (общение, сообщение и воздействие) [Виноградов 1963: 6]. Исследование стилей в первой половине XX в. было связано с изучением и описанием специфических стилистических черт.

Однако постепенно стало очевидно, что одного перечня признаков для выявления специфики функциональных стилей совершенно недостаточно. Необходимо было описать особенности функционирования этих стилей, соотнести стилеобразующие факторы и языковые средства с экстралингвистической основой стиля [Одинцов 2007: 14]. Другими словами, недостаточно рассматривать язык с точки зрения его структурно-системной организации – требуется более глубокое его изучение не только на уровне системы языковых единиц.

Именно в связи с общей переориентацией лингвистических исследований от изучения структуры языка к изучению его функционирования М.Н. Кожина рассматривает возрастающий интерес к прагматическому исследованию языка как закономерный процесс в развитии языкознания.

При этом под функционированием языка понимаются не функциональные возможности его единиц в пределах самой языковой системы (имманентный аспект),

а функционирование языка в целом как социального явления, т. е. закономерности использования его в реальных актах языковой коммуникации.

Таким образом, можно говорить о переориентации исследований: от системно-структурного подхода в изучении языка к коммуникативному. По мнению Н.И. Клушиной, коммуникативная стилистика как новое научное направление развивает достижения традиционной функциональной стилистики и представляет собой «новую систему стилистических координат», в рамках которой текст рассматривается как целенаправленное социальное действие [Клушина 2008: 44].

В этом контексте хотелось бы отметить, что многие отечественные и зарубежные лингвисты уделяют большое внимание проблеме типологизации текстов. В немецкой стилистике под типом текста (Textsorte) понимают класс текстов, характеризующихся определенным набором лингвистических и экстралингвистических признаков [Чаплина 2009: 135]. С позиций функциональной стилистики типы текстов выделяются в соответствии с функциональными стилями языка, так как «язык в различных коммуникативных сферах и ситуациях используется дифференцированным и специфическим образом» (цит. по: [Чаплина 2009: 136]). Однако в начале XXI в. приходится констатировать, что для совершенной типологии текстов, к которой стремится современная лингвистика текста, необходим новый подход к понятию «тип текста» и поиск новых критериев типологизации.

При коммуникативном подходе основным понятием становится не стиль, а дискурс. Текст, включенный в коммуникативную ситуацию, является составной частью дискурса и рассматривается как речевое произведение, направленное от адресанта к адресату для реализации заданной интенции. Обращение к авторским интенциям и изменение подхода к языку и его функциям знаменуют превращение функциональной стилистики в стилистику дискурсивную, взаимодействующую с дискурсивной лингвопрагматикой.

Прагматика позволяет лингвисту взглянуть на языковые высказывания с позиции речи, выделяя действия или акты, реализующиеся в потоке речи: сообщения, вопросы, обещания, просьбы и т. п. С позиций прагматической стилистики, которая получает особое развитие в работах современных немецких исследователей Уллы Фикс, Ханнелоры Пете, Габриэлы Йос (Fix U., Poethe H., Yos G.), стиль содержит и передает два типа информации: первичную и вторичную. Первичная информация – это то, что автор хочет передать реципиенту. Данный тип информации преобразуется под влиянием стиля, так как стиль представляет собой определенный способ и образ выражения содержания. Вторичная информация – это информация дополнительная или прагматическая, связанная с условиями и участниками акта коммуникации. Она находит свое выражение в стиле, основываясь на отношениях, складывающихся в процессе реализации схемы: адресант – код – адресат [Fix, Poethe, Yos 2001: 27].

Данные отношения носят социальный характер. Таким образом, любое высказывание содержит информацию, в основе которой лежит определенная коммуникативная ситуация, когда автор передает реципиенту:

- 1) основную, первичную информацию;
- 2) информацию о личности автора;
- 3) информацию о характере социальных отношений между автором и реципиентом и
- 4) информацию об отношении автора к собственно языку [Fix, Poethe, Yos 2001: 27].

Сегодня встает вопрос о соотношении функциональной, коммуникативной и прагматической стилистик с позиций современной лингвистической парадигмы,

ставящей в центр внимания человека как субъекта речи. Главное различие между ними Л.Р. Безуглая предлагает рассматривать в соотношении методологических принципов функционализма, структурализма и антропоцентризма в лингвистике. Под функционализмом понимается функционально-коммуникативная лингвистика, сущность которой заключается в идее функционирования языка в процессе коммуникации, в то время как структурализм, в основе которого заложено системно-структурное понимание языка, представляет собой воплощение лингвоцентрического методологического принципа, состоящего в изучении языковых единиц разных уровней в отвлечении от говорящего субъекта как данности.

Лингвоцентризму в языкознании противопоставляется антропоцентризм – методологический принцип, обращенный к человеку, использующему язык для достижения различных коммуникативных целей в речевой деятельности. Л.Р. Безуглая приходит к выводу, что функционализм можно рассматривать в качестве логического развития структурализма, промежуточного звена между лингвоцентрическим структурализмом и антропоцентризмом.

Данное положение не только отражает специфику развития функциональной стилистики, но и характеризует развитие лингвистической мысли в XX в.: переориентацию подходов к языку и его функциям, к соотношению его с речью, к трактовке процесса коммуникации и функционирования языка.

Что касается перспектив развития функциональной стилистики, то вместе с этим новым подходом активно развиваются также другие направления и дисциплины, в том числе находящиеся на пересечении лингвистики, когнитивистики, социологии и культурологии.

Стилистика, как и язык, становится объектом междисциплинарного исследования. Это ставит перед стилистикой много новых исследовательских задач, для решения которых была образована Стилистическая комиссия Международного комитета славистов, объединяющая ведущих ученых в области стилистики и координирующая деятельность национальных стилистических научных школ разных стран. С момента создания Стилистической комиссии в 2013 г. значимыми темами, которые обсуждались на конференциях и в изданных книгах, стали: стиль и дискурс, стиль и культура, национальный стиль, медиастиль. "Интернет-стилистика, медиастилистика.

Для научной дискуссии на XVI Международном съезде славистов, который пройдет в Белграде в 2018 г., была предложена тема «Медиакультура и стиль». Целью своей деятельности Стилистическая комиссия видит международное сотрудничество ученых-стилистов и развитие стилистики языков. Классическая теория стилистики (функциональная стилистика) требует дальнейшего осмысления в условиях новых парадигм гуманитарного знания и разработки новых гносеологических концепций.

ЛИТЕРАТУРА

Безуглая Л.Р. Функционализм в лингвистике // Актуальные проблемы стилистики. 2015. № 1. С. 79–86.

Бенвенист Э. Взгляд на развитие лингвистики // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М: Прогресс, 1974. С. 21–32.

Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963. С. 5–93.

Винокур Т.В. Культура языка. М., 1929. 336 с.

Гайда"СО Актуальные задачи стилистики" // Актуальные проблемы стилистики. 2015. № 1. С. 11–21.

Клушина"НЮЮ Публицистический текст в новой системе стилистических координат // Русская речь. 2008. № 5. С. 43–46.

Клушина"НЮЮ Коммуникативная стилистика публицистического текста // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / Под ред. М.Н. Володиной. М: Академический проект, 2011. С. 144–154.

Клушина"НЮЮ Современная стилистика: проблемы и перспективы // Актуальные проблемы стилистики. 2015. № 1. С. 44–47.

Кожина"МНО Речеведение. Теория функциональной стилистики: избранные труды. М: Флинта, 2014. С. 13–98.

Одинцов"ВВО Стилистика текста. М: URSS, 2007. 264 с.

Скаличка"ВОКопенгагенский структурализм и «Пражская школа» // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях / Отв. ред. В. А. Звегинцев. Ч. II. 3-е изд., доп. М., 1965. С. 147–155.

Трнка"БОК дискуссии по вопросам структурализма // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях / Отв. ред. В.А. Звегинцев. Ч. II. 3-е изд., доп. М., 1965. С. 155–166.

Тезисы Пражского лингвистического кружка // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях / Отв. ред. В. А. Звегинцев. Ч. II. 3-е изд., доп. М., 1965. С. 123–140.

Чаплина"СОО Понятие «тип текста»: принципы дефинирования и проблемы классификации // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 11. С. 134–138.

Икз"WO'Rqgij g'J O'I qu'I O Textlinguistik und Stilistik für Einsteiger . Leipzig: Peter Lang, 2001. 237 S.

TGHGTPEGU

Bezuglaja L.R. Funktionalism in Linguistics. *Cewcn'Rtqdrigo u'qh'Uf'rkaukeu*. 2015. No 1, pp. 79–86.

Benveniste E. Look at the Development of Linguistics. In: Benveniste E. Problems in General Linguistics. Moscow. Progress Publ. 1974, pp. 21–32.

Vinogradov V.V. (1963) Stylistics. The Theory of Poetic Speech. Poetics. Moscow, pp. 5–93.

Vinokur G.V. (1929) Culture of Language. Moscow. 336 p.

Gajda S. Current Tasks for Stylistics. *Cewcn'Rtqdrigo u'qh'Uf'rkaukeu* 2015. No 1, pp. 11–21.

Klushina N.I. Journalistic Texts in the New System of Stylistics Coordinates. *Труды "Урггеј"*. 2008. No 5, pp. 43–46.

Klushina N.I. "Communicative Style of the Media Text. In: Language and Discourse of the Media in the 21st century / M.N. Volodina (Ed.). Moscow. Academic Project Publ. 2011, pp. 144–154.

Klushina N.I. Contemporary Stylistics: the Problems and Perspectives. *Cewcn'Rtqdrigo u'qh'Uf'rkaukeu*. 2015. No 1, pp. 44–47.

Kozhina M.N. (2014) Speech Studies. The Theory of Functional Stylistics: Selected Works. Moscow: Flinta Publ., pp. 13–98.

Odintsov V.V. (2007) Stylistics of a Text. Moscow: URSS Publ. 264 p.

Skalichka V. Copenhagen Structuralism and "Prague school". In: History of Linguistics of the XIX–XX centuries in Essays and Extracts / V.A. Zvegintsev (Ed.). Part II. 3rd ed. Moscow. 1965, pp. 147–155.

Trnka B.K. To the Discussion on Structuralism. In: History of Linguistics of the XIX–XX centuries in Essays and Extracts / V.A. Zvegintsev (Ed.). Part II. 3rd ed. Moscow. 1965, pp. 155–166.

Theses of the Prague Linguistic Circle. In: History of Linguistics of the XIX–XX centuries in Essays and Extracts / V.A. Zvegintsev (Ed.). Part II. 3rd ed. Moscow. 1965, pp. 123 – 140.

Chaplina S.S. (2009) The Concept of “text type”: Principles of Definition and Classification Problems. *Дмитрий Цырендашиев* 2009. No 11, pp. 134–138.

Сведения об авторе:
Долгорма Цырендашиевна Доржиева,
аспирант
кафедры немецкого языкознания
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Dolgorma Ts. Dorzhieva,
Postgraduate Student
Department of German Linguistics
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
dorzhievadolgor@gmail.com

Полусонеты 'полуамериканца' *септеты'в'строфическом'репертуаре'Г.В.Голохвастова+

Аннотация: в статье рассматривается жанрово-строфический потенциал полусонетов Г.В. Голохвастова – поэта-эмигранта, в силу исторических катаклизмов начала XX в. оказавшегося в Нью-Йорке. На материале творчества Г.В. Голохвастова исследуются формальные и содержательные особенности полусонета, а также возможные отклонения и поэтические эксперименты, призванные разнообразить канон и проверить его на «прочность». Прослеживается генезис и развитие жанровой формы: от единичных поэтических опытов до жанрово-строфических единств (двойчаток, сюит, венков полусонетов).

Ключевые слова: Г.В. Голохвастов, русские «американцы», первая волна эмиграции, полусонет, сюита, венки полусонетов, строфика, жанр, жанровый потенциал

Abstract. This article examines the genre-strophic potential of G.V. Golohvastov's septets – an emigrant poet, who went to New York due to historical cataclysms in the beginning of XX century. His creative art gives live to researches of formal and substantive septet aspects, possible deviations and poetic experiments, intended to vary the canon and to challenge it. The genesis and a genre form development are visible in this article: from single poetic experiments to genre-strophic unity (twin kernel, suite, septet sequence).

Keywords. G.V. Golohvastov, russian «americans», first emigration wave, septet, suite, septet sequence, strofika, genre, genre potential

Литературная жизнь русской Америки первой трети XX в. – одна из самых интересных, загадочных и, вместе с тем, неисследованных тем в истории русского рассеяния. Поэты, в силу революционных катаклизмов 1917 г. оказавшиеся в США, сумели создать там не просто самобытную и плодотворную поэтическую школу, но настоящий славянский микромир за океаном, остров русской культуры, органично существовавший в отрыве от метрополии. К сожалению, на сегодняшний день мы не имеем ни одного крупного монографического исследования, посвященного творчеству Голохвастова или кому-либо из его менее знаменитых товарищей.

Датой начала литературной жизни русской эмиграции первой волны в США следует считать 1925 г. – год выхода поэтического сборника с ностальгическим

названием «Из Америки», в который вошли произведения четырех поэтов: Г.В. Голохвастова, Е.А. Христиани, Д.А. Магулы и В.С. Ильяшенко. При различии творческих индивидуальностей авторов (людей разного возраста, социального статуса, жизненного опыта) в их творчестве можно найти немало общих черт, без которых поэтический сборник распался бы на ряд разрозненных стихотворений, напечатанных под одной обложкой. Основной среди них А.И. Назаров (автор предисловия к сборнику) был склонен считать «несовременность и приверженность к традициям, в которых не исчерпаны и неисчерпаемы возможности неповторяемого творчества»¹. Мы добавим, что с этой «несовременностью» органично сосуществовали аполитичность и тотальное умолчание о «злободневных» темах, религиозно-мистическая образность, характерная для русского символизма, и стойкий интерес к твердым стихотворным формам: сонетам, триолетам, терцинам, вилланелам, испанским децимам и проч.

Уже в первом поэтическом сборнике группы ярко проявляется их увлечение полусонетами – особой, характерной и регулярной, вероятно, только в творчестве русских «американцев», стихотворной формой. Так, по утверждению М.Л. Гаспарова в мировой поэзии «строфа из семи стихов канонической формы не получила. В 15–16 вв. во франц. поэзии чаще всего употреблялись строфы с рифмовкой ААВСВСВ и ААВСВВС, в английской – чосерова строфа АВАВВСС. Семистишные строфы, возникавшие в практике более поздних поэтов (“Коринфская невеста” И.В. Гёте, “Бородино” М.Ю. Лермонтова), обычно септетами не называются»². О.И. Федотов также замечает: «Во второй половине XIX века оригинальные стихотворения, написанные семистишиями, практически не встречаются»³, – но находит их в творчестве склонных к строфическим экспериментам символистов (особенно часто – у Федора Сологуба). Впрочем, это именно эксперименты, имеющие статус стихотворной игры, а не твердой жанрово-строфической формы. Полусонет же в своем каноническом виде, вероятно, и рождение, и смерть обрел именно в творчестве русских «американцев».

Создателем новой стихотворной формы считается В.С. Ильяшенко, но полнее всего жанрово-строфический потенциал полусонета был реализован в творчестве Г.В. Голохвастова. Уже первая стихотворная подборка, опубликованная им в сборнике «Из Америки» (1925), на 46% (27 из 59) состояла из полусонетов. Для сравнения: Е.А. Христиани использовала эту форму единожды (всего 33 стихотворения), Д.А. Магула – четыре раза (42), а ее создатель – В.С. Ильяшенко – восемь раз, объединив стихотворения в венок полусонетов (43).

Какой же была стихотворная форма, пленившая одного из ярчайших поэтов русской Америки? Полусонет представлял собой твердое жанрово-строфическое единство, ориентированное на традиции и синергетический потенциал генетически родственного ему сонета. Архитектоническая структура классического сонета была сокращена ровно вдвое, что и дало основание для номинации нового стихотворного квазижанра – «полу»-сонет. С точки зрения графического членения он представляет собой сочетание двух субстроф: катрена с охватной рифмовкой и «итальянского» терцета. Архитектонический раздел традиционно совпадал с син-

¹ Назаров *АИИО* Вступительная статья // Христиани Е.А., Голохвастов Г.В., Магула Д.А., Ильяшенко В.С. Из Америки. Нью-Йорк, 1925. С. 12.

² Гаспаров *МОЛЮ* Септима // Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. Т. 6. М., 1962. С. 770.

³ Федотов *ОИИО* От средневековой септимы к полусонету (интертекстуальные метаморфозы). Ставрополь, 2013. С. 186.

таксическим, но строфы не отделялись друг от друга окончательно. Их связывало не только единство развиваемой в стихотворении темы, но и сквозная рифма, присутствующая как в катрене, так и в терцете (АВВА САС). Среди всех возможных моделей рифменных сочетаний полусонета регулярным в творчестве «американцев» стал один – AbbA cAc. В подборке Голохвастова он встречается 20 раз (более 70% случаев!). Для сравнения приведем процентные соотношения других моделей, использованных автором в сборнике «Из Америки»: aBbA CaC (11,1%), AbbA bAb (11,1%), aBa BccB (3,7%), aBbA BaB (3,7%). Из приведенной статистики видно, что именно модель AbbA cAc считалась Голохвастовым оптимальной для полусонета. Среди остальных типов более частыми оказались формы, близкие к инварианту (aBbA CaC была полным его «негативом», а AbbA bAb – вариантом, сохранившим последовательность мужских и женских клаузул, но сократившим количество рифм до двух). Прочие варианты использовались единожды и должны считаться только экспериментом, попыткой проверить потенциал стихотворной формы. Также редки и отступления от стихотворного размера – русскими «американцами» полусонеты писались классическим четырехстопным ямбом. У Голохвастова этот размер используется в абсолютном большинстве полусонетов – 92%.

Строгая упорядоченность стихотворения на формальном уровне провоцировала лаконизм и лапидарность его содержания. Краткость бросала поэту вызов: в семи строках полусонета зачастую необходимо было раскрыть сложную онтологическую проблематику:

Знамя

Полусонет

Судьба – безжалостный погонщик...

Но с верой в прежнюю мечту,

Пою я жизни красоту,

Изнемогающий поденщик.

Так из последних сил вперед

Святыню древнюю знаменщик

Смертельно раненный несет.

Стихотворение представляет собой один из эталонных образцов жанра, в котором отразились, пожалуй, все его формальные и содержательные критерии. Подчеркнем, что в своей лирике Голохвастов сторонился «злободневных» общественно-политических тем. Стихотворение «Знамя» – единственное, в котором так или иначе нашла свое отражение тема изгнанничества. Но и здесь она не замыкается на частном биографическом эпизоде, а значительно расширяется, превращаясь в неразрешенный вопрос об экзистенции творчества.

Полусонет имеет четкую композицию, воплотившую традиционную «диалектическую триаду» – тезис – антитезис – синтез. Тема фаталистического предопределения и покорности судьбе задается уже в первом стихе («Судьба – безжалостный погонщик...») благодаря его афористичности и не в последнюю очередь – особенностям синтаксиса и авторской пунктуации. Сказуемое, выраженное не глаголом, а существительным, убирает из стиха действие; тире и многоточие подразумевают глубокие паузы, замедляющие поэтический ритм, и помогают передать интонацию возвышенной трагической скорби. Утверждение первого стиха решительно не опровергается, но несколько пересматривается далее: второй стих начинается с противительного союза «но», темп поэтической речи возрастает благодаря отсутствию ярко выраженных пауз, обусловленных особенностями

пунктуации, а содержание приобретает более мажорный характер – несмотря на довлеющую над ним волю рока, лирический герой («изнемогающий поденщик») не потерял жажду жизни и жажду творчества. Завершающий полусонет терцет объединяет положения тезиса и антитезиса в форме более чем живописной метафоры: лирический герой – творец – продолжает воспевать жизнь, несмотря на ее тяготы и удары судьбы, словно обреченный на смерть знаменщик, потерявший все, но упорно продолжающий нести свою святыню. Попытки героя воспеть жизнь красивы, но тщетны: по воле рока они превращаются в пустую суету и томление духа. Так на пространстве семи поэтических строк Голохвастов сумел воссоздать яркий драматический конфликт между роком и творцом, не оставляющим своего искусства, но осознающим его тщетность.

При всей своей строгости, полусонет не замыкался на инварианте. Жанрово-строфическая форма развивалась, и по мере этого развития появлялись различные эксперименты, призванные разнообразить канон и проверить его на «прочность». По справедливому замечанию О.И. Федотова: «Пока полусонеты были волнующей новостью, самые первые из них обнаруживали, казалось бы, нерушимую ассоциативную связь со своей тематикой, стилистикой и эмоциональной аурой. <...> Но стоило Голохвастову умножить число своих обращений к полусонетам, тематика их беспредельно расширилась...»¹. Поэт пробует облекать в строгую форму полусонета не только глобальные онтологические проблемы, но и частные жизненные эпизоды, полные романтических переживаний или других, не менее глубоких, но исключительно личных впечатлений:

Забуть ли тайный след тропинки
В лесу, к заглохшему пруду,
Вдали от звезд – твой взор-звезду,
Таивший чистых слез росинки,
Признание, шепот как в бреду,
И мимолетные заминки
Для поцелуев на ходу?

Интересна практически полная его «безглагольность», отсылающая, вероятно, к особенно почитаемому «американцами» Фету. Один-единственный глагол (*забыть* "ли) начинает стихотворение и сразу задает тему. Следующие за ним существительные призваны это «незабываемое» объективировать, каталогизировать и воссоздать полную картину произошедшего эпизода, задействовав при этом практически все основные органы человеческих чувств: зрение («Забуть ли тайный след тропинки», «твой взор-звезду»), слух («Признание, шепот как в бреду»), осязание («поцелуй на ходу») и запах – правда, лишь имплицитно («В лесу»). Этой же задаче подчинена и синтаксическая организация полусонета: он построен в форме развернутого риторического вопроса. Голохвастов отказывается от синтаксического разделения субстроф, благодаря чему мысль развивается плавно и постепенно, наступает «вспоминание» разрозненных деталей-кадров. Отступления от канона не ограничиваются тематическим, лексическим, морфологическим и синтаксическим уровнями. Меняется даже традиционная для полусонета система рифмовки: AbbA bAb. Голохвастов исключает из терцета каноническую третью рифму, благодаря чему субстрофы соединяются транслирующимися рифмами по принципу терцин. Все эти факторы обеспечивают линейность, непрерывность и

¹ Федотов О.И. От средневековой септимы к полусонету (интертекстуальные метаморфозы). Ставрополь, 2013. С. 262.

последовательность развития темы, постепенный переход от общего к частному, от разрозненности героев к их близости.

Лапидарность как один из основных жанровых признаков полусонета проявила себя не только на уровне формы и содержания, но и в плане его исторического развития. Септеты Голохвастова за несколько десятилетий сумели повторить эволюционный путь, растянувшийся для сонетов на несколько веков. Перестав быть мертвым застывшим канонем, полусонеты превратились в саморазвивающуюся и самоорганизующуюся систему с подвижными границами, открытую для развития и взаимодействия. Функционировавшие сперва исключительно как отдельные стихотворения, полусонеты развивались и усложнялись, превращаясь в строфы более масштабных поэтических опытов: двойчаток, венков, сюит и т. д.

В следующих после сборника «Из Америки» поэтических книгах Голохвастова полусонет неоднократно становился основой для построения жанрово-строфических единств. В поэтическом арсенале поэта есть венки полусонетов («Вечность»), состоящий из магистрала и семи полусонетов. Как и в более традиционных венках сонетов, магистрал дублирует первые строки всех остальных стихотворений. Здесь Голохвастов не выступает новатором – первым произведением, в котором полусонет русских «американцев» заявил о себе был «Венок полусонетов» Ильяшенко. А вот сюит – лирических зарисовок на единую тему, в которых пронумерованные полусонеты выступают в роли субстроф, а не самостоятельных поэтических единиц, – до Голохвастова создано не было. Им написан ряд сюит, среди которых «Возраст» (10 семистиший), «Чрез даль веков» (23 семистишия), «Атма» (10 семистиший) и др. К сожалению, мы не имеем документальных свидетельств или другого материала для метапоэтического анализа, в котором обосновывалась бы точная причина такой номинации жанра, но можем предположить, что определение призвано подчеркнуть единство искусств: музыкального и поэтического. Традиционно сюита – это циклическая форма в инструментальной музыке, состоящая из контрастирующих между собой частей, объединенных общим замыслом.

Увлечение Голохвастова полусонетами не ослабевало на протяжении всей его поэтической судьбы. В 1931 г. он издал книгу «Полусонетов», включающую более 300 септетов, а на нападки критиков, последовавших в ответ на такую преданность жанру, ответил изящным и злым «Полуоправданием» – стихотворением, состоящим без малого из 100 строк, где большинство слов начинались приставкой *полу*:

Решив, что «полу» вздор, что правы вы в оценке,
И что исход один: хороший полувзвод –
Без жалости Полубояриновых к стенке
И Полукетовых без милости в расход.

Чем же был обусловлен интерес Голохвастова к стихотворной форме, заключившей его дар в такие жесткие рамки? Небольшой объем полусонета не просто позволял продемонстрировать незаурядное мастерство владения стихом, но способствовал выражению поэтической мысли в наиболее концентрированной и лаконичной форме, избавлявшей ее от лишних лирических отступлений, отклонений и неточностей. Круг тем, реализуемых автором в форме полусонета, как правило, нарочито традиционен: это жизнь и судьба, вера в мечту и обреченное принятие еклисиастовой «суеты сует», метафизика внешнего и внутреннего мира и, конечно, любовь – возвышенная и земная, счастливая и несчастная, вечная и конечная.

ЛИТЕРАТУРА

Гаспаров"МЮСептима // Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. Т. 6. М., 1962. С. 770.

Голохвастов"ГВЧетыре стихотворения. Нью-Йорк, 1944. 29 с.

Назаров"АЮВступительная статья // Христиани Е.А., Голохвастов Г.В., Магула Д.А., Ильяшенко В.С. Из Америки. Нью-Йорк, 1925. С. 9–16.

Федотов"ОЮЮОт средневековой септимы к полусонету (интертекстуальные метаморфозы) // Останкович А.В., Сугай Л.А., Федотов О.И., Шпак Е.В. Традиционные строфические формы и их жанрово-строфические единства в русской поэзии. Ставрополь, 2013. С. 167–262.

Христиани"ЕЮЮ"Голохвастов"ГВЧ"Магула"ДЮЮ"Ильяшенко"ВЮСЮИз Америки. Нью-Йорк, 1925. 263 с.

TGHGTGREGU

Gasparov M. Septima. In: Short Literary Encyclopedia: In 9 v. Vol. 6. Moscow. 1962, p. 770.

Golokhvastov G. (1944) Four Poems. New-York. 29 p.

Nazarov A.I. Prolusion. In: Christiani E.A., Golokhvastov G.V., Magula D.A., Ilyashenko V.S. From America. New Yourk, 1925, p. 9–16.

Fedotov O.I. From Medieval Septime to Septet (intertextual metamorphosis). In: Ostan-kovich A. V., Sygai L. A., Fedotov O. I., Shpak E. V. Traditional Strophic Forms and Its' Genre-strophic Unity in Russian Poetry. Stavropol. 2013, p. 167–262.

Christiani E.A., Golokhvastov G.V., Magula D.A., Ilyashenko V.S. From America. New Yourk. 1925. 263 p.

Сведения об авторе:
Елена Николаевна Пономаренко,
магистрант
кафедры отечественной и мировой литературы
Гуманитарный институт
Северо-Кавказский федеральный университет

Elena N. Ponomarenko,
Graduate Student
Major National and World Literature
Humanities Institute
North-Caucasian Federal University
ln-pn@yandex.ru

Wrt k qt lxxg'Dwi cmqxc 'x'lnxgpunkj 'i ngf cirkčlj

Аннотация: В статье рассматриваются постановки, в том числе радиоспектакли, пьес М.А. Булгакова и инсценировки его прозы («Мастер и Маргарита», «Роковые яйца») в словенских театрах с 1935 г. и до настоящего времени.

Ключевые слова: драматургия М. Булгакова, инсценировки прозы М. Булгакова, словенский театр

Сдвтсев: The article deals with performances, including radio, of M.A. Bulgakov's plays and dramatizations of prose («Master and Margarita», «The Fatal Eggs») in Slovenian theaters from 1935 to the present time.

Mg{ 'y qtf u: M. Bulgakov's drama, dramatization of M. Bulgakov's prose, Slovenian theater

V slovenski kulturni prostor je Mihail Bulgakov vstopil na božični dan leta 1935, ko so v ljubljanski Drami uprizorili dramo \ *ctqw'uxgvj rkegx* "oziroma *O qrk³ tg* Temu je sledil skoraj štiri desetletja dolg premor, ki ga je v začetku sedemdesetih let prejšnjega stoletja prekinila knjižna izdaja romana *O qlwgt 'kp'Octi ctgw*. Od takrat so dela Bulgakova stalno prisotna v gledališčih in knjižnih izdajah.

Do danes se je na slovenskih odrih zvrstilo 14 uprizoritev pri čemer je bil *F qp'Mkj qv* uprizorjen dvakrat, *O qlwgt 'kp'Octi ctgw* ter *O qrk³ tg* pa trikrat. Nastala je tudi radijska igra *Usodna jajca*, 1995 na Radiu Slovenija¹. Do zdaj je v knjižni izdaji izšlo 14 Bulgakovovih del (proza: *O qlwgt 'kp'Octi ctgw*. "*fikvrlgplg'i qur qf c'O qrk³ tc.*" *Dgrx 'i ct f c.*" *Wuqf pc "lclec.*" *F kcdqrkcf c.*" *Rtki qf g*" *Ččkknqxc*; drame: Škrlatni otok, Molière, Dnevi Turbinovih, Zojkino stanovanje, Beg, Adam in Eva). Za gledališče je največ prevajal Milan Jesih², *O qlwgt 'kp'Octi ctgw* pa je prevod Janeza Gradišnika³.

Bulgakova so uprizarjala tako reko č izključno institucionalna gledališča, z eno izjemo. Poleg Bulgakova so na slovenskih odrih prisotni tudi drugi ruski avtorji, najpogosteje sta uprizarjana Čehov (76 uprizoritev) in Gogolj (49 uprizoritev), sledita mu Gorki (22 uprizoritev) in A. N. Ostrovski (15 uprizoritev).

¹ Povest je za radio priredil ter igro tudi režiral priznan moskovski radijski režiser Dmitrij Nikolajev.

² Ostali prevajalci: France Vurnik, Igor Lampret, Josip Vidmar, Liljana Dejak, Urša Zabukovec.

³ Poleg njega so prozo prevajali tudi Drago Bajt, Severin Šali, Borut Kraševc, Cene Kop čavar, Stanka Rendla, Marjan Poljanec.

Od Bulgakovovih dram so bile uprizorjene štiri: \ qlnkpq'wcpqxcplg.'Dgi.'Kcp'Xcik/ nlgxkč in TMrwvk'qvqm Skoraj vse so bile uprizorjene v 70. letih prejšnjega stoletja, kar je bil verjetno vpliv prevoda najbolj znamenitega avtorjevega dela Oqlwt c'kp'O cti ctg/ w (ne le v Sloveniji, ampak tudi v drugih slovanskih deželah). Komedija '**Zojkino'stationovanje**' je bila v profesionalnih gledališčih uprizorjena samo enkrat, medtem ko je bila na ljubiteljskih odrih, ki jih je bilo v povojnih desetletjih v Sloveniji na desetine (tako rekoč v vsakem kraju), gotovo pogosta izbira. Ob uprizoritvi (leta 1975) \ qlnkpgi c wcpqxcplc je bilo Celjsko gledališče poklicno šele 20 let. Po vojni je bila namreč močna tendenca preoblikovanja ljubiteljskih gledališč v poklicna polprofesionalna gledališča. Tako kritiki ugotavljajo, da so izbiro besedila narekemale tehnične zmogljivosti gledališča in zmogljivosti ansambla, ki so ga takrat še sestavljali profesionalni in ljubiteljski igralci, s čimer poudarijo nezahtevnost dramskega besedila. \ qlnkpq'wcpqxcplg je doživelo kar precej ponovitev, gledalcem je bilo blizu, kritikom pa malo manj.

Naslednja uprizoritev je bila **Beg**, in sicer v Slovenskem narodnem gledališču Drama v Ljubljani 1976. Del ekipe so bili sovjetski umetniki, ki so že leto poprej v istem gledališču pripravili zelo uspešno predstavo (prav tako po ruskem tekstu). Rusko ekipo so sestavljali režiser Andrej A. Gončarov, njegov asistent Vladimir Trasenko, scenograf in kostumograf Nikolaj Epov ter skladatelj Eduard Artemjev. Gostje so pripravili predstavo, kjer je veliko vlogo igrala glasba, saj je bila predstava označena za hrupen spektakel, poln vizualnih učinkov, privlačnih za gledalce, a predstava je bila izpraznjena pomena. Eden od kritikov (Smasek 1976) ugotavlja, da lahko gledalec ob ogledu predstave sicer takoj potegne vzporednice z jugoslovansko revolucijo, vendar pa ruski belogardisti ne morejo nadomestiti naših, poudarja, in da si bomo Slovenci morali dra-

Pasje srce 1979, Mestno gledališče ljubljansko

mo o naši revoluciji napisati sami. Tema je po mnenju kritikov torej preveč vezana na ruski prostor, da bi v njej lahko prepoznavali svojo lastno zgodovino.

Znanstveno-fantastično komedijo *Ivan Vasiljevič* so krstno uprizorili v slovenskem gledališču v zamejstvu v Slovenskem stalnem gledališču Trst 1979. Predstavo je režiral Zvone Šedlbauer. Uprizoritev je bila zelo uspešna, občinstvo je nagradilo glavnega igralca Antona Petjeta za vloži Ivana Vasiljeviča in poštarja Bunše. Kritiki so predstavo sicer zelo pohvalili, a so se obregnili ob Bulgakovovo dramaturgijo, ki da je šibka (taki komentarji so se do konca 70. let prejšnjega stoletja pogosto pojavljali). Hkrati pa so kritiki izrazili navdušenje nad Bulgakovim, da je kot avtor ostal zvest svoji umetniški poti in se ni uklonil programu socialnega realizma niti se ni zgledoval po Zahodu.

Konec sedemdesetih let (1979) je bila v Mestnem gledališču ljubljanskem uprizorjena tudi povest *Pasje srce*. Delo je dramatisiral znani slovenski satirik in aforist Žarko Petan, ki je predstavo tudi režiral. Petan je v ozadje potisnil znanstveno-fantastične prvine, poudaril pa satirične in kritične. V sceni Mete Hočevar, ene najvidnejših scenografov v slovenskem prostoru, so nekateri videli «konstruktivizem sovjetskega gledališča porevolucijske dobe» in «zapršenost sočrealizma» (Javoršek 1979). Zanimiva je ugotovitev, da «cena tega svojevrstnega sovjetskega avtorja [torej Bulgakova] čitno neprenehoma raste» (prav tam). Torej bi lahko rekli, da je bil Bulgakov kot dober dramatik sprejet šele na prehodu v 80. leta.

V letu slovenske osamosvojitve, leta 1991, so v Celju uprizorili Škrlatni otok v režiji Katje Pegan. To je bilo tudi zadnjič, da so v slovenskem gledališču uprizorili Bulgakovovo dramo. Tri ure trajajočo predstavo so kritike vse po vrsti označile za dolgo in razvlečeno, predvsem pa za predstavo, ki je na slovenski oder prišla nekaj desetletij prepozno. «Komunistični režim, ki bi v dogajanju na otoku lahko prepoznal svoje zablodele mehanizme vladanja, je propadel in nobenega smisla nima, da bi se mu zdaj posmehovali» (Pevec 1991). Kljub temu pa je mnoge kritike dogajanje na otoku asociiralo na takratne razmere na Balkanu, kjer se je začenjala dolgoletna vojna. Celjsko gledališče je predstavo odigralo v dobrodelne namene, in sicer v pomoč Dubrovniku.

Poleg dramskih besedil, so bile na Slovenskem večkrat uprizorjeni tudi romani *Fq p* "Mj qv, Oqrk³tg" (v dramatisaciji Bulgakova) ter roman *Oqlingt "kp"Octictgw*, ki je v Sloveniji doživel tri različne dramatisacije.

Zarota svetohlincev oziroma *Molière* je eno najbolj priljubljenih Bulgakovovih del, namenjenih odru, saj je bila v slovenskih gledališčih uprizorjena trikrat – vsakič v ljubljanski Drami in vsakič z drugačnim naslovom: prvi uprizoritvi je bilo naslov *Oqrk³tg*, drugi *Oqrk³tg* "ctqvc"uxvqj rkpex+in tretji *ctqvc"uxvqj rkpex."*Oq/rk³tg. Naslovi kažejo tudi na različna branja dramskega teksta oziroma perspektivo, ki so jo ustvarjalci vzeli za izhodišče uprizoritve. Prvo

Molière 1935, SNG Drama Ljubljana. Vir Slogi.

uprizoritev (1935) je režiral Bratko Kreft, takrat 30-letni režiser, poznavalec ruske literature, pozneje pogosto nagrajen za svoje režije in viden dramatik. Takratni kritiški odzivi pričajo, da je režiser v drami videl zgolj življenjepis velikega francoskega dramatika in je uprizoritev takratni gledališki javnosti predstavljala informacijo o tem, kako je Molière preživel svoja poslednja leta. Ker so vsi po vrsti, s takrat zelo uveljavljenimi kritiki vred, spregledali avtorjevo težnjo pokazati na odnos med umetnikom in oblastjo, so takratni literarni teoretiki Bulgakova označili za slabega dramatika, ki izkrivlja zgodovinska dejstva Molièrovega življenja in za katerega je tema o Molièru preprosto prevelika (Pavšič 1936). Še ena stvar je motila takratne gledališke kritike (Vurnik, Koblar), in sicer da je drama tako zelo uperjena proti duhovščini. To je neprimerno že samo po sebi, še posebej neprimerno pa je, da so za dan premiere izbrali ravno božič (25. december), zapišejo v kritikah.

Druga uprizoritev tega dramskega besedila se je zgodila skoraj pol stoletja pozneje v istem gledališču (leta 1983), po tem, ko je bil Bulgakov celo desetletje že kar stalnica na slovenskih odrih. Leta 1983 je *Oqrk³tc* režiral Zvone Šedlbauer, ljubitelj Bulgakova, ki je v obdobju petih let uprizoril kar tri njegove drame (*Kcpc 'Xcukl'gxkčc* 1979, *Oq/rk³tc* 1983 in leto kasneje *Fqp'Mlj qw*). Nekateri kritiki so zaznali tendenco ustvarjalcev pokazati na težek položaj umetnika pod represijo oblasti (Vurnik, Smasek), drugi pa so še vedno ugotavljali, da ustvarjalci niso presegli biografske ravni branja drame (Inkret). Šedlbauer je bil v času, ko je režiral Bulgakova že priznan in nagrajen režiser. Predstava pa je dobila kar tri Borštnikove nagrade (najprestižnejše nagrade na področju gledališkega ustvarjanja v Sloveniji): nagrado za režijo, kostumografjo in za glasbo.

Tudi tretjo odrsko postavitev *Oqrk³tc*, dobrih 25 let kasneje (2009), je v ljubljanski Drami režiral priznan režiser z mnogimi doma čimi in mednarodnimi nagradami Tomi Janežič, strokovnjak na področju psihodrame, ki režira doma in v svetu, tudi v Rusiji (povečini v Sankt Peterburgu). Režiser je bistveno vprašanje dramskega teksta videl v «položaju umetnika in njegovi svobodi» (kot pravi sam avtor, Janežič) in je dramsko besedilo bral izrazito kot dramo umetnika in ne kot dramo o Molièrovem življenju. Zavrgel je klasično gledališko konvencijo o ločenosti publike od igralcev in odra ter tako gledalce kot igralce postavil na oder. Tako so gledalci lahko opazovali tudi dogajanje v zaodrju in bili hkrati del odrskega dogajanja, simbolično del usode umetnika, ki nikoli «ne more biti samo umetnik, neodvisen od politike in ideologije» (Zor 2009), kot se izrazi eden od kritikov.

Don Kihot, ki ga je Bulgakov za opero dramatisiral leta 1939, je bil uprizorjen dvakrat na Primorskem, in sicer v SNG Nova Gorica in Gledališče Koper. Novogoriška uprizoritev (1984) je bila zelo posebna. Premiera je bila sredi poletja zunaj sezone, in sicer na ulicah malega mesta Kanal ob Soči na zahodu Slovenije. Pri uprizoritvi so upoštevali naravno svetlobo, arhitekturo mesta in pokrajino. Ustvarili so «veličasten spektakel», briljanten, radoživ in razkošen, kot zapiše kritik. Uprizoritev je združevala značilnosti in elemente uličnega gledališča (žonglerji, klovn) ter resno gledališko formo. Predstava na ulici, osvobodjena gledaliških sten, je sporočala, da je svoboda največ, kar človek ima, ter da osnovna človekova pravica ni pravica do življenja, temveč pravica do sanj. Predstavo je režiral že omenjeni režiser Zvone Šedlbauer.

Druga uprizoritev *Fqp'Mlj qw* se je zgodila dobrih 20 let pozneje v gledališču Koper, leta 2007. Predstava je nosila podnaslov *Mqo gflc 'vgi c 'ixgw* in jo je režiral takrat mladi režiser Jaka Ivanc, ki si je za izhodiščno idejo izbral sanje kot konstitutivni del človekove resničnosti. Koliko si človek upa sanjati in kaj mu jemlje svobodo, je bilo izhodiščno režiserjevo vprašanje. Uprizoritev je vsebovala tudi video prikaz sodobnega potrošništva

Don Kihot 2007, Gledališče Koper

in njegovega vpliva na planet. Predstava je bila nagrajena na slovenskem festivalu komorne-gledališča.

Kljub temu da je najznamenitejše delo Bulgakova, roman *Oqlwgt "kp'Oct i ctgw.* v slovensščini izšlo v začetku 70. let prejšnjega stoletja, je zanimanje odrskih ustvarjalcev pritegnilo šele v začetku novega tisočletja, ko se je v slovenskih gledališčih na sploh začel trend uprizarjanja velikih svetovnih romanov.

Prvo je bilo zunajinstitucionalno gledališče Sensorium (deluje od leta 1996), ki je pripravilo senzorično predstavo¹ *Polnočna Margareta*. Ta je izpostavljala Margaretino zgodbo in pravzaprav ni bila uprizoritev romana, temveč je režiserka Barbara Pia Jenič iz njega izbrala nekatere motive, ki so sestavljali pot, na kateri so skozi svoja čutila obiskovalci lahko občutili, koliko je ženska pripravljena storiti za moškega, ki ga ljubi. Ta misel je bila idejno vodilo predstave.

Takoj naslednje leto je Mestno gledališče ljubljansko na oder postavilo svojo verzijo romana in jo naslovlilo *Oqlwgt "kp'Octi ctgw "l'Octi ctgw "kp'Oqlwgt*. Dramatizacijo je napravil Miha Javornik, profesor za rusko literaturo na Filozofski fakulteti. Dramatizacija precej verno sledi romanu, Javornik, ki je tudi dokaj natančno zapisal didaskalije, pa je predvidel celo, da bi direktorja varieteja igral resnični direktor Mestnega gledališča. Jernej Lorenci, režiser z izrazito avtorsko poetiko, se dramaturgovih napotkov ni držal in je pripravil zelo estetizirano uprizoritev. Predstava je bila z ene strani sprejeta pozitivno, z druge pa negativno. Eden od kritikov (Simon 2006) je zapisal, da je predstava močna pripoved o tem, da je oblast hudič, ki nas ima vedno v oblasti.

Tretjič je bil ta roman uprizorjen v mariborski Drami 2013 pod vodstvom poljskega režiserja Janusza Kice, ki že desetletja deluje tudi v slovenskem gledališkem prostoru in je dobitnik mnogih domačih in tujih nagrad. Dramatizacijo je napravil hrvaški dramatik Goran Ferčec, ki je romanu dodal še zgodbo Bulgakova in njegovega boja z oblastjo. To je po mnenju kritikov lepo zaokrožilo ter dopolnilo predstavo, v kateri so igralci igrali po več vlog.

Mojster in Margareta 2013, SNG Drama Maribor

¹ Senzorično gledališče pripravlja gledališke predstave, izkušnje, pri katerih obiskovalci uporabljajo vsa svoja čutila: voh, tip, vid, sluh in okus.

Zadnja uprizoritev Bulgakova se je zgodila pred dvema letoma (2014) v Drami Maribor. To je bila Bulgakovova dramatisacija Gogoljevega romana *Отвѣтъ на Гоголя*, ki jih je režiral makedonski režiser Ivan Popovski¹. V mariborskih *Отвѣтъ на Гоголя* so kritiki razbrali izpraznjenost posameznikov v sodobni družbi, sicer pa uprizoritev ni bila zelo uspešna. Doživela je le deset ponovitev.

\ CMNLWČGM

Ob pregledu slovenskih uprizoritev Bulgakova lahko ugotovimo, da so ga praviloma režirali priznani režiserji. Pogosto tisti, ki so (so bili) tesneje povezani z rusko kulturo in ruskim gledališkim prostorom (na primer Kreft, Janežič, Popovski) ali pa je slovenska ustanova k sodelovanju povabila kar ruskega režiserja (Gončarov, Nikolajev). Bulgakovovi teksti so se igrali v večini slovenskih gledaliških mest. Od leta 1975 je Bulgakov bolj ali manj stalno prisoten na slovenskih odrih, in prav v sedemdesetih letih je bilo zanimanje zanj največje. Čeprav so gledališki kritiki v teh letih ugotavljali, da Bulgakov k nam prihaja z veliko zamudo, je treba vendarle poudariti krstno uprizoritev *Огнѣтъ* leta 1935, ki se je zgodila celo pred moskovsko premiero. Za prvo obdobje je značilno, da so Bulgakova kritiki videli kot nespretnega dramatika, ki bodisi potvarja realnost (*Огнѣтъ*), bodisi je dramaturško šibek (*Къпъ на Хънѣтъ*). Kasneje Bulgakova berejo natančneje in ugotavljajo, da postaja vse bolj cenjen (na prehodu v 80. leta).

Kaže, da so bile za slovenski gledališki prostor bolj kot drame Bulgakova zanimive njegove dramatisacije romanov ter njegov roman, svetovna klasika *Огнѣтъ на Огнѣтъ*. Gledališča so verjetno bolj kot sam Bulgakov zanimala velika svetovna litararna dela (*Фрѣтъ на Мѣтъ*) in osebnosti (Molière). Od vseh 14 uprizoritev so bile namreč uprizorjene le štiri drame, tri od njih v 70. letih prejšnjega stoletja in ena leta 1991. Vzrok za manjšo priljubljenost dram lahko morda iščemo v dejstvu, ki so ga izpostavljali že kritiki. Namreč, da je tematika, ki jo prikazujeta na primer dram *Dgi* in *Škrlatni qvqm*, vezana na specifičen sovjetski kulturni prostor, uprizoritve pa tega niso uspele preseči, ali pa je gledališče dramo na repertoar preprosto uvrstilo v nepravem času.

Vendarle pa je treba zaključiti, da je štirinajst uprizoritev Bulgakova veliko. To pa potrjuje dejstvo, da je ruska gledališko-dramska kultura v slovenskem gledališkem prostoru že dolgo in neprestano prisotna (igralci, dramatik, režiserji).

NKVGT CVWTČKP XKT K

Abonmajska premiera «Ivana Vasiljeviča». *Rt ko qt unkf pgxpkn* 1979. 19. 5., s. 9.

Berger Aleš 1979 – Berger Aleš. Mestno gledališče ljubljansko: Mihail Bulgakov – Žarko Petan: *Pasje srce* *OPc-k'tc/i rpfk* 1979. Št. 8. 6., s. 331.

Bogataj Matej 2006 – Bogataj Matej. Poligon stilizacij. *F grq02006*. Št. 27. 12., s. 17.
Bulgakov: Don Kihot. Nova Gorica: Slovensko narodno gledališče. 1983/1984.

Butala Gregor 2005 – Butala Gregor K potovanju po sebi. *F pgxpkn* 2005. Št. 18. 6., s. 17.

Crnica Slavica 1984 – Crnica Slavica. Odrsko delo brez prekinitve. *F grq*. 1984. Št. 11. 7., s. 17.

Cuder Vojko 1984 – Cuder Vojko. Zgodba o vitezu žalostne pojave. *Rt ko qt ung'pq/xleg*. 1984. Št. 17. 7., s. 19.

Čater Tadej 1991 – Čater Tadej. Škrlatni otok. *Vtkdwpc*. 1991. Št. 14. 10., s. 35.

Česnik Meta 2009 – Česnik Meta. Odmevi [televizijski posnetek]. Ljubljana: R TV Slovenija 1. *Rt gfxclcpq'pc'VX'Uqxpklc'302009*. Št. 20. 4. (ob 22.55).

¹ Popovski veliko dela v Rusiji, kjer je bil večkrat nagrajen za svoje režije in za promocijo ruske kulture.

- Čuk Marij 1984 – Čuk Marij. Smrt Don Kihota je smrt idealista. *Rt ko qt unkf pgxpkm* 1984. Št. 14. 7., s. 9.
- Dogodki in odmevi [radijski posnetek]. *TVX"UqygpklcORt gf xclcpq"pc" Tcf kwNlw dnlcpc*. 2014. Št. 4. 5. (ob 15.30).
- Don Kihot na Soči. *Fcpca*. 1984. Št. 18. 9., s. 25.
- Elvira Miše 2006 – Elvira Miše. Hudičev ples. *Oci*. 2006. Št. 27. 12., s. 76.
- Ferletič Franka 1979 – Ferletič Franka. Tržaški igralec Anton Petje o Ivanu Vasiljeviču in sebi. *Rt ko qt unkf pgxpkm* 1979. Št. 17. 5., s. 9.
- Fridl J. Ignacija 2009 – Fridl J. Ignacija. Ko se od lepote dreves ne vidi gozda *Fpgx/pkm* 2009. Št. 21. 4., s. 19.
- Golob Anja 2006 – Golob Anja. «Vam je moje cvetje všeč?» *Xgčgt*. 2007. Št. 18. 1., s. 14.
- Golob Anja 2009 – Golob Anja. Kar je, beži. *Xgčgt*. 2009. Št. 7. 5., s. 14.
- Inkret Andrej 1976 – Inkret Andrej. Beg. *KVF*. 1976. Št. 6. 6., s. 24.
- Inkret Andrej 1976 – Inkret Andrej. Bulgakov. *KVF*. 1975. Št. 19. 10., s. 24.
- Inkret Andrej 1979 – Inkret Andrej. Tržačani bodo zaključili sezono z Bulgakovom. *Fgrq*. 1979. Št. 18. 5., s. 17.
- Inkret Andrej 1983 – Inkret Andrej. Molière: Zarota svetohlincev. *Fgrq025/1983*. Št. 135(13. 6.), s. 3.
- Inkret Andrej 1984 – Inkret Andrej. Primorsko dramske gledališče Nova Gorica: Mihail Bulgakov: Don Kihot. *Pc-k'ic/ingfk* 1984. Št. 12. 10., s. 554.
- Ipavec Maksimiljana 2007 – Ipavec Maksimiljana. Koliko si upaš verjeti? *Rt ko qt/ung pqxleg*. 2007. Št. 23. 10., s. 12.
- Jaklič Andrej 2014 – Jaklič Andrej. Šola prodajanja megle. *Rqrgv*. 2014. Št. 14. 4., s. 16.
- Javoršek Jože 1979 – Javoršek Jože. Komedijska M. Bulgakova v tržaškem gledališču. *Fgrq*. 1979. Št. 22. 5., s. 17.
- Javoršek Jože 1979 – Javoršek Jože. Odlčen uspeh igralca Hočevarja na odru MGL. *Fgrq*. 1979. Št. 26. 5., s. 17.
- Javoršek Jože 1976 – Javoršek Jože. Pretresljiva ljudska igra. *Fgrq*. 1976. Št. 18. 5., s. 17.
- Jesenko Primož 2007 – Jesenko Primož. Razvozlati estetiko. *Fgrq*. 2007. Št. 25. 10., s. 13.
- Jurca Tadel Vesna 2007 – Jurca Tadel Vesna. Zalomi. *Co rcm* 2007. Št. 6. 3., s. 55.
- Koblar France 1965 – Koblar France. (1965) Dvajset let slovanske drame 2 (1930–1939), Ljubljana: Slovenska matica.
- Kocjančič Vladimir 1984 – Kocjan čič Vladimir. Ta svet je oder. *Fgrq*. 1984. Št. 16. 7., s. 284.
- Kodrič Cizerl Irena 2013 – Kodrič Cizerl Irena. "Danes do trinajstih" [radijski posnetek]. RTV Slovenija. Predvajano na Radiu Slovenija, 26. 1. 2013 ob 13.00.
- Leskovšek Nika 2013 – Leskovšek Nika. Malodane brezhibno ali Kako več kot 300 strani klasike strpati v tri ure. *Fpgxpkm* 2013. Št. 4. 2., s. 26.
- Lesničar Pučko Tanja 2014 – Lesničar Pučko Tanja. Mrtvi tek Mrtvih duš. *Fpgxpkm* 2014. Št. 18. 4., s. 17.
- Lukan Blaž 2005 – Lukan Blaž. Na poti z zavezanimi o čmi. *Fgrq*. 2005. Št. 23. 6., s. 21.
- Lukan Blaž 2009 – Lukan Blaž. Molière kot paradigma. *Fgrq*. 2009. Št. 20. 4., s. 9.
- M.A. Bulgakov: Škrlatni otok. Celje: Slovensko ljudsko gledališče 1991/02 (št. 1).

- M. Bulgakov, Ž. Petan: Pasje srce. Ljubljana: MGL 1978/79 (št. 6).
- Marinčič Vesna 1984 – Marin čič Vesna. Don Kihot, vitez iz Kanala. *Fgrq*. 1984. Št. 17. 7., s. 13.
- Mermolja Ace 1979 – Mermolja Ace. Smešno, a hkrati tudi grenko. *Rt ko qt unk'f pgx/ pkn* 1979. Št. 20. 5., s. 9.
- Mihail A. Bulgakov, Miha Javornik – Miha Javornik. Mojster in Margareta / Margareta in Mojster. Ljubljana: MGL 2006/07 (št. 4).
- Mihail A. Bulgakov. Zarota svetohlincev, Molière. Ljubljana: SNG Drama 2008/09 (št. 9).
- Mihail Bulgakov. Ivan Vasiljevič. Trst: Slovensko stalno gledališče. 1978/79
- Mihail Bulgakov. Molière. Ljubljana: SNG Drama 1982/83 (št. 8).
- Mihail Bulgakov. Mojster in Margareta. Dramatiziral Goran Ferčec. Zagreb, Maribor. 2012 [tipkopis].
- Molière. Ljubljana: Drama 1935/36.
- Mrtve duše. 'Мёртвые души. Maribor: SNG Drama 2013/14.
- Novak Jernej – Novak Jernej. Komedijska v zmešnjavi časov. *Fpgxpkn* 1979. Št. 23. 5., s. 16.
- Novak Jernej 1979 – Novak Jernej. Zabavna lepljenka. *Fpgxpkn* Št. 26. 5. 1979.
- Novak Jernej 1984 – Novak Jernej. Spektakel po Bulgakovu. *Fpgxpkn* 1984. Št. 18. 7., s. 16.
- Novak Jernej 1991 – Novak Jernej. Vse je plen gledališča. *Fpgxpkn* 1991. Št. 1. 10., s. 17.
- Pavšič Vladimir 1936 – Pavšič Vladimir. Dramske novitete in režije. *Nwdrlcpunk' /xq*. 1936. Št. 3–4., s. 178.
- Pevec Metod 1991 – Pevec Metod. Slovensko ljudsko gledališče Celje, Mihail A. Bulgakov: Škrlatni otok. *Pc-k'c/i r'gf k'020/1991*. Št. 25. 10., s. 20.
- Pogorevc Petra 2006 – Benigne scenske meditacije. *Fpgxpkn* 2006. Št. 28. 12., s. 12.
- Povše Janez. Molière ali Zarota svetohlincev. *Rt ko qt unk'f pgxpkn* 040/1984. Št. 154 (29. 6.), s. 9.
- Predan Vasja 1983 – Predan Vasja. Redak jubilej. *Rq'rk'k'nc*. 1983. Št. 26. 12., s. 23.
- Rak Peter 2014 – Rak Peter. Jasni etični in emocionalni postulati. *Fgrq*. 2014. Št. 1. 2., s. 24.
- Rak Peter 2014 – Rak Peter. Mihail Bulgakov: Mrtve duše. *Fgrq*. 2014. Št. 11. 4., s. 21.
- S.P. 1991 – S.P. Naš prvi pristanek na Škrlatnem otoku. *Fgrq*. 1991. Št. 29. 9., s. 16.
- Sabadin Karin 2007 – Sabadin Karin. "Danes do trinajstih [radijski posnetek]. *TVX" Uq'xgpk'lc ORt gf xclcpq'pc 'Tcf kw'Uq'xgpk'lc*. 2007. Št. 20. 10. (ob 13.00).
- Simon Tomaž 2006 – Simon Tomaž. Danes do trinajstih [radijski posnetek]. *TVX" Uq'xgpk'lc ORt gf xclcpq'pc 'Tcf kw'Nwdrlcpc*. 1983. Št. 11. 6. (ob 16.00).
- Simon Tomaž 2006 – Simon Tomaž. "Danes do trinajstih [radijski posnetek]. *TVX" Uq'xgpk'lc ORt gf xclcpq'pc 'Tcf kw'Uq'xgpk'lc*. 2006. Št. 22. 12.
- Smasek Lojze 1976 – Smasek Lojze. Ruski namesto slovenskih belih. *Xgčgt*. 1976. Št. 18. 5., s. 7.
- Smasek Lojze 1983 – Smasek Lojze. Mačevanje mogočnih. *Xgčgt*. 39/1983. Št. 136 (14. 6.), s. 5.
- Svilokos Branislav 1983 – Svilokos Branislav. Neprekinuti kontinuitet. *Fpgxpkn* (Novi Sad). 1983. Št. 23. 6., s. 9.

- Šuklje Rapa 1983 – Šuklje Rapa. Dogodki in odmevi [radijski posnetek]. *TVX'Urq/xgpklcORt g f xclcpq'pc'Tcfkw'Nlwdrlcpc*. 1983. Št. 11. 6 (ob 16.00).
- Šuklje Rapa 1983 – Šuklje Rapa. Mihail Bulgakov. Molière. *Pc-k'tc/i r g f k* 32/1983. Št. 12 (24. 6.), s. 359.
- Tadel Jurca Vesna 2009 – Tadel Jurca Vesna. Bleščeč gumb na telovniku sveta. *Uq/f qdpqw073/2009* (6. 6.), s. 773–776.
- Tadel Jurca Vesna 2013 – Tadel Jurca Vesna. Izgubljeno v nevtralnosti. *"Rqi r g f k* 2013. Št. 13. 2. , s. 8.
- Taufer Venon, 1976: Slovensko ljudsko gledališče Celje: Mihail Bulgakov: Zojkino stanovanje *OPc-k'tc/i r g f k* Št. 26. 1. 1976.
- Vevar Rok 2005 – Vevar Rok. Polnočna Margareta. *F g r q*. 2005. Št. 12. 5., s. 21.
- Vidali Petra 2013 – Vidali Petra. Komaj verjetna kompleksnost. *Xgčgt*. 2013. Št. 28. 1., s. 15.
- Vidali Petra 2014 – Vidali Petra. (Operna) ruska freska. *Xgčgt*, Št. 8. 4. 2014, s. 10.
- Vidmar Josip 1976 – Vidmar Josip. Mihail A. Bulgakov. Beg. V: *Dwni cnqx<Dgi 0* Ljubljana: Drama 1975/76 (št. 6.), s. 3–5.
- Vurnik Franc 1976 – Vurnik France. Poraženci in emigranti. *Fpgxpkn* 1976. Št. 18. 5., s. 13.
- Vurnik France 1975 – Vurnik France. Za za četek Bulgakov. *Fpgxpkn* 1975. Št. 6. 10., s. 13.
- Vurnik France 1991 – Vurnik France. Škrlatni otok M. Bulgakova kot teatralna burleska. *F g r q*. 1991. Št. 4. 10., s. 16.
- Vurnik France 1983 – Vurnik France. Prispodoba z Molièrom. *Nlwdrlcpunk'f pgxpkn* 32/1983 (14. 6.), s. 5.
- Zagorac P. 1979 – Zagorac P. I humor i irošeska. *Dqt dc01979*. Št. 29. 5., s. 23.
- Zojkino stanovanje. Celje: Slovensko ljudsko gledališče 1975/76 (št. 1).
- Zor Miha 2009 – Zor Miha. Dogodki in odmevi [radijski posnetek]. RTV Slovenija. Predvajano na Radiu Slovenija 1. 2009 Št. 19. 4., 15. 51.
- Željeznov Dušan 1984 – Željeznov Dušan. Bulgakov: Don Kihot. *Xgčgt*. 1984. Št. 20. 7., s. 6.

Сведения об авторе:

Magda Lojk

Prof.

Filozofska fakulteta Univerze v Ljubljani,

Lektor slovenskega jezika na Filološki fakulteti MGU v Moskvi

Магда Лойк,

Филологический факультет

Университет в Любляне (Словения),

преподаватель словенского языка

филологический факультет

МГУ имени М.В. Ломоносова

Magda Lojk,

Philological Faculty of the University in Ljubljana (Slovenia),

Teacher of the Slovenian Language

Philological Faculty

Lomonosov Moscow State University

magda.lojk@gmail.com

Продолжаем публикацию статей, подготовленных участниками научной конференции «XII Пospelовские чтения. Литературоведческий тезаурус: обретения и потери», состоявшейся на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова 15–16 декабря 2015 г. (ред.-сост. Л.В. Чернец, проф. кафедры теории литературы). Начало публикации см.: Stephanos. 2016. № 1(15).

И.А.О.Беляева

Русский классический роман как образец созерцания универсальных романских истоков жанра

Аннотация: В статье рассмотрен принцип построения типологии русского классического романа XIX века, который основывается на изучении генезиса этой разновидности романного жанра. В качестве истоков свободной формы и принципиально нового содержания, которые отличают русский классический роман от романа европейского, в статье рассматриваются «Божественная комедия» Данте и «Фауст» Гете. Эти сочинения разрабатывают схожий, но реализующийся оригинально (с точки зрения событийности) сюжет спасения, или восстановления, падшего человека, который был востребован в XIX в. русским классическим романом. На этом основании предлагается выделить в русском романе две линии – «дантовскую» и «гетевскую», в которых последовательно воплощаются два варианта сюжета спасения.

Ключевые слова: русский классический роман, типология, сюжет спасения, «Божественная Комедия», «Фауст»

Abstract. The article describes a principle of typology of Russian classic novel of the 19 century, which is based on the study of the genesis of this genre variety. As sources of a free-form and a fundamentally new content by which Russian classic novel is distinguished from the European novel, the article examines Dante's "Divine Comedy" and Goethe's "Faust". Both of these texts are developing the similar, but the original in its realization (in terms of event-related) plot of salvation or restore fallen man. This plot was demanded in the 19 century by Russian classic novel. On this basis, it is proposed in the article to distinguish in Russian novel two lines – the "Dante's" and the "Goethe's" ones, in which are embodied two variants of the plot of salvation.

Keywords: Russian classic novel, typology, plot of salvation, "Divine Comedy", "Faust"

Типологический подход в изучении романного жанра важен не только с теоретической, но и с историко-литературной точки зрения, так как приближает исследователя к пониманию конкретных произведений той или иной историче-

ской эпохи¹. Представленные в настоящей работе наблюдения над типологическими особенностями русского классического романа XIX в. призваны, скорее, добавить новую краску к уже имеющимся типологическим построениям, которые существуют в науке и основываются не только на материале отечественной словесности, но затрагивают сложный вопрос соотносительности русского романа с романом европейским². Предлагаемое исследование – штрих в общей картине изучения и понимания русского классического романа.

Для начала определимся с понятием «русский классический роман». Им активно пользуются в своих работах В.Я. Линков, В.А. Недзвецкий, В.Г. Одинок, Н.Д. Тмарченко³. Семантическое поле этого понятия неоднозначно и порой включает разные типы текстов, но для нас близкой и убедительной оказывается позиция по этому вопросу, которая представлена в последних работах В.А. Недзвецкого, указавшего на «общие приметы» этого типа русского романа, отличающие его от так называемых неклассических форм.

По мнению ученого, русский классический роман как явление вершинное, образцовое, совершенное отличался особым универсализмом в художественном осмыслении мира и человека, но был вполне самобытным по формам, т. е. внутри своей ветви / парадигмы тексты были оригинальными и неоднородными. Ученый говорил о *фазах* в развитии русского классического (социально-универсального) романа. Это синкретический этап, когда жанровая природа романа еще неопределима и обнаруживает явные «следы» жанров-источников (роман в стихах «Евгений Онегин» А.С. Пушкина, книга М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»); затем классический этап «персонального» романа испытания, который в наибольшей степени ассоциируется с европейским типом романа, однако всё же не сводим к нему (романы И.С. Тургенева и И.А. Гончарова), и, наконец, универсально-синтетическая фаза романного жанра, представленная высшими его образцами, явленными в творчестве Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого.

Принадлежали к типу русского классического романа произведения, как бы мы сейчас сказали, программные. Их ученый насчитывал не более двадцати⁴.

Не затрагивая вопрос о количестве текстов, составляющих корпус русского классического романа (его можно дополнить избранными сочинениями других

¹ О соотношении теоретического и историко-литературного аспектов в типологических исследованиях см.: *Эссей* "АЮЮ Типология романа (теоретический и историко-литературный аспекты). М.: Издательство Моск. ун-та, 1991. 159 с.

² См.: *Вердеревская* "НЮЮ Русский роман 40–60-х годов XIX века: Типология жанровых форм. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1980. 133 с.; *Недзвецкий* "ВЮЮ История русского романа XIX века. Неклассические формы: Курс лекций. М.: Изд-во Московского ун-та, 2011. 152 с.; *Недзвецкий* "ВЮЮ Русский социально-универсальный роман XIX века: Становление и жанровая эволюция. М.: Диалог-МГУ, 1997. 262 с.; *Одинок* "ВЮЮ Проблемы поэтики и типологии русского романа XIX в. Новосибирск: Наука. Сибирское отд-е, 1971. 192 с.; *Эссей* "АЮЮ Общее и особенное в развитии русского и западноевропейского романа // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. 2002. № 4. С. 40–48; *Эссей* "АЮЮ Типология романа (теоретический и историко-литературный аспекты). М.: Издательство Моск. ун-та, 1991. 159 с.

³ *Линков* "ВЮЮ Свой путь русского реализма // Русская словесность. 2012. № 5. С. 9–21; *Недзвецкий* "ВЮЮ Классический русский роман XIX века: своеобразие героя и жанра // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2013. Т. 72. № 5. С. 3–15; *Одинок* "ВЮЮ Художественная системность русского классического романа: проблемы и суждения. Новосибирск: Наука. Сибирское отд-е, 1971. 196 с.; *Тмарченко* "НЮЮ Русский классический роман XIX века. Проблемы поэтики и типологии жанра М.: Издат. центр Российского гос. гуманитарного университета (РГУ), 1997. 203 с.

⁴ См.: *Недзвецкий* "ВЮЮ Классический русский роман XIX века: своеобразие героя и жанра // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2013. Т. 72. № 5. С. 3.

русских писателей) и не рассматривая детально стадийно-фазисную его типологию, позволим себе наметить некоторые иные аспекты последней.

Русский классический роман ориентировался в своем становлении не только и не столько на собственно романские образцы, которые были известны западно-европейской культуре (хотя неизбежно к ним восходил и во многом отталкивался от них), но и очень интересовался смыслоформами нероманной природы, где был представлен так называемый *сюжет "спасения"*¹. Подобный сюжет во многом был обусловлен требованиями, которые предъявляет себе и миру герой.

В европейском романе герой, как правило, обеспокоен развертыванием своей личной траектории в рамках земного существования, т. е. нацелен на карьеру, которая, правда, по причине «утраченных иллюзий» может и не состояться. Но задачи перед ним стоят вполне конкретные. Как писал С. Цвейг, «у Диккенса целью всех стремлений будет милостивый коттедж на лоне природы, с веселой толпой детей; у Бальзака – замок с титулом пэра и миллионами»². Герои Бальзака, по замечанию критика, «как и французского романа вообще, или сильнее, или слабее противостоящего им общества», «они овладевают жизнью или гибнут под ее колесами». Герои романа русского, – речь идет у С. Цвейга о Достоевском, но размышления критика можно распространить и на других русских романистов, – «равнодушны <...> к довольству, богатство они скорее презирают, чем желают его. Они ничего не хотят, эти чудачки, из того, к чему стремится всё наше человечество». Их стремления лежат как бы за пределами мира сиюминутного, а задача (точнее – сверхзадача) жизни состоит в решении главного для них вопроса – спасении своей души, а вместе с этим мира и человечества.

Подобная перспектива бытия героя в русском классическом романе возводит эти вершинные тексты русской литературы в генетико-типологическом плане к таким двум разным, но в то же самое время родственным явлениям европейской литературы, как «Божественная комедия» Данте Алигьери и «Фауст» И.-В. Гете. В обеих книгах представлена идея спасения человека и человечества, однако ее художественно-философская реализация осуществлялась в оригинальной для каждого сочинения сюжетной форме.

Типологическое родство «Божественной комедии» и «Фауста» признано давно. Вслед за Ф. Шлегелем, развернуто этот вопрос был поднят Ф. Шеллингом. Сошлемся в изложении взглядов последнего на исследования современного ученого³, в которых, в частности, поднимается вопрос об оценке этих двух художников критиками эпохи романтизма, в том числе и Шеллингом в ряде его работ: «Философии искусства» (1802–1803), в Берлинском курсе лекций по эстетике и в статье «О Данте в философском отношении». Последняя была написана совместно с Гегелем и увидела свет в 1803 г. в «Критическом журнале по философии». Исследователь подчеркивает, что проблема «Гете – Данте» впервые именно Шеллингом была осмыслена через «сходство жанрово-видовой структуры» двух этих

¹ В научной традиции существуют иные именованья сходного типа сюжетов: «сюжет о спасении» (Е.И. Волкова) и «фабула о возрождении грешника» (Р.Г. Назиров). См.: Волкова Е.И. Сюжет о спасении в русской, английской и американской литературе. М.: Нопаяз. 2001. 284 с.; Назиров Р.Г. О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2010. С. 396–399. Реализуемый в русском романе вариант мы рассматриваем как особую разновидность подобного типа сюжетов.

² Цвейг С. Статьи. Эссе. М.: Радуга, 1987. philologos.narod.ru/texts/zwaig_dost.htm

³ Аветисян В.О. Гете и Данте: Учебное пособие. Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 1998. 85 с.

произведений¹. Она же определила их особую жанровую сущность, отстоящую от иерархических построений традиционных поэтик.

«Божественная комедия» Данте, как указывает Шеллинг, требует своей собственной теории», ее «нельзя сопоставлять ни с чем другим, нельзя подвести ни под один из прочих жанров; это не эпос, не дидактическая поэма, это не роман в собственном смысле, это даже не неразрывнейшее соединение, совершеннейшее взаимопроникновение всего этого». «Не в *единичности* (ведь в этом смысле поэма принадлежит определенному времени), но в своем родовом значении “Божественная комедия” есть самый общий образец новой поэзии», – заключает философ и «фиксирует» ее «как самостоятельный жанр»².

Оценки жанровой природы «Фауста» в целом выдержаны Шеллингом в том же ключе. При этом необходимо помнить, что его размышления основывались не на полном тексте книги Гете, а лишь на «Фрагменте» 1890 г.³ Однако философ оценивал «Фауста» так, будто предвидел и предвосхищал его продолжение⁴. Как отмечает А.А. Аникст, «Шеллинг проявил большую прозорливость, предсказав конечный вывод, к которому придет Фауст», что было не только следствием его интуиции. Дело в том, что Шеллинг по инициативе Гете в 1798 г. был приглашен читать философию в Иенском университете и занимал кафедру в течение пяти лет, что совпало со временем интенсивной работы немецкого поэта над первой частью «Фауста». По словам А.А. Аникста, «Шеллинг общался с Гете и мог слышать о замысле в целом»⁵. И хотя Шеллинг склонен рассматривать «Фауста» как сочинение, в большей степени подвластное жанровой традиции (в нем сильны черты аристофановской комедии), он признавал, что «данное произведение полностью и во всех отношениях оригинально, подлежит сравнению только с самим собой и довлеет себе»⁶. И в этом смысле оно близко «Божественной комедии».

Самобытность и в определенном смысле уникальность жанровой формы обоих произведений предполагает, однако, глубинное родство их содержания: эти тексты сближает особый *универсализм* художественной идеи, который был интересен и становящемуся русскому роману.

Из лекций Шеллинга по эстетике, которые в России были хорошо известны⁷, сторонники идей немецкого философа, к числу которых относились некоторые критики и писатели, прекрасно знали об универсализме смыслоформ «Божественной комедии» и «Фауста» и том идейном стержне (идее спасения), на основе которого эти сочинения им объединялись. Примером тому может служить труд С.П. Шевырева, который первым в России занялся научным изучением «Божественной комедии» Данте⁸, где точка зрения Шеллинга была принята за осно-

¹ Там же. С. 24.

² Шеллинг "ФФ"Философия искусства. М.: Мысль, 1966. С. 393.

³ См.: Аникст "АА"Гете и Фауст: От замысла к свершению. М.: Книга, 1983. С. 112–116.

⁴ Ср. схожие мысли А.С. Пушкина по поводу соотношения частного и общего в художественном произведении, хотя сказаны они не без иронии: «Всякий волен судить о плане целого романа, прочитаю первую главу оного»: Пушкин "АСС"Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Т. 6. М.: Воскресенье, 1996. С. 118.

⁵ Там же. С. 116.

⁶ Шеллинг "ФФ"Философия искусства. М.: Мысль, 1966. С. 441.

⁷ См.: Попов "ПСС"Состав и генезис философии искусства Шеллинга // Шеллинг Ф. Философия искусства. М.: Мысль, 1966. С. 5–18.

⁸ Шевырев "СП"Дант и его век: Исследование о Божественной Комедии // Ученые записки Императорского Московского университета. 1833. Ч. 2, № 5. С. 307–363, № 6. С. 509–543; 1834. Ч. 3, № 7. С. 118–180, № 8. С. 336–373, № 9. С. 550–575, № 10. С. 117–155, № 11. С. 365–397.

ву. Будучи известным и определенно влияя на таких писателей, как Н.В. Гоголь¹ и И.А. Гончаров², чьи художественные решения сомасштабны «Божественной комедии», исследование Шевырева разделяет прежде всего мысли Шеллинга о воспопостроительной (П. Флоренский) идее книги Данте³ и рассматривает ее как образец общесимволического синтеза⁴.

Шеллинг (а вслед за ним и Шевырев, и многие его современники) убежден в том, что другие национальные литературы вольны следовать этому примеру: творчески и с достаточной степенью свободы они могут иметь «свою Божественную комедию в той же форме»⁵. Важно только сохранить *коренную идею* той общесимволической модели, что была открыта Данте. Ровно так было в «Фаусте» Гете, который, несмотря на отсутствие трихотомии (она оказывается вовсе не обязательна) «имеет подлинно дантовский смысл»: «...бодрость целого уже в первом его наброске, правдивость неудавшейся попытки, подлинность жажды высшей жизни – всё это заставляет ожидать, что борьба разрешится в более высокой инстанции и “Фауст” будет завершен, перенесенный в более высокие сферы»⁶.

В целом «Божественная комедия» Данте, а наряду с ней и «Фауст» Гете, во многом благодаря огромной симпатии русского читателя к идеям Шеллинга, воспринимались как «общий образец созерцания универсума», в котором вектор движения «жизни, истории, природы» направлен вверх, «по ступеням», и это движение «суть только очищение, переход к абсолютному состоянию»⁷.

Разные вариации *сюжета спасения*, что представлены у Гете и Данте (назовем их «фаустовским» и «дантовским»), были в полной мере осознаваемы и русскими романистами.

О необходимости оцельнения человека, т. е. о его движении от «ветхого» состояния к «новому» и о «трудной и нескончаемой работе над собой, над своей собственной статуей, над идеалом человека»⁸, размышлял И.А. Гончаров. А эта работа предполагала пусть и короткий, но состоявшийся здесь, на земле, а не в небесах и уже после смерти этап на пути к спасению. Не случайно писатель не признавал внезапного (параболического) и незаслуженного прощения и спасения гетевского Фауста и всех героев фаустовского типа, как следует из его переписки с К.К. Романовым. В письме от 6 марта 1885 г. И.А. Гончаров писал по поводу героя новой поэмы своего корреспондента «Возрожденный Манфред»: «Раскаяние по ту сторону гроба – по учению веры – не действительно: он, перешагнув за этот порог, должен постигнуть

¹ См.: *Манин Ю.В.* Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М.: Coda, 1996. С. 433.

² См.: *Беляева И.Ю.* «Странные сближения»: Данте и Гончаров // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2007. Т. 66. № 2. С. 23–38.

³ Шевырев, вслед за Шеллингом, подчеркивал в «Божественной комедии» религиозную идею спасения: «человек заблудившийся, ищущий спасения себе и другим», есть «сам Дант». Когда Беатриче «перебирает всю повесть его заблудшей жизни», дабы отвратить героя от греха, то, как поясняет Шевырев, «сии слова относятся, в лице Данта, и к человеку, ему современному» (*Шевырев С.П.* Дант и его век: Исследование о Божественной комедии // Ученые записки Императорского Московского университета. 1834. Ч. 3. № 7–9. С. 346).

⁴ В диссертации Шевырева читаем: «Откуда имеет быть разрешен вопрос: к какому роду Поэзии относится “Божественная комедия” Данта? Шеллинг, в своем рассуждении об оной, весьма глубокомысленно замечает, что сие произведение не есть ни чистый Эпос, ни чистая Лирика, ни Драма; но что все стихии поэзии, включая и дидактическую, она в себе слитно включает» (там же. С. 372).

⁵ *Шеллинг Ф.* Философия искусства. М.: Мысль, 1966. С. 451.

⁶ Там же. С. 440.

⁷ Там же. 1966. С. 451.

⁸ *Гончаров И.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 7. СПб.: Наука, 2004. С. 554.

это – т. е. что *нет возврата*, что он *damnatus est*. <...> у нас, между людьми, как-то легко укладываются понятия о спасении таких героев, как Манфред, Дон Жуан и подобные им. Один умствовал, концентрировал в себе весь сок земной мудрости, плевал в небо и знать ничего не хотел, не признавая никакой другой силы и мудрости, кроме своей, т. е., пожалуй, общечеловеческой, – и думал, что он – бог. Другой беспутствовал всю жизнь, теща свою извращенную фантазию и угождая плотским похотям, – потом бац! Один под конец жизни немного помолится, попостится, а другой, умерев, начнет каяться – и, смотришь, с неба явится какой-нибудь ангел, часто дама (и в *Возрожденном Манфреде* тоже Астарта) – и *Окаянный Отверженный* уже прощен, возносится к небу, сам Бог говорит с ним милостиво и т. д.! **Дешево же достается этим Господам так называемое спасение и всепрощение!**¹ В своем творчестве Гончаров отстаивал идею спасения через сновидческое исправление человека *в земной жизни*, которое оказывалось своего рода чистилищем, – конечно, если человек им воспользуется и его *пробуждение*² состоится.

Подобный, дантовский по сути вариант спасения выделял и Ф.М. Достоевский. Писатель подчеркивал, что современной литературе необходимо не просто вскрывать противоречия жизни, но именно ставить вопрос о спасении человека как самый животрепещущий и коренной. Он считал, что «исторической необходимостью» литературы девятнадцатого столетия должна стать «мысль христианская и высоко-нравственная» о необходимости «восстановления погибшего человека, задавленного несправедливо гнетом обстоятельств»³. С аналогичной задачей показать *восстановление погибшего человека и человечества*, как полагал Достоевский, в свою эпоху прекрасно справился автор «Божественной комедии», но современная литература, по мысли писателя, должна непременно вернуться к этой постановке вопроса.

Русскими романистами была вполне востребована и та «высшая смелость», о которой писал А.С. Пушкин и которая отличает, по его мнению, немногие литературные шедевры, в том числе «Фауста» Гете и «Божественную комедию» Данте. Подобная «смелость изобретения» у русских романистов выражается во многом в оригинальной разработке художественной формы романа. Не случайно свое собственное романное творчество они оценивали как не вполне соответствующее европейским образцам. Здесь можно вспомнить известное письмо А.С. Пушкина к П. А. Вяземскому от 4 ноября 1823 г., в котором он признается, что пишет «не роман, а роман в стихах» и видит в этом «дьявольскую разницу», или сослаться на наблюдение И.С. Тургенева, который полагал, что «сандовский» и «диккенсовский» типы романов к середине 1950-х гг. в России не сложились и едва ли могут вообще состояться⁴, что его собственный роман мало напоминает известные

¹ Переписка И.А. Гончарова с великим князем Константином Константиновичем / Публ. [вступ. ст. и примеч.] Е.К. Демиховской, О.А. Демиховской // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. [Т.] V. С. 185 (выделено нами. – *ИБО*)

² В статье «Лучше поздно, чем никогда» Гончаров выделяет в своей трилогии этапы Обыкновенной истории, Сна и Пробуждения, следуя за логикой интерпретации «Божественной комедии» Данте, предложенной его университетским учителем Шевыревым (Ад – история вечной пагубы людей, Чистилище – сон, растворенный надеждой, и Рай – торжество пробужденного к вечной жизни человечества). На микроуровне, т. е. в каждом романе Гончарова, которые входят в трилогию, эти этапы также повторяются.

³ *Достоевский* ФМОСобр. соч.: В 15 т. Л.: Наука, 1988–1996. Т. 11. 1993. С. 241, 242.

⁴ *Тургенев* ИСОПолн.собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. Т. 4. М.: Наука, 1980. С. 477. Типологию европейского романа, предложенную И.С. Тургеневым, можно продолжить примерами романов

европейские формы, поэтому он «столько же» думает «о создании романа, как о хождении на голове: что бы я ни писал, у меня выйдет ряд эскизов»¹.

А можно привести в пример известное суждение Л.Н. Толстого, который был уверен в том, что «мы, русские» (он имел в виду не только себя как автора «Войны и мира», но и своих предшественников и современников – А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского), «вообще не умеем писать романов в том смысле, в каком понимают этот род сочинений <...> в Европе», потому что русская художественная мысль «не укладывается в эту рамку и ищет для себя новой»². В своих разъяснениях к «Войне и миру» писатель справедливо говорил о свойственных русскому роману со времен Пушкина *постоянных отступлениях* от европейской формы³.

Роман европейский, имеющий свою историю и генеалогию, которой, в сущности, не было еще в России, Тургеневу отчасти потому казался недостижимым, что, возможно, вел романиста немного не туда: русскому писателю была интереснее вертикаль, чем горизонталь. Этот тип романа не вполне отвечал поистине все-ленским задачам, которые отечественные романисты перед собой ставили, тогда как уникальные жанровые опыты Данте и Гете, отмеченные «высшей смелостью» «изобретения», вполне могли служить истоками для вершинной смыслоформы русского романа.

Русский классический роман складывался во многом как «самостоятельный жанр», если перефразировать Шеллинга, но с учетом тех универсальных и масштабных художественных изучений, что были представлены в дантовском и в гетевском «образцах созерцания универсума». Русский роман хочет «захватить всё» (Л.Н. Толстой), «перерыть все вопросы» (Ф.М. Достоевский), объять всю жизнь. Последнее точно сформулировал И.А. Гончаров, утверждавший, что «в роман всё уходит», потому что роман – «это не то что драма или комедия», у него «берегов нет или не видать; не тесно, всё уместится там»: «в роман укладывается вся жизнь, и целиком, и по частям», «только роман может охватывать жизнь и отражать человека!», наконец, роман есть «трудная и нескончаемая работа над собой, над своей собственной статуей, над идеалом человека»⁴. То есть роман есть книга, в которой умещается вся жизнь, и вся эта огромная, безбрежная жизнь восстанавливается из, казалось бы, несогласованного «хаоса всех разнозвучий» (Шевырев) и выстраивается в стройный и цельный *сюжет "спасения*.

Дантовский и фаустовский варианты *сюжета "спасения* или восстановления падшего человека были зависимы от системы мотивов и образов, которые способствовали их реализации. Структура каждого из «сюжетов» предопределяется особым типом героя.

«вальтер-скоттовского», «бальзаковского», «гетевского», «сервантесовского» типа и др. О последних двух писал Шеллинг, имея в виду под «гетевским» типом прежде всего «Вильгельма Мейстера».

¹ Тургенев *ИОСО* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. Т. 3. М.; Л.: Наука, 1961, С. 290.

² Толстой *ЛНО* Полн. собр. соч. Юбилейн. изд.: В 90 т. Т. 13. Война и мир. Черновые редакции и варианты. М.; Л.: ГИХЛ, 1949. С. 55.

³ «История русской литературы со времени Пушкина не только представляет много примеров такого отступления от европейской формы, но не дает даже ни одного примера противного. Начиная от Мертвых Душ Гоголя и до Мертвого Дома Достоевского, в новом периоде русской литературы нет ни одного художественного прозаического произведения, немного выходящего из посредственности, которое бы вполне укладывалось в форму романа, поэмы или повести» (Толстой Л.Н. Несколько слов по поводу книги «Война и мир» // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Юбилейн. изд.: В 90 т. Т. 16. М.; Л.: ГИХЛ, 1955. С. 7.

⁴ Гончаров *ИОЮ* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 7. СПб.: Наука, 2004. С. 38, 39, 209, 554.

Для *дантовского* сюжета важна трехчастность, прежде всего соотнесенность «вечной пагубы людей», сновидческой надежды на пробуждение и самого пробуждения. Также необходим герой «в половине жизни», т. е. в возрасте человека, находящегося на вершине дантовской дуги («Пир»), что обуславливает возможные векторы его пути – схождение в бездну после блуждания в «темном лесу» жизни и возможное «восстановление» как восхождение «по ступеням». «Сюжет» предполагает наличие персонажей-помощников: один олицетворяет собой мудрость земную и способен провести героя по аду современной жизни (мотив Вергилия); другой (вернее, другая) – являет собой мудрость небесную и способен пробудить падшего человека (мотив Беатриче). Он органически связан с целым комплексом поэтических метафор, символов и мотивов, важнейшие из которых – сон, темный лес, музыка и свет.

Дантовский «сюжет» как вариант «образца созерцания универсума» в своих структурных элементах был востребован русским романом, для которого исключительно важен был «дантовский человек» на пике возрастной дуги, помощники по восхождению и этап сна. Не менее важной оказывалась, конечно, и сама трехчастность, сопряженная с архитектурой Вселенной, которая эксплицировалась и на земные картины жизни. Дантовская модель проявлялась уже в пушкинском «Евгении Онегине», однако сосуществовала там практически на равных с фаустовской сюжетикой. А вот для Н.В. Гоголя она оказалась исключительно важна, но в полной мере стала актуальной и была самобытно и творчески переосмыслена И.А. Гончаровым – самым «дантовским» русским романистом.

Фаустовский сюжет определяется фаустовским типом героя, доминирующей чертой которого оказывается двойственность (Zwei Seelen) как основополагающая черта современного человека, который жаждет гармонии и Богоприсутствия, но «не просит» об этом (Ф.И. Тютчев). Для данного типа «сюжета» характерна параболитичность (Фауст оказывается спасенным на пути в ад), изначальная мистериальность (спор Бога и Мефистофеля о Фаусте) и предопределенное Божьим Промыслом *смутное* и *исканье* героя, которое заключается в неудержимом стремлении к полноте бытия, большей частью через поиск Красоты (линии Фауст – Гретхен, Фауст – Елена) или социальное служение.

Подобная сюжетная схема была едва ли не самой востребованной в русской романистике и потому имела многочисленные варианты. Вслед за «Евгением Онегиным», где, повторимся, оба «образца» сосуществовали органически, следовал лермонтовский «Герой нашего времени», в котором ожили в современности и обрели неповторимый национальный облик все «сюжетные» элементы «Фауста» – от типа героя и его *исканья* *смутного* как поиска полноты бытия, в том числе через стремление к Красоте, до идеи «незаслуженного» спасения. Великий оппонент М.Ю. Лермонтова Ф.М. Достоевский также обращается к фаустовской модели *сюжета* *спасения* и традиционно считается одним из первых создателей типа «русского Фауста», что, кстати, не совсем справедливо. Думается, однако, что «самым фаустовским» русским романистом можно назвать И.С. Тургенева, «новая манера» которого в важнейших и коренных своих свойствах восходила к сюжетному комплексу «Фауста»¹.

¹ См.: *Беляева* ИЮО Проза И.С. Тургенева 1850-х годов: «фаустовские» истоки и смыслы // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2015. Т. 74. № 6. С. 5–18.

Таким образом, можно выделить две генетико-типологические ветви русского классического романа¹. Одна из них восходит к дантовской линии *сюжета "спасения"*, другая – к фаустовской, что свидетельствует, с одной стороны, о единстве русского романа, которое определяется общей для всех романистов сверхзадачей – *восстановлением "падшего" человека "и" человечества*, с другой – говорит о принципиальном и неизбежном различии в архитектонике текстов, восходящих к разным вариантам сходного *сюжета "спасения"*.

ЛИТЕРАТУРА

- Аветисян В.О.* Гете и Данте. Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 1998. 85 с.
- Аникст А.О.* Гете и Фауст: От замысла к свершению. М.: Книга, 1983. 272 с.
- Беляева Т.И.* Генезис русского классического романа («Божественная комедия» Данте и «Фауст» Гете как истоки жанра). Ч. I. М.: МГПУ, 2011. 280 с.
- Беляева Т.И.* Проза И.С. Тургенева 1850-х годов: «фаустовские» истоки и смыслы // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2015. Т. 74. № 6. С. 5–18.
- Беляева Т.И.* «Странные сближения»: Данте и Гончаров // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2007. Т. 66. № 2. С. 23–38.
- Вердеревская Н.О.* Русский роман 40–60-х годов XIX века: Типология жанровых форм. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1980. 133 с.
- Волкова Е.И.* Сюжет о спасении в русской, английской и американской литературе. М.: Нопаяз, 2001. 284 с.
- Гончаров И.О.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб.: Наука, 1997–...
- Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 15 т. Л.: Наука, 1988–1996.
- Линков В.Ю.* Свой путь русского реализма // Русская словесность. 2012. № 5. С. 9–21.
- Манн Ю.В.* Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М.: Coda, 1996. 474 с.
- Назирова Р.Г.* О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2010. 408 с.
- Недзвецкий В.О.* История русского романа XIX века. Неклассические формы: Курс лекций. М.: Изд-во Московского ун-та, 2011. 152 с.
- Недзвецкий В.О.* Классический русский роман XIX века: своеобразие героя и жанра // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2013. Т. 72. № 5. С. 3–15.
- Недзвецкий В.О.* Русский социально-универсальный роман XIX века: Становление и жанровая эволюция. М.: Диалог-МГУ, 1997. 262 с.
- Одинокое В.Г.* Проблемы поэтики и типологии русского романа XIX в. Новосибирск: Наука. Сибирское отд-е, 1971. 192 с.
- Одинокое В.Г.* Художественная системность русского классического романа: проблемы и суждения. Новосибирск: Наука. Сибирское отд-е, 1976. 196 с.
- Переписка И.А. Гончарова с великим князем Константином Константиновичем / Публ. [вступ. ст. и примеч.] Е.К. Демиховской, О.А. Демиховской // Российский Архив. 1994. Т. V. С. 176–240.
- Попов П.С.* Состав и генезис философии искусства Шеллинга // Шеллинг Ф. Философия искусства. М.: Мысль, 1966. С. 5–18.

¹ См.: *Беляева Т.И.* Генезис русского классического романа («Божественная комедия» Данте и «Фауст» Гете как истоки жанра): Учебное пособие. Ч. I. М.: МГПУ, 2011. 280 с.

Тамарченко Н.Д. Русский классический роман XIX века. Проблемы поэтики и типологии жанра. М.: Издат. центр Российского гос. гуманитарного университета (РГГУ), 1997. 203 с.

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Юбилейное издание: В 90 т. Т. 13. Война и мир. М.; Л.: ГИХЛ, 1949. 884 с.

Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения: В 12 т. Т. 4. М.: Наука, 1980. 688 с.

Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. Т. 3. М.; Л.: Наука, 1961. 737 с.

Цвейг Э. Статьи. Эссе. М.: Радуга, 1987. 448 с.

Шевырев С.П. Дант и его век: Исследование о Божественной Комедии // Ученые записки Императорского Московского университета. 1833. Ч. 2. № 5. С. 307–363, № 6. С. 509–543; 1834. Ч. 3, № 7. С. 118–180, № 8. С. 336–373, № 9. С. 550–575, № 10. С. 117–155, № 11. С. 365–397.

Шеллинг Ф. Философия искусства. М.: Мысль, 1966. 496 с.

Эсалнек А.Ю. Общее и особенное в развитии русского и западноевропейского романа // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. 2002. № 4. С. 40–48.

Эсалнек А.Ю. Типология романа (теоретический и историко-литературный аспекты). М.: Издательство Моск. ун-та, 1991. 159 с.

TGHGTGPEGU

Avetisyan V.A. (1998) Goethe and Dante. Izhevsk: Publishing House of Oudmurtzky University Press. 85 p.

Anikst A.A. (1983) Goethe's Faust: From Conception to Accomplishment. Moscow. Kniga Publ. 272 p.

Belyaeva I.A. (2011) Genesis of Classic Russian Novel ("The Divine Comedy" by Dante and "Faust" by Goethe as the Origins of the Genre). Part I. Moscow. Moscow City University Press. 280 p.

Belyaeva I.A. Turgenev's Prose of 1850s: "Faustian" Origins and Meanings. *Кругозор* 2015. Vol. 74. No 6, p. 518.

Belyaeva I.A. "Strange convergence": Dante and Goncharov. *Кругозор* 2007. Vol. 66. No 2, p. 2338.

Correspondence of I. A. Goncharov with Grand Duke Konstantin Konstantinovich / Eds. [Introd. art. and notes] E.K. Demikhovsky, O.A. Demikhovsky. *Труды* 1994. Vol. 5, p. 176240.

Dostoevsky F.M. Collected Works: In 15 vols. Leningrad. Nauka Publ. 1988–1996.

Esalnek A.Ya. General and Especial in Development of Russian and Western European Novel. *Отечественные записки* 2002. No 4, pp. 40–48.

Esalnek A.Ya. (1991) The Typology of a Novel (Theoretical, Historical and Literary Aspects). Moscow. Lomonosov Moscow State University Press. 159 p.

Goncharov I.A. Complete Works and Letters: In 20 vols. St.-Petersburg. Nauka Publ. 1997– ...

Linkov V.Ya. Own Way of Russian Realism. *Труды* 2012 № 5, p. 921.

Mann Yu.V. (1996) Poetics of Gogol. Variations to the Theme. Moscow. Coda Publ. 474 p.

Nazirov R.G. About Mythology and Literature, or the Overcoming of Death. Ufa. Ufa Printing Plant. 2010. 408 p.

Nedzwiecky V.A. (2011) History of the Russian Novel of the XIX century . Nonclassical Aorm: Lectures. Moscow. Lomonosov Moscow State University Press. 152 p.

Nedzwiecky V. A. Russian Classic Novel of the XIX century: The Originality of the Hero and Genre. *Классическая русская литература XIX века*. Vol. 72. No 5, p. 315.

Nedzwiecky V.A. (1997) Russian Social and Universal Novel of the XIX century: Formation and Evolution of the Genre. Moscow. Dialog MSU Publ. 262 p.

Odinokov V.G. (1971) Problems of Poetics and Typology of the Russian Novel of the XIX century. Novosibirsk. Nauka Publ. Siberian Dep. 192 p.

Odinokov V.G. (1976) Art Systematic of Russian Classic Novel: Problems and Judgments. Novosibirsk: Nauka Publ. Siberian Dep. 196 p.

Popov P.S. Composition and Genesis of the Philosophy of Art by Schelling. In: Schelling F. Philosophy of Art. Moscow. Mysl' Publ. 1966, p. 518.

Shevyrev S.P. Dante and His Age: A Study of the Divine Comedy . In: Scientific Notes of the Imperial Moscow University. 1833. Part 2. No 5, pp. 307–363, No 6, pp. 509–543; 1834. Part 3, No 7, pp. 118–180, No 8, pp. 336–373, No 9, pp. 550–575, No 10, pp. 117–155, No 11, pp. 365–397.

Schelling F. (1966) Philosophy of Art. Moscow. Mysl' Publ. 496 p.

Tamarchenko N.D. (1997) Russian Classic Novel of the XIX century . Problems of Poetics and Typology of the Genre. Moscow. Russian State Humanitarian University Press. 203 p.

Tolstoy L.N. Complete Works. Anniversary Edition: In 90 vol. Vol. 13. War and Peace. Moscow; Leningrad: GIHL. 1949. 884 p.

Turgenev I.S. Complete Works and Letters: In 30 vols. Works: In 12 vols. Vol. 4. Moscow. Nauka Publ. 1980. 688 p.

Turgenev I.S. Complete Works and Letters: In 28 vols. Letters: In 13 vols. Vol. 3. Moscow; Leningrad. Nauka Publ. 1961. 737 p.

Verderevsky N.A. (1980) Russian Novel of 40–60s of the XIX century: Typology of Genre Forms. Kazan. Publishing House of Kazan. University Press. 133 p.

Volkova E.I. (2001) The Plot of Salvation in Russian, English and American Literature. Moscow. Nopayaz Publ. 284 p.

Zweig S. (1987) Articles. Essay. Moscow. Raduga Publ. 448 p.

Сведения об авторе:

Ирина Анатольевна Беляева,
докт. филол. наук
профессор

Московский городской педагогический университет (МГПУ),
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Irina A. Belyaeva,
Doctor of Philology
Professor,
Moscow City University,
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
belyaeva-i@mail.ru

Телеология как философско/эстетическая и историко/литературная категория

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению понятия «телеология», которое было наиболее актуально для литературоведения 1920-х гг. и сегодня лишь эпизодически появляется в филологическом научном дискурсе. В то же время оно является полезным при рассмотрении процесса художественного творчества и внутренней структуры произведения. Художественная телеология означает целесообразность организации произведения, его «устройство» в соответствии с целью, художественной задачей автора. Сопрягаясь с целым рядом научных понятий (авторское намерение, установка, замысел, цель, завершенность, целостность), телеология не дублирует ни одно из них, но учитывает, аккумулирует их значения. Речь идет о намерении, включающем в себя как работу сознания, так и эмоционально-психологический подсознательный импульс. Таким образом, будучи связанной с выявлением смысла и целесообразности художественного явления, телеология ведет к пониманию не только его поэтики, но и его метафизической сущности.

Ключевые слова: телеология, целеполагание, авторское намерение, установка, замысел, завершенность

Summary: The article is devoted to the concept which was important for the literary studies of the 1920s but today only occasionally appears in philological scientific discourse. At the same time, it may be helpful while considering in the process of artistic creation and the internal structure of the literary work. By art teleology we mean the feasibility of organizing the work, its structure in accordance with the purpose and the artistic task of the author. Besides matching with a variety of scientific concepts (the author's intention, setting, conception, purpose, maturity, integrity), teleology does not duplicate any of them, but considers and accumulates their values. That entails intention which includes a consciousness work as well as emotional and psychological subconscious impulse. Thus, being associated with the identification of the meaning and usefulness of the artistic phenomenon, teleology leads to understanding not only of his poetics, but also of his metaphysical essence.

Keywords: teleology, definition of objectives, the author's intention, setting, conception, maturity

Подобно ряду литературоведческих понятий, телеология является категорией, привнесенной из философии и переосмысленной в рамках новой научной парадигмы. «Телеология» (τέλειος и τέλεος) в переводе с греческого, как указывает современный греко-русский словарь, имеет семь значений. В контексте литературоведения особенно важными оказываются два из них: «законченный, совершившийся (πρῆμα Aesch.)» и «нечто цельное и законченное»¹. «Новейший философский словарь» дает близкое толкование, формулируя причины этой завершенности: (teleos) – «достигший цели»².

Возникнув еще в античности (Платон, Аристотель), телеология в дальнейшем стала одним из самостоятельных направлений европейской философии (Кант, Гегель, Фихте, Шеллинг, Шопенгауэр, Бергсон), хотя представление о сущности телеологии (имманентности природы обозначенного им явления или наличии в нем воли Творца) менялось. В любом случае оно рассматривалось с помощью категорий цели, причины, целостности / завершенности и смысла, которые становились при этом взаимозависимыми понятиями.

Современный исследователь даже называет телеологию «философией смысла», которая рассматривает, «во-первых, понимание смысла вообще; во-вторых, вопросы о целесообразности мира, жизни и истории»³. Телеологический подход оказывается востребован сегодня не только философией, но и естественными науками: его учитывают в объяснении природы органических явлений ученые-биологи и физики. «Упорядоченность живой материи, информация, в ней содержащаяся, имеют смысл, – пишет Л.А. Блюменфельд. – Смысл есть понятие телеологическое, – осмысленно то, что имеет цель»⁴.

Возвращение к этому понятию как филологической категории если и не предполагает его непременно научной актуализации, то оказывается полезным при рассмотрении процесса художественного творчества и внутренней структуры произведения. В этом случае речь идет о художественной телеологии, которая вбирает в себя философский смысл этого понятия, но экстраполируется на творческий процесс, литературное произведение с учетом специфической природы последнего. Сошлемся на определение Ю. Борева в его «Эстетике» (примечательно отсутствие этого понятия в учебниках по теории литературы и литературоведческих словарях): «Телеология (от греч. telos – результат, завершение и logos – учение) – целеполагание, знание цели происходящего... По отношению к художественному тексту: концепция, утверждающая осмысленную, автором задуманную и последовательно осуществляемую в созданной им художественной реальности целенаправленную цель действий, в которой нет ничего случайного. Автор здесь выступает как демиург художественного мира, создающий художественную реальность, несущую авторскую концепцию мира и личности»⁵.

Итак, художественная телеология будет означать, прежде всего, целесообразность организации произведения, его «устройство» в соответствии с целью, художественной задачей автора. Однако перед литературоведом (может быть, еще более принципиально, чем перед философом) встанет вопрос о том, что такое цель (или

¹ Греческо-русский словарь / Сост. А.Д. Вейсман. СПб., 1899. С. 1234.

² *Можейко* "МНО"Новейший философский словарь. Минск: Книжный дом, 2003. С. 1025.

³ *Пивовев* "ВМО"Философия смысл, или телеология. Петрозаводск, 2004. petrsu.ru/Chairs/Culture/teology.html

⁴ *Блюменфельд* "ЛМО"Проблемы биологической физики. М, 1977. www.smolensk.ru/user/sgma/MMOR-PH/N-7-html/CVETKOV/cvetkov.htm

⁵ *Борев* "ЮО"Эстетика. www.gumer.info/bibliotek

привычные для нас эквиваленты этого понятия – авторское намерение, замысел, установка и пр.) и каково ее значение для понимания произведения; что означает целесообразность его внутренней структуры. Не являясь собственно эстетическими понятиями, они не входят в литературоведческие словари и справочники, не являются предметом специального рассмотрения в теоретических работах или учебниках, однако без них практически не обходится истолкование произведения. Опосредованно эти понятия связаны с номинацией идеи или концепции произведения, но оказываются по отношению к ним, скорее, мотивацией, реализованной в этих категориях. Вопрос заключается в том, насколько эта мотивация воплощена в тексте; как соотносятся в ней осознанная цель и бессознательное намерение, как можно их выявить и в какой мере достоверны эти свидетельства и т. д.

Примечательны в этом плане суждения литературной критики. В.Г. Белинский считал, что есть тип художников, у которых «сознанная цель впереди всего, а поэзия только средство к достижению этой цели»¹. К таким художникам он относит, например, А.И. Герцена, его роман «Кто виноват? Его цель, считает Белинский, – передать читателю «мысль о достоинстве человеческом, которое унижается предрассудками, невежеством...»². Однако эта «прекрасная, исполненная глубокого трагического значения мысль», приходит он к выводу, не получила своего художественного воплощения. Н.А. Добролюбов в своей «реальной критике» сознательно снимает вопрос об авторском намерении, точнее, авторской установке как внетекстовой реальности. Ему важно было сделать собственные выводы по поводу анализируемого произведения, и потому он поясняет: «Для нас не столько важно то, что хотел сказать автор, сколько то, что сказалось им, хотя бы и не намеренно, просто вследствие правдивого воспроизведения фактов жизни...»³. При этом Добролюбов берет на себя истолкование авторского намерения, руководствуясь не столько внутренними законами текста, сколько своим представлением о том, какие публицистические задачи можно с его помощью решить.

Наиболее активно вопросы телеологии обсуждались в отечественном литературоведении 1920-х гг., когда о телеологии говорили представители формальной школы, а также А.М. Евлахов, Б.М. Энгельгардт, В.В. Виноградов, А.П. Скафтымов, М.М. Бахтин, Н.К. Пиксанов, Б.В. Томашевский и др. Основной контекст употребления этого понятия – сфера поэтики, активно осваиваемая разными направлениями научной мысли этого периода. Эта частная «понятийная» проблема в свою очередь выводила исследователей на уровень методологических поисков – осмысления вопросов о соотношении художественного замысла и его воплощения, роли авторской интенции, пр.

Понятие телеологии оказалось востребованным, прежде всего, в связи с формированием идеи целостности литературного произведения. Практически все ученые, так или иначе пользующиеся этой категорией, сходились в представлении о произведении как художественном единстве. Расхождения начинались там, где речь шла о причинах этого единства, о том, кроются ли они только во внутренней структуре произведения, или этому есть внешнее объяснение, связанное с целевыми установками автора.

¹ Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года // Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 8. М.: Художественная литература, 1982. С. 375.

² Там же.

³ Добролюбов Н.А. Когда же придет настоящий день? // Добролюбов Н.А. Собр. соч.: В 9 т. Т. 6. М.; Л.: Художественная литература, 1963. С. 97.

Ю.Н. Тынянов исходил из понимания цели как фактора, «внеположенного» объекту, и потому определял телеологию, целеполагание как внетекстовое явление, имеющее факультативное значение. Нужно исключить, пишет он, телеологический, целевой оттенок, «намерение» из слова «установка»¹, связывая понятие «установка» с внутренней организацией текста. Это «не только доминанта произведения (или жанра), функционально окрашивающая подчиненные факторы, но вместе и функция произведения (или жанра) по отношению к ближайшему внелитературному – речевому ряду»². Телеологическое же рассмотрение произведения, т. е. рассмотрение его с учетом «творческих намерений» автора не может объяснить, считает Тынянов, все то, «что не укладывается в него» (намерение) и потому «объясняется случайностью или просто оставляется без анализа»³. Тыняновское представление о телеологии выражает достаточно устойчивое мнение о том, что художественная задача писателя (цель, установка) часто расходится с воплощением и потому не может иметь принципиального значения для понимания произведения.

Однако уже внутри ОПОЯЗа возникло и другое понимание телеологии. Не случайно М.М. Бахтин отмечает, что «в истории формальной школы обсуждение телеологического принципа оказалось первым симптомом кризиса, первым признаком ее грядущего распада»⁴. В.М. Жирмунский в статье 1919 г. «Задачи поэтики» говорит именно о «внутренней телеологии», рассматривая различие научного и разговорного языков, с одной стороны, и поэтического языка, с другой. Это понятие оказывается необходимо ему также для характеристики программного термина формальной школы – приема. Жирмунский подчеркивает его содержательно-смысловую наполненность: «Прием есть факт художественно-телеологический, определяемый своим заданием: в этом задании, т. е. в стилистическом единстве художественного произведения, он получает свое эстетическое оправдание»¹. В статье «К вопросу о “формальном методе”» (1923) Жирмунский повторяет характеристику приемов как «эстетически значимых фактов, определяемых своей художественной телеологией»⁵.

Близкое понимание телеологии как внутренней организации текста («телеология приема») мы находим у Б.М. Эйхенбаума, А.М. Евлахова, Б.М. Энгельгардта, В.В. Виноградова. Призывая к сближению литературоведения с «соседней дисциплиной», Б.М. Эйхенбаум писал в 1921 г.: «Лингвистика оказывается в ряду наук о природе, поэтика – в ряду наук о духе <...>. Поэтика строится на основе телеологического принципа и потому исходит из понятия приема; лингвистика же, как и все естествознание, имеет дело с категорией причинности и потому исходит из понятия явления как такового»⁶. Б.М. Энгельгардт, руководствуясь идеей «внутренней телеологии» произведения, считает также необходимым изучение читательского восприятия, которое, в свою очередь, оказывается «внутренне телеологичным»⁷.

¹ Тынянов *ЮНО* Ода как ораторский жанр // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 278.

² Там же. С. 228.

³ Там же.

⁴ Бахтин *ММО* Философская эстетика 1920-х годов // Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 1. М., 2003. books.google.ru/books

⁵ Жирмунский *ВМО* Задачи поэтики // Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука, 1977. С. 35.

⁶ Эйхенбаум *БМО* поэзии. Л.: Советский писатель, 1969. С. 337.

⁷ Энгельгардт *БМО* Феноменология и теория словесности. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 36.

Наиболее развернутые рассуждения по поводу художественной телеологии мы находим в этот период у А.П. Скафтымова. «Главным методологическим убеждением автора предлагаемой статьи («Тематическая композиция романа “Идиот”»), 1924 г. – *НВО*), – пишет о себе Скафтымов в третьем лице, – было признание телеологического принципа в формировании произведения искусства»¹. Однако Скафтымов трактует его несколько иначе, чем представители формальной школы. Телеологический принцип для него – это прежде всего намерение автора, задание, которое предшествует созданию произведения искусства и которое необходимо учитывать. «Художник из множества проносящихся в его воображении формальных возможностей, – поясняет ученый, – выбирает те или иные лишь потому, что узнает в них соответствие тому, что он в себе уже смутно носит и воплощения чему ищет»². Речь явно идет о начальном этапе художественного творчества, об этапе возникновения замысла, где, с точки зрения Скафтымова, сосуществуют рациональный момент и интуитивно-бессознательное начало. «Задание, – уточняет он, – это та общая душевная пронизанность, которую ощутил в себе художник как призыв к творчеству»³. Но этот внешний по отношению к произведению фактор, согласно логике Скафтымова, существует только в своем художественном воплощении. «Отсюда понимание произведения как сложной системы, где все предопределено «внутренней телеологией», проявляющейся в «целесообразности» организации произведения. По сути, он возвращает слову «целесообразность» его этимологическое значение – организованный (-ое) сообразно цели.

В таком объяснении телеологической природы произведения Скафтымов идет, скорее всего, от классической философской трактовки этого понятия. Так, можно проследить связь его работ с гегелевской «Наукой логики», разделом «Учение о понятии», включающим в себя «Телеологию», а также гегелевской «Философией природы». «Когда мы думаем о цели, – рассуждает философ в «Науке логики», – мы не должны приравнивать ее исключительно к той форме, в которой она находится в сознании как форма наличного в представлении определения»⁴. И далее, ссылаясь на Канта, а через него на Аристотеля, Гегель возвращается к понятию «внутренней целесообразности», отличая ее от «внешней», на которой настаивает, как он отмечает, современная телеология. «Внутренняя целесообразность», уточняет Гегель, предполагает «деятельность цели», в результате которой «цель смыкается с собой через посредство реализации»⁵. Только в этом случае оказывается понятна, считает философ, «природа вещей».

Согласно гегелевской трактовке телеологии, «понятие цели как имманентной предметам природы представляет собой простую их определенность»⁶. Гегель поясняет это примером из мира органической жизни природы: «Зародыш растения уже содержит в реальной возможности все то, что потом обнаруживается в дереве, и этот зародыш, следовательно, как целесообразная деятельность стремится

¹ Скафтымов *АПО* Тематическая композиция романа «Идиот» // Скафтымов А.П. Нравственные искания русских писателей. М: Художественная литература., 1972. С. 23.

² Там же.

³ Там же. С.24.

⁴ Гегель *ГФФ* Энциклопедия философских наук // Гегель Г.Ф. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1974. С. 393.

⁵ Там же.

⁶ Гегель *ГФФ* Энциклопедия философских наук // Гегель Г.Ф. Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. М.: Мысль, 1975. С. 14.

лишь к самосохранению»¹. Гегель возвращается при этом к Аристотелю, впервые увидевшему в природе такого рода целевую деятельность, «внутреннюю целесообразность»².

Говоря о внутренней телеологии произведения искусства, Скафтымов не проводит параллелей с миром природы (как это делали, например, в критике В. Белинский или Ап. Григорьев) и, естественно, снимает религиозно-мистическое истолкование художественного процесса; однако его объяснение духовно-творческих возможностей художника сохраняет стилистику русской философской эстетики и критики XIX в. «В произведении искусства, – пишет он, – нет ничего случайного, нет ничего, что не вызвано было бы конечной устремленностью ищущего творческого духа»³. Таким образом, ключевым положением философско-эстетической концепции Скафтымова оказывается идея внутреннего единства, завершенности художественного текста. «Внутренняя целесообразность» в интерпретации Скафтымова и есть прежде всего целостность произведения как проявление этого единства, гармоничности, завершенности. «Компоненты художественного произведения, – пишет он, – по отношению друг к другу находятся в известной иерархической субординации: каждый компонент, с одной стороны, в задании своем подчинен, как средство, другому, а с другой стороны – и сам обслуживается, как цель, другими компонентами»⁴. Целесообразность и целостность оказываются у Скафтымова не только фонетически, но семантически близкими понятиями, прежде всего на уровне причинно-следственных отношений. Главный же критерий интерпретации произведения, с точки зрения ученого, «единое функциональное скрещение телеологической значимости всех компонентов»⁵.

Н.Д. Тамарченко сближает эти научные представления Скафтымова с идеями ранних работ М.М. Бахтина, отмечая в то же время, что Бахтин только «внешнюю композицию» считал «телеологической»⁶. Таким образом, частично расходясь в объяснении телеологии с представителями формальной школы, Скафтымов оказывается единомышлен с ними в понимании внутренней структуры произведения, связи его компонентов.

Новый поворот в понимании телеологии наметился в работах Н.К. Пиксанова («Творческая история “Горя от ума”», 1928, др.). Он соглашается с формальной школой в том, что художественные средства в произведении подчиняются определенному заданию, которое осуществляется художественным приемом или стилем; что понятие приема – «понятие телеологическое». Вместе с тем, считает ученый, эта задача решается не только благодаря пристальному изучению самого текста и приемов, но «мотивации» их употребления. «Недостаточно установить, пишет он, – телеологию эпитетов, метафор, вообще мелких стилистических единиц и форм, – необходимо воссоздать телеологию основного замысла, общую конструк-

¹ Гегель *ТФФ* Энциклопедия философских наук // Гегель Г.Ф. Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. М.: Мысль, 1975. С. 14.

² Гегель *ТФФ* Энциклопедия философских наук. Т. 1. М.: Мысль, 1974. С. 393

³ Скафтымов *АПО* Тематическая композиция романа «Идиот» // Скафтымов А.П. Нравственные искания русских писателей. М.: Художественная литература, 1972. С. 23.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Тамарченко *НЦД* Автор «имманентный» и автор «внежизненно-активный» // Александр Павлович Скафтымов в русской литературной науке и культуре. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2010. С. 32.

тивную целесообразность, преднамеренность»¹. Таким образом, вопрос о мотивации связан для Пиксанова не только с внутренней упорядоченностью текста, но и предшествующей его созданию художественной задачей. Это становится возможным, считает Пиксанов, при обращении к творческой истории произведения.

Эта мысль была, в свою очередь, подвергнута критике Б.В. Томашевским, который считал, что внутренняя целеустремленность (телеология) художественного приема не совпадает с личными намерениями автора, «поэтому вовсе не намерения автора и вовсе не тот путь, которым автор дошел до сознания произведения, дают ему смысл... Произведение создает не один человек, а эпоха... Автор во многих отношениях является только орудием»². Исследователь полагает, что «важно не то, куда целит автор, а куда он попадает»³. Таким образом, вопрос о телеологии литературного произведения оказался в 1920-е гг. в некоем полемическом поле, где пересекались наиболее актуальные вопросы филологической науки этого периода.

Эти вопросы сохранили свою актуальность и в дальнейшем, как в русской, так и в европейской науке. В. Шмидт в своем обзоре теорий авторства останавливается, в частности, на западных теоретических дискуссиях 1940-х гг., продемонстрировавших «недоверие к автору». Он ссылается при этом на так называемых «новых критиков» (Уильям К. Уимсатт и Монро С. Бердсли), выступивших против учета намерений автора, замысла, ибо созданный текст ему не принадлежит. «Заблуждение», по мнению «новых критиков», появляется тогда, поясняет Шмидт, «когда толкователь пользуется для интерпретации разъяснениями намерений, исходящими от самого поэта, сведениями и информацией относительно истории создания произведения»⁴.

Авторский комментарий, действительно, достаточно распространенное явление в истории литературы. Наиболее типичные примеры тому – авторское предисловие (например, роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»), критические статьи (И.А. Гончаров «Предисловие к роману “Обрыв”», «Намерения, задачи и идеи романа “Обрыв”»), авторские отступления в тексте комментирующего характера (в романе Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» – это письма ее подруге Елене Костюкевич, которыми сопровождается каждая часть книги), наконец, авторские письма. Такого рода комментарии чрезвычайно важны для понимания процесса творчества, истории создания произведения и авторских намерений, в конечном счете. Однако, начиная с литературной критики XIX в., этот вопрос постоянно возвращал исследователей к осмыслению функционирования произведения. Сегодня практически аксиомой стала мысль о том, что, будучи созданным, произведение отделяется от своего создателя, «получает» самостоятельную жизнь, приобретает смыслы, может быть не совпадающие с намерениями автора.

Категория телеологии оказалась востребованной сегодня семиотикой. Так, Р. Барт пользуется этим понятием для разграничения текста и произведения. «Произведение, по Барту, – пишет Г. Косиков, – это центрированное смысловое единство, подчиненное телеологическому заданию, сознательно структурированный продукт, предназначенный для коммуникации. Текст, напротив, есть неди-

¹ Пиксанов *НКО* Творческая история «Горе от ума». М., 1971. feb-web.ru/feb/griboed/critics/tig/tig-001-.htm

² Томашевский *БВО* Писатель и книга. Очерки текстологии М.: Наука, 1959. С. 151–152.

³ Там же.

⁴ Шмидт *ВО* Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 46.

ферренцированная масса культурных смыслов, еще не подчинившихся телеологическому заданию»¹.

Сопрягаясь с целым рядом научных понятий (авторское намерение, установка, замысел, цель завершенность, целостность), телеология не дублирует ни одно из них, но учитывает, аккумулирует их значения. Сама множественность этих значений предопределяет неоднозначность понятия телеологии. Тем не менее практически все филологи, которые обращались к понятию телеологии, видят органическую связь авторского намерения с текстом, хотя для одних речь идет исключительно о внутренней телеологии (телеология приема, конкретного элемента текста), для других также о телеологии произведения в целом. В этом случае говорится о намерении, включающем в себя как работу сознания, так и эмоционально-психологический подсознательный импульс. Таким образом, будучи связанной с выявлением смысла и целесообразности художественного явления, телеология ведет к пониманию не только его поэтики, но и его метафизической сущности.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин "ММО" *Философская эстетика 1920-х годов* // Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 1. М.: ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2003. /books.google.ru/books?id=jlWmCgAAQBAJ&pg=PA719&lpg=PA719

Белинский "ВГОВзгляд на русскую литературу 1847 года // Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 8. М.: Художественная литература, 1982.

Блюменфельд "ЛЮО" *Проблемы биологической физики*. М, 1977. www.smolensk.ru/user/sgma/MMORPH/N-7-html/СВЕТКОВ/cvetkov.htm

Борев "ЮО" *Эстетика*. М.: Высшая школа, 2002. www.gumer.info/bibliotek

Добролюбов "НОЮ" *Когда же придет настоящий день?* // Добролюбов Н.А. Собр. соч.: В 9 т. Т. 6. М.; Л.: Художественная литература, 1963.

Греческо-русский словарь / Сост. А.Д. Вейсман. СПб., 1899. www.twirpx.com/file/567873/

Гегель "ГОФ" *Энциклопедия философских наук* // Гегель Г.Ф. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1974. 437 с.

Гегель "ГОФ" *Энциклопедия философских наук* // Гегель Г.Ф. Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. М.: Мысль, 1975. 573 с.

Жирмунский "ВМО" *Задачи поэтики* // Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука, 1977.

Можейко "МОЮ" *Новейший философский словарь*. Минск: Книжный дом, 2003. 1271 с.

Косиков "ГО" *Текст / Интертекст / Интертекстология* // Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / Общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова; пер. с фр. Г.К. Косикова, Б.Н. Нарумова, В.Ю. Лукасик. М.: Издательство «ЛКИ», 2008. С. 8–42.

Пивоев "ВМО" *Философия смысл, или телеология*. Петрозаводск, 2004. <http://petrsu.ru/Chairs/Culture/teology.html>

Пиксанов "НКО" *Творческая история «Горе от ума»*. М., 1971. feb-web.ru/feb/griboed/critics/tig/tig-001-.htm

Скафтымов "АПО" *Нравственные искания русских писателей*. М.: Художественная литература, 1972. 543 с.

¹ *Косиков* "ГО" *Текст / Интертекст / Интертекстология* // Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М., 2008. С. 30.

Тамарченко "НДЮ" Автор «имманентный» и автор «внежизненно-активный» // Александр Павлович Скафтымов в русской литературной науке и культуре. Статьи, публикации, воспоминания, материалы. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2010.

Томашевский "БВО" Писатель и книга. Очерки текстологии М.: Наука, 1959. 230 с.

Тынянов "ЮНО" Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 575 с.

Эйхенбаум "БМО" поэзии. Л.: Советский писатель, 1969. 552 с.

Энгельгардт "БМО" Феноменология и теория словесности. М.: Новое литературное обозрение. 2005. 464 с.

Шмидт "ВО" Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 311 с.

TGHGTGPEEG

Bakhtin M.M. Philosophical Aesthetics of 1920s. In: Bakhtin M.M. Collected Works: In 7 vols / A.M. Gorky Institute of World Literature, RAS. Vol. 1. Moscow. 2003. books.google.ru/books?id=j1WmCgAAQBAJ&pg=PA719&lpg=PA719&dq=Бахтин+М.М.+Т.1&source=bl&ots=3IsxllcR82&sig=U9dV5QIOh70GoUl_XHyXmwh3auk&hl=ru&sa

Belinsky V.G. Survey of Russian Literature in 1847. In: Belinsky V.G. Collected Works: In 9 vols. Vol. 8. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1982.

Blumenfeld L.A. (1977) Problems of Biological Physics. Moscow. www.smolensk.ru/user/sgma/MMORPH/N-7-html/CVETKOV/cvetkov.htm

Borev Y. (2002) Aesthetics. Moscow. Vysshaya Shkola Publ. www.gumer.info/bibliotek

Dobrolyubov N.A. When Will the Real Day Come? In: Dobrolyubov N.A. Collected Works: In 9 volumes. Vol. 6. Moscow; Leningrad. Khudozhestvennaya literatura Publ. 1963.

Greek-Russian Dictionary / Ed. by A.D. Weismann. St.-Peterburg, 1899. www.twirpx.com/file/567873/

Hegel G.W.Fr. Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften, Bd. 1–3 / Red.: Eva Moldenhauer, Karl Markus Michel. Frankfurt am Main, 1970,

Zhirmunski V.M. (1977) Theory of Literature. Poetics. Stylistics. Leningrad. Nauka Publ. 376 p.

Mozheyko M.A. (2003) The Newest Philosophical Dictionary. Minsk: Knizhniy Dom Publ. 1271 p.

Kosikov G. Text / Intertext / Intertekstologiya. In: Pyege-Gro N. Introduction to the Theory of Intertextuality. Moscow. LKI Publ. 2008, pp. 8–42.

Pivoev V.M. (2004) The Philosophy of Meaning, or Teleology. Petrozavodsk. petsru.ru/Chairs/Culture/teology.html

Piksanov N.K. (1971) Creative History of "Woe from Wit". Moscow. feb-web.ru/feb/griboed/critics/tig/tig-001-.htm

Skaftymov A.P. (1972) Moral Quest of the Russian Writers. Moscow. Khudozhestvennaya literatura Publ. 543 p.

Tamarchenko N.D. The «Immanent» Author and the «besides-of-life-active» Author. In: Alexander Pavlovich Skaftymov in Russian Literary Science and Culture Articles, Publications, Memories, Materials. Saratov: Saratov State University Press.

Tomashevsky B.V. (1959) Writer and Book. An Outline of Textology. Moscow. Nauka Publ. 230 p.

Tynyanov Yu.N. (1977) Poetics. History of Literature. Cinema. Moscow Nauka Publ. 575 p.

Eikhenbaum B.M. (1969) About Poetry. Leningrad. Sovetskiy pisatel Publ. 552 p.

Engelhardt B.M. (2005) Phenomenology and the Theory of Literature. Moscow. Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ. 464 p.

Schmid W. Elemente der Narratologie (Narratologia). De Gruyter; Auflage: 1 (1. Juli 2005). 320 S.

Schmid V. (2003) Narratology. Moscow. Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 2003. 311 p.

Сведения об авторе:
Наталья Владимировна Володина,
докт. филол. наук
профессор
кафедры отечественной филологии и прикладных коммуникаций
Череповецкий государственный университет

Natali V. Volodina,
Doctor of Philology
Professor
Department of Russian Philology and Applied Communications
Cherepovets State University
natalivolodina@mail.ru

Пейзаж < живопись 'и' литература

Аннотация: Статья посвящена истории такого жанра, как пейзаж, который в литературе и искусстве долгое время был лишь фоном для изображения основных событий, связанных с человеком. Автор пытается найти параллели между развитием пейзажа в этих областях – начиная с античности и заканчивая нашим временем, при этом он опирается на произведения литературы и работы искусствоведов и литературоведов. Отмечено изменение отношения к «природе» в XVII–XVIII вв. и последствия этого изменения.

Ключевые слова: пейзаж, природа, история живописи, античность

Сдмтсев <The article is devoted to the history of landscape genre, which for a long time had been only a background for the main events related to human both in art and in literature. The author of the paper tries to reveal the parallels between the role of landscape in these areas from ancient times to modernity, referring to different literary works and papers of art critics and specialists in literature. She also shows how in 17–18 centuries an attitude to the concept of nature changed, and the consequences of this change.

Мгф'y qtf u <landscape, nature, history of art, antiquity

Пейзаж – термин, пришедший в литературоведение из живописи. При этом и в живописи, и в литературе пейзаж долгое время играл второстепенную роль и был лишь фоном для изображения основных событий, связанных с человеком. Со временем, однако, этот жанр занял более значительное место в искусстве. Можно провести некоторые параллели между ролью пейзажа в живописи и литературе на разных этапах исторического развития этого жанра.

Слово пейзаж происходит от французского «*pays*» (страна, местность). Есть немало толкований этого слова – от простых и кратких («*видопись*, картина местности, вид природы, сельский вид»¹) до более сложных, построенных иногда вокруг фигуры человека («*изображение природного окружения человека и образ любого незамкнутого пространства, в том числе “городского пейзажа”*»²). А.Н. Бенуа, написавший четырехтомную «Историю живописи всех времен и народов»

¹ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 1–4. М.: Общество любителей российской словесности при Императорском Московском университете, 1863–1866. slovardalya.ru/

² *Кормилов С.И.* Пейзаж // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001. С. 731.

(1912–1917), так разделял два вида живописных изображений: «<...> объектами живописной передачи являются, с одной стороны, человек, а с другой – все, что «не человек», все, что мир вообще, все, что не обладает человеческим разумом, его страстями и душой. Последнюю категорию изображаемого мы и хотим объединить в настоящей “истории печатной живописи”»¹. При этом исследователь отмечает, что человеку психологически ближе такие же изображенные на картине существа (т. е. люди), как и он сам, в то время как изображение природы не содержит в себе ничего «личностного», человеческого. Возможно, в этом и кроется ответ на вопрос, почему развитие пейзажа в искусстве происходило так медленно.

Пейзаж не сразу был «признан» живописью и литературой еще и потому, что в те времена, когда человек не отделился еще от природы, а жил в ее мире, подчиняясь ее законам, он не всегда обращал внимание на ту привычную действительность, которая его окружала, даже если она была весьма красива. «В европейском искусстве пейзаж долгое время оставался только фоном для изображения человека, мифологических и исторических сюжетов, но применительно к греческому искусству даже фоновые изображения природы пейзажными не являются»². Если рассматривать античность – эпоху, в которую формировалась мировая культура, то окажется, что в это время красота природы не всегда открывалась человеку в полной мере. В «Илиаде» Гомера практически нет пейзажных описаний, детально изображающих окружающую героев местность, хотя в поэме и присутствуют образы природы, часто упоминаемые в сравнениях. Одна из главных причин этого – убежденность древних греков в том, что природа интересна не сама по себе, а как проявление божественной силы, ведь в каждом объекте окружающего их мира (горы, реки, даже деревья) обитают боги, нимфы, духи и т. д. С другой стороны, нельзя сказать, что в сочинениях, принадлежащих эпохе античности, вообще не встречаются пейзажные описания. Примером этому могут служить как раз те произведения, в которых описания природы были просто необходимы, так как были продиктованы законами жанра. Без них сложно представить себе произведения такого жанра, как идиллия, так как здесь главная тема – жизнь на лоне природы. Буколическая поэзия, воспевавшая жизнь пастухов и пастушек, также состоит во многом из описаний природы. То же самое можно сказать и о греческих пасторальных романах, самым известным из которых является роман «Дафнис и Хлоя» Лонга; в нем природоописания также занимают весомое место. Поэтому нельзя сказать, что красота природы в античном искусстве и литературе оставалась совершенно не замеченной.

На то, что человек, находясь в тесной связи с природным миром, не мог относиться к нему как к объекту любования, указывают в своих работах многие исследователи: А.Я. Гуревич³, А.В. Ахутин⁴ и другие. Г.В. Плеханов в статье «Об искусстве», рассуждая о «начале антитезы», противоречии, которое всегда наблюдалось в природе человека, приводил в пример историю пейзажа и указывал на то, что «дикий пейзаж нравится нам по контрасту с надоевшими нам городскими видами». Отмечал он и изменение роли пейзажа в искусстве в связи с изменением

¹ Бенуа "АНОИстория живописи всех времен и народов. Т. I. СПб.: Шиповник, 1912. www.benua-history.ru/vstuplenie.html

² Культурология. Энциклопедия: В 2 т. / Под ред. С.Я. Левита. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2007. С. 280.

³ Гуревич "АЮККатегории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972.

⁴ Ахутин "АВО «Фюсис» и «натура». Понятие «природа» в Античности и в Новое время // Ахутин А.В. Эксперимент и природа. СПб.: Наука, 2012.

общественных настроений¹. В.М. Фриче также считал, что «в феодально-иератических обществах для пейзажа нет места в искусстве, как нет в нем места для портрета <...>. Пейзаж, как и натюрморт, обособляется в отдельный жанр только в Голландии XVII века на уровне вполне развитого буржуазного уклада»². И Бенуа писал о медленном развитии этого жанра: «В историческом искусстве пейзаж, т.е. изображение целостности природы, пробивается очень медленно. Человек умеет уже в совершенстве изображать в графических символах отвлеченные идеи, умеет изображать свою наружность, свой быт, наконец, он не чуждается изображения животных, которые некоторым народностям удаются изумительно, но к природе в целом человек все так же безразличен, как на ранних ступенях своего развития. Лишь гораздо позже, перебрав все, изобразив все, «устав от своей человечности», он обращает свое внимание на безраздельные богатства вне тесного круга своего существования и ищет пути к пониманию этой красоты, ищет пути спасти ее, когда она гибнет; он пытается также в описаниях и изображениях уяснить для себя ее сущность»³. Почему же природа гибнет? Видимо, потому, что человек отходит от нее все больше и больше, замыкается постепенно в городском пространстве; природа постепенно «умирает» для него.

Но в XVII–XVIII вв. меняется отношение к самому понятию «природа», естественно, связанному с термином «пейзаж». Именно в это время концепт «природа» оказывается в центре не только естественнонаучных, но и философских споров. В дискуссии вовлечены известные культурные деятели. Во Франции это Д. Дидро, посвятивший природе статью в своей энциклопедии, П.А. Гольбах, Ж.-Ж. Руссо, Вольтер, Р. Декарт и другие; в Англии – Ф. Бэкон, Р. Бойль, И. Ньютон; пишет о природе и знаменитый нидерландский философ XVII в. Б. Спиноза. Познание природы становится важной целью также и для науки, изучается взаимодействие сил физических (природных) и этических (культурных). Весьма важно и то, что начинает учитываться место человека в мире, т. е. внимание уделяется не только изображению природы, но и людям как ее части. Само слово «природа» понимается теперь в более широком смысле: это не только флора и фауна, созданные по воле Бога, но и жизнь человека, еще одного природного существа, существующего на земле; при этом формируется понятие о природе в его самом широком значении – это наш мир, все сущее, земная реальность⁴.

В литературоведении пейзажу тоже не сразу стали уделять специальное внимание. Объектом исследования литературоведов чаще всего становятся либо манера изображения природы отдельным автором, либо история описаний природы в рамках определенного жанра. В литературе этот термин укореняется только в XVIII в. Согласно В.Е. Хализеву, «собственно же пейзажи до XVIII века в литературе редки. Это были скорее исключения, нежели “правило” воссоздания природы <...>. Время рождения пейзажа как существенного звена словесно-художественной образности – XVIII век. Так называемая описательная поэзия (Дж. Томпсон, А. Поуп) широко воссоздала картины природы, которая в ту пору (да и позже!) подавалась преимущественно элегически – в тонах сожалений о прошлом»⁵.

¹ Плеханов *ГВО* Искусство. М.: Новая Москва, 1922. С. 54–56.

² Фриче *ВМО* Социология искусства. М.: URSS, 2010. С. 159–160.

³ Бенуа *АНОУ* Указ. соч. Т. I. СПб: Шиповник, 1912. www.benua-history.ru/vstuplenie.html

⁴ Энгельс Ф., говоря о разграничении науки о природе и теологии, выделяет период первой половины XVIII в., когда были сделаны значительные открытия в области естествознания (И. Ньютон, К. Линней и др.). См.: Энгельс *ФД* Диалектика природы. М.: Политиздат, 1987.

⁵ Хализев *ВЕО* Теория литературы. М.: Издательский центр «Академия», 2009. С. 220.

По сравнению с XVII–XVIII вв., когда возможности пейзажа еще не были полностью открыты и использованы, в следующие века функции этого жанра значительно расширились. Конечно, в первую очередь пейзаж мог быть интересен в роли фона, служащего дополнением к характерам персонажей литературного произведения, их переживаний. Однако описания природы, как оказалось, могут выполнять еще и композиционную роль – обозначать время и место, где происходят описываемые события, замедлять или, наоборот, ускорять ход повествования и т. д. Подобные описания влияют и на читателя, формируя у него по мере чтения определенное настроение. При этом писатели XIX–XX вв. не только отводят пейзажу все больше места в своих произведениях, но еще и вырабатывают свой, индивидуальный стиль описания природы: вспомним И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого как мастеров литературного пейзажа. Описания природы в их произведениях уже сильно отличаются от описаний авторов предыдущего века. Как отмечал А.И. Белецкий: «<...> в XVII веке о пейзаже было достаточно сказать, что он “приятен” или “неприятен”: большей наглядности не требовалось»¹. Для классиков XIX в. пейзаж не просто фон, на котором разворачивается действие. Тургенев в своих произведениях проводит параллели между изображениями природы и мыслями, чувствами, переживаниями героев. Более того, в рассказе «Поездка в Полесье», первоначально входившем в цикл «Записки охотника», писатель показывает контраст между мимолетным существованием человека и могуществом мира природы: «Из недр вековых лесов, с бессмертного лона вод поднимается тот же голос: “Мне нет до тебя дела, – говорит природа человеку, – я царствую, а ты хлопочи о том, как бы не умереть”... <...> Неизменный, мрачный бор угрюмо молчит или воет глухо – и при виде его еще глубже и неотразимее проникает в сердце людское сознание нашей ничтожности»². Человек, часто самонадеянно считающий себя властелином мира, осознает, оставшись наедине с природой, свою беспомощность и неустроенность своей жизни. Однако герой Тургенева после долгого созерцания все-таки «понял жизнь природы, понял ее несомненный и явный, хотя для многих еще таинственный смысл», – а значит, и смысл существования. «Тихое и медленное одушевление, неторопливость и сдержанность ощущений и сил, равновесие здоровья в каждом отдельном существе – вот самая ее основа, ее неизменный закон, вот на чем она стоит и держится. Все, что выходит из-под этого уровня – кверху ли, книзу ли, все равно, – выбрасывается ею вон, как негодное»³.

Читая произведения Толстого, другого мастера природоописаний, мы уже сможем на мир глазами его персонажей, наблюдаем за тем, как увиденные ими картины природы преобразуют их внутренний мир. Один из хрестоматийных примеров взаимосвязи человека и природы у Толстого – знаменитая сцена из «Войны и мира», в которой Андрей Болконский наблюдает за преображением старого дуба, растущего в березовой роще. Это «встреча» становится для героя началом новой, гораздо более счастливой жизни. А в произведении XX в., в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго», главная героиня Лара постигает высокий смысл своей жизни, оставаясь один на один с природой во время визитов в поместье Кологривовых: «Лара шла вдоль полотна по тропинке, протоптанной странниками и богомольцами, и сворачивала на луговую стежку, ведущую к лесу. Тут она останавливалась и, зажмурив глаза, втягивала в себя путано-пахучий воздух окрестной шири. Он был

¹ Белецкий А.И. *АИОВ* мастерской художника слова. М.: Высшая школа, 1989. С. 85.

² Тургенев И.С. *Полн. собр. соч.*: В 12 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1978. С. 182.

³ Тургенев И.С. *Указ. соч.* С. 197.

роднее отца и матери, лучше возлюбленного и умнее книги. На одно мгновение смысл существования опять открывался Ларе. Она тут, – постигала она, – для того, чтобы разобраться в сумасшедшей прелести земли и все назвать по имени, а если это будет ей не по силам, то из любви к жизни родить себе преемников, которые это сделают вместо нее»¹.

В заключение отметим, что подобрать универсальное литературоведческое определение для термина «пейзаж» не так уж просто. Различные толкования пейзажа можно классифицировать: детальное описание ландшафта; общий вид некой местности; сама манера изображения природы.

Таким образом, и в живописи, и в литературе судьба пейзажа была примерно одинаковой: довольно долгое время он не только не считался отдельным жанром, но и был малозначимым элементом и живописных изображений, и литературных произведений. Однако по мере все большего отдаления человека от природы и, соответственно, все более пристального внимания к ней ситуация менялась. И, как отметил А.Н. Бенуа еще в начале XX в., пейзаж в истории искусства становится отдельным жанром, в какие-то моменты даже более популярным, чем остальные виды живописи (например, в работах импрессионистов).

ЛИТЕРАТУРА

Ахутин"АВО«Фюсис» и «натура». Понятие «природа» в античности и в Новое время // Ахутин А.В. Эксперимент и природа. СПб.: Наука, 2012. 208 с.

Белецкий"АИЮВ мастерской художника слова. М.: Высшая школа, 1989. 158 с.

Бенуа"АНОИстория живописи всех времен и народов. Т. I. СПб.: Шиповник, 1912. www.benua-history.ru/vstuplenie.html

Гуревич"АЮККатегории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972. 318 с.

Даль"ВДИТолковый словарь живого великорусского языка. Ч. 1–4. М.: Общество любителей российской словесности при Императорском Московском университете, 1863–1866. slovardalya.ru/

Культурология. Энциклопедия: В 2 т. / Под ред. С.Я. Левита. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2007. 1184 с.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001. 1600 с.

Пастернак"БЮСтихотворения. Доктор Живаго. М.: Дрофа, 2004. 672 с.

Плеханов"ТВЮИскусство. М.: Новая Москва, 1922. 215 с.

Тургенев"ИСОПолн. собр. соч.: В 12 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1978. 367 с.

Фриче"ВМОСоциология искусства. М.: URSS, 2010. 203 с.

Хализев"ВЕЮТеория литературы. М.: Издательский центр «Академия», 2009. 432 с.

Энгельс"ФЮДиалектика природы. М.: Политиздат, 1987. 349 с.

TGHGTGREGU

Akhutin A.V. «Physis» and «Nature». The Concept of «Nature» in Antiquity and in Modern Times. In: Ahutin A.V. Experiment and Nature. St.-Petersburg. Nauka Publ. 2012. 208 p.

Beletskiy A.I. (1989) In a Workshop of Word Master. Moscow: Vysshaja Schola Publ. 158 p.

¹ *Пастернак*"БЮСтихотворения. Доктор Живаго. М.: Дрофа, 2004. С. 169.

Benois A.N. The History of Painting of All Periods and Nations. Vol. I. St.-Petersburg. Shipovnik Publ. 1912. www.benua-history.ru/vstuplenie.html

Gurevich A.Ya. (1978) Categories of Medieval culture. Moscow. Iskusstvo Publ. 318 p.

Dal V.I. Explanatory Dictionary of the Live Great Russian language. Vols. I–IV. Moscow. Obschestvo Lubiteley Rossiyskoy Slovesnosti pri Imperatorskom Moskovskom universitete, 1863–1866. slovardalya.ru/

Cultural Studies. Encyclopedia: In 2 volumes / Ed. S. Ya. Levit. Vol. 2. Moscow. ROSSPAN Publ. 2007. 1184 p.

Literary Encyclopedia of Terms and Concepts / Ed. A.N. Nikolyukin. Moscow. Intelvak Publ. 2001. 1600 p.

Pasternak B.L. (2004) Poems. Doctor Zhivago. Moscow. Dropha Publ. 672 p.

Plekhanov G.V. (1922) Art. Moscow. Novaya Moskva Publ. 215 p.

Turgenev I.S. Complete Set of Works: In 12 vols. Vol. 6. Novels and Short Stories (1854–1860). Moscow: Khudoghestvennaya Literatura. 1978. 367 p.

Fritsche V.M. (2010) Sociology of Art. Moscow. URSS Publ. 203 p.

Khalizev V.E. (2009) Theory of Literature. Moscow: Izdatelsky Center “Academia”. 432 p.

Engels F. Dialektik der Natur (1873–1882). In: Marx K., Engels F. Gesamtausgabe (MEGA). Bd. 26. Berlin. Dietz Verlag, 1985. S. 1–558.

Сведения об авторе:
Полина Андреевна Федотова,
аспирант
кафедра теории литературы
МГУ имени М.В. Ломоносова

Polina A. Fedotova
Postgraduate
Department of Theory of Literature
Lomonosov Moscow State University
appolina@bk.ru

**XXIII Международная конференция
студентов, аспирантов и молодых ученых
«Ломоносов»: секция «Филология»**

13–14 апреля 2016 года на филологическом факультете прошли заседания секции «Филология» в рамках Международного научного молодежного форума «Ломоносов – 2016» – традиционный День науки, объединяющий начинающих исследователей из разных вузов и стран. Около 420 докладов были распределены по почти 50 подсекциям (подробнее о структуре секции можно узнать по ссылке lomonosov-msu.ru/rus/event/3500/page/36). Лучшие работы были отмечены грамотами или рекомендованы к публикации в рецензируемых изданиях филологического факультета.

В.В. Каранец

**Точка с запятой перед союзом *et* в романе Г. Флобера «Госпожа Бовари»
и особенности ее передачи в русских переводах романа**

Аннотация: В статье рассматриваются способы передачи на русский язык сочетания точки с запятой с союзом *et* в сложных предложениях с сочинительной связью на материале романа Г. Флобера «Госпожа Бовари». Данное употребление расценивается исследователями как специфичное для стиля Флобера; более того, оно не зафиксировано правилами пунктуации. Анализ переводческих решений показывает, что «изоморфные» решения, т. е. сочетание точки с запятой и эквивалентного французскому *et* русского союза «и» или «а», свойственны переводам XX в., тогда как в переводах XIX в. предпочтение отдается точке и запятой. Это опровергает утверждение о большой частотности точки с запятой в текстах XIX в. Таким образом, переводческие несоответствия объясняются как расхождением правил пунктуации обоих языков, так и особенностями стиля переводчиков.

Ключевые слова: сочинительный союз, точка с запятой, изоморфизм, «Госпожа Бовари», художественный перевод

Abstract: The article dwells on the ways of translation into Russian of the combination “semicolon *et*” in complex sentences with coordination. The material of the research is the text of G. Flaubert’s novel “Madame Bovary”. Researchers consider this usage as specific for the Flaubert’s style. Moreover, it is not described by punctuation rules. The analysis of Russian equivalents shows that “isomorphous” variants, i. e. the combination of semicolon and Russian conjunction “и” or “а”, occurs mostly in the translations of 20 c., while in the 19 c. point and comma were more frequent. This fact denies the statement about high

frequency of semicolon in the texts of the 19 c. Consequently, the translation disparities can be explained by two reasons: the divergence of punctuation rules in French and Russian and the peculiarities of translators' individual styles.

Key words: coordinating conjunction, semicolon, isomorphism, "Madame Bovary", literary translation

Пунктуационный знак, называемый во французской традиции *point-virgule* (в русской – «точкой с запятой»), употреблялся во французских текстах XIX в. очень активно: «C'est pour "disséquer les phrases" que le point-virgule devient le roi de la ponctuation moyenne. On en use et on en abuse au XIXe siècle...»¹. В русской литературе этого периода точка с запятой также была очень употребительна; более того, спектр ее функций был значительно шире, чем сегодня.

Этот знак часто встречается в романе Г. Флобера «Госпожа Бовари», особенно в сложных предложениях перед союзом *et*. Такое употребление относится к числу периферийных. Оно упоминается лишь в некоторых работах по французской пунктуации, где утверждается, что появление точки с запятой перед союзом *et* связано с идеей обобщения². На особое употребление Флобером точки с запятой перед союзом *et* указывал, в частности, В. Набоков: «Ce "point-virgule-et" vient après une énumération d'actions, d'états ou d'objets; alors le point-virgule crée une pause, et le "et" va boucler le paragraphe, en introduisant une image culminante, ou un vivant détail, descriptif, poétique, mélancolique ou amusant. C'est là un trait particulier du style de Flaubert»³.

Материалом нашего исследования послужил французский текст третьей части романа Г. Флобера «Госпожа Бовари» и восемь его русских переводов. В хронологическом порядке переводы были выполнены в 1881 г. анонимным переводчиком, Л.Г. (1895), А.Г. Горнфельдом (1896), неизвестным переводчиком (1913), А.Н. Чеботаревской (1911), А.И. Роммом (1935), неизвестным переводчиком (1938), Н.М. Любимовым (1956).

Объем французского текста составляет 25000 слов, вместе с переводами корпус достигает примерно 200000 слов. Количество сложных предложений с сочинительной связью, где точка с запятой предшествует союзу *et* в тексте Флобера, составляет 121.

Цель работы – рассмотреть способы передачи на русский язык сочетания точки с запятой с союзом *et* и выяснить, в какой степени соблюдается синтаксический изоморфизм при передаче данного сочетания. К «изоморфным» решениям можно отнести сочетание точки с запятой и эквивалентного французскому *et* русского союза «и» или «а». Оговоримся, что такие решения нельзя в полной мере считать изоморфными: речь идет о разных языках и неизвестно, одинаково ли воспринимается употребление точки с запятой перед сочинительным союзом русским и французским читателем. С другой стороны, случаи употребления некоторых знаков препинания могут различаться в обоих языках.

Д.Э. Розенталь формулирует три основных правила постановки точки с запятой перед сочинительными союзами, соединяющими клаузы в сложном предло-

¹ *Damourette Jacques*. *Traité moderne de ponctuation*. Paris, 1939. P. 50.

² *Damourette Jacques*. *Op. cit.* P. 54.

³ *Nabokov Vladimir*. *Littératures I. Austen, Dickens, Flaubert, Stevenson, Proust, Kafka, Joyce*. Paris, 1983. P. 247.

жении¹. В целом можно заключить, что сочетание точки с запятой и союза «и» в русском языке не было предметом пристального внимания со стороны ученых.

Однако известно, что точка с запятой была более употребительна в XIX в., нежели в XX в. Так, в тексте романа Достоевского «Идиот» (опубликован в 1868 г., а «Госпожа Бовари» – в 1856 г.) аналогичного с нашим корпусом объема было найдено около 230 случаев использования точки с запятой (четыре из них – перед «и», семь – перед «а»). В связи с этим можно было бы предположить, что более ранние переводы характеризуются большей верностью оригиналу, что, однако, неверно: изоморфное воспроизведение чаще всего имеет место у Чеботаревской и в переводе 1938 г. Что касается переводов XIX в., то Горнфельд и авторы переводов 1881 и 1913 гг. предпочитают запятую и точку исходной точке с запятой. Вместе с тем у Ромма точка с запятой без эквивалентного русского союза употребляется в половине случаев. Это наблюдение, с одной стороны, противоречит выявленной исследователями тенденции, которая касается частотности употребления точки с запятой в зависимости от эпохи, а с другой стороны, подтверждает, что так называемые «новые буквалисты» 1930-х гг. действительно стремились как можно ближе отобразить оригинал в языке перевода. В свою очередь, перевод Любимова отражает установки переводческой школы, пришедшей на смену буквалистской школе в 50-е гг. XX в. и постулировавшей отход от оригинала. Случаев изоморфного воспроизведения обнаружено не было, а точка с запятой без эквивалентного русского союза используется только в 8% случаев. Приведем пример:

«Emma découpait, lui mettait les morceaux dans son assiette en débitant toutes sortes de chatteries ; et elle riait d'un rire sonore et libertin quand la mousse du vin de Champagne débordait du verre léger sur les bagues de ses doigts». – Эмма, нежась и ласкаясь, резала мясо, подкладывала Леону куски на тарелку; шампанское вздымалось пеной над тонким стеклом бокала и выливалось ей на кольца, – она хохотала звонким и разнузданным смехом (Р). / Эмма сама разрежала мясо, накладывала ему кушанья на тарелку, резвясь как котенок, и хохотала звонким, игривым смехом, когда пена шампанского лилась через край на ее кольца (Л.Г.). / Эмма резала мясо, накладывала ему куски на тарелку, шая и ласкаясь; смеялась звонким, вызывающим смехом, когда пена шампанского проливалась из тонкого бокала на ее пальцы, унизанные перстнями (Ч). / Эмма резала мясо и, ластясь к Леону, подкладывала ему куски на тарелку. А когда шампанское пенилось и выплескивалось через край тонкого бокала прямо ей на пальцы, унизанные кольцами, она смеялась звонким, чувственным смехом (Л).

К полной изоморфной передаче не прибегает никто из переводчиков; Ромм использует точку с запятой между клаузами, опуская эквивалентный русский союз, и меняет порядок следования второй и третьей клауз, переставляя в русском тексте эквивалентные им клаузы. В переводе Л.Г. две исходных французских клаузы передаются одной эквивалентной русской с однородными сказуемыми; эквивалентный союз «и» присутствует в русском тексте. Отметим, что данный вариант передачи сочетания точки с запятой и союза *et* очень частотен, поскольку в исходном французском предложении субъект обеих клауз, соединенных *et*, как правило, совпадает. Чеботаревская также использует однородные сказуемые, при этом сохраняя авторскую пунктуацию и опуская эквивалентный союз. Подобное употребление точки с запятой между однородными членами предложения совершенно нетипично для русского языка и свидетельствует о влиянии французско-

¹ Розенталь Д.Э. Справочник по русскому языку. Орфография и пунктуация. М., 2009. С. 247–248.

го текста. Любимов прибегает к сегментации, заменяя исходную точку с запятой точкой и предлагая в качестве эквивалента et «а». Подобно Ромму, он также меняет порядок клауз в русском варианте.

Рассмотренные выше расхождения между оригиналом и переводами могут быть охарактеризованы с позиций «tendances déformantes» у Антуана Бермана. Так, неупотребление авторского знака он относит к разрушению ритма: «La déformation peut affecter considérablement la rythmique, par exemple en s'attaquant à la ponctuation. <...> Le morcellement de la phrase opéré "scientifiquement" par les auteurs rompt le rythme mimique de la phrase»¹. Как видно из этого высказывания, Берман имеет в виду и сегментацию. В целом сегментацию сложного французского предложения на несколько эквивалентных простых русских предложений можно отнести к рационализации синтаксиса (rationalisation), когда переводчики перестраивают синтаксис. Однако Флобера вряд ли можно упрекнуть в небрежности при работе над текстом: известно, что он переписывал одно предложение до десяти раз, а затем прочитывал вслух написанное (знаменитый «gueuloir flaubertien»). В XIX в. во французской пунктуации четко наметилась новая тенденция: грамматическая функция стала преобладать над дыхательной, но Флобер продолжал, видимо, руководствоваться старым принципом, ориентируясь на слух, и судил о завершенности и отточенности своей фразы, опираясь на звучание текста.

Возвращаясь к высказыванию А. Бермана, отметим, что он, будучи представителем «нового буквализма» и не являясь лингвистом, не до конца учитывает особенности использования «одинаковых» знаков препинания в языке оригинала и языке перевода. Таким образом, отсутствие изоморфизма в нашем случае объясняется не только расхождением правил пунктуации, но и особенностями идиостиля переводчиков, которые, впрочем, могли не заметить или проигнорировать рассматриваемую стилистическую особенность текста Флобера.

ЛИТЕРАТУРА

Розенталь Д.Э. Справочник по русскому языку. Орфография и пунктуация. М., 2009. 368 с.

Berman Antoine. La traduction et la lettre ou l'auberge du lointain. Paris, Seuil, 1999. 144 p.

Damourette Jacques. Traité moderne de ponctuation. Paris, 1939. 144 p.

Nabokov Vladimir. Littératures I. Austen, Dickens, Flaubert, Stevenson, Proust, Kafka, Joyce. Paris, 1983. 544 p.

Proust Marcel. «À propos du "style" de Flaubert» // La NRF. 1920. № 76, 1er janvier. P. 72–90. [f aubert.univ-rouen.fr/etudes/proust.php](http://aubert.univ-rouen.fr/etudes/proust.php) (дата обращения: 20.02.2016).

REFERENCES

Rozental' D. E. (2009) Russian Language Guide. Spelling and Punctuation. Moscow. 368 p.

Berman Antoine. (1999) La traduction et la lettre ou l'auberge du lointain. Paris, Seuil. 144 p.

Damourette Jacques. (1939) Traité moderne de ponctuation. Paris. 144 p.

Nabokov Vladimir. (1983) Littératures I. Austen, Dickens, Flaubert, Stevenson, Proust, Kafka, Joyce. Paris. 544 p.

¹ *Berman Antoine.* La traduction et la lettre ou l'auberge du lointain. Paris, Seuil, 1999. P. 61.

Proust Marcel. À propos du “style” de Flaubert. *La NRF*. 1920. No 76, pp. 72–90. Available at: flaubert.univ-rouen.fr/etudes/proust.php (20.02.2016).

Сведения об авторе:
Валентина Валерьевна Карапец,
аспирант
филологический факультет
МГУ им. М.В. Ломоносова

Valentina V. Karapets,
Postgraduate
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
valentinakarapets@yandex.ru

Языковой анализ некоторых прагматических стратегий рекламного дискурса (на примере англоязычной журнальной рекламы)

Аннотация: Данная статья посвящена лингвистическому анализу англоязычного рекламного дискурса с позиции стратегическо-тактического подхода. В статье рассматривается языковая реализация прагматических стратегий рекламного дискурса на примере современных англоязычных журналов *Cosmopolitan, Look, Psychologies, People, Us* и др. В результате анализа журнальной рекламы была выделена группа прагматических стратегий и тактик, которые способствуют эффективной организации воздействующей функции рекламы, оптимальному воздействию рекламного сообщения на его адресата и наряду с семантическими и экстралингвистическими стратегиями составляют стратегическо-тактическую основу рекламного дискурса. Среди прагматических стратегий особое внимание заслуживают стратегия привлечения внимания, представленная тактиками функционально-языковых аномалий, шутильной тональности, неформального разговора и др., акциональная стратегия и стратегия таргетизации. Анализ стратегий и тактик проводится на всех уровнях языковой системы, основными из которых являются лексический и грамматический уровни. Особенностью данного лингвистического анализа является раскрытие семантико-формальной составляющей прагматических стратегий и тактик и выявление их основополагающей роли в рекламном дискурсе.

Ключевые слова: рекламный дискурс, коммуникативная стратегия, тактика, языковой ход, интерактивность, шутильная тональность, юмор

Abstract: The article focuses on the linguistic analysis of advertising discourse with the help of communicative strategies and tactics. The article deals with the language and semantics of pragmatic strategies taken from the advertisements in English and American editions of magazines *Cosmopolitan, Look, Psychologies, People, Us* and others. A special group of pragmatic strategies was singled out by the author. Pragmatic strategies together with semantic and extra linguistic strategies make the bases for advertising. The role of pragmatic strategies is to intensify the persuasive function of an advertisement. A special analysis is given to the strategy of drawing attention, which is made up by the tactics of verbal and functional anomalies, informality, humor and others. The other pragmatic strategy covered in the article are action and target strategies. The linguistic analysis includes every language level, the main of which are lexical and grammatical levels. The peculiarity

of the given approach is the study of semantics and form of pragmatic strategies and tactics and the main role of pragmatic strategies in advertising discourse.

Key words: advertising discourse, communicative strategy, tactic, language move, interactivity, joke tonality, humor

Данная статья является частью диссертационного исследования, посвященного лингвистическому анализу англоязычного рекламного дискурса с позиции стратегическо-тактического подхода. Материалом для анализа послужили рекламные объявления, размещенные в современных англоязычных журналах *Cosmopolitan*, *Look*, *Psychologies*, *People* и *Us*. Основная тематика рекламных сообщений в данных журналах – красота, что определяется интересами целевой аудитории, для которой они предназначены.

Мы выделяем три группы стратегий: семантические стратегии, основной характеристикой которых является направленность на описание преимуществ рекламируемого товара, экстралингвистические, коррелирующие с внеязыковой действительностью, и прагматические стратегии, которые способствуют эффективной организации воздействующей функции рекламы, оптимальному воздействию на адресата.

Стратегически значимым компонентом рекламного сообщения, наряду с рекламируемым товаром, является адресат рекламы с его потребностями, желаниями, мотивами и учетом уклада жизни современного человека в условиях нехватки времени и информационного перенасыщения. Данную группу стратегий мы называем прагматическими, поскольку они направлены на адресата сообщения. Термин «адресат», подчеркивающий «сознательную направленность речевого высказывания к лицу, которое может быть определенным образом охарактеризовано, причем коммуникативное намерение автора должно согласовываться с этой его характеристикой», был введен Н.Д. Арутюновой в статье «Фактор адресата»¹.

Иными словами, любое высказывание рассчитано на определенную модель адресата, и от соответствия цели высказывания потребностям адресата зависит его эффективность. Не случайно одной из основных характеристик рекламного дискурса является его направленность на целевую аудиторию, которая находит свое отражение в стратегии таргетизации.

Рекламные объявления сфер красоты и здоровья, опубликованные в современных англоязычных журналах, довольно часто используют тактику прямой номинации адресата: *For people who spit blood when they brush their teeth* (товары по уходу за полостью рта), *For people with high blood pressure or on aspirin heart therapy* (лекарства). Номинация товаров вводится лексико-синтаксическим способом с помощью структуры *for people who / with*, за которой следует расшифровка потребностей личности. Прямая номинация может сочетаться со стилистическим приемом метонимии: *Our Honey Treasures collection for damaged hair that feels strengthened and restores* (средства для ухода за волосами Ultimate Blends, Garnier), *For discoloured or damaged nails* (гель для лечения грибка торговой марки Loseryl). Не менее часты случаи косвенного определения целевой аудитории в виде вопросительных структур. Например, цепочка эллиптических вопросов: *Tired of not sleeping? Waking at 3 a.m.? Sleeping poorly?* (снотворное Dormeasan

¹ Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. М., 1981. Т. 40. № 4. С. 356–367.

Sleep торговой марки A.Vogel) обращена к людям, страдающим бессонницей. Той же цели служит и вопросно-ответное единство в рекламе геля для душа: *How do you want to feel? Awake. Uplifted. Revived*, – затрагивающее желания клиента и, таким образом, формирующее у него потребность в рекламируемом товаре. Адресат рекламного сообщения не всегда конкретизирован, но может быть выражен с помощью единиц общей семантики: *Ladival is available in a variety of SPE levels and formats for both adults and children* (солнцезащитный крем торговой марки *Lideval*). С точки зрения семантики предложения словосочетание *for both adults and children* бессмысленно, поскольку не обладает признаками дифференциации и подразумевает всех людей. Однако прагматическая составляющая высказывания вносит в него дополнительный смысл, выражающийся в том, что упоминание в рекламе как взрослых, так и детей имеет эмфатическую цель убедить потенциального покупателя, что продукт безопасен для детского организма.

Таким образом, стратегия таргетизации выражается на нескольких языковых уровнях: лексическом, представленном существительными общей семантики *adults* и *children*, лексико-синтаксическом – с помощью структуры *for people who / with*, синтаксическом – в виде вопросительных структур или вопросно-ответного единства и стилистическом – путем использования метонимии.

Другой стратегией, направленной на адресата, является стратегия привлечения внимания. Данная стратегия представлена тактиками функционально-языковых аномалий, апелляции к будущему, тактикой шутливой тональности (коммуникативный ход языковой игры и коммуникативный ход юмора), тактикой неформального разговора, тактикой посвященности в тайну, тактикой фамильярности и тактикой смягчения директивности.

Тактика шутливой тональности в рекламе является одной из основных тактик стратегии привлечения внимания. Способами реализации тактики шутливой тональности в рекламном дискурсе являются коммуникативные ходы языковой игры¹ и юмора².

Одним из способов реализации тактики шутливой тональности в рекламном дискурсе является коммуникативный ход языковой игры³. Языковая игра традиционно рассматривается на всех уровнях языковой системы. На фонетическом уровне средством привлечения внимания выступает рифма: *Try it dry* (средства для волос, *Bariste, Dry shampoo*), которая является эффективным средством запоминания слогана, репрезентирующего рекламируемый продукт. Лексическое наполнение рифмованного сочетания может включать элементы стратегии интимизации, представленные местоимением *you*: *Runaway hair you can wear* (средства для ухода за волосами торговой марки *TRESemme*), или обращение к тактике сексуальной привлекательности: *Dare to go bare* (косметика *Rimmel*). Императив

¹ Амири Л.П. Языковая игра в рекламе // Рекламный дискурс и рекламный текст. Волгоград, 2010. С. 201–218.

² Федосюк М.Ю. Комплексные жанры разговорной речи: «утешение», «убеждение» и «уговоры» // Русская разговорная речь как явление городской культуры: Сб. ст. / Отв. ред. Т.В. Матвеева. Екатеринбург, 1996. С. 73–94.

³ Алефиренко Н.Ф. Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слова: Монография. Волгоград: Перемена, 2006; Горелик П.Л. Специфика иконотекстов рекламы в сопоставительном аспекте на материале фран-цузского и русского языков: Дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2006; Кочетова Л.А. Лингвокультурные характеристики английского рекламного дискурса: Дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999.

модального глагола *to dare* предполагает некоторый вызов, отказ от следования общественным правилам.

Лексический уровень представлен неологизмами: *The hrst and only with hexball* (бритва *Venus Gillette*). Неологизм *hexball* может быть с легкостью распознан носителем языка, поскольку образован деривативным способом с помощью усеченного варианта префикса *hexi-*, обозначающего гибкость, подвижность. Как известно, одним из определителей качества бритвы является степень ее подвижности. Следовательно, неологизм привлекает внимание потенциального покупателя к товару и раскрывает его преимущество, что дает право рассматривать лексический уровень выражения тактики шутливой тональности как переходный случай между семантическими и прагматическими стратегиями.

На синтаксическом уровне самым распространенным способом привлечения внимания являются атрибутивные цепочки, состоящие из нескольких элементов: *Got morning-after-the-night-before hair? Meet our Miracle Repair collection (or the overdone-it-undo-ers) crammed full of hair loving shizzle* (средства для волос *Aussie*). Подобные цепочки привлекают внимание адресата рекламного сообщения благодаря своей структуре и отходу от стандартных норм функционирования языка. Количество препозитивных определений в стилистически нейтральной речи не превышает один-два. При их увеличении появляются имплицитные предикативные отношения между элементами атрибутивной цепочки, которые могут быть развернуты в полноправное предложение. Ср.: *morning-after-the-night-before (hair)* и *hair you have in the morning after the night before*.

Таким образом, коммуникативный ход языковой игры может быть выражен практически на всех уровнях системы языка. На фонетическом уровне средством реализации языковой игры является рифма, на лексическом – неологизмы, грамматический уровень представлен императивными структурами, синтаксический – атрибутивными цепочками, семантический уровень реализуется в создании прагматического значения на основе синтаксических структур.

Юмор направлен на снятие негативных эмоций, возникающих как реакция адресата на вторжение рекламы в его личное пространство. Например, слоган детского питания *Gerber Earn your Master's in chewing* в шутливой форме сравнивает успехи младенца в его первых шагах по переходу от грудного молока к искусственным смесям с получением степени магистра.

В современной рекламе всё бóльшую популярность получает акциональная стратегия, предлагающая потенциальному покупателю попробовать товар в действии, что делает потребление более удобным и снижает риск приобретения товара, не соответствующего ожиданиям. Данная стратегия включает тактику «получи бесплатно», в которой покупатель может получить образец рекламируемого товара бесплатно; тактику «прибери и выиграй», связанную с азартностью и желанием получить что-либо, не прилагая к этому усилий; тактику «прибери и помоги ближнему», апеллирующую к гуманистическим чувствам потенциального покупателя; тактику «попробуй и убедись сам», которая предоставляет рекомендации к использованию рекламируемого товара и призывает пополнить число тех, кому этот товар понравился; тактику симуляции, позволяющую с помощью мобильного приложения симитировать эффект косметического средства; и тактику инструктажа, которая дает пошаговое объяснение, как использовать рекламируемое косметическое средство. Рассмотрим тактики «получи бесплатно» и «прибери и помоги ближнему».

Тактика «получи бесплатно» предлагает опробовать товар в действии перед приобретением. Обычно это одноразовая упаковка рекламируемого товара, представляющая собой его дискретную единицу, например: *Try a free sample of Night cap at Sephora* (средства для волос *Living Proof*). Кроме того, реклама некоторых торговых марок предлагает вместе с образцом продукта дополнительный развлекательный бонус, как в рекламе средства для волос *Sexyhair: Get a free mini spray&play and play with any purchase using the powatag app*. Иногда для получения бесплатного продукта необходимо совершить некое действие, например, зайти на сайт для того, чтобы узнать, где можно получить бесплатный образец, оставить заявку на товар или позвонить по телефону: *Try invati 3-step system for FREE – find a participating location at aveda.co.uk/hello or call 0870 034 2380* (средства для волос *Invati Aveda*); *Request your free sample at www.comfortintense.com* (гель для душа *Unilever Confort Intense*). Цель данных приемов – установить обратную связь с адресатом, заставив принять участие в процессе рекламы, что характеризует рекламу как интерактивный процесс. В языковом отношении данная тактика реализуется на лексическом уровне с помощью глаголов действия *to try, to get, to request* и др. и прилагательного *free*, а также на семантическом уровне, в котором заложена прагматическая интенция рекламного сообщения.

Тактика «приблести и помоги ближнему» апеллирует к гуманистическим чувствам потенциального покупателя. Рекламодатель дает обещание, что часть средств от приобретения товара пойдет на благие дела: лечение тяжелобольных, образование для детей африканских стран, помощь жертвам стихийных бедствий и т. д. Например, реклама гигиенических средств торговой марки *Always* призывает к помощи африканскому населению в получении образования: *Always and UNESCO want you to join them in helping to bring education with the reach of girls in Sub-Saharan Africa. For each pack of Always you buy, we'll turn it into a lesson for a girl. Together we'll be helping them make sure the future is firmly in their hands*. Данная тактика передается, в основном, на лексическом уровне с помощью глагола *help* и лексических единиц, включающих сему объединения – *join, together*. Упоминание всемирно известной организации *UNESCO* убеждает покупателя в истинности намерений рекламодателя.

Таким образом, главная цель акциональной стратегии заключается в установлении обратной связи с потенциальными покупателями, что достигается применением интерактивного подхода, с помощью которого рекламодатель определяет действия адресата относительно рекламируемого товара либо непосредственно, либо привлекая его бесплатными образцами, возможностью выиграть ценный приз, или апелляцией к его моральным ценностям. Основным языковым средством акциональной стратегии является лексика с привлечением грамматических средств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амири Л.П. Языковая игра в рекламе // Рекламный дискурс и рекламный текст. Волгоград, 2010. С. 201–218.
2. Алефиренко Н.Ф. Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слова: Монография. Волгоград: Перемена, 2006. 228 с.
3. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. М., 1981. Т. 40. № 4. С. 356–367.
4. Горелик П.Л. Специфика иконотекстов рекламы в сопоставительном аспекте на материале французского и русского языков: Дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2006. 217 с.

5. Кочетова Л.А. Лингвокультурные характеристики английского рекламного дискурса: Дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 172 с.

6. Федосюк М.Ю. Комплексные жанры разговорной речи: «утешение», «убеждение» и «уговоры» // Русская разговорная речь как явление городской культуры: Сб. ст. / Отв. ред. Т.В. Матвеева. Екатеринбург: Арго, 1996. С. 73–94.

REFERENCES

1. Amiri L.P. Language Pun in Advertising. In: Advertising Discourse and Advertising Text. Volgograd. 2010, pp. 201–218.

2. Alefrenko N.F. (2006) Language, Cognition and Culture: Cognitive and Semiological Synergetic of the Word. Volgograd. Peremena Publ. 228 p.

3. Arutyunova N.D. Addressee Factor. *Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Series of Literature and Language*. Moscow. 1981. Vol. 40. No 4, pp. 356–367.

4. Gorelik P.L. (2006) Specifics of Iconic Advertising Texts in Comparative Aspect in French and Russian: Thesis. Ufa. 217 p.

5. Kochetova L.A. (1999) Lingvocultural Characteristics of English Advertising Discourse: Thesis. Volgograd. 172 p.

6. Fedosyuk M.Y. (1996) Russian Oral Speech as a Phenomenon of City Culture: Collected Articles / Ed. T.V. Matveeva. Ekaterinburg. Argo Publ. 1996, pp. 73–94.

Сведения об авторе:
Александра Михайловна Кочерган,
ст. преподаватель
Институт иностранных языков
Сыктывкарский государственный университет,
соискатель ученой степени кандидата наук
Самарского филиала
Московского городского педагогического университета

Alexandra M. Kochergan,
Senior Teacher
Institute of Foreign Languages
Syktyvkar State University,
Postgraduate Student
Samara Office
of Moscow City Pedagogical University
sasha-kochergan@inbox.ru

Поэтика страшного в жанрах сетевого фольклора

Аннотация: В современном интернет-пространстве широко распространены истории о страшном, необъяснимом и пугающем. Несмотря на огромную их популярность среди интернет-пользователей, со стороны исследователей к ним нет равнозначного интереса. Интенцией данной статьи является привлечение внимания ученых к такому явлению, как крипипаста, находящемуся на стыке массовой культуры и фольклора. Большая часть этих страшных текстов является адаптацией переводных и переделкой известных оригинальных текстов несетевого фольклора: сказок, легенд, быличек, преданий, баллад, страшилок, вызываний и т. п. Целью исследования стало выявление основных черт поэтики страшного начиная с традиционных фольклорных жанров и заканчивая страшными историями в корпусе текстов крипипасты.

Ключевые слова: фольклор, Интернет, крипипаста, страшные истории, страшилка, сетевой фольклор, интернет-фольклор

Abstract: In contemporary Internet space the stories about horrors, inexplicable and scary phenomena are widely distributed. Despite the enormous popularity among Internet users, we don't observe equivalent interest to it by serious researchers. Therefore, the aim of this article is to draw readers' attention to the phenomenon of creepypasta, which is located at the intersection of mass culture and folklore. Under creepypasta both its authors and consumers understand all the creepy texts, which are on the Internet. However, most of these terrible texts is an adaptation and modification, and often a simple rewrite or reprint more or less well-known non-network forms of the original folklore. That is fairy tales, legends, true stories, the oral traditions, ballads, scary stories, evocations, etc. Therefore, the subject of this article is detection the main features of the poetics of scary, starting with the aforementioned traditional folklore genres and ending the most common component of creepypasta – creepy stories.

Key words: folklore, Internet, creepypasta, horror stories, scary story, network folklore, Internet folklore

Современный человек подвержен страхам и суевериям не меньше, чем представители прошлых эпох. Более того, можно сказать, что вера в мистических вредителей, присутствующих среди нас в антропоморфном или ином облике, популяризуется. Об этом свидетельствует не только массовая культура, представленная

жуткими компьютерными играми, фолк- и рок-группами с соответствующими текстами, комиксами, фильмами ужасов и не редкими для ТВ выпусками о страшном и непонятном, но и собственно фольклор, который в последнее десятилетие активно осваивает такое обширное и изобилующее сильными эмоциями (особенно страхами) поле коммуникации, как Интернет.

В мировой Сети рождаются новые жанро-видовые формы фольклора. Если говорить о формах воплощения страшного, то это, преимущественно, крипипаста (или крипи-стори), охранительные картинки-репосты, смертельные файлы, документы SCP фонда и жуткие мемы. Произведения же классического и городского фольклора (сказки, былички, страшилки, садистские стишки, пугалки, вызывания, легенды, предания, письма-счастья и т. д.), оказавшиеся в Интернете, не только консервируются по онлайн-архивам научных ресурсов, но и обретают второе дыхание. Во-первых, новые способы воплощения, как текстовые, так и аудиовизуальные, например: видео-презентации и аудио / видеозаписи рассказываний / вызываний от авторитетных в данной среде «сказителей» / вызывателей. Во-вторых, новые способы передачи: сообщения, посты, репосты, комментарии. В-третьих, новые виртуальные ареалы: тематические форумы, треды на имиджбордах, специализированные сайты-энциклопедии и сообщества в соцсетях. То есть классические формы страшного осовремениваются и подстраиваются под окружающую среду, наглядно демонстрируя такое неотъемлемое свойство фольклора, как пластичность.

Кроме вышеупомянутых фольклорных форм, эстетика страшного присутствует в Интернете и в других мрачных явлениях, вроде бы к фольклору не имеющих прямого отношения, но при этом оказывающих на страшный сетевой фольклор непосредственное влияние в качестве источника сюжетов и образов. Речь здесь о виртуальных кладбищах¹, сайтах определения даты смерти, сайтах гаданий и предсказаний онлайн, а также о множестве непонятных и пугающих, неизвестно кем и для чего созданных ресурсов с психоделикой, мистическими знаками и символами [5].

Почему же люди так увлеченно продолжают передавать друг другу свои страхи? Вероятно, дело в том, что страх – это базисная эмоция человека наряду с радостью, гневом, печалью и удивлением. Она является отрицательной и возникает при оценке ситуации как опасной или вредной, вызывает неприятные чувства и мобилизует психологические ресурсы для борьбы с вызывающими дискомфорт обстоятельствами. Страх может быть связан с тем, что произошло, происходит или может произойти. Но далеко не всегда страх отражает реальную угрозу, так как часто люди боятся того, что является продуктом их воображения. Это и служит одной из основных причин возникновения повествований о таинственном, пугающем и необъяснимом [2].

Чтобы легче пережить и побороть чувство страха, люди стремятся поделиться, в той или иной форме, тем, что их пугает, с другими, переживающими или пережившими подобную ситуацию, а также просто сочувствующими. В кругу единомышленников можно не только обсудить свои страхи, но и посмеяться над ними.

¹ Имеются в виду не сетевые мемориалы реальным умершим или виртуальные копии настоящих кладбищ, а вымышленные места захоронений, наподобие виртуального кладбища Барабашка (<http://barabashka.org/>), где можно похоронить кого угодно и что угодно (несчастную любовь, веру в людей, школьного врага, чайник, плохое настроение и т. д.), а также оставить эпитафию и выразить свои соболезнования чужой утрате.

Это явно имеет место в Интернете и очень напоминает ситуацию и мотив рассказывания детских страшных историй [3].

Таким образом, можно сказать, что страшное – это не только универсалия психоэмоционального мира человека, но и одна из фундаментальных категорий поэтики, функционирующая наряду со смешным и серьезным, прекрасным и безобразным, возвышенным и низким и в сочетании с ним.

Вербализация эмоционального концепта *страх* и эстетика страха широко представлены в фольклоре, однако, в зависимости от жанра и формы, имеют свои культурно-специфичные особенности выражения.

Поэтике страшного в сетевом фольклоре, как и в классическом, служат определенные локусы, зачастую идентичные в текстах, относящихся к разным жанрам: кладбище, могила, склеп, лес, чаща, дорога, заброшенная церковь / дом, пустырь, окраина, баня, подвал, чердак и т. д.

В большинстве случаев идентично и время действия: ночь, сумерки, полнолуние, полночь; погодные условия: метель, буря, гроза, шторм, ненастье, ураган; символика света и цвета: тьма, темнота; черное пятно, красная рука, желтые глаза, белые тапочки, зеленая пластинка, синяя лента и др.

Практически одинаково распространены следующие ведущие сюжетные мотивы: страшный сон, расчленение, столкновение с необъяснимым, похищение, переход или провал в другой мир, брак с мертвецом, неестественная смерть, проклятия, порчи, погребения заживо, гадания, вызывание духов умерших, убийство родителями детей, любовь до гроба, колдовство, оборотничество и т. п.

Однако набор агентов зла существенно различается по жанрам. Для сказок и бывальщин это, в основном, персонажи низшей демонологии; для баллад – злой рок, мертвый жених или невеста, разбойники; для страшилок – то, что может напугать ребенка: строгие родители, учителя, врачи, старики, предметы интерьера (новые обои, картины, шторы, пианино и т. д.), техника (радио, телевизор, телефон), одежда (новые чулочки, туфли, бантики и пр.) и даже части тела (рука, глаза, пальцы, железная шея) [4, 6].

Еще больше различий в поэтике жанров страшных историй наблюдается на лексическом и стилистическом уровне. Художественно выразительный язык жанров сказки и баллады следует противопоставить просторечному (с элементами жаргонов и сленга) языку несказочной и сетевой прозы, с одной стороны, и художественно примитивному языку детского страшного фольклора, богатого, однако, мифопоэтическими образами, с другой. То есть в более художественно выразительных единицах страшное будет формироваться не только посредством сюжетно-образной системы и специфической лексики, за счет вышеупомянутых реалий, образов вредителей и их действий, а также пугающих событий и их последствий, но нагнетаться и средствами самого языка: эпитетами, метафорами, сравнениями, гиперболами, описательными конструкциями, фразеологизмами и т. д.

Структурно и композиционно тексты разных видовых форм также, естественно, различаются, но это уже касается поэтики жанров в целом. Применительно же к нашей теме можно обратить внимание на то, что каждым жанром, ввиду особенностей его построения, эффект страха достигается в определенный момент рассказывания / прочтения, преследует свою определенную цель (поделиться, напугать, предостеречь, развеселить, объяснить) и имеет различные силу и характер воздействия на слушателя / читателя (т. е. работают такие оппозиционные ряды, как страшно – не страшно и страшно интересно / страшно весело / страшно жутко и т. п.).

Для сказок, преимущественно, характерны кумулятивное построение и четкая структура, в которой обязательно наличие зачина, основной части и концовки; герой практически сразу же попадает в ситуацию столкновения с силами зла, чем-то пугающим и страшным. У быличек как таковых обязательных элементов нет; в свободной форме, по мере припоминания в потоке живой речи, рассказчиком излагается странное происшествие, пережитое им самими или кем-то, кого он знает или о ком слышал из достоверного источника – сюжет постепенно нагнетается, приближаясь к развязке. Для легенд и преданий имеет место ретроспективное движение от чего-то уже заведомо необъяснимого и пугающего, воспринимающегося как несомненный факт. Для страшилок же характерен примитивный сюжет, обычно начинающийся, как в сказке, с нарушения запрета, и неожиданный, в основном драматический и абсурдный финал. Наконец, крипипаста приемлет любой из названных вариантов построения, все в одном тексте, – что угодно, лишь бы посильнее увлечь и напугать читателя.

В качестве примера рассмотрим один из показательных текстов отечественной крипипасты, позаимствованный нами с сайта Страшилка¹, – «Пятна на обоях» (см. Приложение). Для удобства мы отметили разным начертанием шрифтов те части текста, которые напрямую или опосредованно отсылают нас к другим фольклорным жанрам.

В данном случае, как уже понятно из названия, в основе текста лежит детская страшилка о пятне. Причем на это в открытую ссылается и сам автор текста («*Кто-то вспомнил страшилку про пятно*»). Однако этим набор аллюзий далеко не исчерпывается. По тексту можно реконструировать еще несколько страшилок: о телевизоре, о ядовитых насекомых и новых обоях. Начинается она очень характерно для детской страшилки: «*У одного мальчика <...>*». Проецирование на взрослых поведения ребенка («*Он увидел пятно, испугался и убежал из квартиры*») и местами наивная логика объяснения случившегося также очень напоминают страшилку («*Ей было уже девятнадцать лет и она собралась замуж*» – собралась замуж, потому что уже много лет, а не потому, что встретила подходящего человека; «*Про этот случай стало известно всему городу. Даже по телевизору показали этот дом*» – если показали по телевизору, значит событие действительно серьезное и страшное). Мотивы внезапной, необъяснимой смерти и смерти от страха, которые неоднократно встречаются в данном тексте, тоже характерны для детских страшных историй («*И вот как-то раз один из друзей студента тоже умер*»).

Кроме этого, в данной истории прослеживаются связи и с жанром антистрашилки. Выделенные в примере обычным начертанием куски текста сами по себе могут сойти за полноценный образец данного жанра, для которого характерен внезапный поворот от страшной завязки к абсурдной и смешной развязке, правда, далеко не всегда спасающей героев от смерти. Здесь мы имеем, как минимум, две таких истории. Пятно на стене появлялось оттого, что сосед прятал в ней сало от жены, а люди умирали не от пятна, а от ядовитых клопов, своими укусами вызывающих галлюцинации, способные напугать до смерти. Причем клопов перевез в квартиру из студенческого общежития муж сестры главного героя.

Также наблюдаются и связи с жанром сказки. Отсылки к конкретным текстам здесь нельзя выделить, но угадываются некоторые характерные сказочные формулы и мотивы. «*Так и сделали*» (// на том и порешили), «*Прошло некоторое время*» (// долго ли, коротко ли), «*Понял он, что пятно на обоях не виновато в*

¹ Страшилка. www.strashilka.com/

его бедах. Сел студент на кресло. Задумался» (// сел добрый молодец на пенек, крепко задумался да пригорюнился). «Он упросил родителей, чтобы ему разрешили поселиться в той квартире, <...>» (// сказочный герой отпрашивается из родительского дома попытать счастье). Студент трижды предпринимает попытки обойти пятно (не смириться или разобраться, а именно обойти, изолировать его) – переклеил обои, перевесил картину, прибил сверху большую доску.

Интересно, что вопреки традициям жанров сказки и страшилки, никакие запреты здесь не нарушаются, а, скорее, наоборот: герой выполняет все родительские указания, но трагедия все равно случается.

Всепоглощающая и *всепитывающая* специфика крипипасты не позволяет считать ее самостоятельным и оригинальным жанровым образованием. Ведь самые распространенные виды текстов страшного нетлора, самими авторами и читателями определяемые как крипипаста, по большому счету, представляют собой переработанные или даже просто пересказанные произведения жанров классического и городского фольклора: сказок, быличек, городских легенд, детских страшилок, вызываний, пугалок и т. д. То же касается и их нетекстовых воплощений: новая интернет-форма лишь реализует стереотипный набор мотивов. Сам термин (калька с английского *creepypasta*) своей семантикой (*сору*>*creepу* и *paste*>*pasta*) ясно отражает суть этого явления. Поэтому вопрос о степени самостоятельности крипи-текстов пока остается открытым. Поскольку под интернет-фольклором прежде всего следует понимать материалы, возникшие именно в Интернете, существуют ли таковые существенно отличающиеся от своих прародителей жанры среди обилия страшного в сети Интернет – еще предстоит выяснить. А пока крипипастой можно обозначить пласт текстовых (и не только) форм в сети Интернет, связанный с категорией страшного [1].

В данный момент представляется необходимым последовательное контрастивное исследование поэтики страшного в традиционных и современных фольклорных жанрах, что, несомненно, будет способствовать более глубокому системному анализу процессов эволюции фольклорной традиции и установлению существенных межжанровых и родовых связей, прольет новый свет на вопросы происхождения современных фольклорных форм, поможет понять психологию как прошлого, так и современного общества, а также приблизиться к детализированной интерпретации различных аспектов эмоциональной и вербальной картины мира человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеевский М.Д.* Интернет в фольклоре или фольклор в Интернете? // От Конгресса к Конгрессу. Навстречу Второму Всероссийскому конгрессу фольклористов: Сб. материалов. М., 2010. С. 151–166.
2. *Вотякова И.А.* Концепт «страх» в русском языке // Вестник Удмуртского университета. Ижевск, 2014. Вып. 4. С. 179–183.
3. *Осорина М.В.* Секретный мир детей в пространстве взрослых. СПб., 1999. 431 с.
4. *Неклюдов С.Ю.* Образы потустороннего мира в народных верованиях и традиционной словесности. www.ruthenia.ru/folklore/neckludov8.htm
5. *Сверлова Е.Л.* Виртуализация смерти: современный интернет-погост // Интернет и фольклор. Сб. статей / Сост. А.В. Захаров. М.: ГРЦРФ, 2009. С. 58–70.
6. *Чередникова М.П.* Современная русская детская мифология в контексте фактов традиционной культуры и детской психологии: Монография. Ульяновск, 1995. 184 с.

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

1. 4story.ru. 4stor.ru/
2. Виртуальное кладбище Барабашка. barabashka.org/
3. Страшилка. www.strashilka.com/
4. Хранители сказок. Собрание авторских и народных сказок. hobbitaniya.ru/

REFERENCES

1. Alekseevsky M.D. Internet in Folklore or Folklore in Internet: Modern Folkloristics and Virtual Reality. In: From Congress to Congress. Towards the Second All-Russia Congress of Folklorists. The collection of materials. Moscow. 2010, pp. 151–166.
2. Votyakova I.A. The Concept of “Fear” in the Russian Language. *Bulletin of Udmurt University. Izhevsk.* 2014. No 4, pp. 179–183.
3. Osorina M.V. (1999) Secret World of Children in the Space of Adult. St.-Petersburg. 431 p.
4. Nekludov S.Y. The Images of the Afterlife in the Folk Beliefs and Traditional Language Arts. www.ruthenia.ru/folklore/nekludov8.htm
5. Sverlova E.L. Virtualization of death: modern internet graveyard. In: Internet and Folklore: Collected Articles / Ed. A.V. Zakharov. Moscow. SRCRF Publ. 2009, pp. 58–70.
6. Cherednikova M.P. (1995) Modern Russian Children’s Mythology in the Context of the Facts of Traditional Culture and Child Psychology: Monograph. 184 p.

INTERNET RESOURCES

1. 4story.ru. 4stor.ru/
2. Virtual cemetery Barabashka. barabashka.org/
3. Scary story. www.strashilka.com/
4. Keepers of tales. Collection of the author’s and folk tales. hobbitaniya.ru/

ПРИЛОЖЕНИЕ

Условные обозначения (начертание шрифта)

Аллюзии к сказкам

Аллюзии к страшилкам

Аллюзии к антистрашилкам

ПЯТНА НА ОБОЯХ¹

У одного мальчика была старшая сестра. Ей было уже девятнадцать лет и она собралась замуж. Было решено, что квартиру продадут. Родители жениха добавляют деньги. И тогда купят две квартиры. В одной будет жить старшая сестра с мужем, а в другой – сам мальчик со своими родителями. Так и сделали.

Прошло некоторое время. И тут поступило страшное известие: старшая сестра вместе с мужем умерли. Что-то очень сильно их напугало и от этого у молодых людей остановилось сердце. Про этот случай стало известно всему городу. Даже по телевизору показали этот дом, эту квартиру. Ну и, конечно, после этого никто квартиру не хотел покупать. Поэтому она стояла пустая.

Шли годы. Мальчик превратился в студента. Он упросил родителей, чтобы ему разрешили поселиться в той квартире, которая пустовала. Родителям сын

¹ www.strashilka.com/terribly/21557-pyatna-na-oboyax.html

уже давно надоел, они с радостью согласились. Теперь студент каждый вечер устраивал в своей собственной квартире вечеринки, на которые приходило много его друзей. Были и просто знакомые и незнакомые люди. Все приходили со своей едой и выпивкой. Поэтому студенту вообще не приходилось тратить деньги на еду. Он был доволен новой жизнью.

Как-то раз студент переставил своё кресло в другой угол, чтобы лучше было видно телевизор. И тут он заметил на обоях какое-то пятно. Это было некрасиво. Мама, когда она пришла в гости, сказала, что надо обои переклеивать. Дала на это деньги. Студент вместе с друзьями весело и дружно переклеили обои. Но через несколько дней на обоях опять появилось пятно.

Кто-то вспомнил страшилку про пятно, из которого вылезают длинные руки и душат человека. Студенту стало немного страшно. Он взял и перевесил картину, чтобы она закрывала пятно. Но скоро пятно стало заметно и на картине тоже.

Тут опять пришла в гости мама и сказала, что пятно может быть как-то связано с умершей сестрой студента. Когда её нашли, она как раз сидела на кресле перед этим пятном. Мама посоветовала вызвать батюшку из церкви, чтобы он окропил это пятно святой водой. Приехал священник в длинной чёрной рясе. Он увидел пятно, испугался и убежал из квартиры.

Пришлось опять поставить кресло на место перед этим пятном, чтобы его не видеть. Но сам студент теперь на кресло никогда не садился. Только гости. И вот как-то раз один из друзей студента тоже умер. Он сел на это кресло, закрыл глаза и больше никогда их уже не открывал. Все думали, что он спит, но оказалось – умер.

На следующий день студент принес большую доску и приколотил сверху пятна. Потом пошёл на кухню выпить чаю. Слышит – грохот. Прибегает в комнату, смотрит – доска валяется на полу, а на стене красуется пятно. **Не выдержал тогда студент, взял большой молоток и стал долбить им стену. Долбил, долбил. Смотрит – в стене дырка. А в этой дырке какой-то свёрток. Студент подумал, что это клад. Он обрадовался, давно хотел стать богатым. Разворачивает свёрток, а в нём оказался большой кусок сала.**

Тут в дырке показалось лицо соседа. Он ругался и требовал, чтобы ему вернули сало. Оказалось, что этот сосед в дырке в стене прячет сало от своей жены. По ночам достаёт сало и ест его тихонечко. Вот жир от этого сала и испортил обои студента.

Понял он, что пятно на обоях не виновато в его бедах. Сел студент на кресло. Задумался. Закрыл глаза. Тут что-то рука сильно зачесалась. Студент смотрит и на ней красное пятнышко. Тут другая рука зачесалась, а также ноги, спина. Он вскочил, смотрит на кресло – а по нему ползают какие-то насекомые. Вот они-то и кусались.

Сам собой включился телевизор. Показывали какой-то ужасник. Будто по тёмной квартире ходит какой-то мальчик со свечой, а за его спиной ужасное чудовище, но мальчик этого не замечает. Он ходит и ходит по квартире, а за ним следом чудовище. Тут студент узнал в мальчике себя, только в детстве. Ему стало очень страшно и он умер.

Потом оказалось, что в этом кресле живут ядовитые клопы. Вообще-то это обычные клопы. Муж старшей сестры до свадьбы жил в студенческом общежитии. Вот из него и привёз в эту квартиру клопов. Этим клопам очень понравились

капельки гнилого жира с обоев. Только от него они стали ядовитыми. В этот последний вечер они опять вылезли, чтобы полизать жира, а его уже не было. Тогда они напали на студента. Отравили его. Вот ему и привиделся кошмар, который его убил.

Сведения об авторе:
Татьяна Александровна Мирвода,
аспирант
МГУ имени М.В. Ломоносова

Tatyana A. Mirvoda,
Postgraduate
Lomonosov Moscow State University
tatyanamirvoda@yandex.ru

Программы

Programs

**Программа учебной дисциплины
«История лингвистических учений»
для направления «Филология».
Квалификация (степень) «магистр»**

1. Цели освоения дисциплины

Целями освоения дисциплины «История лингвистической учений» являются: ознакомление магистрантов с историей развития отечественного и зарубежного языкознания с античности до наших дней;

изучение основных направлений и школ отечественной и зарубежной лингвистики;

знакомство с выдающимися лингвистами и их вкладом в развитие истории науки о языке;

изучение методов лингвистических исследований в рамках различных направлений, знакомство с современной методологией лингвистических исследований;

осознание перспектив и направлений лингвистических исследований.

2. Место дисциплины в структуре ООП

ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ ООП. ОБЩЕПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ БЛОК

Курс «История лингвистических учений», рассчитанный на один семестр (1 семестр), является обязательным курсом в программе подготовки магистров-языковедов второго года обучения. Предполагается, в рамках программ первого года обучения учащиеся прослушали курс «Основы теории словесности», «Общая теория языка» и имеют общие представления об устройстве и функционировании языка. Курс «История лингвистических учений» является важной частью теоретической подготовки лингвиста.

Курс представляет собой последовательное изложение истории науки о языке с Античности до современного языкознания. Курс знакомит студентов с основными лингвистическими направлениями и школами.

Изучение истории языкознания – важное условие подготовки филологов с широким лингвистическим кругозором. Знание основных направлений в истории лингвистических учений углубляет языковедческую подготовку студентов, развивает у них способность к сознательному изучению языковых фактов. Курс не только представляет историю языкознания в ее периодизации и систематизации лингвистических идей, не только знакомит студентов с основными этапами развития лингвистической мысли, но и предлагает ответить на вопрос о причинах и закономерностях развития лингвистики как научного направления.

По окончании курса студент должен знать историю различных школ и направлений науки о языке, основные положения и методы исследования, знать имена и труды ведущих представителей лингвистических школ.

Дисциплина занимает важное место в программе подготовки лингвиста, так как является важным теоретическим лингвистическим курсом в системе подготовки специалиста в области языкознания.

3. Требования к результатам освоения дисциплины

Процесс изучения дисциплины направлен на формирование следующих компетенций:

ОБЩЕНАУЧНЫЕ:

способность анализировать и оценивать философские проблемы при решении социальных и профессиональных задач (М-ОНК-1);

способность самостоятельно формулировать научные проблемы на основе адекватного анализа научной традиции и современных тенденций (М-ОНК-2);

способность к самостоятельному пополнению, критическому анализу и применению теоретических и практических знаний в сфере гуманитарных наук для собственных научных исследований и практической деятельности (М-ОНК-3).

ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ:

владение нормами русского литературного языка и функциональными стилями речи; способность демонстрировать в речевом общении личную и профессиональную культуру, духовно-нравственные убеждения; умение ставить и решать коммуникативные задачи во всех сферах общения, управлять процессами информационного обмена в различных коммуникативных средах (М-ИК-2);

владение основными методами, способами и средствами получения, хранения, переработки информации; умение анализировать и совершенствовать методы, способы и средства работы с информацией в соответствии с поставленными задачами (М-ИК-3);

владение навыками использования программных средств, умение работать в компьютерных сетях, в том числе Интернет, способность самостоятельно определять и осваивать необходимое для профессиональной деятельности аппаратное и программное обеспечение (М-ИК-4).

СИСТЕМНЫЕ:

способность к творчеству, порождению инновационных идей, выдвижению самостоятельных гипотез (М-СК-1);

способность к поиску, критическому анализу, обобщению и систематизации научной информации, к постановке целей исследования и выбору оптимальных путей и методов их достижения (М-СК-2);

способность к самостоятельному обучению и разработке новых методов исследования, к изменению научного и научно-производственного профиля деятельности; к инновационной научно-образовательной деятельности (М-СК-3)

ОБЩЕПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ:

знание актуальных проблем, традиционных и современных методов филологической науки, понимание структуры и перспектив развития филологии как области знаний, междисциплинарных связей филологии (М-ПК-1);

владение категориально-терминологическим аппаратом современной филологии; знание важнейших филологических отечественных и зарубежных научных школ (М-ПК-2);

владение навыками самостоятельного филологического исследования и аргументированного представления его результатов (М-ПК-3);

владение навыками квалифицированного анализа, комментирования, реферирования и обобщения результатов научных исследований с использованием современных методик и методологий, передового отечественного и зарубежного опыта (М-ПК-4);

способность с филологической и общегуманитарной точки зрения осмыслять, описывать и анализировать разнообразные феномены языка, литературы, культуры, сознания, общественной жизни (тексты, произведения, ситуации, процессы и т.п.) (М-ПК-6).

В результате освоения дисциплины обучающийся должен: ”

ЗНАТЬ”

- понятийный аппарат истории лингвистики;
- разные подходы к исследованию языков, представленные в трудах выдающихся лингвистов;
- основные направления в развитии лингвистической мысли;
- историю методики лингвистических исследований.

УМЕТЬ

- анализировать и сопоставлять различные теории и направления развития науки о языке;
- активно использовать методику лингвистических исследований;
- использовать приобретенные знания в процессе самостоятельного научного исследования при написании итоговых квалификационных работ по истории языкознания.

ВЛАДЕТЬ

- навыками самостоятельного чтения современной лингвистической литературы по теории и истории языкознания;
- общелингвистической терминологией, которая используется в современных работах по языкознанию;
- различными лингвистическими методами работы с материалом в рамках лингвистических исследований.

4. Структура и содержание дисциплины

4.1. СТРУКТУРА ДИСЦИПЛИНЫ

Общая трудоемкость дисциплины составляет 2 зачетные единицы (72 часа).

№ п/п	Раздел дисциплины	Семестр	Неделя семестра	Виды учебной работы, включая самостоятельную работу студентов (с.р.с.) и трудоемкость (в часах)			Формы текущего контроля успеваемости (<i>по неделям семестра</i>) Форма промежуточной аттестации (<i>по семестрам</i>)
				лекции	с.р.с.	семинары / практические занятия	
1.	Предмет и задачи курса «История лингвистических учений». Периодизация истории языкознания. Языкознание в древней Индии.	1	1	2			

2.	Языкознание в Древней Греции. Александрийские грамматики.	1	2	2	2		
3.	Языкознание Средних веков и Нового времени. Грамматика Пор-Рояль.	1	3	2	2		
4.	Основоположники сравнительно-исторического языкознания (работы Ф. Боппа, Я. Гримма, Р. Раска и А.Х. Востокова).	1	4	2	2		
5.	Теория языка в работах В. фон Гумбольдта. Первые типологические классификации языков в работах братьев Шлегель.	1	5	2	2		
6.	Натуралистическое направление в языкознании. Деятельность А. Шлейхера.	1	6	2	2		
7.	Младограмматики. Принципы исторического развития языка. Понятие фонетического закона. Ф.Ф. Фортунатов и московская формальная школа.	1	7	2	2		
8.	Критика младограмматизма. Поиск новых путей развития языкознания. Работы Г. Шухардта, И. Шмидта и др. Лингвистическая география.	1	8	2	4		

9.	Психологическое направление в языкознании. Работы Г. Штейнталя и А.А. Потебни. Деятельность И.А. Бодуэна де Куртенэ. Понятие фонемы у Бодуэна.	1	9	2	4		
10.	Структурализм в языкознании. Деятельность Ф. де Соссюра. Учение об уровнях языковой системы Э. Бенвениста.	1	10	2	2		
11.	«Новое учение об языке» Н.Я. Марра и его роль в развитии отечественного языкознания. Социальная природа языкового развития в трудах Марра. Петербургская школа отечественной науки о языке.	1	11	2	2		
12.	Структурализм в отечественном языкознании. МФШ и ЛФШ. Дискуссия о слове в трудах отечественных лингвистов.	1	12	2	2		
13.	«Основы фонологии» Н.С. Трубецкого. Понятие оппозиции как принципа организации структуры языка. Попытка системного описания лексики и грамматики.	1	13	2	2		

14.	Американская дескриптивная лингвистика. Типология и учения об универсалиях в трудах американских ученых. Порождающая грамматика Н. Хомского.	1	14	2	4		
15.	Отечественная лингвистика второй половины XX в. Лингвистика текста. Понятие дискурса. Метод дискурсивного анализа в лингвистике. Ностратическая макросемья языков Иллич-Свитыча.	1	15	2	2		
16.	Кризис структурализма. Семантика и синтаксис в контексте функциональной грамматики. Антропоцентризм в языкознании.	1	16	2	2		
17.	Современное состояние языкознания. Задачи и перспективы лингвистических исследований.	1	17	2			
		1	18	4			Экзамен
	Итого			38	34		

4.2. СОДЕРЖАНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

История лингвистических учений как учебная дисциплина.

Цель и задачи курса. Периодизация истории лингвистики

Тема 1. Языкознание в древней Индии. Представление о грамматике как царице наук, как фундаменте всей человеческой цивилизации. Принципы описания языка в грамматике Панини. Понятие морфемы и правила синтеза словоформ в рамках индийской лингвистической традиции. Словарь синонимов Амаракоса как отражение представления о мире древних индусов.

Тема 2. Языкознание в Древней Греции. Языковедческая проблематика в учениях древнегреческих философов. Гераклит Эфесский и Демокрит Фракийский о происхожде-

нии имен. Рассуждения о принципе номинации предметов и явлений в диалоге Платона «Кратил». Грамматическая терминология и учение о категориях в «Поэтике» Аристотеля. Учение о частях речи и этимологический анализ в рамках теории языка стоиков.

Александрийские грамматики. Принцип выделения частей речи в работе Дионисия Фракийского. Спор об аналогии и аномалии как отражение разного понимания организации и развития языка.

Эллинистическо-римская риторическая система.

Тема 3. Языкознание Средних веков и Нового времени. Языковедческая проблематика в контексте богословских дискуссий. Вопрос о природе абстрактных понятий (универсалий) и об их отношении к языку: спор реалистов и номиналистов. Философская грамматика модистов. Части речи и *modus significandi* в учении модистов.

Логическое направление в языкознании. Универсальная грамматика Пор-Рояль А. Арно и К. Лансло. Принцип грамматической категоризации в грамматике, проблема выражения общих грамматических категорий в конкретных языках.

Создание письменности для бесписьменных народов и перевод текстов Священного Писания как площадка для постановки и решения лингвистических задач.

Тема 4. Предпосылки становления сравнительно-исторического языкознания: создание многоязычных словарей в конце XVIII – начале XIX в., знакомство европейцев с санскритом и трудами индийских грамматиков.

Методика доказательства родства индогерманских языков в работах Ф. Боппа: принцип морфемного членения слова, системное сопоставление морфем родственных языков.

Методика сопоставительных исследований в работах Р. Раска. Выявление «исконной» (базовой) лексики в родственных языках. «Круги» Раска – учет географического распространения сравниваемых языков. Звуковой закон Раска-Гримма (закон первого германского передвижения согласных).

Становление германской филологии в работах Я. Гримма. Принцип историзма в концепции Гримма: превращение описательного языкознания в объяснительное. Гигантская панорама исторического развития немецкого языка на фоне других германских языков и диалектов.

Классификация и историческое развитие славянских языков в работах А.Х. Востокова. Научное издание памятника XI в. «Остромирово евангелие» и описание славянского языка древнейшего периода. Попытка системной реконструкции элементов древнего языка: открытие «тайны юсов». Принцип внешней и внутренней реконструкции в работах Востокова.

Тема 5. Классификация языков мира в работах В. фон Гумбольдта. Представители инкорпорирующего типа языков в классификации Гумбольдта.

Первые типологические классификации языков в работах братьев Шлегель. Аффиксирующие и флективные языки в работе «О языке и мудрости индусов» Ф. Шлегеля. Деление индоевропейских языков на синтетические и аналитические в работах А. Шлегеля.

Теория языка в работах В. фон Гумбольдта. Представление о языке как «духе народа», форме воплощения национального мировоззрения. Попытка определения «внутренней формы языка» – специфического способа формального выражения мысли, свойственной данному языку. Описание национального языка как своеобразного «взгляда» конкретного народа на окружающий мир, стремление введения в круг научных исследований малоизвестных языков: языка кави на о. Ява, баскского языка и др.

Тема 6. Натуралистическое направление в языкознании. «Биологическая» концепция языка в учении Августа Шлейхера. Понимание языка как живого организма, «жизнь» языка, его «родственные связи» и т.п. Представление о корне слова (главной морфеме) как о клетке организма языка.

Представление Шлейхера об историческом развитии родственных языков в виде родословного древа индоевропейских языков. Уязвимость гипотезы дивергентного развития языков.

Идея и методика реконструкции индоевропейского праязыка в работах Шлейхера. Басня «Овца и кони» как попытка реконструкции текста на праиндоевропейском языке.

Представление об устройстве праязыка в концепции Шлейхера: система вокализма и консонантизма праязыка.

Попытка схематичного представления типологической классификации языков мира. Гипотеза «стадиального развития» языков мира.

Критика предложенных А. Шлейхером теоретических построений последующими лингвистами.

Тема 7. Младограмматизм – ведущая школа сравнительно-исторического языкознания XIX века. Принципы исторического развития языка в работах младограмматиков. Манифест младограмматиков в предисловии к работе «Морфологические исследования индогерманских языков» К.Бругмана и Г.Остгофа. Атомизм концепции младограмматиков.

Историзм и психологизм как основные принципы младограмматической школы. Формулировка важнейших звуковых законов на материале индоевропейской фонетики (закон К. Вернера, Г. Грассмана, Г. Асколи и др.). Языки кентум и сатем как пример членения индоевропейской языковой общности в зависимости от действия фонетического закона палатализации. Учение о фонетических законах и аналогии.

Фортунатовская теория сонантов и законы акцентуации в балтийских и славянских языках. Теория дивергентно-конвергентной эволюции языка, понимание праязыка, учет принципа относительной хронологии при описании звуковых изменений.

Фортунатовская школа в отечественном языкознании. Учение Фортунатова о форме слова, классификация частей речи по формальному принципу.

Тема 8. Критика младограмматизма. Определение конечной цели сравнительно-исторических исследований и проблема реконструкции праязыка в трудах А. Мейе.

Поиск новых путей развития науки о языке. Эстетическая школа К. Фосслера. Исследование эволюции значения слов методом «слов и вещей» в концепции Рудольфа Меренгера и Г. Шухардта.

Выступления Г. Шухардта против младограмматиков во поводу родословного древа, фонетических законов и причинах языковых изменений.

Методика лингвистической географии в сравнительно-исторических исследованиях. И. Шмидт и «теория волн». Принципы лингвистической географии (французской школы) и ареальной лингвистики (итальянской школы) в европейской лингвистике. Прием картографирования языковых явлений, понятие ареала и изоглоссы. Субстрат и суперстрат в сравнительно-исторических исследованиях. Понятие смешения языков.

Тема 9. Психологическое направление в языкознании второй половины XIX века.

Язык как продукт человеческой психики. Понятие языкового мышления в концепции Г. Штейнтала. «Психология народов» В. Вундта.

А.А. Потебня – последователь В. фон Гумольдта и популяризатор гумбольдианства в России. А.А. Потебня об особенностях древних языков как свидетельстве своеобразия мифологического мышления. Развитие синтаксической структуры как отражение работы мышления в работах А.А. Потебни.

Основные подходы к описанию и исследованию языка в трудах И.А. Бодуэна де Куртенэ. Учение о системных отношениях в языке. Критика теории родословного древа в работах Бодуэна де Куртенэ. Идеи о смешанном характере языков, диссертация Бодуэна «Опыт фонетики резьянских. Социологический и психологические подходы в изучении языка. Учение о фонеме, разные подходы к определению фонемы в наследии Бодуэна де Куртенэ.

Идея структурного устройства языка и попытка объяснения развития языковой системы в работах Н. Крушевского.

Тема 10. Структурализм в европейской лингвистике. «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра: представление о языке как о семиотической системе, противопоставление синхронии и диахронии как основных методов изучения языка, синтагматические и ассоциативные (парадигматические) отношения языковых единиц как основа структурного устройства языка. Противопоставление языка и речи в концепции Соссюра.

Понятие лингвистического знака, свойства знака. Основания для включения лингвистики в круг семиотических дисциплин, последствия такого включения для науки о языке.

Уровневое устройство языковой системы. Учение Э. Бенвениста об уровнях языковой системы. Дискуссия о статусе и функциях единиц каждого уровня.

Тема 11. «Новое учение об языке» Н.Я. Марра и его роль в развитии отечественного языкознания. Отрицание достижений сравнительно-исторического языкознания: методов доказательства языкового родства, регулярности звуковых изменений в родственных языках и т. п. в работах Марра. Вульгарный социологизм Марра: попытка рассмотрения стадий языкового развития в связи с уровнем общественно-экономического развития. Перенос «фокуса» лингвистического интереса с фонетики и морфологии на семантику и синтаксис. Развитие идей Н.Я. Марра в трудах И.И. Мещанинова.

Петербургская школа отечественной науки о языке. Деятельность Л.В. Щербы, Е.Д. Поливанова, В.В. Виноградова и др.

Развитие социологического направления в отечественной лингвистике в работах А.М. Селищева, С.И. Карцевского. Л.П. Якубинского и др.

Тема 12. Структурализм в отечественном языкознании.

Различное понимание фонемы ведущими фонологическими отечественными школами: московской и ленинградской. Причины и следствия такого различия.

Место фонологии в учении об уровнях языковой системы в рамках Московской фонологической школы («морфематизм» МФШ). Понятие фонемы в МФШ.

Фонема как «психический эквивалент звука» в концепции Ленинградской фонологической школы.

Дискуссия о слове: о статусе и функции этой языковой единицы в трудах отечественных лингвистов.

Исследования по стилистике, языку художественной литературы и риторике. Работы В.В. Виноградова, Г.О. Винокура и др.

Тема 13. Пражский структурализм. Функциональный подход в языкознании.

«Основы фонологии» Н.С. Трубецкого. Фонема как «идея» звука. Зависимость фонемы от системы конкретного языка. Понятие оппозиции как принципа организации структуры языка.

Попытка системного описания лексики: метод компонентного анализа.

Теория актуального членения предложения В. Матезиуса.

Учение о структурном синтаксисе французского ученого Л. Теньера. Представление структуры предложения в виде стеммы, понятие глагольной валентности, актантов и сирконстантов. Юнкция и трансляция как виды усложнения синтаксической структуры.

Тема 14. Deskриптивная лингвистика. Принцип анализа языкового материала, разработанный американской школой.

Глава школы американской лингвистики Л. Блумфилда. Метод дистрибутивного анализа: принцип работы и результат. Понятие фонемы в рамках американской фонологической школы.

Языки коренного населения Америки как уникальный языковой материал, обусловивший своеобразие американской лингвистики. Работы Боаса по этнологии и языкознанию. Типология и учения об универсалиях в трудах американских ученых (Э. Сепир, Дж. Гринберг, Ч. Хоккет и др.). Типологическая классификация языков мира Э. Сепира. Гипотеза лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа.

«Хомскианская революция» в лингвистике XX века. Попытка возвращения к проблеме связи языка и мышления, критика структурного подхода в описании языка. Синтаксическая теория Н. Хомского как попытка выхода за рамки структурализма, а в то же время поиск новой формализации языковой структуры.

Тема 15. Синтаксические теории в трудах отечественных ученых (М.Н. Петерсон, А.А. Шахматов, А.М. Пешковский и др.)

Отечественная лингвистика второй половины XX вв.

Принципы построения Академической грамматики 1980 г.
Семантика и синтаксис в контексте функциональной грамматики.
Лингвистика текста. Понятие дискурса. Метод дискурсивного анализа в лингвистике.
Развитие сравнительно-исторического языкознания в XX веке: ностратическая макросемья языков в работах В.М. Иллич-Свитыча. Связь компаративистики с антропологией, археологией и культурологией при реконструкции картины жизни далеких предков (в частности, при локализации прародины индоевропейцев).

Тема 16. Кризис структурного направления в языкознании.

Антропоцентризм в языкознании. Перенос внимания лингвистов с проблем устройства языковой системы на проблему использования этой языковой системы для решения человеком различных коммуникативных и когнитивных задач. Функциональный подход в современной лингвистике.

Роль языкознания в междисциплинарных исследованиях в сфере социолингвистики, психолингвистики, когнитивной лингвистики, нейролингвистики, онтолингвистики (науки о детской речи), семиотики и т.п.

Тема 17. Современная наука о языке. Сосуществование противоположных тенденций в развитии современной лингвистики: с одной стороны, возрастающая специализация научных знания и множественность направлений в современной науке, а с другой стороны, стремление лингвистики выйти за рамки узкопрофессиональных задач, тесно сотрудничать с другими науками, интегрировать методы и достижения, участвовать в решении важных задач, поставленных различными антропоцентрическими науками.

ЗАДАЧИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

5. Рекомендуемые образовательные технологии

Курс предполагает использование интерактивных форм обучения, в том числе с привлечением сетевых технологий для поиска и анализа информации, работы с базами данных.

6. Учебно-методическое обеспечение самостоятельной работы студентов

Оценочные средства для текущего контроля успеваемости, промежуточной аттестации по итогам освоения дисциплины.

В качестве основного оценочного средства текущего контроля используются коллоквиумы по прочитанной литературе и рефераты.

ПРИМЕРНЫЕ ТЕМЫ РЕФЕРАТОВ

1. Структура словаря тезауруса. Тезаурус как отражение мировоззрения (на материале индийского словаря Амаракоса или словаря конца XVIII в. П. Палласа).
2. Принципы выделения частей речи в «Поэтике» Аристотеля, в работах стоиков и в грамматике Дионисия Фракийского.
3. Язык как орудие мышления в лингвистической концепции В. фон Гумбольдта.
4. «Наш язык – это наша история» Я. Гримм. Первая историческая грамматика в европейском языкознании: ее задачи, композиция и выводы.
5. Издательская деятельность основоположников сравнительно-исторического языкознания (Я. Гримма, А. Востокова и Й. Цейса).
6. Методика этимологического анализа в трудах компаративистов первой половины XIX в.
7. Звуковые законы как движущая сила языковых изменений в работах младограмматиков. Примеры закономерных фонетических изменений.

8. Понятие «внутренней формы слова» в учении А.А. Потебни. Принцип номинации в древних языках как отражение архаичного мышления в работах Потебни.
9. Принципы выделения частей речи в концепции московской школы (Ф.Ф. Фортунатов и его ученики) и ленинградской школы (Л.В.Щерба).
10. Деятельность отечественных лингвистов по созданию алфавитов для бесписьменных народов.
11. Попытка создания формального описания языка в рамках американской лингвистической школы (дистрибутивный анализ языковых единиц как важнейший принцип формального описания).
12. «Новое учение об языке» Н.Я. Марра и развитие отечественного языкознания первой половине XX в.
13. Ф. де Соссюр как основоположник структурализма (основные идеи «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра).
14. Отечественные языковеды 20–30-х гг. XX в. о социальной природе языка (язык и общество в работах А.М. Селищева, С.И. Карцевского, Л.П. Якубинского и др.).
15. Гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа.
16. Роль экспериментальных исследований в лингвистике конца XX – начала XXI в.
17. Теория речемыслительной деятельности в рамках отечественной психолингвистики (работы Л.С. Выготского, Н.Н. Жинкина и др.).
18. История отечественной онтолингвистики.
19. Предмет и задачи нейролингвистики. А.Р. Лурия о типах речевых расстройств при локальных поражениях коры головного мозга.
20. Когнитивная лингвистика: цели, задачи, методы, основные пути развития дисциплины.

ПРИМЕРНЫЕ ТЕМЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ НА КОЛЛОКВИУМАХ

1. История лингвистических учений как самостоятельная дисциплина: цели и задачи. Периоды развития науки о языке. Языкознание в кругу других наук (биология, семиотика, психология, социология, медицина, математика и др.). Языкознание и филология.
2. Влияние достижений индийской грамматической мысли на европейское языкознание.
3. Философская природа спора о происхождении имен в античном языкознании.
4. Философские основы универсальной грамматики Пор-Рояль.
5. Проблематика общего языкознания в работах В. фон Гумбольдта.
6. Неогумбольдианство в истории европейской и американской лингвистики.
7. Методика доказательства языкового родства в работах основоположников сравнительно-исторического языкознания.
8. А. Шлейхер и младограмматики: методологические основания, цели, задачи и достижения «старой» и «новой» школ в компаративистике второй половины XIX в.
9. Теория родословного древа родственных языков А. Шлейхера и теория волн И. Шмидта – отрицающие или дополняющие друг друга концепции. Идеи А. Лескина о синтезе этих теорий.

10. Натуралистическое направление в языкознании. Представление о морфеме как клетке организма языка. Влияние натуралистической концепции на типологию и компаративистику.
11. Структурализм в языкознании. Представление о системном строении языка.
12. Семиотика и лингвистика: точки пересечения и принципиальные расхождения (к вопросу о том, можно ли считать язык семиотической системой).
13. Лингвистическая география. Принцип картографирования языков и диалектов.
14. Фонология как «любимое детище структурализма». Сходство и различия основных фонологических школ.
15. Дескриптивная лингвистика. Принцип дистрибуции в трудах американских лингвистов.
16. Пражский лингвистический кружок. Функциональный подход в лингвистике.
17. Механизмы формализации синтаксической структуры: теория зависимости (Л. Тенъера) и теория непосредственно составляющих (НС) американской лингвистической школы.
18. Общие принципы универсальной грамматики Пор-Рояль и генеративной грамматики Н. Хомского.
19. История сравнительно-исторического языкознания в отечественной лингвистике XX века (от марризма к ностратической теории Иллич-Свитыча).
20. Лингвистика текста в отечественном языкознании. Понятие дискурса, метод дискурсивного анализа.
21. Психолингвистика и когнитивная лингвистика: цели, задачи, методы исследования.

Аттестация по итогам освоения дисциплины – экзамен (ответ на теоретические вопросы с учетом качества и количества выполненных рефератов).

ВОПРОСЫ К ЭКЗАМЕНУ

1. Языкознание в древней Индии. Принципы описания языка в грамматике Панини.
2. Языкознание в древней Греции. Спор о природе имен в диалоге Платона «Кратил». Учение о частях речи в грамматике Дионисия Фракийского.
3. Всеобщая (рациональная) грамматика Пор-Рояль. Универсальное и специфическое в языках мира в тексте грамматики Пор-Рояль.
4. Возникновение сравнительно-исторического языкознания. Методика доказательства языкового родства в «Сравнительной грамматике Ф. Боппа.
5. Принцип исторического изучения языков в работах Я. Гримма. Фонетический закон Раска-Гримма. Принцип «кругов» при определении родства языков в сочинении Раска.
6. Типологическая классификация языков в работах братьев Шлегель. Деление языков на флективные и аффиксирующие (Фр. Шлегель), синтетические и аналитические (Авг. Шлегель).

7. Философия языка В. фон Гумбольдта (язык как отражение национального мировидения, язык как вечная деятельность духа (энегрейа), представление о внутренней форме языка).
8. Натуралистическое направление в языкознании. Идеи А. Шлейхера в области компаративистики и типологии.
9. Психологическое направление в языкознании. Лингвистические взгляды Г. Штейнталя и А.А. Потебни.
10. Младограмматизм – ведущая школа сравнительно-исторического языкознания конца XIX века. Понятие звукового закона как движущей силы языкового развития.
11. Французская школа лингвистической географии и итальянская школа ареальной лингвистики в истории языкознания: сходства и различия.
12. Теория «волн» И. Шмидта как первая попытка картографирования языковых явлений.
13. Критика младограмматиков в работах Г. Шухардта (о действии звуковых законов и родословном древе индоевропейских языков).
14. И.А. Бодуэн де Куртенэ о системном устройстве языка. Противопоставление звука и фонемы в работах Бодуэна. Учение Бодуэна де Куртенэ о фонеме.
15. Агглютинативные и фузийные языки. Закон переразложения основ в пользу окончаний как следствие фузии. Понятие смешения языков в трудах И.А. Бодуэна де Куртенэ.
16. Структурализм в языкознании. Представление о языке как о системе знаков в работе Ф. Соссюра «Курс общей лингвистики». Уровни языковой системы в трудах структуралистов.
17. Дескриптивный метод в американском языкознании. Понятие дистрибуции. Лингвистические взгляды Л. Блумфилда и Э. Сепира.
18. Структурная типология XX века. Принципы типологической классификации Э. Сепира. Учение о лингвистических универсалиях.
19. Структурализм как доминирующее направление в лингвистике XX века. «Основы фонологии» Н.С. Трубецкого и «Основы структурного синтаксиса» Л. Теньера.
20. Генеративная грамматика Н. Хомского. Понятие глубинной и поверхностной структур в концепции Н. Хомского как попытки объяснения взаимодействия мышления и языка.
21. Кризис структурализма. Функциональный подход в современной лингвистике.
22. Новые направления в языкознании второй половины XX – начала XXI вв.: психолингвистика, когнитивная лингвистика, нейролингвистика, отнолингвистика и др.)

7. Учебно-методическое и информационное обеспечение дисциплины

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Алпатов В.М.* История лингвистических учений. М.: Языки русской культуры. 1999.
- История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях / Сост. В.А. Звегинцев. Ч. 1. М., 1964.
- Шулежкова С.Г.* История лингвистических учений: Учеб. пособие. М.: Флинта, 2007.
- Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В.* История языкознания: Учебное пособие для студентов высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2003.
- Березин Ф.М.* История лингвистических учений. М.: Высшая школа, 1984.
- Березин Ф.М.* Русское языкознание конца 19 – начала 20 века. М., 1976.
- Бурас М., Кронгауз М.* Жизнь и судьба гипотезы лингвистической относительности // Наука и жизнь. М., 2011. № 8.
- Волошина О.А.* «Биологическая теория языка» Августа Шлейхера и ее значение для теории компаративистики // Современные методы сравнительно-исторических исследований. Материалы VIII Международной научной конференции по сравнительно-историческому языкознанию. Москва. 25–27 сентября 2013 г. М., 2013.
- Волошина О.А.* Александр Христофорович Востоков (1781–1864) – основатель сравнительно-исторической славистики // Русская речь. М., 2014. № 5.
- Волошина О.А.* В.М. Иллич-Свитыч и теория дальнего родства языков // Русский язык в школе. М., 2014. № 11.
- Волошина О.А.* Лингвистические идеи Гуго Шухардта и особенности его научного стиля // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. М., 2014. № 5.
- Волошина О.А.* О структуре и лингвистической терминологии грамматики Панини // Вестник РГГУ. 2010. № 9/10,
- Волошина О.А.* Общая система языков (к 125-летию со дня рождения Н.С. Трубецкого) // Русский язык в школе. М., 2015. № 12. С. 57–63.
- Волошина О.А.* Роль славянских языков в лингвистической теории И.А. Бодуэна де Куртенэ и Н. Крушевского // Beiträge zum 18. Arbeitstreffen der Europäischen Slavistischen Linguistik (Polyslav). 3–5 September 2014, Budapest. Harrassowitz Verlag. Wiesbaden. P. 260–268.
- Волошина О.А.* Эдвард Сепир и лингвистическая типология XX века // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. М., 2015. № 1. С. 3–14.
- Волошина О.А.* Языкознание в древней Индии // Русский язык в школе. М., 2015. № 8. С. 49–55.
- История лингвистических учений. Древний мир. Л. 1980.
- Переписка Франца Боппа и Вильгельма фон Гумбольдта / Пер. с нем. А.В. Блинова. М.: УРСС, 2009.

СПИСОК ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ

- Платон.* Кратил, или О правильности имен (отрывки) // Античные теории языка и стиля. М.; Л., 1936. С. 36–57.

Арно А., Лансло К. Грамматика общая и рациональная, Пор-Рояля. М.: Прогресс. 1998. С. 89–132.

Бопп Ф. О системе спряжения санскритского языка в сравнении с таковым греческого, латинского, персидского и германского языков (отрывки), Сравнительная грамматика... (отрывки) // История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях / Сост. В.А. Звегинцев. Ч. 1. М., 1964. С. 31–39.

Раск Р. Исследования в области древнесеверного языка, или происхождение исландского языка // История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях / Сост. В.А. Звегинцев. Ч. 1. М., 1964. С. 40–51.

Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Хрестоматия по курсу «Введение в языкознание» / Сост.: А.В. Блинов, И.И. Богатырева, В.П. Мурат, Г.И. Рапова. М., 1996. С. 16–25.

Бодуэн де Куртенэ И.А. О смешанном характере всех языков // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М. 1963. С. 362–372.

Бругман К., Остгоф Г. Предисловие к книге «Морфологические исследования в области индоевропейских языков» // История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях / Сост. В.А. Звегинцев. Ч. 1. М., 1964. С. 187–198.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Хрестоматия по курсу «Введение в языкознание» / Сост.: А.В. Блинов, И.И. Богатырева, В.П. Мурат, Г.И. Рапова. М., 1996. С. 4–51.

Бенвенист Э. Уровни лингвистического анализа // Хрестоматия по курсу «Введение в языкознание» / Сост.: А.В. Блинов, И.И. Богатырева, В.П. Мурат, Г.И. Рапова. М., 1996. С. 61–72.

Трубецкой Н.С. Основы фонологии // Хрестоматия по курсу «Введение в языкознание» / Сост.: А.В. Блинов, И.И. Богатырева, В.П. Мурат, Г.И. Рапова. М., 1996. С. 89–141.

Теньер Л. Основы структурного синтаксиса // Хрестоматия по курсу «Введение в языкознание» / Сост.: А.В. Блинов, И.И. Богатырева, В.П. Мурат, Г.И. Рапова. М., 1996. С. 248–284.

Хомский Н. «Аспекты теории синтаксиса» // Хрестоматия по курсу «Введение в языкознание» / Сост.: А.В. Блинов, И.И. Богатырева, В.П. Мурат, Г.И. Рапова. М., 1996. С. 224–247.

Сепир Э. Язык // Хрестоматия по курсу «Введение в языкознание» / Сост.: А.В. Блинов, И.И. Богатырева, В.П. Мурат, Г.И. Рапова. М., 1996. С. 293–315.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении // Хрестоматия по курсу «Введение в языкознание» / Сост.: А.В. Блинов, И.И. Богатырева, В.П. Мурат, Г.И. Рапова. М., 1996. С. 200–223.

Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику // Хрестоматия по курсу «Введение в языкознание» / Сост.: А.В. Блинов, И.И. Богатырева, В.П. Мурат, Г.И. Рапова. М., 1996. С. 142–151, 165–175, 212–226.

Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 24–39.

8. Материально-техническое обеспечение дисциплины

Материально-техническое обеспечение дисциплины предполагает:

доступ к Интернету во внеаудиторное время;
доступность указанной литературы и словарей.

Программа составлена в соответствии с требованиями ОС МГУ
по специальности «Филология».

Разработчик:
Оксана Анатольевна Волошина,

канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Oksana A. Voloshina,
PhD
Assistant Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
oxanav2005@mail.ru

Для организации самостоятельной работы студентов в рамках курса «История лингвистических учений» предлагается учебно-методический материал, сгруппированный по темам программы курса. Каждая тема представлена перечнем основных вопросов, заданий, текстов для прочтения и анализа. Отдельно сформулированы темы для коллоквиумов и рефератов. Дополнительные материалы, необходимые для ответа на вопросы по разбираемой теме, предложены в виде *Приложений*, обращение к которым не является обязательным для освоения курса, в материалах *Приложений* приведены конкретные лингвистические факты, иллюстрирующие теоретические положения лингвистов.

См. ниже *Приложения* 1–3.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Смешанный характер армянского языка

Армянский язык, как известно, стоит особняком в генеалогической классификации индоевропейских языков – он один представляет собой целую подгруппу языков, так как ближайших родственников ему найдено не было¹.

Бодуэн де Куртенэ обратил внимание на смешанный характер армянского языка: «Армянский язык причисляется к ариоевропейской отрасли языков, и действительно, многими своими сторонами он к ней принадлежит, но вместе с тем по некоторым частностям его сторон и вообще по некоторым основным особенностям его необходимо поставить рядом с языками если не тюркско-татарскими или урало-алтайскими, то по крайней мере с языками, очень близкими этим последним»².

Армянский язык, действительно, содержит множество специфических черт, несвойственных индоевропейской грамматике и фонетике, однако причины такого своеобразия армянского лингвистам до сих пор не ясны. Может быть, на армянский оказали влияние известные и неизвестные науке древние неиндоевропейские языки Малой Азии в качестве субстрата или близких соседей, однако очевидно, что древнеармянский язык – грабар – больше похож на древние индоевропейские языки (греческий, санскрит, старославянский), чем современный армянский язык на современные индоевропейские языки. Фонетика армянского языка демонстрирует влияние кавказских языков: наличие гортанного звука, множество аффрикат и т. п. О. Мандельштам писал:

Дикая кошка – армянская речь –
Мучит меня и царапает ухо...

Конечно, на армянский язык, как на древнейший индоевропейский, оказывали влияние многие исчезнувшие ныне языки, поэтому определение языкового влияния оказывается такой сложной, может быть, неразрешимой ныне задачей.

В области морфологии существенным изменением явилась утрата категории рода и типов склонения именем существительным. Унификация словоизменения существительного в армянском выглядит теперь сообразно с механизмом последовательного присоединения однозначных и стандартных аффиксов к неизменяемому корню тюркских и финно-угорских языков.

Например, существительные образуют форму множественного числа при помощи аффиксов: --*օր* [er], -*ներ* [ner]:

փոքր ուղի [poħ³os] (улица) – *փոքր ուղիներ* [poħ³os-ner] (улицы),

փոքր ուղիներում [poħ³os-um] (на улице) – *փոքր ուղիներում* [poħ³os-ner-um] (на улицах)⁴.

Аффикс множественного числа присоединяется к основе существительного, за ним следует падежный аффикс. Таким образом, цепочка аффиксальных морфем армянского слова строится по аддитивной морфологической модели (агглютина-

¹ Первоначально, правда, армянский язык причислялся к подгруппе иранских языков из-за многочисленных лексических заимствований, но уже в конце XIX в. лингвисты обнаружили много своеобразных черт армянского языка, выделяющего последний из числа иранских языков. С тех пор армянский язык является единственным представителем отдельной подгруппы индоевропейских языков.

² Бодуэн де Куртенэ И.А. О смешанном характере всех языков // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М. Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 365.

³ փ – задненебный-заднеязычный, щелевой звонкий согласный.

⁴ Арутюнян Г.С. Армянский язык для самостоятельного изучения. М., 2006. С. 72–73.

тивный тип языка). Этому языковому типу соответствуют тюркские и финно-угорские языки.

Кроме того, хочется обратить внимание на модель образования числительных от 11 до 19 в армянском языке. Древняя индоевропейская модель «единицы + десятки» изменилась на тюркскую «десятки + единицы».

Стоит отметить, что соседние языки всегда влияют друг на друга, поэтому многовековой контакт армян с тюркоязычным языковым ареалом не мог не повлиять на развитие и изменения соседствующих языков. Однако примечательно, что армянский как язык сложной индоевропейской модели с развитой морфологией и морфонологией заимствовал от турок более простую языковую модель – языковое развитие всегда движется по пути упрощения, на что неоднократно указывал Бодуэн де Куртенэ (стремление к экономии усилий), но армянский язык в свою очередь повлиял на тюркские языки, обогатив их лексику названиями ремесел, терминов науки и культуры.

Приложение 2. Сингармонизм в казахском языке

Сингармонизм (гармония гласных) – морфонологическое явление, при котором каждая морема в словоформе содержит гласные одинаковой артикуляционно-акустической характеристики: только гласные переднего или непереднего ряда (сингармонизм по ряду), или гласные только верхнего или только нижнего подъема (сингармонизм по подъему), возможен даже сингармонизм по лабиализации. Такое явление встречается в финно-угорских или в тюркских языках.

Выбор гласных звуков в слове определяется, как правило, по первому гласному корня (в языках с сингармонизмом отсутствуют приставки – слово всегда начинается с корня). Этот же гласный в финно-угорских и тюркских языках, как правило, является ударным. Например, если в венгерском языке в корне – гласный переднего ряда, то и все последующие аффиксы также будут содержать гласный переднего ряда. И наоборот, если в корне гласный непереднего ряда, аффиксы, соответственно, также будут содержать гласный непереднего ряда. Такая морфемная структура слова предполагает наличие аффиксов-дублетов (с передним и непередним гласным).

Например, в венгерском языке суффикс множественного числа представлен следующими вариантами: *-ek / -ok*. В зависимости от гласного корня, мы выбираем необходимую огласовку аффикса:

Az város (тот город) – *azok városok* (те города), но *ezek városok* (эти города);

Ez térkép (эта карта) – *ezek térképek* (эти карты), но *azok térképek* (те карты).

Это явление оформляет словоформу в тюркских языках. Приведем пример сингармонизма в казахском языке.

Гласные переднего ряда (мягкие): [Ә], [Ө], [Ү], [І], [Е].

Гласные непереднего ряда (твердые): [А], [О], [Ұ], [Ы], [Э].

В казахском языке гармония гласных определяется первым гласным корня, к которому присоединяются аффиксы, содержащие гласные такой же фонетической характеристики:

Сингармонизм гласных переднего ряда (*i, e*):

тіл-ші – корреспондент,

тіл-ші-лер – корреспонденты,

тіл-ші-лер-іміз – наши корреспонденты,

тіл-ші-лер-іміз-ден – от наших корреспондентов.

Сингармонизм гласных непереднего ряда (*а, у, ы*):

сату – продавать,

сату-шы – продавец,

сату-шы-лар – продавцы,

сату-шы-лар-ымыз – наши продавцы,

сату-шы-лар-ымыз-да – у наших продавцов.

Когда слово индоевропейских языков заимствуется тюркскими языками, возникает проблема – по какому гласному оформлять сингармонизм слова, если корень заимствованного слова содержит гласные, разные по артикуляционно-акустической характеристике. Тюркские языки могут вести себя в этом случае по-разному. Например, слово компьютер:

компьютерлер – аффикс казахского языка повторяет фонетические характеристики последнего гласного слова;

компьютерлар – в татарском языке гармония гласных аффиксов строится по первому гласному слова.

Интересно отметить, что сингармонизм может использоваться в поэтических текстах как средство художественной выразительности: в казахском народном эпосе гласные переднего ряда описывают тонких и нежных девушек, картины природы, а гласные непереднего ряда – кровавые битвы, выражение бурных эмоций и т. п.

Известный казахский поэт Жамбыл, памятник которому установлен в Астане,

также использовал в своих произведениях сингармонизм как фоносемантический прием. Например, на камне рядом с памятником выбито четверостишие, первые две строчки которого содержат слова с гласными переднего ряда, 3-я строчка – слова с гласными непереднего ряда, а завершающая строчка также начинается со слов с гласными непереднего ряда, но все четверостишие заканчивается опять гласными переднего ряда. Высокие, светлые гласные переднего ряда обрамляют низкие, темные, но мощные и торжественные гласные непереднего ряда третьей строчки.

Приложение 3. Пример переразложения основ на материале склонения имени существительного в индоевропейских языках

ДРЕВНЕРУССКИЙ ЯЗЫК

Во множественном числе утрата родовых различий существительных создавала условия для оформления единой словообразовательной парадигмы, т. е. для объединения форм словоизменения существительных разных родов и склонений.

Унификация форм словоизменения в разных падежах единственного и множественного числа происходила по-разному и была результатом действия самых разных процессов, среди которых переразложение основ занимало не последнее место. Рассмотрим процесс сокращения вариативности флексий в дательном и местном падежах существительных множественного числа.

Древнерусский язык унаследовал от старославянского древний тематический гласный именной основы, за которым следовали общие показатели Д. и М. падежей: *-мь* и *-хь*:

Д. п. *жен-а-мь, стол-о-мь / кон-е-мь, сын-ѣ-мь, кост-ѣ-мь,*

М. п. *жен-а-хь, стол-ѣ-хь / кон-и-хь, сын-ѣ-хь, кост-ѣ-хь.*

После падения редуцированных (т.е. уже к XII в.) флексии оказались лишены гласного (на письме писали соответствующую букву, но звук не произносился), все тематические гласные основы оказались объединенными с флексиями – произошло переразложение основ в пользу окончаний:

Д. п. *жен-ам, стол-ом / кон-ем, сын-ом, кост-ем (пут-ем),*

М. п. *жен-ах, стол-ѣх / кон-их, сын-ох, кост-ех (пут-ех).*

Позднее в связи с судьбой *ѣ* (*ѣ*) и *е* перед твердыми согласными противопоставление оказывается двучленным, а затем окончания *-ам* (*ѣ*), *-ах* (*ѣ*) вытесняют форманты *-о / е*, характеризовавшие флексии Д. и М. падежей имен муж. и ср. рода. Распространение форманта *-а-* в формах множественного числа существительных происходит в результате действия в языке разных частных тенденций, однако процесс переразложения основ в пользу окончаний, впервые сформулированный И.А. Бодуэном де Куртенэ, занимает в этом изменении важное место.

ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК

В классическом латинском языке, как известно, в зависимости от тематического гласного основы все существительные делятся на 5 склонений:

Пример образования падежных форм существительного I склонения основа на *-а*:

Nom. *terrā-∅* в им. падеже нулевое окончание и сокращение гласного основы;

Gen. *terrā-ġ* > *terra-e*

Dat. *terrā-eī** > *terra-e*

Acc. *terrā-o* > *terra-m*

Abl. *terrā-qf* > *terrā*

Первоначально к основе на тематические гласный присоединялись окончания: нулевое в номинативе, *-i** в генетиве, *-ei** дативе, *-m* в аккузативе и *-od* в аблативе. В результате переразложения основ в пользу окончаний морфемная граница сдвигается, тематический гласный отходит к флексии, происходят звуковые изменения внутри новой морфемы (флексии). В результате всех этих изменений получается новый набор окончаний:

Nom. terr-**ā**
Gen. terr-**cg**
Dat. terr-**ae**
Acc. terr-**co**
Abl. terr-**ā**

Звуки в новых окончаниях позднее опять подвергаются изменениям. Например, происходит стяжение дифтонга в окончаниях генетива и датива в средневековой латыни, а в классической латыни процесс монофтонгизации дифтонга был невозможен, так как разные гласные относились к разным морфемам.

Рассмотрим парадигму изменения существительных II склонения с основой на **-o** (amīco-). В результате процесса переразложения основ в пользу окончаний тематический гласный основы **-o** отошел в состав окончания, образовав новые флексии:

Nom. amīc-**wu** (-o* + s > os > us)
Gen. amīc-**ī** (-o + i > ī)
Dat. amīc-**q** (-o + ei > oī > ō)
Acc. amīc-**wo** (-o* + m > om > um)
Abl. amīc-**q** (-o* + od > ōd > ō)

Первоначально флексия именительного падежа **-s** образовала древнюю форму amīco-**ц**, в результате переразложения основ образовалась флексия **-os**, которая впоследствии изменилась в новую флексию: amīc-**wu**. Так же образовалось окончание аккузатива и других падежных флексий. Слияние различных тематических гласных основы с древними флексиями, которое стало возможно в результате процесса переразложения основ в пользу окончаний, способствовало возникновению гигантской вариативности флексий в системе латинского склонения.

Программа учебной дисциплины «Синтаксис русского языка как иностранного»

ПО НАПРАВЛЕНИЮ ПОДГОТОВКИ «ФИЛОЛОГИЯ»

КВАЛИФИКАЦИЯ (СТЕПЕНЬ) «МАГИСТР»

ПРОФИЛЬ «РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ»

Образовательная программа магистратуры «Русский язык как иностранный: лингводидактические и лингвокультурологические основы преподавания»

Адресован магистрантам первого года обучения
казахстанского филиала МГУ

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ КУРСА

Курс «Синтаксис русского языка как иностранного» адресован магистрантам первого года обучения. Он основан на многолетнем опыте преподавания русского языка как иностранного на кафедрах РКИ Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; в его основу легли как работы теоретического характера, так и учебники и практические пособия, созданные преподавателями РКИ.

В курсе рассматривается широкий круг вопросов, связанных с преподаванием русского синтаксиса в иноязычной аудитории. В нем в систематизированном виде представлены основные грамматические темы, изучаемые в курсе РКИ. При этом большое внимание уделяется не только структуре и значению языковых единиц, но и их функционированию в речи. Особое внимание уделяется специфическим участкам русской синтаксической системы, представляющим наибольшие трудности для иностранных учащихся, таким, как предложения с одним главным членом, способы представления семантического субъекта в предложениях разных типов, выражение широкого спектра модальных значений, линейно-интонационная структура предложения и др.

Кроме названных вопросов, ставших для грамматики РКИ традиционными, в курсе рассматриваются механизмы построения грамматически правильного предложения-высказывания, решающего конкретную коммуникативную задачу, связанную с выбором модели предложения, его линейно-интонационной структуры, использованием позиций членов предложения, расстановкой авторских акцентов. Большое внимание уделяется определению круга моделей предложений русского языка (при этом под моделью понимается не абстрактный синтаксический образец, а структура, характеризующаяся единством содержания и формы), рассматривается зависимость конкретного вида предложения от семантики субъектного и предикатного компонентов.

1. ЦЕЛИ ОСВОЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ

Целями освоения дисциплины «Синтаксис русского языка как иностранного» являются:

осознание особенностей синтаксической системы русского языка, важных при обучении иностранцев практическому русскому языку;

приобретение суммы знаний в области синтаксиса, необходимых для обучения иностранцев практическому русскому языку;

выработка практических умений и навыков, необходимых для обучения русскому языку в иноязычной аудитории.

2. МЕСТО ДИСЦИПЛИНЫ В СТРУКТУРЕ ООП

Вариативная часть

Данная дисциплина предназначена для магистрантов, обучающихся по образовательной программе «Русский язык как иностранный: лингводидактические и лингвокультурологические основы преподавания». Для освоения дисциплины необходимы знания, навыки и умения, приобретенные в бакалавриате, а также из курса «Морфология русского языка как иностранного». Дисциплина занимает важное место в программе подготовки магистра, поскольку:

- расширяет и углубляет знания в области грамматики русского языка;
- вырабатывает навыки и умения, необходимые для преподавателя русского языка как иностранного.

3. ТРЕБОВАНИЯ К РЕЗУЛЬТАТАМ ОСВОЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ

Процесс изучения дисциплины направлен на формирование следующих компетенций.

М-ИК-3: владение основными методами, способами и средствами получения, хранения, переработки информации; умение анализировать и совершенствовать методы, способы и средства работы с информацией в соответствии с поставленными задачами, связанными с преподаванием русского языка как иностранного;

М-СК-2: способность к поиску, критическому анализу, обобщению и систематизации научной информации, к постановке целей исследования и выбору оптимальных путей и методов их достижения в области решения проблем, связанных с обучением русскому языку как иностранному;

С-СПК:

способность совершенствовать, развивать и самостоятельно углублять знания, навыки и умения в области преподавания русского языка как иностранного;

владение навыками работы с различными источниками информации в области описания и преподавания русского языка как иностранного: монографиями, учебниками, учебными пособиями, справочниками, энциклопедиями, каталогами, словарями, Интернетом и т. п.;

способность к самостоятельному усвоению новых подходов к преподаванию русского языка как иностранного;

способность продемонстрировать и использовать в учебном процессе сумму теоретических и практических знаний в области функционально-коммуникативного описания русского языка как иностранного.

Частично формируются компетенции:

М-СК-1: способность к творчеству, порождению инновационных идей, выдвижению самостоятельных гипотез (применительно к области описания русского языка в целях его преподавания иностранцам);

М-ПК-1 – знание актуальных проблем, традиционных и современных методов филологической науки, понимание структуры и перспектив развития филологии как области знаний, междисциплинарных связей филологии (применительно к области преподавания русского языка как иностранного);

С-СПК: умение самостоятельно создавать учебные материалы с опорой на различные источники информации в области описания и преподавания русского языка как иностранного. В результате освоения дисциплины обучающийся должен:

ЗНАТЬ:

- синтаксическую систему русского языка в аспекте преподавания РКИ;
- современные подходы к изучению и описанию синтаксического строя русского языка в целях его преподавания в иноязычной аудитории;
- основную научную, учебную и учебно-методическую литературу по обучению иностранцев практическому русскому языку.

УМЕТЬ:

- планировать и организовывать как общий учебный процесс, так и отдельные занятия по конкретным грамматическим темам русского языка как иностранного;
- самостоятельно разрабатывать фрагменты системы упражнений и заданий по различным грамматическим темам в целях преподавания практического русского языка;
- создавать фрагменты учебных материалов по грамматике русского языка для иностранных учащихся;

ВЛАДЕТЬ:

- навыками самостоятельной работы с современной лингвистической и лингводидактической литературой по изучаемым вопросам;
- навыками и умениями в области преподавания различных разделов грамматики русского языка как иностранного;
- современными подходами к преподаванию грамматики русского языка в иноязычной аудитории.

4. СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

4.1. Структура дисциплины

Общая трудоемкость дисциплины составляет 4 зачетных единицы (144 часа)

№ п/п	Раздел дисциплины	Семестр	Неделя семестра	Виды учебной работы, включая самостоятельную работу студентов (с.р.с.) и трудоемкость (в часах)			Формы текущего контроля успеваемости (по неделям семестра) Форма промежуточной аттестации (по семестрам)
				лекции	семинары	с.р.с.	
1.	Теоретические основы синтаксиса РКИ.			2		2	конспектирование источников

2.	Типологические черты русской грамматической системы; особенности синтаксического строя русского языка, существенные для преподавания РКИ.			2		2	конспектирование источников
3.	Семасиологический подход. Основные структурные типы простого предложения. Закономерности формирования предикативной основы простого предложения. Отрицание в русском предложении.			4	2	4	опрос
4.	Простое распространенное предложение. Второстепенные члены предложения в аспекте РКИ. Именное и глагольное управление в практике РКИ.			2	2	2	опрос
5.	Активные и пассивные структуры; их изучение в иноязычной аудитории.			2	2	2	коллоквиум
6.	Структуры языка науки и их изучение в иноязычной аудитории.			2		2	беседа
7.	Односоставные предложения как специфическая черта синтаксиса русского языка.			4	2	4	опрос
8.	Синтаксические фразеологизмы как особый тип синтаксических структур			2	2	2	беседа

9.	Линейно-интонационная структура предложения.			2	2	4	контрольная работа
10.	Ономасиологический подход. Предикатные отношения. Модели с акциональными предикатами.			2	2	2	опрос
11.	Модели со статальными предикатами.			2	2	2	опрос
12.	Модели с признаковыми предикатами.			2	2	2	опрос
13.	Модели с реляционными предикатами.			2	2	2	опрос
14.	Модели с бытийными предикатами.			2	2	2	беседа
15.	Пространственные, временные отношения.				2	2	тест
16.	Определительные отношения.				2	2	тест
17.	Изъяснительные отношения.				2	2	тест
18.	Причинно-следственные отношения.				2	2	тест
19.	Отношения цели, условия, уступки.				2	2	тест
						36	экзамен
				32	32	80	

4.2. Содержание дисциплины

ЧАСТЬ 1.

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ И ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ, СУЩЕСТВЕННЫЕ ДЛЯ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ИНОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ

1. Теоретические основы синтаксиса РКИ. Грамматика, ее роль и место в курсе РКИ. Основные принципы изучения грамматики в нерусской аудитории.

Грамматика РКИ и традиционная описательная грамматика. Синтаксис РКИ, его связь с морфологией РКИ. Связь грамматики с другими уровнями языка. Описание и представление языкового материала на синтаксической основе как основополагающий принцип РКИ.

Семасиологический и ономасиологический подход к языковому материалу. Установление семантической и функциональной соотносительности языковых средств разных уровней, демонстрация возможности выражения одинаковых смысловых отношений средствами сложного предложения различных типов,

именной предложно-падежной группой в составе простого предложения, лексическими и фразеологическими средствами.

2. Типологические черты русской грамматической системы; особенности синтаксического строя русского языка, существенные для преподавания РКИ.

Флективность и синтетизм русского языка. Система частей речи русского языка. Изосемические и неизосемические слова. Номинативно-аккузативный характер русского синтаксиса. Отсутствие соотносительности между частями речи, членами предложения, компонентами линейно-интонационной структуры.

Разнообразие способов представления ситуации.

3. Семасиологический подход. Основные структурные типы простого предложения. Закономерности формирования предикативной основы простого предложения.

Двусоставные и односоставные предложения. Семантический потенциал структур (на примере глагольных и биноминативных предложений). Относительность разграничения двусоставных и односоставных предложений.

Предложения с двумя главными членами. Позиция подлежащего; возможность ее заполнения существительными различных семантических разрядов. Трудные случаи согласования подлежащего и сказуемого.

Возможность передачи одинакового содержания посредством разных синтаксических структур; семантический сдвиг, связанный с использованием различных структур; употребление различных структур в различных типах текстов.

Отрицание. Собственно отрицательные предложения и предложения с факультативным отрицанием; общеотрицательные и частноотрицательные предложения. Повторение отрицания (экспрессивное утверждение). Усиление отрицания; двойное отрицание как специфическая черта русских отрицательных предложений. Другие способы выражения отрицания.

4. Простое распространенное предложение. Второстепенные члены предложения в аспекте РКИ. Именное и глагольное управление в практике РКИ.

Предикативный и номинативный минимум. Второстепенные члены - компоненты модели предложения и словосочетания. Обязательные и факультативные второстепенные члены предложения.

Согласованное и несогласованное определение как средство выражения определительных отношений. Дополнение как компонент словосочетания и как компонент предложения. Обстоятельство как средство выражения различных смысловых отношений. Возможность выражения смысловых отношений на уровне простого и сложного предложения.

Именное и глагольное управление.

5. Активные и пассивные структуры; их изучение в иноязычной аудитории.

Соотношение активных и пассивных структур; форма выражения субъекта, предиката и объекта. Вид глагола и представление предикатного компонента. Трехчленный, двучленный, одночленный пассив. Пассив состояния.

6. Структуры языка науки и их изучение в иноязычной аудитории.

Структуры, служащие для общей, терминологической, условной квалификации предмета, качественной и количественной характеристики предмета, выражения сходства и различия объектов, соотношения части и целого, взаимодействия объектов, изменения качеств и свойств объекта.

7. Односоставные предложения как специфическая черта синтаксиса русского языка.

Распространенность односоставных предложений, наиболее коммуникативно значимые типы. Презентация односоставных предложений на разных этапах обучения РКИ.

Определенно-, обобщенно- и неопределенно-личные предложения: семантика, условия употребления и особенности функционирования. Неполные предложения, их отличие от определенно-личных. Так называемые безличные предложения, их семантические разновидности. Номинативные предложения, их семантические разновидности. Инфинитивные предложения и передаваемые ими значения.

8. Синтаксические фразеологизмы как особый тип синтаксических структур.

Синтаксические фразеологизмы и их отличие от свободных синтаксических структур. Синтаксические и лексические фразеологизмы. Систематизация синтаксических фразеологизмов в целях преподавания РКИ.

9. Линейно-интонационная структура предложения.

Основные типы порядка слов в разных языках. Грамматикализованный и функциональный порядок слов. Основные закономерности расположения словоформ в предложении, порядка членов предложения, компонентов актуального членения. Обучение порядку слов в практике преподавания.

ЧАСТЬ 2. ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД.

ОСНОВНЫЕ СМЫСЛОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СПОСОБЫ ИХ ВЫРАЖЕНИЯ.

Подход от смысла к форме как основной при обучении грамматике РКИ. Понятие **смыслового отношения**. Основные типы смысловых отношений: субъектно-предикатные; определительные; обстоятельственные: временные, пространственные; отношения обусловленности: причинно-следственные, условные, целевые, уступительные и др.. Выражение смысловых отношений разноуровневыми языковыми средствами.

10. Ономасиологический подход. Предикатные отношения. Модели с акциональными предикатами.

Основные типы субъектно-предикатных отношений. Модели с акциональным предикатом. Разные типы субъекта: лицо, животное, стихийная сила. Модели с предметным субъектом, не передающие значения действия. Изменение значения предложения при абсолютном употреблении глагола. Грамматические и структурно-семантические (фазисные и модальные) модификации моделей с субъектами разных типов.

Соотносительные способы выражения действия субъекта.

11. Модели со стательными предикатами, содержанием которых является:

физиологическое, физическое, социальное, интеллектуальное, эмоционально-психическое состояние лица; состояние среды; состояние предметного субъекта. Разнообразие моделей. Соотносительность и смысловые различия акциональных и стательных моделей.

12. Модели с признаковыми предикатами.

Разнообразие моделей, выражающих качественный признак субъекта: качественный признак субъекта, неотторжимый признак субъекта, факультативный признак субъекта, возрастной признак субъекта.

Модели, выражающие количественный признак субъекта.

Модели, выражающие качественный признак субъекта.

13. Модели с реляционным предикатом, передающие отношения: интерперсональные; отношения порождения; отношения сравнения и подобия; отношения обладания; отношения части и целого; количественного соотношения.

14. Модели с бытийными предикатами.

Компоненты моделей и способы их выражения. Семантические разновидности предложений с бытийными предикатами (*В лесу есть грибы*), отрицательная модификация (*В лесу нет грибов*); фазисные и авторизованные модификации (*В лесу появились грибы, В лесу встречаются грибы*). Трансформы, построенные по бытийной модели (*У нее уборка; В ней живет надежда*).

15. Пространственные отношения.

Выражение места в простом предложении. Фрагменты системы значений именной локативности. Значения общей и конкретной сопостранственности, несопостранственности, их сопоставление с соответствующими значениями в казахском языке. Функционально-семантические классы слов, их роль в выражении значений общей сопостранственности.

16. Временные отношения.

Выражение времени действия в простом предложении. Именные темпоральные группы и система значений именной темпоральности. Выражение отношений одновременности и разновременности. Обозначение часового и календарного времени в официально-деловой и разговорной речи. Точное и приблизительное время. Обозначение времени суток и времени года. Функционально-семантические классы слов, их роль в выражении значений времени.

Выражение времени в простом предложении, закономерности вхождения временного распространителя в структуру предложения.

Выражение времени средствами сложноподчиненного предложения и соотносительными именными темпоральными группами. Отношения полной и частичной одновременности, следования, предшествования. Использование деепричастных оборотов. Соотношение видо-временных планов в частях сложноподчиненного предложения.

17. Определительные смысловые отношения.

Согласованное и несогласованное определение в словосочетании и простом предложении. Определительные сложноподчиненные предложения с союзными словами *который, какой, чей, что, где, откуда, когда*. Соотносительность придаточной части со словом *который* и причастного оборота.

18. Изъяснительные отношения.

Изъяснительные отношения в простом и сложном предложении. Разновидности изъяснительных отношений: речевые, восприятия, знания и мысли, волеизъявления, вопроса, оценки.

Употребление союзов *что, как, чтобы, будто*, союзных слов. Выражение достоверности, сомнения в достоверности, нереальности факта.

Прямая и косвенная речь. Замена прямой речи косвенной: лексические и грамматические изменения. Правила цитирования. Роль кавычек в тексте.

19. Причинно-следственные отношения.

Выражение причинно-следственных отношений средствами сложного предложения: бессоюзным, сложносочиненным, сложноподчиненным предложением с причинным или следственным союзом. Союзные средства, соотносимые и не соотносимые с предлогами.

Выражение причинно-следственных отношений средствами простого предложения с именными причинными. Система значений именной каузальности.

Предложения с глаголами – реляторами.

20. Отношения цели.

Сложноподчиненные предложения с союзом *чтобы*; употребление формы инфинитива или прошедшего времени в придаточной части. Инфинитив цели, условия его употребления. Характеристика союзных средств.

Несобственно-целевые предложения.

Выражение цели в простом предложении. Семантика и функционирование предлогов цели *для, с целью, в целях, ради, во имя*.

21. Отношения условия.

Выражение условных отношений средствами сложноподчиненного предложения с союзом *если* и его стилистическими вариантами *коли, ежели, раз*, бессоюзного предложения, простого предложения с именными группами *при + п.п., в случае + р.п, без + р.п.*

Реальное и ирреальное условие. Роль и место частицы *бы*.

22. Отношения уступки.

Выражение уступительных отношений средствами сложноподчиненного предложения с союзом *хотя*, союзными средствами *несмотря на то, что, вопреки тому, что* и средствами простого предложения с предлогами *несмотря на что, вопреки чему*. Синонимия сложноподчиненных предложений со значением уступки и сложносочиненных предложений с союзом *но* (*Он был болен, но пришел – Он пришел, несмотря на то, что был болен*).

Уступительные отношения с оттенком усиления. Союзные средства *как ни, где ни, что ни, сколько ни* и др., их значение, место в предложении частицы *ни*.

5. Рекомендуемые образовательные технологии

Курс разработан с опорой на такие принципы современных образовательных технологий, как личностная ориентированность материала, интенсивность, диалогичность, моделирование потенциально актуальных профессиональных ситуаций, креативность и др. Наряду с традиционными лекционными и семинарскими занятиями предполагается работа с пособиями по грамматике РКИ. Планируется анализ конкретных рабочих ситуаций в целях формирования и развития профессиональных навыков и умений в области преподавания русского языка иностранцам, совместный анализ научной и учебно-методической литературы по грамматике русского языка, использование интернет-ресурсов.

6. Учебно-методическое обеспечение самостоятельной работы студентов. Оценочные средства для текущего контроля успеваемости, промежуточной аттестации по итогам освоения дисциплины

Самостоятельная работа студентов обеспечивается списками основной и дополнительной литературы, включающей теоретические работы по проблемам преподавания русского языка в иноязычной аудитории, а также учебники и учебные пособия для иностранных учащихся. Текущий контроль проходит в форме бесед, коллоквиумов, опросов, тестов, контрольных работ.

Аттестация по итогам освоения дисциплины: экзамен, по результатам которого магистрантам ставится оценка (от 2 до 5).

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

Основные принципы изучения русской грамматики в нерусской аудитории.

Основные типологические черты грамматической системы русского языка, существенные для преподавания РКИ.

Основные типы синтаксических структур (простое предложение). Закономерности формирования предикативной основы простого предложения. Трудности, возникающие при изучении данной темы в иноязычной аудитории.

Второстепенные члены предложения в аспекте РКИ.

Работа над глагольным и именным управлением в иноязычной аудитории.

Активные и пассивные структуры; их изучение в иноязычной аудитории.

Структуры языка науки и их изучение в иноязычной аудитории.

Односоставные предложения как специфическая черта синтаксиса русского языка: их основные типы, трудности, возникающие при изучении данной темы в иноязычной аудитории.

Синтаксические фразеологизмы как особый тип синтаксических структур, их основные типы.

Порядок слов в русском словосочетании и предложении. Трудности, возникающие при изучении данной темы в иноязычной аудитории.

Модели с акциональными предикатами («субъект и его действие»), их семантические разновидности, модификации и синонимико-вариативный ряд.

Модели со статальными предикатами («субъект и его состояние»), их формальные и семантические разновидности, модификации и синонимико-вариативный ряд

Модели со значением «субъект и его признак», их формальные и семантические разновидности.

Модели с реляционными предикатами, их формальные и семантические разновидности.

Модели с бытийными предикатами, их формальные и семантические разновидности.

Понятие смыслового отношения. Выражение определительных отношений в русском языке.

Понятие смыслового отношения. Выражение изъяснительных отношений в русском языке.

Понятие смыслового отношения. Выражение временных отношений в русском языке.

Понятие смыслового отношения. Выражение причинно-следственных отношений в русском языке.

Понятие смыслового отношения. Выражение целевых отношений в русском языке.

Понятие смыслового отношения. Выражение уступительных отношений в русском языке.

Понятие смыслового отношения. Выражение отношений условия в русском языке.

Тесты по конкретным темам состоят из нескольких заданий.

ОБРАЗЦЫ ТЕСТОВЫХ ЗАДАНИЙ

1. Выберите правильный вариант (варианты) ответа:

Деепричастие в русском языке может быть средством передачи:

- А) временных отношений;
- Б) причинно-следственных отношений;
- В) сравнительных отношений;
- Г) отношений условия;
- Д) целевых отношений.

2. Сгруппируйте данные ниже предложения на основе общности выражаемых ими смысловых отношений:

При свете луны вода в озере казалась черной; Если ты хочешь похудеть, займись спортом; Пока брат обедал, Ира рассказывала ему о своей поездке; По ошибке Лена взяла чужую книгу; Благодаря Вите мы узнали много нового о Москве; Не побывав на родине писателя, ты не поймешь этого произведения; От весел на руках появились волдыри; При систематических занятиях можно выучить иностранный язык за два года.

3. Скажите, какими средствами выражено значение фазисности в следующих предложениях: Катя заплакала; Дети – бежать; Листья начали желтеть.

- А) лексическими
- Б) словообразовательными
- В) синтаксическими.

*4. Объясните причину ошибки: *Я приехал в Москве и предложите способ ее предупреждения.*

7. Учебно-методическое и информационное обеспечение дисциплины

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

Кафедральный интернет-сайт http://www.philol.msu.ru/~didactling_rki

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. М.: Изд-во Московского университета, 2000.

2. Книга о грамматике / Под ред. А.В. Величко. 3-е изд. М.: Изд-во Московского университета, 2009.

3. *Ковтунова И.И.* Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.

4. Русская грамматика М.: Наука, 1980.

5. *Шувалова С.А.* Смысловые отношения в сложном предложении и способы их выражения. М., 1990.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю.* Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М., 1982.

2. *Всеволодова М.В., Яценко Т.А.* Причинно-следственные отношения в современном русском языке. М., 1988.

3. *Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1988.

4. *Крылова О.А., Хавронина С.А.* Порядок слов в русском языке: лингводидактический аспект. М., 2015.

5. *Крючкова Л.С.* Русский язык как иностранный. Синтаксис простого и сложного предложения. М.: ВЛАДОС, 2004.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОСОБИЯ

1. *Бабалова Л.Л., Кокорина С.И.* Практикум по русской грамматике. Ч. 1–2. М.: Русский язык, 2011.

2. *Егорова А.Ф.* Трудные случаи русской грамматики: Сборник упражнений по русскому языку как иностранному. СПб.: Златоуст, 2011.

3. *Крылова О.А., Хавронина С.А.* Порядок слов в русском языке. М., 1986.

4. *Лариохина Н.М.* Практический курс русского языка для иностранных учащихся. М., 1997.

5. *Одинцова И.В., Малашенко Н.М., Бархударова Е.Л.* Рабочая тетрадь по русской грамматике. М., 1997.

6. По-русски – без ошибок / Под ред. Г.А. Битехтиной, Л.П. Клобуковой, А.В. Фролкиной. М., 1995.

7. Синтаксис русского языка: Практическое пособие для иностранных учащихся филологических факультетов. Комментарии и упражнения / Под ред. А.В. Величко. СПб.: Златоуст, 2015.

8. Сложное предложение / Под ред. С.А. Шуваловой. М., 1984.

9. *Хавронина С.А., Казнышкина И.В.* Всеу свое время. Средства и способы выражения времени в русском языке. М., 2004.

8. Материально-техническое обеспечение дисциплины

Наличие в методическом кабинете кафедр русского языка как иностранного (а. 840), в библиотеке необходимой научной и учебно-методической литературы; Наличие аудио- и видеотехники.

Доступ к Интернету через компьютерное оборудование кафедр русского языка как иностранного (а. 1009а, а. 833, а. 836).

Программа составлена в соответствии с требованиями ОС МГУ
по специальности «Филология».

Разработчик:
Ольга Юрьевна Дементьева,
канд. филол. наук
ст. преподаватель
кафедра дидактической лингвистики и теории
преподавания русского языка как иностранного
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Developer:
Olga Dementieva,
PhD
Senior Lecturer
Department of Linguistics and Didactic Theory
Teaching Russian as a Foreign Language
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
olgadem18@mail.ru

Программа учебной дисциплины «Лексикология в системе преподавания русского языка как иностранного»

Аннотация: В публикации представлена учебная программа обязательного курса вариативной части МП «Русский язык как иностранный: лингводидактические и лингвокультурологические основы преподавания» по направлению подготовки 032700.68 «Филология». Курс «Лексикология в системе преподавания русского языка как иностранного» адресован магистрантам первого года обучения; основное внимание в нем уделено освещению следующих вопросов: базовые понятия функциональной лексикологии, проблема лексического значения и его компонентов, принципы описания и обучения лексике на уроках РКИ, в частности взаимодействие способов семантизации лексики с типом лексического значения, а также взаимосвязь лексики и грамматики. В курсе также рассматриваются семантическая структура слова, методы описания лексики (компонентный и дистрибутивный анализ), языковая картина мира, проблемы лексической интерференции и фразеологии, подробно характеризуются учебные словари и пособия по лексике русского языка как иностранного.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, учебная программа, функциональная лексикология, лексика

Abstract: The article presents the curriculum of compulsory course of the variable part MP “Russian as a foreign language: Linguo didactics and cultural linguistics bases of teaching” (the direction of preparation – 032700.68 “Philology”). The course “Lexicology in teaching Russian as a foreign language” is addressed to undergraduates of the first year learning. The content of the course covers the basic aspects of functional lexicology such as general lexicographic notions, the problem of lexical meaning and its constituents, the main approaches to description and teaching of vocabulary at lessons of Russian for foreigners (particularly the semantization mode-lexical meaning correlation) as well as vocabulary-grammar relationship. The course also deals with semantic structure of word, lexis description algorithms (component and distributive analyzes), linguistic world image, some aspects of lexical interference and phraseology and details learner’s dictionaries and vocabulary manuals used while teaching Russian as a foreign language.

Key words: Russian as a foreign language, curriculum, functional lexicology, vocabulary

1. ЦЕЛИ ОСВОЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ

Целями освоения дисциплины «Лексикология в системе преподавания русского языка как иностранного» являются:

- осознание основных особенностей функциональной лексикологии как в системе других наук, так и на фоне аспектов преподавания русского языка как иностранного;
- приобретение суммы знаний в области лексикологии, необходимых для корректного представления лексической системы русского языка в лингводидактическом аспекте;
- усвоение методики описания и обучения лексике в практике преподавания РКИ.

Достижение указанных целей предполагает решение следующих конкретных задач:

- дать учащимся необходимые знания в области функциональной лексикологии: сформировать представление о системности лексики, многокомпонентной структуре лексического значения, взаимосвязи лексики и грамматики;
- познакомить учащихся с основными учебными словарями и пособиями по лексике русского языка как иностранного, а также со способами и приемами семантизации лексики, системой упражнений по лексике;
- выработать у учащихся навыки и умения, необходимые для последующей профессиональной деятельности.

2. МЕСТО ДИСЦИПЛИНЫ В СТРУКТУРЕ ООП

Вариативная часть

Данная дисциплина предназначена для магистрантов, обучающихся по образовательной программе «Русский язык как иностранный: лингводидактические и лингвокультурологические основы преподавания». Для освоения дисциплины необходимы знания, навыки и умения, приобретенные в бакалавриате. Дисциплина занимает важное место в программе подготовки магистра, поскольку:

- предоставляет сумму необходимых знаний по функциональной лексикологии;
- дает возможность корректно описывать лексические единицы русского языка в лингводидактических целях;
- помогает выработать навыки и умения, необходимые для преподавателя русского языка как иностранного.

3. ТРЕБОВАНИЯ К РЕЗУЛЬТАТАМ ОСВОЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ

Процесс изучения дисциплины направлен на формирование следующих компетенций.

М-ИК-3: владение основными методами, способами и средствами получения, хранения, переработки информации; умение анализировать и совершенствовать методы, способы и средства работы с информацией в соответствии с поставленными задачами, связанными с преподаванием русского языка как иностранного;

М-СК-1: способность к творчеству, порождению инновационных идей, выдвижению самостоятельных гипотез (применительно к области описания лексики русского языка в целях его преподавания иностранным учащимся);

М-СК-2: способность к поиску, критическому анализу, обобщению и систематизации научной информации, к постановке целей исследования и выбору оптимальных путей и методов их достижения в области решения проблем, связанных с обучением русскому языку как иностранному;

М-ПК-7: умение применять филологическую теорию в практике преподавания русского языка как иностранного;

С-СПК:

- способность совершенствовать, развивать и самостоятельно углублять знания, навыки и умения в области преподавания русского языка как иностранного;
- владение навыками работы с различными источниками информации в области описания и преподавания русского языка как иностранного: монографиями, учебниками,

учебными пособиями, справочниками, энциклопедиями, каталогами, словарями, Интернетом и т. п.;

– способность к специфическому лингвистическому мышлению преподавателя, обучающего русскому языку инофонов;

– умение самостоятельно создавать учебные материалы с опорой на различные источники информации в области описания и преподавания русского языка как иностранного.

Частично формируются компетенции

М-ПК-1: знание актуальных проблем, традиционных и современных методов филологической науки, понимание структуры и перспектив развития филологии как области знаний, междисциплинарных связей филологии (применительно к области преподавания русского языка как иностранного);

М-ПК-2: владение категориально-терминологическим аппаратом современной филологии; знание важнейших филологических отечественных и зарубежных научных школ, занимающихся описанием лексического состава языка;

М-ПК-12: владение навыками проведения учебных занятий и внеклассной работы по русскому языку как иностранному в учреждениях высшего профессионального образования; владение навыками подготовки учебно-методических материалов по лексическим трудностям русского языка;

С-СПК:

– способность продемонстрировать и использовать в учебном процессе сумму теоретических и практических знаний в области функционально-коммуникативного описания русского языка как иностранного;

– способность к исчерпывающему описанию фрагмента функционально-коммуникативной лингводидактической модели языка.

В результате освоения дисциплины обучающийся должен

ЗНАТЬ:

– основные понятия и термины, актуальные для обучения иностранцев практическому русскому языку в лексическом аспекте;

– особенности лексической системы русского языка в аспекте преподавания РКИ;

– современные подходы к изучению и описанию лексики русского языка в целях его преподавания в иноязычной аудитории;

– основную научную, справочную, учебную и учебно-методическую литературу по обучению иностранцев практическому русскому языку (аспект «Лексика»).

УМЕТЬ:

– планировать и организовывать учебный процесс по русскому языку как иностранному как на аспектных занятиях по лексике русского языка, так и в ходе многоаспектных практических занятий;

– самостоятельно разрабатывать фрагменты системы упражнений и заданий, касающихся лексических трудностей русского языка как иностранного;

– создавать фрагменты учебных материалов на различные лексико-семантические группы с целью преподавания русского языка как иностранного.

ВЛАДЕТЬ:

– навыками самостоятельной работы с современной лингвистической, лингводидактической и лексикографической литературой по изучаемым вопросам;

– навыками и умениями в области описания лексических трудностей русского языка в целях преподавания его как неродного;

- навыками и умениями в области обучения лексике русского языка в целях преподавания его как неродного;
- современными подходами к преподаванию лексики русского языка в иноязычной аудитории.

4. СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

4.1. Структура дисциплины

Общая трудоемкость дисциплины составляет 2 зачетных единицы (72 часа).

№ п/п	Раздел дисциплины	Семестр	Неделя семестра	Виды учебной работы, <u>включая самостоятельную работу студентов</u> (с.р.с.) и трудоемкость (в часах)				Формы текущего контроля успеваемости (<i>по неделям семестра</i>). Форма промежуточной аттестации (<i>по семестрам</i>)
				лекция	с.р.с.	семинар	с.р.с.	
Раздел I. Основные понятия и принципы функциональной лексикологии								
1.	Лексика в системе преподавания РКИ. Функциональная лексикология и смежные дисциплины.	1	1	1	1	1	1	
2.	Различные объединения лексических единиц как выражение системности лексики.	1	2	1	1	1	1	опрос
Раздел II. Проблема лексического значения								
3.	Структурно-коммуникативная модель лексического значения.	1	3	1	1	1	1	коллоквиум
4.	Функциональный подход к семантической структуре слова.	1	4	1	1	1	1	контрольная работа
5.	Парадигматические отношения в лексике.	1	5	1	1	1	1	коллоквиум
6.	Основные аспекты лексической сочетаемости в свете преподавания РКИ.	1	6	1	1	1	1	
7.	Фоновые знания в семантической структуре слова. Лингвострановедческие концепции в системе преподавания РКИ.	1	7	1	1	1	1	
8.	Прагматика языкового знака: оценочная, эмоционально окрашенная и стилистически маркированная лексика.	1	8	1	1	1	1	опрос
Раздел III. Проблемы и принципы описания и обучения лексике русского языка								
9.	Учебная лексикография в системе преподавания РКИ.	1	9	1	1	1	1	презентация учебного словаря

10.	Идеографическое описание лексики как основа пособий по лексике и разножанровых словарей учебного типа.	1	10	1	1	1	1	презентация учебного пособия по лексике
11.	Особенности русской лексики с точки зрения ее усвоения носителями разных языков. Языковая картина мира. Фразеология.	1	11	1	1	1	1	выступление с проектом
12.	Основные принципы обучения лексике. Приемы и способы семантизации лексики, связанные с типологией лексических значений.	1	12	1	1	1	1	
13.	Система упражнений и заданий по лексике, основанная на применении дистрибутивного и компонентного анализа лексики. Учебный комментарий. Обучение лексике в электронной среде.	1	13	1	1	1	1	подготовка системы упражнений
14.	Лексическая интерференция и проблемы описания лексики как системы.	1	14	1	1	1	1	коллоквиум
Раздел IV. Взаимосвязь лексики и грамматики								
15.	Грамматикализация в русском языке. Проблема категоризации языковых единиц. Синтаксические классификации лексики.	1	15	1	1	1	1	практическое задание
16.	Семантическая и грамматическая «нагруженность» слова. Первичная и вторичная семантические функции слова.	1	16	1	1	1	1	коллоквиум
17.	Коммуникативный потенциал слова.	1	17	1	1	1	1	анализ группы глаголов
18.	Слово в тексте. Лингвостилистический анализ текста.	1	18	1	1	1	1	самостоятельный анализ текста
				18	18	18	18	
								Зачет

4.2. Содержание дисциплины

РАЗДЕЛ I.

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ПРИНЦИПЫ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ

1. Лексика в системе преподавания РКИ. Функциональная лексикология и смежные дисциплины.

Лексическая семантика. Интегральное описание русского языка (Ю.Д. Апресян).

Когнитивная семантика.

Основные принципы функциональной лексикологии:

- минимизация и компрессия;
- организация лексико-грамматического материала на синтаксической основе;

- различие в обучении продуцированию и восприятию речи;
- коммуникативно-ситуативный принцип;
- учет родного языка учащихся;
- синхронность учебных словарей и грамматик.

Функциональная лексикология и традиционная лексикология: точки пересечения и расхождения. Связь функциональной лексикологии с другими науками и дисциплинами: лингвистикой, методикой, психологией и др.

Слово как коммуникативная единица.

Семасиологический и ономасиологический принципы в описании лексики в прикладных целях преподавания русского языка как иностранного.

Выражение предельности и интенсивности в русском языке как иллюстрация ономасиологического подхода к описанию языковых явлений. ФСП неопределенности.

2. Различные объединения лексических единиц как выражение системности лексики.

Единицы лексической системы и типология отношений между ними. Противоречия лексической системы. Различные объединения слов как выражение системности лексики. Полевые структуры: понятийное, семантическое, ассоциативное и функционально-семантическое поля. Функционально-семантическое поле и функционально-семантическая категория. Поле определенности / неопределенности в русском языке.

Лексико-семантическая группа (ЛСГ) как одна из основных единиц описания лексики при обучении русскому языку как иностранному. ЛСГ *событие, эпизод, инцидент, случай, происшествие*. ЛСГ *короткий, краткий*. ЛСГ *изучать, овладевать, усваивать, осваивать*.

Тематическая группа как важная единица содержания обучения. Тематические группы «Музей», «Картинная галерея», «Картина».

Теория лексико-семантических лакун. Безэквивалентная лексика.

Социолингвистические характеристики лексики. Заимствования. Степень употребительности лексических единиц. Специализация сфер употребления лексических единиц.

РАЗДЕЛ II.

ПРОБЛЕМА ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

3. Структурно-коммуникативная модель лексического значения.

Особый подход к значению слова в функциональной лексикологии. Двойной характер представления лексического значения слова в языке и речи: слово как номинативная единица по отношению к предмету номинации и как коммуникативная единица по отношению к коммуникативному акту.

Лексико-семантический вариант (ЛСВ). Многокомпонентная природа лексического значения. Денотативный, сигнификативный, парадигматический, синтагматический, прагматический, фоновый компоненты значения. Типы лексического значения. Характер проявления особенностей лексического значения в зависимости от его грамматической принадлежности. Взаимосвязь типов лексических значений и способов семантизации лексики.

Анализ ЛСГ *помнить, вспомнить, запомнить, напомним, опомниться, припомним*. Анализ ЛСГ *понятие, понимание, представление*.

4. Функциональный подход к семантической структуре слова.

Понимание семантической структуры слова как совокупности лексико-семантических вариантов и / или сем (семантических компонентов значения).

Компонентный анализ значения слова. Компонентный анализ значения слов ЛСГ *решать – решить, решаться – решиться, осмеливаться – осмелиться, отваживаться – отважиться, сметь – посметь*.

Интегральные и дифференциальные семы: анализ ЛСГ *дорога, трасса, шоссе, улица, переулок, проспект, аллея, бульвар, набережная, тропинка, тропка*.

Типы сем с точки зрения их выраженности: (эксплицитные / имплицитные, сильные / слабые, ядерные / периферийные, потенциальные) и способы их выражения.

Анализ ЛСГ *цель, задача, задание, дело, вопрос, проблема*.

Типология сем в концепциях И.А. Стернина, Л.А. Новикова.

5. Парадигматические отношения в лексике.

Представление лексической парадигмы через анализ синонимических, антонимических, паронимических отношений и словообразовательных типов.

Типы парадигматических отношений: гипонимо-гиперонимические, эпидигматические, конверсные и антонимические отношения. Паронимы и омонимы.

Отношения смыслового сближения по различным синонимическим типам: соположенность слов-денотатов, следование и под.

Учет типов парадигматических отношений при обучении лексике и при выборе способа семантизации слов.

Анализ ЛСГ *вчитаться, зачитаться, начитаться*. Анализ ЛСГ *обстановка, обстоятельства, условия, положение*. Анализ ЛСГ *необычный, необыкновенный; обычный, обыкновенный; один, единственный, единичный*.

6. Основные аспекты лексической сочетаемости в свете преподавания РКИ.

Закон семантического согласования: семантическое согласование, семантическая совместимость, семантическое рассогласование. Механизм и виды валентности: лексическая, лексико-грамматическая, грамматическая. Уровни валентности. Механизм импликации (лексическая солидарность). Сочетаемость и валентность. Понятие управления: мотивированное, обусловленное, немотивированное управление; сильное / слабое управление.

Абсолютная и относительная ценность слова. Собственная и несобственная сочетаемость слова. Предсказуемость / непредсказуемость лексических связей. Синтаксическая и лексическая сочетаемость. «Ближние» и «дальние» синтагматические связи слова.

Анализ ЛСГ *пользоваться, использовать, употреблять, применять*. ЛСГ *иметь, располагать, владеть, обладать*. Анализ ЛСГ *много, многие; несколько, некоторые; иметься, находиться*.

7. Фоновые знания в семантической структуре слова. Лингвострановедческие концепции в системе преподавания РКИ.

Фоновый компонент значения в лексических единицах: устойчивые сравнения, афоризмы, пословицы и поговорки, прецедентные тексты, историзмы, советизмы, имена сказочных персонажей, имена собственные, топонимы, символы и метафоры. Понятия когнемы, концепта, мнемы и фрейма.

Лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы.

Лингводидактическая модель языковой личности.

8. Прагматика языкового знака: оценочная, эмоционально окрашенная и стилистически маркированная лексика.

Эмоциональный компонент в значении слова. Употребление слова в зависимости от его стилистической окрашенности. Разновидности и функциональные стили русского языка, стилистическая маркированность слов (*посетить, навестить, заехать, побывать, прибыть с визитом, нанести визит*). Стилистически маркированная лексика и стилистические пометы в словаре. Модусные (имплицитные) смыслы. Оценочная лексика. Соотнесенность функционально-стилистической и функционально-экспрессивной классификаций. Характеристики и разновидности функционально-экспрессивной лексики (*шествовать, брести, плестись; ходить, бродить, гулять, слоняться, таскаться, шляться; помощник, соратник, единомышленник, приспешник, сообщник, соучастник; глава, главарь, руководитель*).

РАЗДЕЛ III.

ПРОБЛЕМЫ И ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ И ОБУЧЕНИЯ ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

9. Учебная лексикография в системе преподавания РКИ.

1) Традиционные словари: орфоэпические, орфографические, словообразовательные, частотные и грамматические словари. Толковые словари. Словари синонимов, антонимов, омонимов, паронимов. Словари функциональных стилей и подстилей (арго, технической лексики, языка газеты и под.).

2) Учебные словари: учебные словари сочетаемости, словари трудностей русского языка. Тезаурусы. Идеографические словари. Фразеологические словари. Лингвострановедческие и культурологические словари. Двухязычные и электронные словари.

Онлайн переводчики и проблемы автоматического перевода.

Анализ учебных словарей.

10. Идеографическое описание лексики как основа пособий по лексике и разножанровых словарей учебного типа.

Реализация фреймового подхода в учебниках по РКИ.

Принципы отбора и описания лексики в учебных пособиях по русскому языку как иностранному.

Компрессия и минимизация лексики. Сертификационные уровни владения русским языком как иностранным и проблема лексических минимумов.

Обучение лексике в электронной среде. Новые технологии в обучении лексике.

Анализ учебных пособий по лексике русского языка.

11. Особенности русской лексики с точки зрения ее усвоения носителями разных языков. Языковая картина мира. Фразеология.

Сопоставительное описание русской лексики: особенности русской лексики в зеркале других языков.

Лексико-семантическая группа как проявление системности в лексике. Примеры сопоставительного анализа ЛСГ в русском и других языках.

Приобретение словом символического значения в художественном тексте.

Гипотеза лингвистической относительности. Языковая картина мира. Ключевые идеи русской языковой картины мира и их отражение в русской лексике.

Фразеологические единицы в практике преподавания РКИ. Фразеологический образ как основной объект при сопоставительном анализе фразеологической системы русского языка.

12. Основные принципы обучения лексике. Приемы и способы семантизации лексики, связанные с типологией лексических значений.

Сознательно-практический и коммуникативный методы обучения языку. Принцип учета и прогнозирования трудностей в описании и преподавании лексики.

Приемы и способы семантизации лексики: зрительная наглядность, перевод, контекст, раскрытие парадигматических характеристик слова, словообразовательный анализ, дефиниция. Связь способа семантизации с типом лексического значения.

13. Система упражнений и заданий по лексике, основанная на применении дистрибутивного и компонентного анализа лексики. Учебный комментарий. Обучение лексике в электронной среде.

Типы языковых, предречевых и коммуникативных упражнений по лексике на разных этапах обучения в зависимости от целей и задач обучения. Игровые задания по лексике.

Учебный комментарий на разных уровнях владения русским языком. Виды комментария.

Трудные случаи словоупотребления. Анализ систем заданий и упражнений по лексике.

Возможности дистанционного и онлайн-обучения лексике в системе преподавания РКИ.

14. Лексическая интерференция и проблемы описания лексики как системы.

Лексические ошибки как объект и инструмент лингвистического анализа. Влияние интерференции на ошибки иностранных учащихся. Типы интерференции: славянские языки и другие европейские языки.

Понятие «отрицательного» языкового материала. Лексическая интерференция как основа формирования отрицательного языкового материала.

Анализ ЛСГ *аккуратно, тщательно, подробно, внимательно, сосредоточенно, осторожно*. ЛСГ *теперь, сейчас, сейчас же, сразу же*. ЛСГ *автор, писатель*. ЛСГ *добиться, достигнуть*.

РАЗДЕЛ IV.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛЕКСИКИ И ГРАММАТИКИ

15. Грамматикализация в русском языке. Проблема категоризации языковых единиц. Синтаксические классификации лексики.

Синтаксические классификации лексики:

- изосемические / неизосемические слова;
- функционально-семантические классы слов;
- семантические разряды существительных, глаголов, прилагательных, наречий.

Слова служебных частей речи. Предложные единицы русского языка. Переход слов самостоятельных частей речи в предлоги. Грамматикализация.

16. Семантическая и грамматическая «нагруженность» слова. Первичная и вторичная семантические функции слова.

Слова-показатели смысловых отношений: реляторы, экспликаторы, классификаторы. Модификаторы.

Проблема словосочетания и дескрипции. Описательные предикаты и их аналоги. Имена идентифицирующие и предикатные.

Употребление слов во вторичной семантической функции.

Дискурсивные и модальные слова.

17. Коммуникативный потенциал слова.

Коммуникативная парадигма слова. «Тематические» и «рематические» слова. Анализ группы глаголов со значением эмоционального состояния и отношения. Трансформационная парадигма предложений, выражающих эмоциональное состояние и отношение.

Контекстуальная парадигма слова (на примере некоторых наречий).

Семантическая парадигма слова (на материале описательных предикатов в произведениях А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, М.А. Булгакова, Н.С. Лескова).

18. Слово в тексте. Лингвостилистический анализ текста.

Парадигматические характеристики слова в тексте. Тематическое поле как текстовое явление.

Понятие тематической сетки. Лингвостилистический анализ текста. Лингвостилистический анализ рассказа А.П. Чехова «Тоска».

Слово в словаре и в художественном тексте, словарное и контекстуальное значение слова.

Слово как единица обучения русскому языку как неродному в художественном и научном тексте. Язык науки, терминосистемы. Анализ лексики в одном из функциональных подстилей.

5. Рекомендуемые образовательные технологии

Курс разработан с опорой на такие принципы современных образовательных технологий, как личностная ориентированность материала, интенсивность, диалогичность, моделирование потенциально актуальных профессиональных ситуаций, креативность и др. Наряду с традиционными лекционными и семинарскими занятиями используются интерактивные формы обучения. Предполагается подготовка магистрантами двух презентаций: «Словарь в практике преподавания РКИ» (список словарей на выбор для презентации прилагается) и «Учебное пособие по лексике русского языка» (список учебных пособий на выбор для презентации прилагается) и выступление с ними. Планируется моделирование конкретных рабочих ситуаций в целях формирования и развития профессиональных навыков и умений в области преподавания русского языка иностранцам, а также совместный анализ научной, учебно-методической и справочной литературы по лексике русского языка, использование материалов кафедрального сайта http://www.philol.msu.ru/~didactling_rki и других интернет-ресурсов.

6. Учебно-методическое обеспечение самостоятельной работы студентов. Оценочные средства для текущего контроля успеваемости, промежуточной аттестации по итогам освоения дисциплины

Самостоятельная работа студентов обеспечивается списками основной и дополнительной литературы, включающими теоретические работы по проблемам преподавания лексики русского языка в иноязычной аудитории, а также учебники и учебные пособия для иностранных учащихся. Текущий контроль проходит в форме коллоквиумов, практикумов, презентаций словарей и учебных пособий, контрольных работ.

Аттестация по итогам освоения дисциплины: зачет.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. Основные подходы к изучению лексических единиц в современной науке: лексическая семантика, когнитивная семантика и пр.
2. Основные принципы, задачи, методы и проблемы функциональной лексикологии.
3. Функционально-семантическое поле предельности и интенсивности в русском языке.
4. Системность лексики. Типы отношений между единицами лексической системы.
5. Типы объединений лексических единиц.
6. Лексико-семантическая группа как основная единица описания лексики в практике преподавания РКИ.
7. Теория языковых лакун. Безэквивалентная лексика.
8. Лексико-семантический вариант как основная единица при обучении лексики.
9. Многокомпонентная модель лексического значения.
10. Концепция лексического значения, ориентированная на изучающих русский язык как иностранный.
11. Взаимосвязь типов лексического значения и способов семантизации лексики.
12. Тематическая группа как единица содержания обучения.
13. Семантическая структура слова. Типы сем по И.П. Слесаревой.
14. Типология сем в концепции И.А. Стернина.
15. Типология сем в концепции Л.А. Новикова.
16. Типы парадигматических отношений в лексике.
17. Закон семантического согласования.
18. Сочетаемость и валентность.
19. Лексическая сочетаемость в практике преподавания РКИ.
20. Механизм импликации.
21. Фоновый компонент в лексическом значении слова.
22. Лингвострановедческие концепции Верещагина-Костомарова.
23. Лингводидактическая модель языковой личности.
24. Учет прагматического компонента значения слова в практике преподавания РКИ.
25. Типы словарей и возможности их использования в практике преподавания РКИ.
26. Характеристика одного из учебных словарей (по выбору).
27. Принципы отбора и описания лексики в учебных пособиях по русскому языку как иностранному.
28. Анализ одного из учебных пособий по лексике (по выбору).
29. Сопоставительный анализ русской лексики.
30. Типы лексической интерференции.
31. Гипотеза лингвистической относительности. Русская языковая картина мира.
32. Фразеологические единицы в практике преподавания РКИ.
33. Приемы и способы семантизации лексики.
34. Типы заданий и упражнений по лексике.
35. Обучение лексике в электронной среде.

36. Виды учебного комментария.
37. Типология лексических ошибок. Понятие «отрицательного языкового материала».
38. Синтаксические классификации лексики.
39. Грамматикализация как процесс перехода лексических единиц в грамматические.
40. Виды функционально-маркированных классификаций лексики.
41. Слова служебных частей речи в русском языке.
42. Дискурсивные слова в русском языке.
43. Коммуникативная парадигма слова.
44. Контекстуальная парадигма слова.
45. Семантическая парадигма слова.
46. Лингвостилистический анализ текста.
47. Символичность слова в художественном тексте.
48. Слово в различных функциональных стилях русского языка.

Билет на итоговом для данной дисциплины испытании состоит из двух вопросов и практического задания. Практическое задание включает анализ одной или нескольких ЛСГ и формулировку методических рекомендаций по представлению данной(ых) ЛСГ в иностранной аудитории.

СПИСОК ЛСГ ДЛЯ АНАЛИЗА

1. ЛСГ *событие, эпизод, инцидент, случай, происшествие.*
2. ЛСГ *помнить, вспомнить, запомнить, напомнить, опомниться, припомнить.*
3. ЛСГ *понятие, понимание, представление.*
4. ЛСГ *изучать, овладевать, осваивать, усваивать.*
5. ЛСГ *вчитаться, зачитаться, начитаться.*
6. ЛСГ *решать, решаться, осмеливаться, отваживаться, сметь.*
7. ЛСГ *цель, задача, задание, дело, вопрос, проблема.*
8. ЛСГ *иметь, располагать, владеть, обладать.*
9. ЛСГ *аккуратно, тщательно, подробно, внимательно, сосредоточенно, осторожно.*
10. ЛСГ *теперь, сейчас, сейчас же, сразу же.*
11. ЛСГ *пользоваться, воспользоваться, использовать, употреблять, применять.*
12. ЛСГ *короткий, краткий.*
13. ЛСГ *обстановка, обстоятельства, условия, положение.*
14. ЛСГ *необычный, необыкновенный.*
15. ЛСГ *обычный, обыкновенный.*
16. ЛСГ *один, единственный, единичный.*
17. ЛСГ *много, многие.*
18. ЛСГ *несколько, некоторые.*
19. ЛСГ *иметься, находиться.*
20. ЛСГ *автор, писатель.*

21. ЛСГ *добиться, достигнуть*.

7. Учебно-методическое и информационное обеспечение дисциплины

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

1. Андрюшина Н.П., Афанасьева И.Н., Дунаева Л.А., Клобукова Л.П., Красильникова Л.В., Яценко И.И. Структура лексического минимума как компонента российской государственной системы тестирования // *Язык. Сознание. Коммуникация*. Вып. 47. М., 2013. С. 301–306.

2. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. М., 2012.

3. Вежбицкая А. *Язык. Культура. Познание*. М., 1996.

4. Веретеинова М.М., Нестерская Л.А. Системное представление актуализированных паронимов-прилагательных при обучении лексике русского языка иностранных учащихся // *Язык, литература, культура. Актуальные проблемы изучения и преподавания*. Сб. научных и научно-методических статей. Вып. 9. М., 2013. С. 298–304.

5. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. *Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы* / Под ред. и с послесловием академика Ю.С. Степанова. М., 2005.

6. Виноградова Е.Н. Грамматикализация в русском языке: от формы существительного к предлогу (на материале соматизмов) // *Вопросы языкознания*. 2016. № 1. С. 25–50.

7. Всеволодова М.В., Кузьменкова В.А. Описательные предикаты как фрагмент русской синтаксической системы // *Вестник Московского университета. Серия 9, Филология*. 2003. № 5. С. 7–29.

8. Гак В.Г. Об относительности лексических категорий в лексикографии // *Проблемы учебной лексикографии и обучение лексике* / Под ред. В.В. Морковкина. М., 1983. С. 13–24.

9. Гореликова М.И., Магомедова Д.М. Лингвостилистический анализ художественного текста. М., 1983.

10. Добровольский Д.О. Пассивизация идиом (о семантической обусловленности синтаксических трансформаций во фразеологии) // *Вопросы языкознания*. 2007. № 7. С. 39–61.

11. Дунаева Л.А., Руис-Соррилья К.М. Стандартный лексический минимум в электронном практикуме по лексике русского языка // *Русский язык за рубежом*. 2010. № 6. С. 22–28.

12. Дунаева Л.А., Руис-Соррилья Крусаме М., Клобукова Л.П. Обучение лексике в электронной среде // *Язык, литература, культура. Актуальные проблемы изучения и преподавания*. Сб. научных и научно-методических статей. Вып. 5. М., 2009. С. 318–327.

13. Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.

14. Караулов Ю.Н. *Русский язык и языковая личность*. М., 2014.

15. Кобозева И.М. Описание означающего дискурсивных слов в словаре: нереализованные возможности // *Вестник Московского университета. Серия 9, Филология*. 2006. № 2. С. 37–55.

16. Крысин Л.П. Русская литературная норма и современная речевая практика // *Русский язык в научном освещении*. 2007. № 2(14). С. 5–17.

17. Крючкова М.Л. Особенности глагольного немотивированного управления в современном русском языке. М., 1979.

18. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 2013.

19. *Кузнецов А.М.* От компонентного анализа к компонентному синтезу. М., 1986.
20. *Кузнецова Э.В.* Лексикология русского языка. М., 1982.
21. *Латышева А.Н.* Учебники русского языка и фреймовый подход к обучению инофонов // Мир русского слова. 2004. № 3. С. 5–14.
22. *Морковкин В.В.* Семантика и сочетаемость слова // Сочетаемость слов и вопросы обучения русскому языку иностранцев. М., 1984. С. 5–15.
23. *Нестерская Л.А., Норейко Л.Н.* Язык экономики и бизнеса как динамично развивающаяся система // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры. Доклады участников XIII Конгресса МАПРЯЛ. Т. 5. Гранада, 2015. С. 165–169.
24. *Новиков Л.А.* Семантика русского языка. М., 1982.
25. *Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
26. *Панков Ф.И.* Контекстуальная парадигма наречий (фрагмент лингводидактической модели русской грамматики) // Вестник МГУ. Серия 9, Филология. 2011. № 2. С. 7–29.
27. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Лексическая система языка: Внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания: Учебное пособие. М., 2014.
28. *Рахилина Е.В.* Когнитивная семантика: История. Персоналии. Идеи. Результаты // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998. С. 274–323.
29. *Ружицкий И.В.* Функционирование частиц // Книга о грамматике: Материалы к курсу «Русский язык как иностранный» / Под ред. А.В. Величко. М., 2004. С. 137–165.
30. *Ружицкий И.В.* Использование категории мнемы в преподавании русского языка как иностранного // Русский язык – язык науки, культуры, коммуникации. М., 2015. С. 141–147.
31. *Слесарева И.П.* Проблемы описания и преподавания русской лексики. М., 1980.
32. *Слесарева И.П.* «Ближние» и «дальние» синтагматические связи слова // Сочетаемость слов и вопросы обучения русскому языку иностранцев. М., 1984. С. 26–35.
33. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
34. Теория метафоры / Под ред. Н.Д. Арутюнова. М., 1990.
35. *Титкова С.И.* Языковая лакуна в практике преподавания РКИ // Русский язык за рубежом. 2007. № 3. С. 39–50.
36. *Урынсон Е.В.* Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М., 2003.
37. Учебная лексикография: учебное пособие / Под ред. М.А. Шахматовой. СПб., 2011.
38. *Чернейко Л.О.* Грамматика семантики // Памяти Анатолия Анатольевича Поликарпова: Сб. статей / Под ред. М.Л. Ремнёвой. Электронное издание. М.: Издательство Московского университета, 2015. С. 551–556.
39. *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 2008.
40. *Щерба Л.В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Л.В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 24–39.

УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ

1. *Амиантова Э.И. и др.* Сборник упражнений по лексике русского языка: Учебное пособие. М., 1989.
2. *Апресян Ю.Д.* Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.

3. *Аркадьева Э.В.* Когда не помогают словари... : Практикум по лексике современного русского языка: В 3 ч. / Э.В. Аркадьева, Г.В. Горбаневская, Н.Д. Кирсанова, И.Б. Марчук. М., 2013.

4. *Битехтина Г.А., Рябова А.И., Сергеева А.В., Фролкина А.В.* Трудные случаи словоупотребления в русском языке: Учебное пособие. М., 1998.

5. Лексика русского языка: сборник упражнений / Э.И. Амиантова, Г.А. Битехтина, А.Л. Горбачик, Н.А. Лобанова, И.П. Слесарева / Под ред. Э.И. Амиантовой. М., 2013.

6. *Ласкарева Е.Р.* Прогулки по русской лексике. СПб., 2014.

7. *Лобанова Н.А., Слесарева И.П.* Учебник русского языка для иностранных студентов-филологов: Систематизирующий курс. Третий год обучения. М., 1984.

8. Пособие по лексике русского языка для иностранных студентов-филологов / Величко А.В., Калинина Л.Г., Кулькова Р.А., Слесарева И.П. М., 1987.

9. Словарь-справочник по русскому языку для иностранцев. Вып. 1–4. М., 1970–1977.

10. *Старовойтова И.А.* Русская лексика в заданиях и кроссвордах. Вып. 1–4. СПб., 2007.

УЧЕБНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

1. Комплексный учебный словарь: Лексическая основа русского языка: Ок. 10 000 лексических единиц в системных объединениях (тематические группы, омонимы, синонимические, антонимические и паронимические ряды, употребление в составе фразеологических единиц) / Под ред. В.В. Морковкина. М., 2004.

2. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М., 2003.

3. *Петрищева Е.Ф.* Стилистически окрашенная лексика русского языка. М., 1984.

4. Русский семантический словарь / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1998–2000.

5. Словарь структурных слов русского языка / В.В. Морковкин, Н.М. Луцкая, Г.Ф. Богачева и др. М., 1997.

6. *Степанов Ю.С.* Константы: словарь русской культуры. М., 2001.

7. Толковый словарь русских глаголов / Под ред. Л.Г. Бабенко. М., 1999.

8. Учебный словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. М., 1978.

9. *Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е.* Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь. М., 1979.

10. *Le Russe Contemporain. Des mots à l'expression. Lexique thématique* / E. Enderlein, G. Dimova-Sarwari, S. Moskvitcheva, L. Nesterskaïa. Paris, 2009.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ МИНИМУМЫ

1. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Базовый уровень. Общее владение / Н.П. Андриюшина, Т.В. Козлова. СПб., 2011.

2. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный уровень. Общее владение / Н.П. Андриюшина, Г.А. Битехтина, Л.П. Клобукова, Л.Н. Норейко, И.В. Одинцова. СПб., 2014.

3. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Второй сертификационный уровень. Общее владение / Н.П. Андриюшина, И.Н. Афанасьева, Г.А. Битехтина, Л.П. Клобукова, И.И. Яценко. М.; СПб., 2014.

4. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Общее владение / Н.П. Андриюшина, Т.В. Козлова. М.; СПб., 2014.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995.
2. *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. М., 1976.
3. *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Основы фразеологии. М., 2013.
4. *Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В.* Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.
5. *Виноградов В.В.* История слов. М., 1999.
6. *Виноградова Е.Н.* Мотивированные предлоги и аналоги предлогов: пути грамматикализации // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. 2013. № 4. С. 138–163.
7. *Всеволодова М.В.* Словосочетание в новой парадигме грамматики // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. 2012. № 1. С. 7–40.
8. *Всеволодова М.В., Панков Ф.И.* К вопросу о категориальном характере актуального членения и его роли в русском высказывании. Статья вторая // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. 2009. № 1. С. 9–33.
9. *Гак В.Г.* К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. 1971. М., 1972. С. 367–395.
10. *Дементьева О.Ю.* Семантический и синтаксический потенциал лексемы (на примере глаголов «встречать» и «встречаться») // Язык – Культура – Человек. М., 2008. С. 78–88.
11. *Дунаева Л.А., Нестерская Л.А., Эндерлейн Э., Яценко И.И.* Концепция русско-французского учебного лингвокультурологического словаря «Откройте для себя Россию» // Язык, литература, культура. Актуальные проблемы изучения и преподавания. Вып. 10. М., 2014. С. 231–240.
12. *Караулов Ю.Н.* Общая и русская идеография. М., 1976.
13. *Караулов Ю.Н.* Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981.
14. *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. М., 2012.
15. *Кронгауз М.А.* Семантика: Учебник. М., 2005.
16. *Кузьменкова В.А., Лариохина Н.М.* Описательные предикаты в профессионально ориентированном обучении РКИ // Русский язык за рубежом. 2005. № 1–2. С. 52–59.
17. *Морковкин В.В.* Идеографические словари. М., 1970.
18. *Падучева Е.В.* Коммуникативное выделение на уровне синтаксиса и семантики // Семиотика и информатика. 1998. Вып. 36. С. 82–107.
19. *Панков Ф.И.* Еще раз о грамматике и семантике модальных слов (фрагмент лингводидактической модели русской морфологии) // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. № 2. 2003. С. 59–74.
20. *Нестерская Л.А., Слесарева И.П.* Функциональная лексикология // Русский язык и его история. Программы кафедры русского языка для студентов филологических факультетов государственных университетов. Специальность 10.02.01 – Русский язык. М., 2007. С. 298–303.
21. *Ружицкий И.В.* Модальные частицы как один из способов реализации прагматического уровня языковой личности // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып. 16. М., 2001. С. 13–19.
22. *Чернейко Л.О.* Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М., 2010.

23. Янко Т.Е. Коммуникативный статус выражений со словом правда // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995. С. 173–177.

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

1. Кафедральный интернет-сайт http://www.philol.msu.ru/~didactling_rki
2. Онлайн-переводчики: <http://translate.ru>, <http://lingvo-online.ru>; <http://translate.yandex.ru>; <http://translate.google.ru>, <http://dictionary.com>
3. Онлайн-словари: <http://dic.academic.ru>; <http://gramota.ru/slovari/>

8. Материально-техническое обеспечение дисциплины

Наличие в методическом кабинете кафедр русского языка как иностранного (а. 840), в библиотеке и в Интернете необходимой научной и учебно-методической литературы.

Наличие компьютера, проектора и экрана для презентаций (а. 1063).

Доступ к Интернету через компьютерное оборудование кафедр русского языка как иностранного (а. 1009а, а. 833, а. 836).

Программа составлена в соответствии с требованиями ОС МГУ по специальности «Филология».

Разработчики:

Лия Александровна Нестерская,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Екатерина Николаевна Виноградова,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Developers:

Liya A. Nesterskaya,
PhD
Assistant Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
lianel@yandex.ru

Ekaterina N. Vinogradova,
PhD
Assistant Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
katinko2007@yandex.ru

Библиографии

Bibliography

**Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем
на русском языке (2005–2006)**

2005

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Ваш Гоголь. Собрание сочинений: повести, комедии, поэма. Хроника жизни и творчества / Сост. Н.Н. Скатов, В.А. Воропаев; вступ. статья Н.Н. Скатова; хроника жизни и творчества, примеч., именной указатель В.А. Воропаева. М.: Издательский Центр «Классика», 2005. 640 с.: ил.

Загл. вступ. статьи: «...Человек и гражданин земли своей». С. 16–17.

Хроника жизни и творчества Н.В. Гоголя. С. 581–605.

Комментированный именной указатель. С. 608–613.

Примеч. С. 614–636.

Вечер накануне Ивана Купала. Пропавшая грамота / Худ. В.Т. Чапля. М.: Белый город, 2005. 48 с.

Вечера на хуторе близ Диканьки / Ил. Д.А. Соложева. М.: Олимпия Пресс, 2005. 224 с.: ил. *Ошанины Н. и В.* О Данииле Соложеве. С. 5–8.

Примеч. С. 215–222.

Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород: повести. М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. 444, [4] с. – (Книга на все времена).

Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород: повести. М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. 444, [4] с. – (Мировая классика).

Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород: повести. М.: Изд-во ЭКСМО, 2005. 544 с. – (Русская классика).

Выбранные места из переписки с друзьями / Вступ. статья Е.И. Анненковой, коммент. С.О. Шведовой. СПб.: Азбука-классика, 2005. 320 с.

Загл. вступ. статьи: Исповедь и проповедь Гоголя. С. 5–36.

Коммент. С. 272–316.

Избранные произведения: В 2 т. / Вступ. статья А. Пыпина, коммент. О. Дорофеева. М.: Издательский дом Родионова. Литература, 2005. – (Сер. Классика в школе).

Т. 1. Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород: повести. 512 с.

Загл. вступ. статьи: Николай Васильевич Гоголь (1809–1852). С. 5–20.

Коммент. С. 486–510.

Т. 2. Повести; Ревизор, Женитьба: комедии; Мертвые души: поэма. 496 с.

Коммент. С. 472–494.

Майская ночь, или Утопленница. Рассказы и повести. М.: Профиздат, 2005. 416 с.

Мертвые души. М.: Изд-во Белый город, 2014. 608 с.: ил. – (Большая иллюстрированная библиотека классики).

Мертвые души: [поэма.] М.: Эксио, 2005.

Мертвые души / Вступ. статья и коммент. Л.В. Беловинского; ил. Т.Ю. Хрычевой. М.: ОЛМА-ПРЕСС Экслибрис, 2005. 416 с.: ил. («Энциклопедия русской жизни»).

Предисл. С. 5–17.

Коммент. в тексте.

Мертвые души / Коммент. В. Воропаева. М.: АСТ: Астрель, 2005. 235, [5] с. – (Хрестоматия школьника).

Коммент. С. 201–228.

Краткая летопись создания поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души». С. 229–230.

Темы сочинений и рефератов по поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». С. 231.

Тезисные планы сочинений. С. 232–233.

Мертвые души: поэма; Ревизор: комедия; Повести / Ил. Д. Алексеева. М.: АСТ, 2005. 974, [2] с. – (Книжная полка).

Мертвые души. М.: Айрис, 2005. 400 с. – (Сер. Библиотека школьника).

Мертвые души: поэма. М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. 413 [3] с. – (Книга на все времена).

Мертвые души: поэма / Коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева; рис. А.М. Лаптева. М.: Детская литература, 2005. 352 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Коммент. С. 341–351.

Приложения:

Аксаков К.С. Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души». С. 304–312.

Белинский В.Г. Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души». С. 313–318.

Воропаев В.А. Главы из книги «Н.В. Гоголь: жизнь и творчество». С. 319–340.

«Мертвые души»: Основное содержание. Анализ текста. Литературная критика. Сочинения / Авт.-сост. И.Р. Ольгин. М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2005. 124, [4] с. – (Школьная классика).

Мертвые души. Иллюстрированное энциклопедическое издание / Под ред. В.П. Бутромеева, В.В. Бутромеева, Н.В. Бутромеевой. М.: БЕЛЫЙ ГОРОД, 2005. 608 с.: ил. – (Большая иллюстрированная библиотека классики).

Бутромеев В.П. Предисловие. С. 5.

Приложения:

Том 2. Позднейшая редакция. С. 454–491.

Глава четвертая. С. 491–500.

Одна из последних глав. С. 500–516.

Повесть о капитане Копейкине (Редакция, разрешенная цензурой). С. 517–520.

Заметки к первой части. С. 521–522.

Предисловие ко второму изданию первого тома «Мертвых душ». С. 523–524.

Предисловие Н.П. Трушковского к первому изданию второго тома «Мертвых душ». С. 525–526.

Молитвы о создании «Мертвых душ». С. 527–528.

«Мертвые души» в кино. С. 529–531.

Хронология жизни и творчества Н.В. Гоголя. С. 532–535.

География жизненного пути Н.В. Гоголя. С. 536.

Пытин А.Н. Н.В. Гоголь. С. 537–540.

Аксаков К.С. Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души». С. 541–545.

Полевой Н.А. «Похождения Чичикова, или Мертвые души». Поэма Н.В. Гоголя. С. 546–554.

Коммент. С. 555–583.

Мертвые души. Подробный комментарий, учебный материал, интерпретации / Сост., примеч., учебный материал Е.А. Яковлевой. М.: Айрис-пресс, 2005. 400 с. – (Русская литература. Произведения школьной программы).

<Приложение:>

Эпоха:

Лента времени. Жизнь и творчество Н.В. Гоголя. С. 228–239.
Необходимые комментарии к афере Чичикова. С. 240–243.
История закрепощения крестьянства. С. 244–247.
Из истории русского дворянства. С. 248–250.
Ключевский В.О. Рост бюрократии в царствование Николая I. С. 251–252.

Интерпретации:

Аксаков К.С. Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души». С. 254–257.
Аксаков И.С. Несколько слов о Гоголе. С. 258–259.
Зеньковский В.В. Гоголь. С. 260–265.
Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. Гл. 6. «Мертвые души». С. 266–319.
Манн Ю.В. Вариации к теме. С. 320–338.
Лотман Ю.М. Пушкин и «Повесть о капитане Копейкине». К истории замысла и композиции «Мертвых душ». С. 339–347.
Соловьева В.С. «Евгений Онегин» в зеркале «Мертвых душ» (сопоставительный анализ на основе перифраз). С. 348–350.
Учебный материал. С. 352–394.

Неопубликованные страницы «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя / Подгот. текста Ю. Балакшиной, С. Шведовой; вступ. статья Ю. Балакшиной // Вопросы литературы. М., 2005. № 6. С. 204–213.

Петербургские повести: Основное содержание. Анализ текста. Литературная критика. Сочинения / Авт.-сост. И.Р. Ольгин. М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005. 126, [2] с. – (Школьная классика).

Повести. Мертвые души: поэма. М.: Изд-во ЭКСМО, 2005. 512 с. – (Русская классика).

Русская литература XIX века. 1840–1860-е годы. Воспоминания. Литературно-критические статьи, письма: Учебное пособие / Под ред. В.Н. Аношкиной, В.П. Зверева, Р.П. Певцовой. М.: Высшая школа, 2005. 623 с.
Н.В. Гоголь о К.С. Аксакове. С. 179–182.

Русские писатели о евреях / Сост. В.Н. Афанасьев. М.: Книга, 2005. 448 с.
Николай Гоголь. Тарас Бульба. Главы из повести. С. 36–49.

Собрание сочинений. М.: Издательский дом Принт-Пресс, 2005.

Т. 1. Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород: повести.
Т. 2. Миргород: повести.
Т. 3. Духовная проза.
Т. 4. Мертвые души.

Старосветские помещики: повести / Вступ. статья В. Гуминского, коммент. В. Воропаева; рис. А. Симанчука. М.: Детская литература, 2005. 172 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Загл. вступ. статьи: Гоголь и четыре урока «Миргорода». С. 5–14.
Коммент. С. 151–171.

Тарас Бульба. М.: АСТ: Астрель, 2005. 142 [2] с. – (Библиотека школьника).

Тарас Бульба: повесть / Вступ. статья В. Воропаева, коммент. И. Виноградова; худож. Е.А. Кибрик. М.: Детская литература, 2005. 188 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Загл. вступ. статьи: Гражданин земли Русской. С. 5–12.
Коммент. С. 167–188.

Тарас Бульба: повесть. М., 2005. 192 с.: ил.
Послесл. С. 179–180.
Коммент. С. 181–191.

ЛИТЕРАТУРА

А поверотись-ка, сынку!: «Тарас Бульба» с Хоффманом и Плисецкой // Отдохни! М., 2005. № 49. С. 3.

[О планах экранизации повести Гоголя «Тарас Бульба» на студии «Ритм».]

Айзикова И.А. Библейские мотивы и образы в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя // Сибирский филологический журнал. Барнаул и др., 2005. № 1/2. С. 25–37.

Александрина М. И слову жизнь дана // Тверская, 13. М., 2005. 2 апреля.

[О работе V международной научной конференции «Гоголь и русское зарубежье».]

Александров Ю. Вид сбоку // Литературная газета. М., 2005. 27 июля – 2 августа.

[Беседа со скульптором Александром Смирновым, автором скульптурного портрета Гоголя.]

Александрова Т.А. Д.С. Мережковский – биограф Н.В. Гоголя // Наукові записки Харківського держ. пед. ун-ту ім. Г.С. Сковороди. Харьков, 2005. Вып. 1(39). С. 79–86.

Алексеева У.С. «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя и проблема обновления литературной традиции // Гуманитарные исследования СГУПС [Сибирский гос. ун-т путей сообщения]. Новосибирск, 2005. Вып. 2. С. 173–185.

Алтатова И. Подруга жизни. «Шинель» Н.В. Гоголя в театре «Современник» // Современная драматургия. М., 2005. № 1. С. 169–170.

Анженкова Е. Гоголь до суда доведет // Культура. М., 2005. 7–13 апреля.

[О спектакле Валерия Фокина «Ревизор».]

Анненкова Е.И. «Нужно любить Россию» в контексте «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя // Духовные начала русского искусства и образования. Великий Новгород, 2005. С. 147–153.

Анохин Д. Третий Гоголь – лишний // Вечерняя Москва. М., 2005. 14 июля.

[Беседа с председателем Комиссии по монументальному искусству при Мосгордуме С.Г. Петровым.]

Антонец М.А., Ковнатор Е.А., Христов Д.И. Значение жизненного подвига Н.В. Гоголя для воспитания христианской морали у студенческой молодежи // Література та культура Полісся. Вип. 28: Сторінки історії і культури Полісся та України в сучасному висвітленні / Відп. ред. і упоряд. Г.В. Самойленко. Ніжин: Видавництво НДУ ім. М. Гоголя, Ніжин, 2005. С. 3–8.

Арабов Ю. Механика судеб: глава из книги. Гл. 2. Человек по имени Гоголь // Киносценарии. М., 2005. № 4; № 5/6. С. 2–26.

Арват Н.Н. Взаимодействие контекстно-речевых форм в структуре текста (повесть Гоголя «Тарас Бульба») // Текст в лингвистической теории и методике преподавания филологических дисциплин: Материалы междунапродной конференции. Мозир. Ч. 1. 2005.

Арват Н.Н. Концепт *душа* в произведениях А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя // Наукові записки. Філологічні науки / Ніжинський держ. пед. ун-т ім. М. Гоголя. Ніжин, 2005. С. 78–83.

Арват Н.Н. Нежинская Гоголиана на современном этапе (лингвистический аспект) // Информационный бюллетень УАПРЯЛ [Украинская ассоциация преподавателей русского языка и литературы]. Вып. 12. Нежин, 2005.

Арват Ф.С., Арват Н.Н. Первые переводы произведений Гоголя на Украине // Язык и культура. 2005.

Аристов Н. Иноземное влияние в России, изображенное Гоголем в его сочинениях // Новый Век. М., 2005. № 2. С. 14–15.

Астафьев А. В очередь, Гоголь, в очередь!: Исторические апокрифы от И.Е. Супова, графа по матери // Литературная газета. М., 2005. 30 апреля – 5 мая.

Банзерук О.В. Синестетические метонимические эпитеты как репрезентанты образной картины мира Н.В. Гоголя // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира. Архангельск, 2005. Вып. 2. С. 457–459.

Барабаш Ю. От берега – к горизонту. Гоголь в литературном сознании украинского зарубежья // Вопросы литературы. М., 2005. Вып. 1. С. 135–165.

Баранов А.Г. Наше родное. М.: Паломник, 2005. 320 с.

[Печ. по изд.: *Баранов А.* Наше родное. Книга для классного и домашнего чтения в сельских народных школах с трехлетним курсом. Третий год обучения. Изд. 28-е. СПб., 1906.]

Из содерж.:

Гоголь Н.В.: Днепр. С. 261; Степь. С. 261; Тарас Бульба. С. 271–272; Смерть Тараса Бульбы. С. 272–274.

Бархатов А. Гоголь по Моголю. Заметки о сериале Павла Лунгина «Дело о мертвых душах» // Литературная газета. М., 2005. 21–27 сентября. № 38. С. 10.

Беглов В.А. Эпопея в русской литературе. М.: Изд-во Московского ун-та, 2005. 272 с. – (Классика жанра).

Гл. 1: Эпопейные возможности действительности и их художественное воплощение в «Тарасе Бульбе» Гоголя. С. 32–64.

Гл. 2: Жанровый феномен «Мертвых душ» Н.В. Гоголя. С. 65–94.

Безруков А.А. «Станционный смотритель» А.С. Пушкина и формула Н.В. Гоголя «Умереть, для того чтобы воскреснуть» // Наследие В.В. Кожина и актуальные проблемы критики, литературоведения, истории, философии в изменяющейся России: Материалы IV международной научно-практической конференции. Ч. 1. Армавир, 2005. С. 17–26.

Белая А.С. Этнокультурологические компоненты в смысловой структуре текста (на материале повестей Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки») // Текст в лингвистической теории и в методике преподавания филологических дисциплин: материалы III международной научной конференции. Мозырь, 2005.

Белова Л.А. Александра и Михаил. Последняя любовь Лермонтова. М.: Профиздат, 2005. 432 с.: ил.

Амалия Крюдэнэр. Жуковский и Гоголь. Анна Тютчева. С. 178–189.

Гоголь. Самарин. И, как всегда, Лермонтов. С. 353–373.

Березко А.Ф. Реализация жанровых особенностей исповеди в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя [Тезисы доклада] // Сборник научных работ студентов высших учебных заведений Республики Беларусь «НИРС-2004»: В 2 ч. / Минск: ВЭВЭР, 2005. Ч. 2. С. 98.

Березко А.Ф. Своеобразие авторского замысла в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя // Содружество наук Барановичи – 2005: Материалы международной научно-практической конференции молодых исследователей. Барановичи, 22 февраля 2005 г.: В 2 ч. / УО «БарГУ»; редкол.: В.И. Кочурко [и др.]. Барановичи, 2005. Ч. 2. С. 181–183.

Беспрозванный В., Пермяков Е. Из комментариев к первому тому «Мертвых душ» // Тартуские тетради / Сост. Р.Г. Лейбов. М.: ОГИ, 2005. С. 185–205.

К вопросу о датировке исторического времени первого тома поэмы. С. 185–192.

Архитектура провинциального города в «Мертвых душах». С. 192–196.

Из построчного комментария к первому тому «Мертвых душ». С. 196–205.

Богданов К.А. Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской литературы XVIII–XX веков. М.: ОГИ, 2005. 504 с.

[Рец.: *Топорков А.Л.* // Новое литературное обозрение. М., 2007. № 3(85). С. 468–471.]

Бойко М.Н. Авторские миры в русской культуре первой половины XIX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 376 с.

Гл. 7: Н.В. Гоголь: Художественная мистерия.

Прекрасная вселенная. С. 262–272.

Дольнее эпическое. С. 272–280.

Дольнее прозаическое. С. 281–290.

Амбивалентная женская сущность. С. 290–300.

Наедине с нечистью. С. 300–312.

Мистика общественной дисгармонии. С. 313–321.

Заурядный человек в десакрализованном мире. С. 322–340.

Бойко С.С. Об интерпретации романа Леонида Добычина «Город Эн» // Русская литература XX века. Типологические аспекты изучения: X Шешуковские чтения. М., 2005. Ч. 1. С. 55–57.

[Гоголевский контекст («Мертвые души») в романе Л. Добычина.]

Большакова С.А. Как мы открывали Гоголя // Литература в школе. М., 2005. № 4. С. 40–41.

Бондарь Н.А. Субстантивы в поэме Гоголя «Мертвые души» // Текст в лингвистической теории и в методике преподавания филологических дисциплин: материалы III международной научной конференции. Мозырь, 2005.

Борисов О.С. Культурологический анализ религиозных исканий Н.В. Гоголя («стихия» и «план» Петербурга) // Научно-технический вестник Санкт-Петербургского гос. ун-та информационных технологий, механики и оптики. СПб., 2007. Вып. 36: Экономическое и гуманитарное образование в техническом вузе. С. 166–171.

Борисова И. Сюжет Вайскопфа // Параллели. М., 2005. № 6/7. С. 435–438.

[Рец. на кн.: *Вайскопф М.Я.* Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология. Контекст. 2-изд., испр. и расшир. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2002. 686 с.; *Вайскопф М.Я.* Птица-тройка и колесница души. Работы 1978–2003 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 568 с. – (Научная библиотека).]

Ванденко А., Новиков В. (фото). Территория мертвых душ // Итоги. М., 2005. № 5. С. 60–63.

[Беседа с режиссером Павлом Лунгиным, завершившим съемки восьмисерийного телефильма по «Мертвым душам» Гоголя.]

Ветчинкина Ю.В. Свои и чужие в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя // Подходы к изучению текста: Материалы международной конференции студентов, аспирантов и молодых преподавателей (Ижевск, 22–23 апреля 2005 г.). Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2005. С. 20–25.

Вильнова С.В. Религиозно-этическая переориентация искусства в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя // Движение художественных форм и художественного сознания XX и XXI веков. В рамках проекта «Самарская филологическая школа». Самара, 2005. С. 58–64.

Виноградов И.А. Неизвестные автографы двух статей Н.В. Гоголя о Церкви и духовенстве. К истории издания «Выбранных мест из переписки с друзьями» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сб. научных трудов. Вып. 4. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 2005. С. 219–245.

[Статьи Гоголя «Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве» и «О том же» в контексте цензурной истории «Выбранных мест из переписки с друзьями».]

Виноградов И.А. «Тарас Бульба» и юный Достоевский // Наш современник. М., 2005. № 8. С. 249–256.

[К вопросу о традициях Гоголя в раннем творчестве Ф.М. Достоевского.]

Виротайнен М. Страх и смех в эстетике Гоголя // Семиотика страха: сб. статей. М., 2005. – (Сер. Механизмы культуры). С. 124–135.

Вишняков В. Иногда и Москва верит слезам // Парламентская газета. М., 2005. 3 августа. [О фильме В. Лонского «Голова классика».]

Вишняков В. Хлестаковы наверху, внизу – мертвые души // Парламентская газета. М., 2005. 8 сентября.

[О фильме П. Лунгина «Дело о мертвых душах».]

Владимирова Т.Л. Римский текст в творчестве Н.В. Гоголя (на материале писем 1836–1841 гг.) // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: Материалы VI всероссийской научно-практической конференции молодых ученых (22–23 апреля 2005 г.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005. Вып. 6. Ч. 2: Литературоведение С. 48–51.

Владимирова Т.Л., Уразаева Т.Т. Смысловые доминанты Петербургского и Римского текстов в творчестве Н.В. Гоголя // Коммуникативные аспекты языка и культуры: сб. статей V всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Томск: Изд-во Томского политехнического ун-та, 2005. Ч. 2. С. 48–58.

Войводиц Я. О физиологических жестах: плевание (XIX век и Н.В. Гоголь) // Телесный код в славянских культурах. М., 2005. С. 80–93.

Воропаев В. Благодатная обитель. Гоголь в Оптиной // Православная беседа. М., 2005. № 1. С. 52–55.

Воропаев В.А. Гоголь (Гоголь-Яновский) Николай Васильевич // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. С. 110–113.

Воропаев В. Гоголь и Пушкин о государстве Российском // Десятина. М., 2005. № 1. С. 5.

Воропаев В. Живой источник родного слова. Церковнославянский язык в творчестве Н.В. Гоголя // Десятина, М. 2005. № 2(101). С. 4.

Воропаев В.А. Кончина Гоголя. Некрологическая статья М.П. Погодина с пометами графа А.П. Толстого, С.П. Шевырева и А.С. Хомякова // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сб. научных трудов. Вып. 4. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 2005. С. 246–257.

Воропаев В.А. Малоизвестная часть творческого наследия Н.В. Гоголя: Выписки из творений святых отцов и богослужебных книг // Научные доклады филологического факультета МГУ. М., 2005. Вып. 5. С. 22–29.

Воропаев В. Окно в мир евангельских истин. Пословицы и притчи в поэме Гоголя «Мертвые души» // *Виноград. Православный педагогический журнал.* 2005. № 2(11). С. 60–65.

Воропаев В.А. Под защитой угодника Божия: Диканьский образ Святителя Николая Чудотворца и его значение в жизни Гоголя // *Крымский Пушкинский научный сборник.* Вып. 5(14): Литература и русская глубинка. Симферополь: Крымский Архив, 2005. С. 240–246.

Воропаев В. «Размышления о Божественной Литургии» Гоголя // *Литературный Крым.* Симферополь. 2005. 15 апреля. № 12–14. С. 4.
[Отрывок из кн.: Гоголь над страницами духовных книг. М., 2002. Вступ. заметка Г. Когоняшвили.]

Воропаев В. Святой источник. Церковнославянский язык в творчестве Н.В. Гоголя // *Наследник. Православный молодежный журнал.* М., 2005. № 1. С. 38–39.

Воропаев В.А. «...Этот необыкновенный лиризм...» О влиянии церковнославянского языка на творчество Н.В. Гоголя // *Русская речь.* М., 2005. № 4. Июль – Август. С. 11–14.

Вранчан Е.В. Роль вещественного гиперболизма в повести Н.В. Гоголя «Коляска» // *Аспирантский сборник Новосибирского гос. пед. ун-та.* Новосибирск, 2005. Ч. 1. С. 30–36.

Гаджиева Л.И. На границе сказочного и исторического (об одном эпизоде в повести Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» // *На рубежах эпох: стиль жизни и парадигмы культуры: сб. научных трудов.* Вып. 2. М., 2005. С. 102–112.

Гаджиева Т.Б. К вопросу о нравственном идеале Н.В. Гоголя («Старосветские помещики» и «Тарас Бульба») // *Актуальные вопросы науки и образования: сб. статей.* Вып. 2. Махачкала, 2005. С. 88–93.

Гаджиева Т.Б. К вопросу об идейном содержании и композиции миргородского цикла повестей Н.В. Гоголя // *Актуальные вопросы науки и образования: сб. статей.* Вып. 2. Махачкала, 2005. С. 94–97.

Гафаров Р.М. Содержание «Старосветских помещиков» Н.В. Гоголя в свете проблемы традиций // *Преемственность разных ступеней системы образования.* Мурманск, 2005. Т. 3. С. 56–60.

Глазырина Ю.А. Эстетическая реализация словообраза «мечта» (на материале петербургского цикла Н.В. Гоголя) // *Актуальные проблемы развития гуманитарных наук.* Елец, 2005. С. 12–15.

Гоголевский сборник / Редкол.: В.Ш. Кривонос (отв. ред.) и др. Вып. 2(4). СПб.; Самара: Изд-во СГПУ [Самарский гос. пед. ун-т], 2005. 360 с.

Содерж.:

От редактора. С. 5–6.

Статьи:

Друбек-Майер Н. Украинские рассказчики Гоголя: «маски» и «образы автора». С. 7–22.

Овечкин С.В. Повести «Миргорода»: жанровая трансформация и неоднородность нарратива. Статья первая. С. 23–37.

Сурков Е.А. Русские контексты «Старосветских помещиков» Н.В. Гоголя. С. 38–50.

Денисов В.Д. Остап и Андрий в 1-й редакции повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба». С. 51–55.

Киселев В.С. Семиотическое пространство «Петербургских повестей» и «Портрет» Н.В. Гоголя. С. 56–66.

Самохина-Труве С. Функции сверхъестественного в повести Гоголя «Портрет». С. 67–72.

Кривонос В.Ш. Портрет в «Портрете» Гоголя. С. 73–80.

- Церяк М. Идеиная проблематика кризиса творчества у Гоголя («Невский проспект»). С. 81–90.
- Джулиани Р. *Imago urbis et genius loci* в повести «Рим». С. 91–101.
- Строганов М.В. «Повести» Гоголя 1842 года и весенний христианский календарь. С. 102–113.
- Ерёмин М.А. Вещь в пьесах Гоголя. С. 114–122.
- Падерина Е.Г. Истоки и структура мотива *дело = карты* в «Игроках» Гоголя. С. 123–140.
- Шульц С.А. Жанровая традиция «диалогов мертвых» в поэме Гоголя «Мертвые души». С. 141–147.
- Анненкова Е.А. «Светлое воскресенье» Гоголя: тема и жанр. С. 148–160.
- Лавочкина О.П. Мотив огня в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя. С. 161–168.
- Видугирите И. Театральный код в «Размышлениях о Божественной Литургии» Н.В. Гоголя. С. 169–179.
- Акимова Н.Н. Счастье или богатство? Об одном полемическом отклике на поэму Гоголя «Мертвые души». С. 180–199.
- Зусева В.Б. Рецепция «Мертвых душ» в романе В. Набокова «Дар». С. 200–216.
- Савкина И. «Заплатить свой долг Гоголю» (Гоголевская традиция в творчестве современного финского писателя Кари Хотаканена). С. 217–228.
- Шолохова А.С. Трудности перевода (Повесть Н.В. Гоголя «Шинель» в английских и немецких переводах). С. 229–235.
- Никанорова Ю.В. Сад Плюшкина в немецких переводах «Мертвых душ»: к проблеме интерпретации авторского замысла. С. 236–245.
- Из наследия:**
- А.В. Дружинин о Гоголе (Из неопубликованного) / Публ., вступ. заметка, примеч. Н.Б. Алдониной. С. 246–254.
- Сообщения и заметки:**
- Ветчинкина Ю.В. Локус шинка в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Гоголя. С. 255–256.
- Таумов И.Д. Собаки в комедиях Гоголя. С. 257–258.
- Кулакова Т.А. О мотиве 'услужения' в поэме Гоголя «Мертвые души». С. 259–260.
- Рюпина С.В. Функции зоологизмов в поэме Гоголя «Мертвые души». С. 261–263.
- Поздняков К.С. Об особенностях фантастики у О. Сомова и Гоголя. С. 264–268.
- Новик А.А. К теме «А. Белый и Гоголь». С. 269–271.
- Обзоры:**
- Кривонос В.Ш. Поздний Гоголь в исследованиях первой русской эмиграции. С. 272–279.
- Библиография:**
- Воропаев В.А. Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2001–2003). С. 280–342.
- Воропаев В.А. Список авторефератов диссертаций, посвященных творчеству Н.В. Гоголя (1945–2005). С. 343–359.
- Содержание предыдущих «Гоголевских сборников» (1993, 1994 гг.). С. 360.
- [Рец.: Балдина Е. Новое в современном гоголеведении // Новые гоголеведческие студии. Н.В. Гоголь, 2007. Вып. 5(16). С. 236–239, Балдина Е. [Рецензия] // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. М., 2007. № 3. С. 135–138.]
- Гоголь и время: сб. статей. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005. 212 с. – (Русская классика: исследования и материалы. Вып. 2).
- Содерж.:**
- Янушкевич А.С. История изучения творчества Н.В. Гоголя в Томском университете. С. 5–11.
- Бахтина О.Н. Жанр духовного завещания в творчестве позднего Н.В. Гоголя (проблема литературных традиций). С. 12–23.
- Петров А.В. Гоголь и Гоббс: к вопросу о философских коррелятах к идейно-образному содержанию «Мертвых душ». С. 24–36.
- Лебедева О.Б. Гоголевский кенотип в русской высокой комедии XVIII века. С. 37–46.
- Канунова Ф.З. Проблемы поэтики и эстетики в переписке Гоголя и Жуковского (к вопросу о синтезе романтизма и реализма в эстетике Гоголя). С. 46–54.
- Киселев В.С. Н.В. Гоголь и проблема повествовательного целого в развитии русского прозаического цикла 1820-х – начала 1840-х годов. С. 54–66.
- Айзикова И.А. О пересечении эпистолярной традиции и жанра статьи в поздней прозе В.А. Жуковского (на материале писем к Н.В. Гоголю, трансформированных в статьи). С. 67–76.

Хомук Н.В. Гоголевская художественная анималистика в контексте западноевропейской литературы. С. 77–93.

Владимирова Т.Л. Рим в творческом сознании Н.В. Гоголя. С. 94–100.

Фрик Т.Б. «Гоголевский текст» в журнале А.С. Пушкина «Современник». С. 101–110.

Тулякова Е.И. Традиции романтической натурфилософии и поэтика природоописаний в цикле Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» (на материале повести «Страшная месть»). С. 111–121.

Казаков А.А. Ад как модель реальности в творчестве Гоголя и Достоевского. С. 121–127.

Разумова Н.Е. «Горе от ума», «Ревизор», «Вишневый сад»: к проблеме историзма. С. 128–137.

Янушкевич А.С. Поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души» в пространстве русской культуры 1920–1930-х гг. С. 138–142.

Васильева М.Г. Н.В. Гоголь в мире драматургии М.А. Булгакова. С. 143–154.

Антошина Е.В. Творчество Н.В. Гоголя в восприятии В.В. Набокова («Николай Гоголь») и А.М. Ремизова («Огонь вещей. Сны и предсонье»). С. 155–163.

Рыбальченко Т.В. Гоголевские сюжетные ситуации в русской прозе 1960–1990-х гг.: типологические схождения и литературная рефлексия. С. 163–187.

Гулиус Н.С. Сюжет собирательства вещей в поэме «Мертвые души» Н.В. Гоголя и в романе «Линии судьбы, или Сундучок Милашевича» М.С. Харитоновой. С. 188–197.

Петров А.В. Опыт библиографии: Изучение творчества Н.В. Гоголя в Томском государственном университете. С. 198–210.

Гоголь и Общество любителей российской словесности / Сост. Р.Н. Клеймёнова. М.: Academia, 2005. 352 с.: 8 с. вклейка.

Содерж.:

От издательства. С. 5–6.

Первобытие:

Пытин А.Н. Значение Гоголя в создании современного международного положения русской литературы. С. 7–21.

Трубецкой Е.Н. Гоголь и Россия. С. 22–32.

Брюсов В.Я. Испепелённый (К характеристике Гоголя). С. 32–55.

Грузинский А.Е. Речь на могиле Н.В. Гоголя 20 марта 1909 г. С. 55–57.

Памятописец:

Клеймёнова Р.Н. Н.В. Гоголь и становление русской литературы. С. 58–99.

Клеймёнова Р.Н. Гоголевская тема на заседаниях Общества любителей российской словесности. Библиография. С. 99–153.

Новословие:

Воропаев В.А. Николай Гоголь (Очерк жизни и творчества). С. 154–171.

Барабаш Н.А. Мистификация («Мертвые души» на сцене). С. 172–175.

Смирнов А. Блестящий променад («Невский проспект»). С. 176–210.

Золотусский И.П. Толстой читает «Выбранные места из переписки с друзьями». С. 211–222.

Егоров Б.Ф. Булгаков и Гоголь (Тема борьбы со злом). С. 223–228.

Шуйская Ю.В. Риторическая аргументация в «Выбранных местах из переписки с друзьями». С. 229–240.

Виноградов В.В. О работе Н.В. Гоголя над лексикографией и лексикологией русского языка / Публ., вступ. статья и примеч. Ю.А. Бельчикова. С. 240–263.

[Впервые: Исследования по современному русскому языку. М., 1970.]

Добродомов И.Г. Ноздрёвское слово «фетюк» или «Фетюк»? С. 263–285.

Николенко Л.В., Нгуен Бао Кхань. Предметы туалета как художественная деталь в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». С. 285–294.

Чумаков В.Т. Н.В. Гоголь в Журнале Министерства Народного Просвещения. С. 295–299.

Байданов В.Ф. Болезнь и смерть Н.В. Гоголя. С. 299–304.

Беленький Г.И. О чем не говорят на уроках литературы (Повесть Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» в современной школе). С. 305–317.

Евдокимов О.В. Кто же «вошёл» в гоголевскую «Шинель»? (Образ Акакия Акакиевича в свете личности И.Г.Ковалевского, будущего Христа-ради юридического Ивана Босого). С. 317–330.

Муссалитина Е.В. Психологическое восприятие сочинений Н.В. Гоголя школьниками. С. 330–333.

Гоголь и русская литературная культура: сб. научных трудов / Редкол.: В.В. Прозоров, И.А. Тарасова, А.Б. Щербаков (отв. ред.). Саратов: Научная книга, 2005. Вып. 2. 104 с.

Содерж.:

Вместо предисловия

Щербаков А.Б. Метаморфозы слова и парадоксы мысли. С. 3–9.

Миф: рефлексия – текст:

Щербаков А.Б. О «начале начал» (Постановка проблемы). С. 10–13.

Болкунова Н.С. Мотивы Дома и Дороги в повести «Майская ночь, или Утопленница». С. 13–22.

Кожевникова С.Л. Красно-черный колорит «Вечеров на хуторе близ Диканьки». С. 22–29.

Эстетика диалога: понимание – выражение:

Тарасова И.А. «Друг друга отражают зеркала...»: к проблеме взаимоотношения художественных миров Гоголя и Анненского. С. 30–37.

Черногаев С.П. Н.Г. Чернышевский и В.В. Розанов в зеркале Н.В. Гоголя. С. 37–48.

Крошина В.А. В.В. Набоков в работе над биографией Гоголя. С. 48–57.

Щербаков А.Б. Первые «ученические опыты» Гоголя. С. 57–63.

Короткова С.Л. К проблеме сравнительного изучения качественно различных типов словесного творчества в русской литературе 1830-х годов. С. 63–67.

«Ревизор»: исследования и материалы:

Прозоров В.В. Диалог Хлестакова с Пушкиным. С. 68–72.

Зорин А.Н. Кто держит паузу в сценах взяток в комедии «Ревизор» С. 72–77.

Короткова С.Л. Авторские дополнения к «Ревизору»: К истории творческих контактов Гоголя и Загоскина в 1840-е годы. С. 78–81.

Зорин А.Н. Почему Щепкин не хотел играть «Развязку «Ревизора» Гоголя. С. 82–86.

Кормилицын А.А. Неопубликованный английский перевод комедии Гоголя «Ревизор». С. 86–92.

Художественный прием как функция стиля:

Музалевский М.Е. Циклический композиционный прием в «Мертвых душах». С. 93–97.

Потапова Т.Ю. Художественная роль экспрессивных пунктуационных приемов в «Вечерах на хуторе близ Диканьки». С. 97–103.

Гоголь и Пушкин: Четвертые Гоголевские чтения: сб. докладов / Комитет по культуре г. Москвы; Городская библиотека № 2 им. Н.В. Гоголя; под общ. ред. В.П. Викуловой. М.: Книжный дом «Университет», 2005. 384 с., [2] л. цв. ил.: ил.

Содерж.:

Summary. Аннотированное содержание на английском языке. С. 6–13.

Богатырев Е.А. [Вступ. слово]. С. 14.

Герасимов Е.В. [Вступ. слово]. С. 15.

Казарин В.П.: Украина и Россия: неразрывное духовное родство. С. 16–17.

Викулова В.П.: Несколько слов о конференции. С. 18–19.

Галин Г.А. О посмертном родстве А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя. С. 20–28.

Мир Пушкина и Гоголя:

Казарин В.П.: Украина и Россия – Гоголь и Пушкин. С. 30–39.

Фомичев С.А. Пушкинское у Гоголя. Гоголевское у Пушкина. С. 40–53.

Барабаш Ю.Я. «Пушкин» как текст в гоголевском контексте. С. 54–67.

Гусев В.А. Пушкинский и гоголевский миф: возникновение, развитие, трансформация. С. 68–77.

Анненкова Е.И. «Наука жизни» в художественном сознании Гоголя и литераторов пушкинского круга. С. 78–90.

Странно Дж. Сумасшедшие и мученики. Гоголь, Полевой, Пушкин. С. 91–99.

Есаулов И.А. Христианский реализм как художественный принцип Пушкина и Гоголя. С. 100–108.

Воропаев В.А. Пушкин и Гоголь о Государстве Российском. С. 109–120.

Бельтраме Ф. Пушкин и Гоголь: К проблеме художественного осмысления истории в «Медном всаднике», «Капитанской дочке» и «Шинели». С. 121–132.

Гетман Л.И. Греки у Пушкина и Гоголя (абберрация дальности и близости). С. 133–138.

Гольденберг А.Х. Библейский контекст в поэтике Пушкина и Гоголя. С. 139–152.

Сапченко Л.А. Пушкинская и гоголевская оценки Карамзина: сходство и различие. С. 153–164.

Ищук-Фадеева Н.И. «Язык молчания» в драматургии Пушкина и Гоголя. С. 165–173.

Сугай Л.А. «Живая и мертвая вода»: Пушкин и Гоголь в трактовке символистов. С. 174–186.

Андрущенко Е.А. Пушкин и Гоголь в историософской концепции Д.С. Мережковского. С. 187–197.
Колганова А.А. Н.В. Гоголь и А.С. Пушкин в литературных римейках и сценических интерпретациях. С. 198–206.

Творчество Пушкина и Гоголя:

Тамарченко Н.Д. К проблеме «Пушкин и готическая традиция»: жанровый контекст «Пиковой дамы». С. 208–221.

Михайлова Н.И. О возможных источниках эпизода с носом в повести Н.В. Гоголя «Невский проспект». С. 222–224.

Михед П.В. «Римская эпоха Гоголя...». С. 225–240.

Пушкинское у Гоголя – Гоголевское у Пушкина:

Дмитриева Е.Е. Почему Гоголь переписал пушкинскую «Русалку». С. 242–255.

Денисов В.Д. «Бывают странные сближения» (еще раз о полемике Пушкина и Гоголя с Булгариным и Гречем). С. 256–265.

Белоногова В.Ю. Образ Фаддея Булгарина и «маслит» в восприятии А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя. С. 266–274.

Овечкин С.В. Событие «Ивана Федоровича Шпоньки...» и мир пушкинской прозы. С. 275–283.

Кривонос В.Ш. «Цыганы» Пушкина и «Тарас Бульба» Гоголя. С. 284–298.

Виноградов И.А. Наследие Богдана (А.С. Пушкин и «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя). С. 299–310.

Федоров В.В. Значение отрицательной ценности у Пушкина и Гоголя («Скупой рыцарь» и «Мертвые души»). С. 311–318.

Мильдон В.И. «Пиковая дама» А.С. Пушкина в «Игроках» Н.В. Гоголя. С. 319–325.

Гладилин М.С. «Пиковая дама» и «Игроки»: два взгляда на одну «игру». С. 326–334.

Ким Хюн И. Гоголь и Пушкин: К истории журнала «Современник». С. 335–345.

Падерина Е.Г. Пушкинский мотив в заграничных письмах Гоголя 1836–1842 годов. С. 346–359.

Золотусский И.П. Пушкин в «Выбранных местах из переписки с друзьями». С. 360–374.

Об авторах. С. 375–382.

Глазырина Ю.А. Петербургские повести Н.В. Гоголя как цикл // Пушкинские чтения... 2005. СПб., 2005. С. 79–82.

Глазырина Ю.А. Эстетическая реализация словообраза «мечта» (на материале петербургского цикла Н.В. Гоголя) // Актуальные проблемы развития гуманитарных наук. Елец, 2005. С. 12–15.

Гольденберг А.Х. Идея метаморфозы в поэтике Гоголя // Диалектика рационального и эмоционального в искусстве слова: сб. научных статей к 60-летию А.М. Буланова. Волгоград: Изд-во Панорама, 2005. С. 116–123.

Гольденберг А.Х. Топос рая в прозе Гоголя: фольклорные и литературные истоки // Восток – Запад: пространство русской литературы: Материалы международной научной конференции (заочной). Волгоград, 25 ноября 2004 г. Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2005. С. 131–141.

Гольдфаин И. Опасные классики // Знамя. М., 2005. № 12. С. 190–194.

Что было непонятно Тарасу Бульбе: С. 191–192, 194.

Гончаров С.А. Неопределенность текста / смысла и определенность интерпретации («Тайна «Ивана Федоровича Шпоньки и его тетушки») // Культура и текст... 2005. Барнаул, 2005. Т. 3. С. 3–35.

Горелова В. Снимали – хохотали, посмотрели – зарыдали // ТВ-парк. М., 2005. № 37. С. 18–19.

Греков Н.А., Деревянко К.В., Бобров Г.Л. Тарас Шевченко – крестный отец украинского национализма. Луганск: Виртуальная реальность, 2005. 268 с.
Н. Гоголь. С. 181–196.

Гриффитс Ф.Т., Рабинович С. Дж. Третий Рим: Классический эпос и русский роман (от Гоголя до Пастернака) / Пер. с англ. Е. Рабинович. СПб.: Лимбах, 2005. 334 с.

Гришин Г.А. Образ Пушкина в эпистолярном наследии Н.В. Гоголя // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Саратов, 2005. Т. 5. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 1/2. С. 112–117.

Гришин Г.А. Попытка знакомства Гоголя с Пушкиным в 1829 году: между анекдотом и историческим фактом // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых. Вып. 8. Ч. 1–2. Саратов, 2005. С. 132–136.

Громов А. Шабаш // Вещь (Приложение к журналу Эксперт) 2005. № 36. С. 54–55.

Громова-Опуньская Л.Д. Избранные труды. М.: Наука, 2005. 530 с.

Из содерж.:

Гоголь и Лев Толстой – художники и учителя жизни. С. 202–214.

Эволюция мировоззрения автора и проблема выбора текста. С. 320–365.

[Творческая история повестей Гоголя «Портрет» и «Тарас Бульба». С. 324–326.]

Гульченко В. Души живые и мертвые у Чехова и Гоголя // Современная драматургия. М., 2005. № 2. С. 201–208.

Гураль С.К. Дональд Фэнгер и Н.В. Гоголь («Петербургские повести» в американской критике) // Россия и Запад: диалог культур. Вып. 13: сб. статей 11-й международной конференции 28–30 ноября 2005 г. Ч. 1 / Отв. ред. А.В. Павловская. М., 2006. С. 176–191. [Анализ «петербургских повестей» Гоголя в кн. Д. Фэнгера «The creation of Nicolaj Gogol». Cambridge, 1979.]

Гуреев М. Пофантазировали: «Дело о мертвых душах» Павла Лунгина на НТВ // Культура. М., 2005. 15–21 сентября.

Давидов М. Тайна смерти Гоголя. Еще одна версия // Урал. Екатеринбург, 2005. № 1. С. 185–232.

Давыденко Л.А. Одежда в жизни Н.В. Гоголя как отражение его духовного пути // Православие в контексте истории, культуры и общества: сб. научных трудов: Первые и вторые «Пименовские чтения». Саратов, 2006. С. 70–75.

Дардыкина Н. Опять – 25!: Впервые премию великого писателя получил критик // Московский комсомолец. М., 2005. 16 апреля.

[В доме Русского зарубежья новый лауреат литературной премии Александра Солженицына Игорь Золотусский был увенчан цветами, художественно выполненным дипломом и чеком на 25 тыс. долларов из гонораров за «Архипелаг ГУЛАГ».]

Дворецкий А.В. Избранное / Сост. и коммент. Л.Н. Колесовой; подгот. текстов И.А. Спиридоновой и В.В. Яковлева. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 2005. 299 с.

Из содерж.:

Ответ Гоголя Белинскому. С. 209–221.

Книга, которую «прокляли все» (последняя книга Гоголя и ее читатели). С. 222–225.

[О «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя.]

Письмо Белинского к Гоголю в контексте риторической традиции. С. 229–232.

Денисов В.Д. Изображение Козачества в раннем творчестве Н.В. Гоголя: Монография. Симферополь; Киев, 2005. 150 с. – (Новые гоголеведческие студии. Вып. 3(14)).

Джафарова К.К. О структуре сборника Н.В. Гоголя «Арабески» // Вестник Дагестанского гос. ун-та. Гуманитарные науки. Вып. 6. Махачкала, 2005. С. 19–26.

Дмитрашек М. Бедный, бедный Гоголь // ТВ-ПАРК. М., 2005. № 6. С. 16–19.

[О телесериале Павла Лунгина «Дело о мертвых душах».]

Должанский Р. Гоголь-моголь: «Ревизор» в постановке Нины Чусовой // Коммерсантъ. М., 2005. 23 мая.

Должанский Р. Грязь всему голова: «Ревизор» в постановке Николая Коляды // Коммерсантъ. М., 2005. 20 сентября. № 176. С. 21.

Дрозд Б. Поверженный ангел, или Несостоявшаяся карьера Гоголя: Полемические заметки // Дальний Восток. Хабаровск, 2005. № 5. С. 161–192.

Дьяков М.А. Первая публикация стихотворной молитвы Н.В. Гоголя // Крымский Пушкинский научный сборник. Вып. 5(14): Литература и русская глубинка. Симферополь: Крымский Архив, 2005. С. 251–255.

Еремина Л.В. Мистика в жизни и творчестве Н.В. Гоголя // Литературоведение. 2005. № 2. С. 34–38.

Ермакова П.В. Социолингвистический комментарий к текстам художественной литературы как ключ к пониманию культуры страны изучаемого региона // Система управления в регионе: Современность, история: сб. научных работ студентов и аспирантов. Тверь, 2005. 68 с.

Есипов В.М. «С Гомером долго ты беседовал один...»: опыт текстологического исследования // Пушкинский сборник. М.: Три квадрата, 2005. С. 259–273.

[Об адресате стихотворения А.С. Пушкина «С Гомером долго ты беседовал один...».]

Ж.В. Делу – время: Завершился показ телесериала Павла Лунгина «Дело о мертвых душах» // Итоги. М., 2005. № 37. С. 78.

Живаева Л.Н. Фоника повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» // Известия Пензенского гос. пед. ун-та. Научные и учебно-методические вопросы. Сектор молодых ученых. Пенза, 2005. № 1. Ч. 2. С. 26–28.

Жуков А.С. Двустихийность в творчестве Н.В. Гоголя как отражение проблемы трагического и ужасного // Известия Пензенского гос. пед. ун-та. Научные и учебно-методические вопросы. Сектор молодых ученых. Пенза, 2005. № 1. Ч. 2. С. 28–30.

Жуков А.С. Категория ужасного в повести Н.В. Гоголя «Шинель» // Русское литературоведение в новом тысячелетии: Материалы VI международной конференции: В 2 т. Т. 1. М., 2005. С. 93–96.

Жуков А.С. Трагическое в творчестве Н.В. Гоголя // Общество. Культура. Цивилизация: сб. научных трудов. Пенза, 2005. С. 56–62.

Завгородняя Д. Кулебяка от Гоголя и салат от Бунина // Комсомольская правда. М., 2005. 22 апреля.

Залесский А. «Тарас Бульба» в Московском драматическом театре на Перовской (Спектакль одного актера) // Русский Вестник. М., 2005. № 1. С. 12.

[«Тарас Бульба» в исполнении заслуженного артиста России Виктора Никитина.]

Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901–1903 гг.). М.: Республика, 2005. 543 с.

Из содерж.:

Заседание X: Доклад Д.С. Мережковского «Гоголь и отец Матвей». С. 174–190.

Прения по докладу: С. 190–204.

Заславский Г. Когда мертвые хватают живых. В Театре имени Маяковского бессмертную поэму Гоголя поставили целиком // Независимая газета. М., 2005. 15 ноября.

Захарян М. «Мертвые души» нашего времени: Александр Абдулов: «Чичиков – это страна» // Московский комсомолец. М., 2005. 9 февраля.
[О телесериале Павла Лунгина «Дело о мертвых душах».]

Зверева Ю.В. Роль и задачи критики в понимании Ю.Н. Говорухи-Отрока // Проблемы филологии и преподавания филологических дисциплин: Материалы научной конференции 2003–2004 годов. Пермь, 2005. С. 49–54.

Звизняковский В. «Гоголь – наше что?» // Информационный вестник форума русистов Украины. Вып. 10. Симферополь, 2005. С. 44–54.

Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа / Сост. П.В. Алексеева; подгот. текста и примеч. Р.К. Медведевой; вступ. статья В.Н. Жукова и М.А. Маслина. М.: Республика, 2005. 368 с. – (Мыслители XX века).

Русские мыслители и Европа. Критика европейской культуры у русских мыслителей

Гл. 2: Н.В. Гоголь. С. 27–37.

Н.В. Гоголь. С. 141–264.

[Указ. имен.]

Зигидуллина М. Время колокольчиков, или «Ревизор» в «Незнайке» // Новое литературное обозрение. М., 2005. № 6(76). С. 205–217.

[Гоголевский сюжет в «Приключениях Незнайки и его друзей» Н.Н. Носова.]

Злочевская А. Театр Н.В. Гоголя и драматургия русского зарубежья первой волны // Вопросы литературы. М., 2005. Вып. 2. С. 209–235.

Знобищева М.И. Есенин и Гоголь. К вопросу о литературных влияниях // Русская литература XX века: онтология и поэтика. Научная школа проф. Л.В. Поляковой: Коллективная монография. Тамбов, 2005. С. 178–182.

Золотуский И. Александр Солженицын и «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя // Между двумя юбилеями. 1998–2003: Писатели, критики, литературоведы о творчестве А.И. Солженицына. М., 2005. С. 332–338.

Золотуский И. Герои русской литературы – ее создатели // Завтра. М., 2005. Апрель. № 14. С. 8.

[Беседа И.П. Золотуского с С. Ямщиковым.]

Золотуский И.П. Гоголь. 4-е изд. М.: Молодая гвардия, 2005. 485 [11] с.: ил. – (Жизнь замечательных людей. Сер. биограф. Вып. 924).

Золотуский И. «Гоголь – не Свифт, а Сервантес» // Российская газета. М., 2005. 4 марта. № 44. С. 16, 13.

[Беседу вел И. Шевелев.]

Золотуский И. Пушкин в «Выбранных местах из переписки с друзьями» // VITTORIO. Международный научный сборник, посвященный 75-летию Витторио Страды. М.: Три квадрата, 2005. С. 481–494.

Золотуский И.П. Смех Гоголя. М.: ОАО «Московские учебники и Картография», 2005. 384 с.: ил. – (Сер. «Ступени»).

[Рец.: *Неверов А.* От смеха к проповеди // Литературная газета. М., 2007. 17–23 января. № 1. С. 8.]

Зотов С.Н. Зеркальность как выражение мифологического всеединства мира в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя // Фольклор: традиции и современность. Таганрог, 2005. С. 109–115.

Из редакционной почты // Известия РАН. Сер. лит. и яз. М., 2005. Т. 64. № 5. С. 77–80. [Публ. письмо М. Вайскопфа по поводу статьи В. Кривоноса «Бедный Акакий Акакиевич» (Вопросы литературы. 2004. № 6), критикующей некоторые положения книги М. Вайскопфа «Сюжет Гоголя» (М., 1993); публ. также ответ В. Кривоноса.]

Иванникова Н.В. Ренессансный подтекст гоголевского «Портрета» // Сборник научных трудов кафедры итальянского языка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ. М., 2005. Вып. 1. С. 99–107.

Иванова В. Парад монстров // Литературная газета. М., 2005. 14–20 сентября. № 37. С. 10. [О сериале Павла Лунгина «Дело о мертвых душах».]

Изотова Е.В. Механизм формирования символа Лебеда в романе Д.С. Мережковского «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)» // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых. Саратов, 2005. Вып. 8. Ч. I–II. С. 76–80.

Иосиф (Литовкин), преподобный. Н.В. Гоголь, И.В. Киреевский, Ф.М. Достоевский и К.<Н.> Леонтьев пред старцами Оптиной Пустыни // Собрание писем Оптинского старца Иосифа / Сост. В.В. Каширина. Свято-Введенский монастырь Оптина Пустынь, 2005. С. 720–727.

[Первоначально: Душеполезное Чтение. 1898. Ч. 1. С. 157–162.]

История русской журналистики XVIII–XIX веков: Учебник / Под. ред. Л.П. Громовой. 2-е изд. СПб., 2005.

История русской литературы XIX века: В 3 ч. Ч. 2 (1840–1860 годы): Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 032900 «Русский язык и литература» / [Е.Е. Дмитриева и др.]; под ред. В.И. Коровина М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2005. 524 с. – (Учебник для вузов).

Глава 4: *Дмитриева Е.Е.* (при участии С.В. Сапожкова). Н.В. Гоголь (1809–1852). С. 269–343.

Иткулов С.З. В.В. Розанов о Гоголе как поэте нонсенса // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. Кострома, 2005. № 11. С. 138–140.

Иткулов С.З. Гротеск и нонсенс в творчестве Гоголя // Молодая наука в классическом университете: Тезисы докладов научных конференций фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых. Иваново, 2005. С. 11.

Иткулов С.З. Трансформация карнавального мироощущения в поэтике нонсенса Нового времени (на примере повестей Н.В. Гоголя) // Актуальные проблемы русского языка и культуры речи. Иваново, 2005. С. 67–74.

Калмыкова В. В.Я. Брюсов «Испепеленный. К характеристике Гоголя»: Язык описания и рецепция описываемого // Литературная учеба. М., 2005. № 4. С. 179–185.

Калмыкова В.В. Гоголеведение «чистое» и «нечистое». Пятое Гоголевские чтения // Новое литературное обозрение. М., 2005. № 6 (76). С. 433–441.

Каминская И. Странные люди Анатолия Зверева: Выставка знаменитого художника обошлась без подделок // Независимая газета. М., 2005. 27 июля.

Каминская Н. Бедный, бедный Павел Иванович!: «Мертвые души». Театр им. Маяковского // Культура. М., 2005. 17–23 ноября.

Каминская Н. Чисто конкретный Гоголь: «Ревизор». Театр им. Моссовета // Культура. М., 2005. 26 мая – 1 июня.

Карандашова О.С. Художественное пространство «украинских» сборников Н.В. Гоголя («Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород»): Учебное пособие по спецкурсу / Науч. ред. И.В. Карташова. Тверь: Научная книга, 2005. 116 с.

Кардаш Е.В. Мотив «двойничества» поколений в «Вечерах на хуторе близ Диканьки»: «метафорическая» и буквальная реализация // Пушкин и его современники. СПб., 2005. Вып. 4(43). С. 499–507.

Карташова И.В. Путешествие Гоголя в Италию в контексте романтических странствий // Романтизм: вечное странствие. М.: Наука, 2005. С. 275–289.

Ким Хюн И. Жизненный экзамен Аксентия Поприщина: О повести Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего» // Вестник Московского гос. открытого пед. ун-та им. М.А. Шолохова. Сер. Филологические науки. М., 2005. № 11. С. 16–20.

Киреев Р.Т. Великие смерти: Гоголь. Толстой. Чехов. М.: Глобулус: ЭНАС, 2004. 151 с.: ил. – (Литературный семинар).
[Рец.: *Роднянская И.* // Новый мир. М., 2005. № 6. С. 191–192.]

Киреев Р. Два Гоголя // Наука и религия. М., 2005. № 6. С. 21–26; № 7. С. 38–43.
[Феномен смерти в художественном осмыслении Гоголя.]

Кирсанова М. Ярмольник для жены – настоящий Плюшкин: Павел Лунгин завершил для НТВ съемки восьмисерийного фильма Дело о мертвых душах» // Комсомольская правда. М., 2005. 24 февраля.

Киселев А.Л. Пушкин и Гоголь о смысле существования // Смысл жизни и акме: 10 лет поиска. М., 2005. Ч. 3. С. 199–209.

Князев А. Таинственное похождение черепа Гоголя: Череп Гоголя гуляет по рукам // Мир новостей. М., 2005. 26 апреля.

Ковалев К.П. Имена и лица русской культуры. М.: Изд-во Литературного ин-та им. А.М. Горького, 2005. 408 с.: ил.
На подступах к Гоголю. С. 262–264.
[М.П. Мусоргский и Гоголь.]
«Имея ухо слышать вперед...» Н.В. Гоголь. С. 279–295.
Державинский стиль. С. 280–283.
Эхо века минувшего. С. 283–285.
«Вий»: музыкальная концепция мира. С. 285–290.
Искусство пения. С. 290–295.

Ковальский В. Тайна хутора близ Диканьки // Благовест. Самара, 2005. № 19. С. 4.

Колева Р. Концепция рекламы в прозе и публицистике Н.В. Гоголя // Русская филология. Тарту, 2005. № 16. С. 20–25.
[Торговые рекламы и вывески как символ массовой культуры у Гоголя.]

Кохалова Н.Г. «...И в России Гоголя, и в Германии Ницше» (к истории формулы Томаса Манна «святая русская литература») // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сб. научных трудов. Вып. 4. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 2005. С. 460–469.

Кончин Е. Елена Преображенская: «Я хотела показать одиночество...» // Культура. М., 2005. 31 марта – 6 апреля.

Корнеева Ю.Б. Становление «портрета» как экзистенциального символа в художественном тексте: Сопоставление повести Н.В. Гоголя «Портрет» и романа О. Уайль-

да «The picture of Dorian Gray» // Сопоставительная лингвистика. Екатеринбург, 2005. № 4. С. 90–97.

Котельникова Т. Басаврюковы Достоевского и Басаврюк Гоголя: Роль литературного припоминания в петербургской поэме «Двойник» // *Studia Slavica*. Таллинн, 2005. Вып. 5. С. 61–66.

[Аллюзия на повесть Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала в «Двойнике» Ф.М. Достоевского.]

Кошкина М. По «Вию» в Америке снимут триллер: Сразу два российских режиссера решили экранизировать повесть Гоголя. Но каждый по-своему // *Комсомольская правда*. М., 2005. 25 октября.

Крейцер А. Петербург Гоголя в кукольном формате // *Нева*. СПб., 2005. № 8. С. 252–254. [О марионеточном представлении театра «Потудань» (Санкт-Петербург) по мотивам повести Гоголя «Невский проспект».]

Кременцов Л.П. Русская литература XIX века. 1801–1850: Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2005. 248 с.

Н.В. Гоголь (1809–1852). С. 150–185.

Кривонос В.Ш. Воля и доля в повести Гоголя «Тарас Бульба» // Памяти проф. В.П. Скобелева: проблемы поэтики и истории русской литературы XIX–XX веков. Самара, 2005. С. 145–151.

Кривонос В.Ш. Воля и доля в поэме «Цыганы» и в повести «Тарас Бульба» // *Известия РАН. Сер. лит. и яз.* М., 2005. Т. 64. № 3. С. 34–40.

Кройчик Л.Е. И еще раз о финале «Мертвых душ» // *Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания*. Вып. 23. Воронеж, 2005. С. 244–253.

Крупчанов Л.М. «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя (к вопросу о творческой истории) // *Сборник статей к 80-летию проф. П.А. Алексева*. М., 2005. С. 81–91.

Крупчанов Л.М. История русской литературной критики XIX века: Учебное пособие. М.: Высшая школа, 2005. 383 с.

Н.В. Гоголь (1809–1852). С. 89–95.

Крылатые слова и выражения из сочинений Н.В. Гоголя: Словарь-справочник – любителям русского слова / Сост. и автор предисл. В.В. Прозоров; [худож. Л.Ф. Горячева.] Саратов: КИЦ «Саратовтелефильм» – «Добродея», 2005. 128 с.

Предисл. С. 3–9.

[Откл.: *Туманов Д.* Устами Гоголя... // *Тонус*. Казань, 2006. № 13. С. 280–282.]

Крылов К.А. Проблема становления «внутреннего человека» в творчестве Н.В. Гоголя 1840-х годов // *Духовные начала русского искусства и образования*. Великий Новгород, 2005. С. 158–165.

Кулешов В.И. История русской литературы XIX века: Учебное пособие для вузов. 3-е изд., доп. и исправл. М.: Академический проект: Фонд «Мир», 2005. 800 с. – («Gaudeamus»).

Николай Васильевич Гоголь (1809–1852). С. 262–335.

Куняев С. Черные розы Гефсиманского сада // *Наш современник*. М., 2005. № 12. С. 74–107.

[Переписка с Т.М. Глушковой. Размышления о генетическом различии творчества Гоголя и Марка Шагала. С. 100–102.]

Лахманн Р. Город-фантазм. Образы Петербурга и Рима в творчестве Гоголя // *Существует ли Петербургский текст?* СПб., 2005. С. 205–234.

Лебедина Л. Чичиков обрел душу: Второй том «Мертвых душ» Гоголя возродился из пепла в одноименном спектакле Сергея Арцыбашева // Труд. М., 2005. 15 ноября.

Лепяхин В.В. Образ иконописца в русской литературе XI–XX веков. М.: Русский путь, 2005. 472 с.: ил.

Из содерж.:

Кузнец Вакула, художник Чартков и монах Григорий-иконописец. По повестям Николая Гоголя «Ночь перед Рождеством» и «Портрет». С. 166–201.

Лепяхин В. Поэт, мыслитель, творец: Гоголь о Пушкине // Пушкинские чтения – 2005. Материалы X научной конференции. СПб., 2005. С. 7–24.

Лесогор Н.В. Предыстория жанра поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души»: «дантовский» этап эволюции античного образа человека // Русская литература в современном культурном пространстве: материалы III всероссийской научной конференции (4–5 ноября 2004 г.). Томск, 2005. Ч. 1. С. 224–231.

Летин В.А. Страшная усадьба смешной помещицы Коробочки // Культура. Литература. Язык. Ярославль, 2005. Ч. 2. С. 66–73.

[Инфернальные черты топоса «усадьба Коробочки» в «Мертвых душах» Гоголя.]

Лётин В.А. Усадебный хронотоп гоголевской поэмы как ад русской действительности // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. Кострома, 2005. № 8. С. 76–80.

Лисица Ю.Т. Узнавание Гоголя (о. Георгий Флоровский и Иван Ильин о Гоголе) // Духовно-нравственное воспитание. М., 2005. № 3. С. 51–60.

[Доклад-лекция на заключительном заседании международной конференции, посвященной о. Георгию Флоровскому в Пушкиногорье (2003 г.).]

Лукьянченко О.А. Русские писатели: Биографический словарь-справочник для школьников. Ростов на Дону: Феникс, 2005.

Гоголь Николай Васильевич (1809–1852). С. 102–114.

Лушник Л.С. Национальная специфика фразеологизмов в произведениях Н. Гоголя // Збірник IV навук. канферэнцыі Гомельскага ун-ту. Гомель, 2005.

Магомедова А. Повседневное пиршествование в «Старосветских помещиках» Н.В. Гоголя // Философские пиры Петербурга. СПб., 2005. С. 75–77.

Майорова С.Ю. Н.В. Гоголь в критических заметках символистов // Художественный текст: варианты интерпретации: Труды X межвузовской научно-практической конференции (Бийск, 16–17 мая 2005 г.): В 2 ч. Ч. 2. Бийск: РИО БПГУ [Бийский пед. гос. ун-т] им. В.М. Шукшина, 2005. С. 3–7.

Манн Ю.В. Галерея «наставников-пиитов» в «Мертвых душах». Из комментариев к поэме Гоголя // VITTORIO. Международный научный сборник, посвященный 75-летию Витторио Страды. М.: Три квадрата, 2005. С. 472–480.

Манн Ю.В. Гоголь: «сильные кризисы, чувствуемые массою» // Очерки русской культуры XIX века. М., 2005. Вып. 5. С. 113–145.

[Универсальность как черта поэтики Гоголя.]

Манн Ю.В. О тайне «Прощальной повести» Гоголя // Вестник истории, литературы и искусства. М., 2005. Т. 1. С. 108–117.

Манн Ю.В. Петербургский и московский тексты в творчестве Гоголя: принцип дополненности // Существует ли Петербургский текст? СПб., 2005. С. 193–204.

Манн Ю.В. Постигая Гоголя: Учебное пособие для старшеклассников и студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2005. 206 с.

[Рец. *Романичева Е.С.* «Нравственны в филологии не только ее путь, но и ее цель»: Методические заметки о книге Ю.В. Манна «Постигая Гоголя» // Русская словесность. М., 2005. № 8. С. 74–77.]

Манушина О.В. Имена собственные как средство выражения авторских идей. Пьеса Н.В. Гоголя «Женитьба» // Семантика слова и семантика текста. М., 2005. Вып. 6. С. 90–93.

Маранциман В.Г. Творчество Н.В. Гоголя в школьном изучении: пособие для учителя. СПб.: Просвещение, 2005. 263 с.

Мастерство писателя. Антология журнала «Литературная учеба»: 1930–2005. М.: «Луч», 2005. 466 с.

Из содерж.:

Манн Ю.В. Как построены «Мертвые души». С. 238–249.

[Первоначально: Литературная учеба. М., 1984. № 3.]

Матвеева Л. Может ли Тарас Бульба быть героем нашего времени? // 2000. Киев, 2005. 8 июля.

Махортова М.В. Христианская философия искусства в творчестве Н.В. Гоголя // Сборник научных трудов Северо-Кавказского гос. технического ун-та. Сер. Гуманитарные науки. Ставрополь, 2005. № 1. С. 36–38.

Медынцева Г.Л. «В чем моя вера...»: Духовные искания русских писателей // Русская словесность. М., 2005. № 2. С. 47–78.

Меньшиков М.О. Письма к русской нации / Сост. вступ. статья и примеч. М. Смолина. 4-е изд. М.: Изд-во журнала «Москва», 2005. 560 с. – (Пути русского имперского сознания).

Из содерж.:

Он – не ваш. С. 124–130.

Меркулова И.И. Образ пути-дороги в произведениях Н.В. Гоголя // Филологические исследования 2003–2004: межвузовский сб. научных трудов / Мордовский гос. пед. ун-т им. Н.П. Огарева. Саранск, 2005. С. 42–51.

Меркулова И.И. Хронотоп дороги в «Невском проспекте» Н.В. Гоголя // Гуманитарные науки: в поиске нового (межвузовский сборник научных трудов). Вып. IV. Саранск, 2005. С. 178–181.

Митякова М.В. Эмоциональный мир человека в индивидуально-авторских метафорах и сравнениях (На материале произведений Н.В. Гоголя) // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики. Гуманитарные науки и образование: опыт, проблемы, перспективы. Тольятти, 2005. С. 149–152.

Михайлова Г. Как купец Бахрушин голову Гоголя украл // Комсомольская правда. М., 2005. 28 ноября.

Михайлова Н.И. О возможных источниках эпизода с носом в «Невском проспекте» Гоголя // Известия РАН. Сер. лит. и яз. М., 2005. Т. 64. № 4. С. 66–67.

[Анекдот о силаче Лукине и басня И. Красицкого (в переводе князя П.А. Вяземского с польского) «Для табака ли нос...» как возможные источники повести Гоголя.]

Молева Н. История и псевдоистория // Строительство и бизнес. М., 2005. № 10. С. 24–25. [О жизни Гоголя в доме графа А.П. Толстого.]

Монье А. Страх живого у Гоголя // Семиотика страха: сб. статей. М., 2005. – (Сер. Механизмы культуры). С. 136–143.

Муза Д.Е. В поисках духовной Родины. Проблема культурной идентичности в русской религиозно-философской мысли XIX–XX вв.: Монография. Донецк: «Лебедь», 2005. 176 с. Гл. 2: Н.В. Гоголь о религиозно-культурной идентичности восточных славян. С. 29–40.

Мусафирова О. Депардье примеряет шаровары Тараса Бульбы: На Украине готовятся снимать блокбастер со звездами мирового кино // Комсомольская правда. М., 2005. 7 апреля.

Мякинина Е.С. Люлька и трубка в вещном мире Н.В. Гоголя // Русская речь. М., 2005. № 2. С. 7–11.

Мякинина Е.С. Основные функции вещей в личных отношениях героев повестей Н.В. Гоголя (сборники «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород») // Филологическая наука в XXI веке: взгляд молодых: Материалы четвертой всероссийской конференции молодых ученых. Москва; Ярославль: МПГУ [Московский пед. гос. ун-т] – Ремдер, 2005. С. 186–191.

Наталья (Помазанская), сестра. Путь Н.В. Гоголя в Оптину Пустынь / Редакция церковно-общественного печатного органа «Православная Русь». Без м. изд., 2005. 32 с. [Первоначально: Джорданвиль, 1990.]

Неверов А.И. Золотусский: «Гоголь меня не отпускает» // Труд. М., 2005. 1 апреля.

Никанорова Ю.В. Немецкие переводы поэмы «Мертвые души» Н.В. Гоголя в интерпретации М. Вегнера и А. Мартини // Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики: Материалы XXII межвузовской научно-методической конференции ИВВАИУ [Иркутское высшее военное авиационное инженерное училище] (28 февраля – 2 марта 2005 г.). Иркутск, 2005. С. 201–210.

Никанорова Ю.В., Свидерская В.Л. Лексическое выражение нарративной динамики в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» (сопоставительный анализ оригинала и его немецких переводов) // Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики: Материалы XXII межвузовской научно-методической конференции ИВВАИУ (28 февраля – 2 марта 2005 г.). Иркутск, 2005. С. 235–245.

Никитенко А.В. Записки и дневник: В 3 т. М.: Захаров, 2005. – (Сер. Биография и мемуары).

Т. 1. 640 с.

Т. 2. 608 с.

Т. 3. 592 с.

[Указ. имен.]

Николаев О. «Я тебя породил, я тебя и убью!»: Тарас Бульба и суд правителя над сыном в русской культурной традиции // Знание – сила. М., 2005. № 11. С. 84–87.

Николаева П.В. Италия и Германия в художественном мире Н.В. Гоголя // Филологические штудии: сб. научных трудов. Иваново, 2005. Вып. 9. С. 189–195.

Николаева П.В. О жанровом подходе к изучению школьного курса литературы (на материале третьей главы I тома поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души») // Культурологический подход к преподаванию литературы в современной школе: сб. научных статей. Иваново, 2005.

Николеску Т. Андрей Белый, Мейерхольд и «Ревизор» Гоголя // Современная филология: итоги и перспективы. М., 2005. С. 189–197.

Новая усадьба Гоголя // Итоги. М., 2005. № 39. С. 3 (обложка).

Новикова Е.В. Пространственная модель в поэме «Мертвые души» и функция мотива движения // Клио: сб. студенческих научных работ. Новосибирск, 2005. С. 145–152.

Нові гоголезнавчі студії=Новые гоголеведческие студии / Редкол.: П.В. Михед (відп. ред.), С.Д. Абрамович, В.О. Воропаєв, В.П. Казарін, З.В. Кирилюк, В.І. Мацапура, О.М. Николєнко, В.В. Федоров; Інститут літератури ім. Т.Г. Шевченка НАН України; Таврійський національний ун-т ім. В.І. Вернадського; Кримський центр гуманітарних досліджень. Вип. 2(13). Сімферополь; Київ: Кримський Архів, 2005. 292 с. На рус. и укр. яз.

Из содерж.:

Виноградов И. «Необыкновенный наставник» И.С. Орлай как прототип одного из героев второго тома «Мертвых душ». С. 14–55.

Киченко А. «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя: мифопоэтическая организация пространства. С. 55–65.

Денисов В. Изображение козачества в раннем творчестве Н.В. Гоголя. Посвящение в «лыцари». С. 65–94.

Сахаров В. Потемкин и запорожцы у Гоголя: материалы к историческому комментарию. С. 94–99.

Кривонос В. Трудные места «Шинели» Гоголя. С. 99–124.

Балдина Е. Музыка в художественном мышлении Гоголя. С. 124–130.

Падерина Е. О жанровой специфике пьесы Гоголя «Игроки». С. 130–143.

Михед П. Рим в творческом сознании Гоголя. С. 143–158.

Воропаєв В. Под защитой угодника Божия: Диканьский образ Святителя Николая Чудотворца и его значение в жизни Гоголя. С. 162–168.

Овечкин С. Повести «Миргорода»: жанровая трансформация и неоднородность нарратива. С. 194–213.

Огляди, рецензії:

Балдина Е. Новая книга о Гоголе. С. 214–216.

[Рец. на кн.: Воропаєв В.А. Гоголь над страницами духовных книг: Научно-популярные очерки. М.: Макариевский фонд, 2002. 208 с. – (Православные просветители России).]

Балдина Е. Новый гоголевский сборник: традиции и перспективы. С. 216–218.

[Рец. на кн.: Гоголевский сборник. СПб.; Самара: Изд-во СГПУ, 2003. 284 с.]

Анкета «Гоголезнавчих студій»:

Анненкова Е. Побудили задуматься над тайной гоголевского творчества. С. 219–221.

Воропаєв В. Помню, когда я готовился к поступлению в Московский университет и читал работы литературоведов о Гоголе... С. 221–222.

Кривонос В. Мне повезло с учителями. С. 222–223.

Бібліографія:

Гранатович Л. Бібліографія літератури про життя і творчість М. Гоголя, що вийшла в Україні 2001 року. С. 224–229. На рус. и укр. яз.

Воропаєв В. Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2001). С. 229–253.

Воропаєв В. Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2002). С. 253–281.

Норштейн Ю. Снег на траве // Татьяна день. М., 2005. № 10. С. 21–23.

[Поэтика повести «Шинель» с точки зрения мультипликации.]

Овечкин С.В. Конфликт структур: наррация и история в «Петербургских повестях» Гоголя // Известия Уральского гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки: история, филология, искусствоведение, культурология. Екатеринбург, 2005. Вып. 9. С. 223–237.

Озеров Ю.А. Цвет как компонент поэтики Н.В. Гоголя («Мертвые души») // Проблемы современного филологического образования. М.; Ярославль, 2005. Вып. 6. С. 89–95.

Осовский О.Е. Психология Н.В. Гоголя как объект изучения Г.Я. Трошина // Наследие Г.Я. Трошина в истории педагогики и психологии России и Российского Зарубежья. Саранск, 2005. С. 47–53.

Осовский О.Е. Творческий гений Гоголя как объект психологического исследования в наследии Г. Трошина // Филологические исследования. Саранск, 2005. С. 3–9.

Отрошенко В. Венецианские расследования // Знамя. М., 2005. № 6. С. 197–205.

Отрошенко В. Тайная история творений. Книга эссе-новел. М.: Культурная революция, 2005. 184 с.

Из содерж.:

Гоголиана:

Гоголь и паспорт. С. 141–145.

Гоголь и рай. С. 146–154.

Гоголь и элементарные частицы. С. 155–157.

Гоголь и ад. С. 158–166.

Гоголь и воздух. С. 164–167.

Гоголь и призрак точки. С. 167–177.

Падерина Е.Г. О мотиве дела в первом томе «Мертвых душ» // Интерпретатор и текст. Новосибирск, 2005.

Падерина Е.Г. Ритмическая организация «Игроков» Гоголя // Филологический журнал Сибирского отделения РАН. Новосибирск, 2005.

Панкова Е.А., Соколовская А.И., Латыева Е.В., Пирогова Л.Б. Пути анализа художественного произведения. Русская литература XIX века (подготовка к сочинению): В 2 ч. Ч. 1. М.: МГИМО. МИД России, 2005. 195 с.

Николай Васильевич Гоголь. С. 80–102.

Пантелеев И.В. Повесть Н.В. Гоголя «Портрет» в свете православного вероучения // Святоотеческие традиции в русской литературе. Омск, 2005. Ч. 2. С. 89–91.

Перевезенцев С. Продается свинья в луже. Дорого // Литературная газета. М., 2005. 14–20 сентября. № 37. С. 10.

[О сериале П. Лунгина «Дело о мертвых душах».]

Петров В. Живые люди Достоевского и мертвые души Гоголя // Наука и жизнь. М., 2005. № 10. С. 92–98.

Пишем сочинения по комедии Н.В. Гоголя «Ревизор». [Хрестоматия для 5–11 классов.] М.: Грамотей, 2005. 96 с.

Пишем сочинения по сборнику повестей Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки». [Хрестоматия для 5–11 классов.] М.: Грамотей, 2005. 48 с.

Пишем сочинения по сборнику повестей Н.В. Гоголя «Миргород». [Хрестоматия для 5–11 классов.] М.: Грамотей, 2005. 80 с.

Плещева Г. Скорей, скорей в тюрьму!: Похождения кологривского мещанина // Родина. М., 2005. № 3. С. 25–27.

Подоплека М.В. Литературно-критический портрет Н.В. Гоголя в интерпретации Д.С. Мережковского // Филологические штудии. Иваново, 2005. Вып. 9. С. 196–199.

Подосокорский Н.Н. Мотивы «Мертвых душ» в романе «Братья Карамазовы» // Достоевский. Дополнения к комментарию. М., 2005. С. 581–585.

Полякова Т.Н. С Гоголем по Невскому проспекту: театральные проекты в школе: методическое пособие / Санкт-Петербургская академия постдипломного пед. образования. СПб., 2005. 71, [1] с.: ил.

Полякова Л.В., Знобищева М.И. С.А. Есенин и Н.В. Гоголь: к постановке проблемы // X Державинские чтения. Институт филологии. Факультет журналистики: Материалы научной конференции преподавателей и аспирантов. Изд-во Тамбовского гос. ун-та им. Г.Р. Державина. Тамбов, 2005. С. 34–35.

Поплавская И.А. Мифопоэтика сюжета путешествия в раннем творчестве Н.В. Гоголя («Ганц Кюхельgarten», «Вечера на хуторе близ Диканьки») // Святоотеческие традиции в русской литературе. Омск, 2005. Ч. 2. С. 92–95.

Поцелуев Д. Разжалованные из монументов: Сталину не понравился грустный Гоголь // Аргументы и факты. М., 2005. № 31. С. 29.

Поюровский Б. Россия, опомнись! – взывает Гоголь: «Мертвые души» в Театре имени Вл. Маяковского // Литературная газета. М., 2005. 16–22 ноября.

Предсмертные слова знаменитых людей / Сост. В.Н. Степанян. М.: ООО Издательский Дом «Зебра Е», 2005. 446 [2] с.
Николай Васильевич Гоголь. С. 270.

Преподобный Варсонофий Оптинский. Беседы. Келейные записки. Духовные стихотворения. Воспоминания. Письма. «Венок на могилу Батюшки». Свято-Введенская Оптина Пустынь, 2005. 692 с.
[О Гоголе: С. 58–59, 170, 358–364.]

Прозоров В.В. Власть и свобода журналистики: Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2005. 272 с.
Гл. 12: Русская словесность о власти и свободе СМИ
Гоголь: вечные мысли о власти СМИ. С. 241–245.
[Иван Тряпичкин из «Ревизора» Гоголя; суждения писателя о журналистике.]

Пьецух В.А. Русская тема. О нашей жизни и литературе. М.: Глобулус, Изд-во НЦ ЭНАС, 2005. 224 с. – (Литературный семинар).
Нос. С. 26–38.

Райкина М. Гоголю подарили нос: Юбилей театра отметили бешеными деньгами // Московский комсомолец. М., 2005. 19 декабря.

Райкина М. Гофманщина по Чичикову: Гоголь-моголь // Московский комсомолец. М., 2005. 22 сентября.
[О фильме П. Лунгина «Дело о мертвых душах».]

Раннику К. К проблеме поэтики «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя // Тартуские тетради / Сост. Р.Г. Лейбов. М.: ОГИ, 2005. С. 206–211.
[Впервые: Русская филология: сб. научных работ молодых филологов. Тарту, 1996. № 7. С. 113–119.]

Резникова Л. Меценат Бахрушин оказался вором // Московский комсомолец. М., 2005. 19 апреля.

Рейфман П. Две программы пушкинского «Современника» // Тартуские тетради / Сост. Р.Г. Лейбов. М.: ОГИ, 2005. С. 142–165.
[Впервые: Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение II (Новая серия). Тарту, 1996. С. 130–155.]

Ремизов А.М. Огонь вещей. Сны и предсонье: Гоголь, Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Достоевский / Сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. Е.Р. Обатниной. СПб.: Лимбах, 2005. 366 с.: ил.

Рогалев А.Ф. Подтекст именованья персонажей в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Литература в школе. М., 2005. № 4. С. 21–24.

Роговер Е.С. Русская литература первой половины XIX века: Учебное пособие. СПб.; М.: САГА: ФОРУМ, 2005. 432 с. – (Сер. Профессиональное образование).
Николай Васильевич Гоголь (1809–1852). С. 308–397.

Ролик А.В. Воссоздание образа Украины в немецких переводах произведений Н.В. Гоголя // Література та культура Полісся. Вип. 30: Культура Полісся та Україні в історичному, філологічно-мистецькому контексті / Відп. ред. і упоряд. Г.В. Самойленко. Ніжин: Видавництво НДУ ім. М. Гоголя. Ніжин, 2005. Ніжин, 2005. С. 73–76.

Романичева Е.С. «Нравственны в филологии не только ее путь, но и ее цель»: Методические заметки о книге Ю.В. Манна «Постигая Гоголя» // Русская словесность. М., 2005. № 8. С. 74–77.

Романова Г. Мотив денег в «Ревизоре» Н.В. Гоголя // Литературная учеба. М., 2005. Кн. 1. С. 202–205.

Романова Г.А. «Ревизор» на александринской сцене: век XXI // Печать и слово Санкт-Петербурга: Петербургские чтения – 2004. СПб., 2005. С. 89–96.

Романова Г.А. Что открывает «Ревизор» в русской комедии XVIII – начала XIX века // Литературные чтения. СПб., 2005. С. 27–34.

Ронен Омри. Каламбуры // Звезда. 2005. № 1. С. 228–233.

<*Рубцов Н.*> Николай Рубцов. Гоголь (неопубликованное стихотворение) // Кириенко-Малюгин Ю. Новая дорога к Рубцову. М.: Российский писатель, 2005. С. 87.

Русская литература XIX–XX веков: В 2 т. Т. 1: Русская литература XIX века: Учебное пособие для поступающих в вузы / Сост. и науч. ред. Б.С. Бугрова, М.М. Голубкова. 7-е изд. М.: Изд-во Московского ун-та, 2005. 464 с.

Скороспелова Е.Б., Голубков М.М., Красовский В.Е. Н.В. Гоголь (1809–1852). С. 174–218.

Рюпина С.В. Иерархия власти в «Петербургских повестях» Н.В. Гоголя // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых. Саратов, 2005. Вып. 8. Ч. 1–2. С. 45–51.

Рябий И.Г. Иван Федорович Шпонька – Христов воин: пародия или поэзия // Этнокультурные процессы в Сибири, роль русского этноса: история и современность. Ханты-Мансийск, 2005. С. 346–360.

Савенко А.А. Предсвадебные обряды в структуре цикла Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» // Филологическая наука в XXI веке: взгляд молодых: Материалы IV всероссийской конференции молодых ученых. М.; Ярославль: Ремдер, 2005. С. 147–149.

Савина Е.А. Мотив безродности в повестях Н.В. Гоголя и М.А. Булгакова // Сборник работ молодых ученых МГПУ [Московский городской пед. ун-т]. М., 2005. Вып. 20. С. 145–152.

Савина Е.А. Свадебные и оборотнические мотивы в повестях «Майская ночь или Утопленница» Н.В. Гоголя и «Собачьё сердце» М.А. Булгакова // Сборник работ молодых ученых МГПУ [Московский городской пед. ун-т]. М., 2005. Вып. 22. С. 140–151.

Савинова А.Г. Звуковая картина мира в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: Материалы VI научно-практической конференции молодых ученых 22–23 апреля 2005 г. Вып. 6. Ч. 2: Литературоведение. Томск: Изд-во ТГУ, 2005. С. 158–160.

Сажина Н. Шекспир, Мольер, Гоголь... кто следующий? // Литературная Россия. М., 2005. 8 июля. № 27.

[О постановке «Ревизора» в Театре имени Моссовета.]

Самойленко Г.В. Наследие Н.В. Гоголя в трудах ученых Нежинской высшей школы // Информационный бюллетень УАПРЯЛ. 2005. № 12. С. 29–45.

Саськова Т.В. Облики и облачения в «прорехах» повседневности (Ремизов и Гоголь) // Повседневность как текст культуры: Материалы международной научной конференции «Повседневность как текст культуры» 27–29 апреля 2005 г. Киров: Изд-во ВятГГУ [Вятский гос. гуманитарный ун-т], 2005. С. 249–259.

Сашина Р. Гоголь и Белинский о положении и воспитании женщины // Сквозь границы. Киров, 2005. Вып. 4. С. 104–108.

Святополк-Мирский Д.П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / Пер. с англ. Р. Зерновой. Новосибирск: Изд-во Свиньин и сыновья, 2005. 964 с. Гоголь. С. 256–275.

Светликова И.Ю. Истоки русского формализма. Традиция психологизма и формальная школа. М.: НЛЮ, 2005. 168 с.
[О Гоголе: С. 61–62, 145–146.]

Сергеев А.А. Николай Гоголь: Исторический роман / Худож. Н.В. Алешина. М.: Белый город, 2005. 64 с. – (Для среднего и старшего школьного возраста).

Сивкова А.В. Взаимодействие концептов «смех» и «дорога» в творческом контексте произведений Н.В. Гоголя (Вербальная репрезентация) // Семантические процессы в языке и речи. Калининград, 2005. С. 97–104.

Сидоренко В.А. К вопросу категории когерентности в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя // Текст в лингвистической теории и в методике преподавания филологических дисциплин: Материалы III международной научной конференции. Мозырь, 2005. С.

Сизенко Е. В двух томах: «Мертвые души» в Театре им. Вл. Маяковского оживить так и не смогли // Итоги. М., 2005. № 47. С. 98–99.

Силина Л.А. Провинция в творческом сознании Н.В. Гоголя // Вестник Елецкого гос. ун-та. Елец, 2005. Вып. 9. Филологическая сер. № 2. С. 132–139.

Словарь афоризмов русских писателей / А.В. Королькова, А.Г. Ломов, А.Н. Тихонов. 2-е изд., стереотип. М.: Русский язык Медиа, 2005. XX, 636 с.
Гоголь Николай Васильевич. С. 98–108.

Смирнова Р. Новое о судьбе двух гениев. Неизвестная работа Шевченко: портрет сестры Гоголя // Украина incognita. Киев, 2005. № 92. 27 травня; № 93.
[Атрибуция Т.Г. Шевченко. Женский портрет (1820-е гг.) Музей ИРЛИ. Фотокопия из Музея украинской культуры им. Т.Г. Шевченко (Киев).]

Снегина Т.Б. Харизма: Некоторые теоретические аспекты и гипотеза применимости этого понятия к творческому феномену Гоголя // Телескоп. Самара, 2005. № 11. С. 245–262.

Соливетти К. Автор и его зеркала. СПб.: Алетейя, 2005. 248 с. – (Сер. Зарубежная русистика).

«У страха глаза велики (Да ничего не видят)». Опыт интерпретации «Вия» Гоголя. С. 63–120.

Соломатин Ю., Корнейчук М. Тучи над Тарасом Бульбой // Русский вестник. М., 2005. 14 декабря.
[О переводе повести «Тарас Бульба» на украинский язык.]

Сорокина А. Сердце, которое боялось любить... // Персона. М., 2006. № 9. С. 79–81.
[А.О. Смирнова и графиня А.М. Виельгорская в жизни Гоголя.]

Степанян К. «Сознать и сказать»: «Реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф.М. Достоевского. М.: Раритет, 2005. 512 с.

Гоголь и Достоевский: диалоги на границе художественности. С. 55–70.

Стратийчук Е.А. Петербург в жизни Гоголя // Русское литературоведение в новом тысячелетии. М.: МГОПУ [Московский гос. открытый пед. ун-т им. М.А. Шолохова], 2005. Т. 1. С. 182–184.

Строев А. Тело, распавшееся на части (Гоголь и французская проза XVIII в.) // Тело в русской культуре. М., 2005. С. 265–276.

Студенческий альманах: Материалы третьего семинара студентов высших учебных заведений Республики Беларусь, посвященного 195-летию со дня рождения Н.В. Гоголя (1809–1852). Жировичи, 27–29 ноября 2004 г. / Минская Духовная академия. Жировичи: Минская духовная академия: Ступени, 2005. 276 с. На рус. и белорус. яз.

Из содерж:

Леонид, архимандрит. Слово к участникам семинара. С. 6–8.

Мосина Ю. Автобиографическое начало в творчестве Н.В. Гоголя. С. 9–69.

Долгополук Ю. Имею желание разрешиться и быть со Христом. С. 70–71.

Андреанова Д., Константинов Э. История болезни Н.В. Гоголя. С. 72–79.

Зензина А. Библейские истины и мировоззрение Н.В. Гоголя. С. 80–82.

Селивестрова А. Образы помещиков в поэме «Мертвые души» Н.В. Гоголя. С. 83–95.

Грудинский М. Проблемы нравственного и патриотического воспитания будущих офицеров МЧС. С. 96–104.

[На примере повести «Тарас Бульба».]

Фабристова В. Загадка «Мертвых душ». С. 105–114.

Аксенов А. Православный писатель и патриот Н.В. Гоголя. С. 129–136.

Петруненко К. Христианские искания Н.В. Гоголя. С. 137–141.

Лебедева М., Миланович А. Духовный путь Н.В. Гоголя. С. 142–146.

Коледа О. Воплощение произведений Н.В. Гоголя на белорусской драматической сцене. С. 147–153.

Подсосонный С. Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев – русские пророки. С. 154–158.

Кругликова А. Гоголевский миф в литературе первой половины XIX века. С. 159–165.

Квачан Л. Н.В. Гоголь и В.С. Соловьев о духовных основах жизни – русские пророки. С. 166–173.

Сербин В. Социальная доктрина Н.В. Гоголя. С. 174–176.

Турок Н., Мигно И. Жизнь и творчество Н.В. Гоголя. С. 177–182.

Фартух Ю. Художественное воплощение идеи единства славянских народов в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба». С. 183–188.

Паплевка С., Сазонов М. Н.В. Гоголь глазами современников и потомков. С. 189–194.

Целехович Т.П. В память о счастливом имени, или О друзьях Гоголя. С. 195–203.

Трунин С. Интертекст Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского в русской постмодернистской прозе. С. 216–220.

Сухачева О. «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя как итог духовных исканий писателя. С. 221–228.

Иванова О. Лицо и маски в поэме Гоголя Н.В. «Мертвые души». С. 229–237.

Белова Е. Духовные основы творчества Н.В. Гоголя. С. 238–252.

Лапчук А., Куреленок А. Взгляд на личность писателя через призму эпистолярного наследия: Н.В. Гоголь: «Выбранные места из переписки с друзьями». С. 253–258.

Летуновский Д. В. Набоков о Н. Гоголе. С. 259–264.

Данковская Ю. Николай Васильевич Гоголь. С. 265–269.

Шейко С. Личная вера в Бога Н.В. Гоголя. С. 270–273.

Суворов А.А. Судья в комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых. Саратов, 2005. Вып. 8. Ч. I–II. С. 51–54.

Сугай Л.А. Гоголь и Федор Сологуб: эволюция образа «маленького человека» // Современная филология: итоги и перспективы: сб. научных трудов. М.: Гос. ин-т русского языка им. А.С. Пушкина, 2005. С. 137–149.

Сугай Л.А. Фантасмагория повседневности: Гоголь и Федор Сологуб // Повседневность как текст культуры: Материалы международной научной конференции «Повседневность как текст культуры» 27–29 апреля 2005 г. Киров: Изд-во ВятГГУ [Вятский гос. гуманитарный ун-т], 2005. С. 221–230.

Сысоева Н.П. Гоголевская парадигма русской истории в «Мертвых душах» // Евразийское ожерелье. Оренбург, 2005. Вып. 6. С. 261–275.

[Жанровое своеобразие «Мертвых душ» как поэмы-эпопеи в свете историософии Гоголя.]

Таборисская Е.М. Оживающий портрет как сюжет «петербургского текста» // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения – 2004). СПб., 2005. С. 97–106.

[Фабульное оживание портрета в повестях Гоголя «Портрет», М.Ю. Лермонтова «Штосс» и поэме А.К. Толстого «Портрет».]

«Тарас Бульба» с ЮНЕСКО // Культура. М., 2005. 17–23 ноября.

[О планах ЮНЕСКО объявить 2009 год Годом Гоголя и планируемой экранизации повести «Тарас Бульба» кинотелекомпанией «Ритм».]

Тархов Т. Сквозь «Дым»: Русский взгляд на Баден-Баден // Наука и жизнь. М., 2005. № 3. С. 70–76.

Тендора Н. «Шинель» киноповесть // Смена. 2005. № 2. С. 187.

[О фильме Г. Козинцева и Л. Трауберга (1926).]

Терц А. (Синявский А.Д.) В тени Гоголя. «Ревизор» и «Мертвые Души». М.: Глобулус, Изд-во НЦ ЭНАС, 2005. 160 с. – (Литературный семинар).

Тимофеева И.Ф. Первый перевод повести Н.В. Гоголя «Шинель» на итальянский язык: успехи и неудачи переводчика // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения – 2004). СПб.: Петербургский ин-т печати, 2005. С. 81–88.

[Повесть «Шинель» в переводе Д. Чамполи (1916 г.).]

Тимофеева Е.Х. и др. Книга для чтения. А.С. Пушкин. М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь: Учебное пособие [для иностранцев, изучающих русский язык]. М.: Флинта: Наука, 2005. 316, [2] с.: ил. – (Русский язык как иностранный).

Тихонов С.Е. Н.В. Гоголь и речевое воздействие (П.И. Чичиков и эффективность общения) // Русская словесность. М., 2005. № 5. С. 62–66.

Трапезников А. Шишка алжирского дея // Литературная газета. М., 2005. 28 сентября – 4 октября. № 39–40. С. 10.

[Заметки о сериале Павла Лунгина «Дело о мертвых душах».]

Трофимов А. Таинство сказки. Гоголь и Андерсен // Завтра. М., 2005. Август. № 34. С. 7.

Тулякова Е.И. Природоописание и сюжетно-композиционное устройство поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: Материалы VI всероссийской научно-практической конференции молодых ученых (22–23 апреля 2005 года). Томск: Изд-во ТГУ, 2005. Вып. 6. Ч. 2: Литературоведение С. 176–179.

Тусичишный А.П. Татьяна Фед. Николай Гоголь: Творчество и судьба // Русский язык за рубежом. М., 2005. № 1–2. С. 119–120.

[Рец. на кн.: *Татьяна Фед.* Николай Гоголь: Творчество и судьба. Литературные искания и открытия. София: Херон Прес, 2004. 258 с.]

Ульрих М.А. Петербург Н.В. Гоголя и Париж Г.И. Газданова: опыт сопоставительного анализа // Вестник СНО [Студенческое научное общество]. Волгоград, 2005. № 21. С. 79–83.

Урюпин И.С. «Ум» и «сердце» в богоискательской традиции русской литературы XIX в. (Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой) // Проблемы современного филологического образования. М.; Ярославль, 2005. Вып. 6. С. 95–106.

Ушакова О.Д. Великие писатели: Справочник школьника. СПб.: Издательский Дом «Литера», 2005. 96 с.

Гоголь Николай Васильевич (1809–1852). С. 15–17.

Федор Бондарчук замахнулся на Гоголя // Семь дней. М., 2005. 25 апреля – 1 мая.

[Об экранизации повести «Тарас Бульба».]

Харчевников В.И. Сергей Есенин читает Н.В. Гоголя // Азия в Европе: взаимодействие цивилизаций. Элиста, 2005. Ч. 1. С. 192–202.

[«Мертвые души» в творческом сознании С.А. Есенина.]

Хафизова В.А. Некоторые аспекты языкового и стилистического новаторства Гоголя-драматурга // IV Давлетшинские чтения «Художественная литература в поликультурном пространстве». Бирск, 2005. С. 89–92.

Хольмстрем И. «Рим»: Идея красоты в тексте Н.В. Гоголя. Два уровня организации художественного произведения // Диалог отечественных светской и церковной образовательных традиций: Материалы Покровских чтений 2004–2005. СПб., 2005. С. 203–218.

Хомич Э.П., Емелина А.Н. Н.В. Гоголь в поэме Венедикта Ерофеева «Москва – Петушки» (коды «читанных цитат») // Текст: проблемы и методы исследования. Барнаул, 2005. С. 75–101.

Хорошилова Т. «Мертвые души» одели в «Шинель»: Павел Лунгин переписал знаменитую поэму Гоголя // Российская газета. М., 2005. 18 февраля.

Целехович Т.П. Мотив слепоты в творчестве Николая Гоголя и Яна Борщевского // Святоотеческие традиции в русской литературе: сб. материалов научной конференции, Омск, 25–26 апр. 2005 г. / Омский гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского. Омск, 2005. Ч. 1. С. 143–146.

Целехович Т.П. Образ одержимого бесом в контексте христианских представлений (на материале творчества Н.В. Гоголя и Я. Борщевского) // Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе. Проблемы теоретической и исторической поэтики: Материалы X международной научной конференции. Гродно, 19–21 сентября 2004 г.: В 2 ч. / Гродненский гос. ун-т. Гродно, 2005. Ч. 1. С. 325–330.

Целехович Т.П. Образы насекомых в контексте христианских представлений (на материале творчества Н.В. Гоголя и Я. Борщевского) // Язык и культура: сб. научных трудов / Институт филологии Киевского национального ун-та им. Т. Шевченко. Киев, 2005. Вып. 8: Художественная литература в контексте культуры. С. 45–52

Цыба И.И. Деградация личности собственника-накопителя в произведениях русской и зарубежной литературы (Н.В. Гоголь и О. Бальзак) // Актуальные проблемы изучения языка и литературы. Абакан, 2005. С. 334–339.

- Чадаева А.Я.* Православный Чехов. 2-е изд., доп. М.: ПолиМЕдиа, 2005. 240 с. «Степной царь»? Степь в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба». С. 136–147.
- Черемисинова Л.И.* Рассказ А.А. Фета «Каленик»: интертекстуальные связи // Пушкинские чтения... 2005. СПб., 2005. С. 82–87.
- Черная Т.К.* Аспекты воплощения «национальной идеи» в «Повести о капитане Копейкине» как художественном центре «Мертвых душ» Н.В. Гоголя // Вестник Пятигорского гос. лингвистического ун-та. Пятигорск, 2005. № 1. С. 50–54.
- Черниговская М.С.* Идея гражданского служения в повести Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего» // Россия – Азия: становление и развитие национального самосознания: Материалы международной научной конференции. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2005. С. 174–176.
- Черниговская М.С.* Особенности художественного текстопостроения в «Петербургских повестях» Н.В. Гоголя // Филологические чтения, посвященные 110-летию академика В.В. Виноградова: сб. статей. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2005. С. 209–212.
- Черниговская М.С.* Христианская риторика в повести Н.В. Гоголя «Шинель» // Научный и инновационный потенциал Байкальского региона глазами молодежи: Материалы V научно-практической конференции. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2005. С. 233–236.
- Чичварина О.А.* Об особенностях функционирования слов с субъективно-оценочным значением в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Язык художественной литературы как феномен национального самосознания. Орехово-Зуево, 2005. С. 332–342.
- Чичиков-рецидивист // Книжное обозрение. М., 2005. № 29–30. С. 26.
[О фильме Павла Лунгина «Дело о мертвых душах».]
- Чоботько А.В.* В. Розанов и Н. Гоголь: историография вопроса // Література та культура Полісся. Вип. 29: Регіональна історія та культура в українському і східноєвропейському контексті / Відп. ред. і упоряд. Г.В. Самойленко. Ніжин: Видавництво НДУ ім. М. Гоголя, 2005. С. 5–14.
- Чоботько А.В.* В. Розанов о личности Н. Гоголя // Література та культура Полісся. Вип. 30: Культура Полісся та Україні в історичному, філологічно-мистецькому контексті / Відп. ред. і упоряд. Г.В. Самойленко. Ніжин: Видавництво НДУ ім. М. Гоголя. Ніжин, 2005. С. 56–65.
- Шаулов С.С.* «Гоголевский след» в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Достоевский. Дополнения к комментарию. М.: Наука, 2005. С. 575–580.
- Шведова С.О.* Между Шехерезадой и Семирамидой (Еще раз о Петербурге в «Повести о капитане Копейкине») // Печать и слово Санкт-Петербурга: Петербургские чтения – 2004. СПб., 2005. С. 75–80.
- Шульц С.А.* Гоголь и Новалис (К постановке проблемы) // Русская литература. СПб., 2005. № 3. С. 99–108.
- Шутая Н.К.* Сюжетные возможности хронотопа «присутственное место» и их использование в произведениях русских классиков XIX в. (на примере прозаических произведений А.С.Пушкина, Н.В. Гоголя и Л.Н. Толстого) // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. М., 2005. № 5. С. 64–76.

Щербаков К. Гоголю слово: «Мертвые души» в театре имени Маяковского // Новое время. М., 2005. № 47. С. 40–41.

Эпштейн М. Маленький человек в футляре: Синдром Башмачкина-Беликова // Вопросы литературы. М., 2005. Вып. 2. С. 193–203.

[Сравнительный анализ образов Башмачкина («Шинель» Гоголя) и Беликова («Человек в футляре» А.П. Чехова).]

Эпштейн М. Слово и молчание в русской культуре // Звезда. 2005. № 10. С. 202–221. Идеология и магия. От Гоголя до В. Сорокина. С. 206–209.

Три литературных эпизода. Молчание внутри и вокруг слова. С. 211–213.

Ядровская Е.Р. «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н.В. Гоголя. VI класс // Литература в школе. М., 2005. № 12. С. 41–43.

Якушин Н.И., Овчинникова Л.В. Русская литературная критика XVIII – начала XX века: Учебное пособие и хрестоматия. М.: ИД «Камерон», 2005. 816 с.: ил. Н.В. Гоголь. С. 134–139.

2006

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород / Сост., вступ. статья, коммент. В.А. Воропаева. М.: Дрофа, 2006. 541, [3] с. – (Библиотека отечественной классической художественной литературы).

Загл. вступ. статьи: Николай Васильевич Гоголь (1809–1852). С. 5–60.

Коммент. С. 503–534.

Приложение:

Воропаев В.А. Гражданин земли Русской. С. 535–542.

Вечера на хуторе близ Диканьки: Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком / Вступ. статья и коммент. И.А. Виноградова; рис. А. Лаптева. М.: Детская литература, 2006. 300 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Загл. вступ. статьи: И по ту, и по эту сторону Диканьки. С. 5–46.

Коммент. С. 282–299.

Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород; Повести; Ревизор: Комедия / Вступ. статья А.Н. Пыпина; коммент. О. Дорофеева. М.: Мир книги, Литература, 2006. 496 с. – (Бриллиантовая коллекция).

Загл. вступ. статьи: Николай Васильевич Гоголь (1809–1852). С. 5–18.

Коммент. С. 473–494.

Вечера на хуторе близ Диканьки: повести. Мертвые души: поэма / Вступ. статья В. Розанова. М.: Изд-во Эксмо, 2006. 768 с. ил. – (Библиотека Всемирной литературы).

Загл. вступ. статьи: Гоголь. С. 7–13.

Вечера на хуторе близ Диканьки: повести. М.: Мартин, 2006.

Вий: повести. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзит-книга, 2006. 444 [4] с.

Вий: повести / Худож. А. Лебедев. М.: Стрекоза-Пресс, 2006.

Вий / Худож. Л.В. Пакалка. Изд. 2-е. Томск: ТомСувенир, 2006. 192 с.: ил.

Примеч. С. 187–190.

[Миниатюрное издание.]

Из писем. «Что может доставить пользу душе» / Сост. и вступ. статья И.Р. Монаховой. М.: Старклайт, 2006. 160 с.

Загл. вступ. статьи: «Жить как христианин». С. 5–14.

Из писем Н.В. Гоголя. С. 15–136.

Правило жития в мире. С. 137–144.

О тех душевных расположениях и недостатках наших, которые производят в нас смущение и мешают нам пребывать в спокойном состоянии. С. 145–158.

[Рец.: *Петрова А.* Душеполезный сборник // Книжное обозрение. М., 2006. № 27–28. С. 13; *Рахаева Ю.* «Благодарю вас много, друзья мои» // Вечерняя Москва. М., 2006. 14 сентября; *Алексеева Л.* // Культура. М., 2006. 7 декабря; *Прогнимак Е.* // Фома. М., 2007. № 2.; *Трапезников А.* Блюдечко с земляникой // Литературная Россия. М., 2007. 2 февраля. С. 5; *Егорушин А.* Души безмерный дар // Московская правда. М., 2007. 17 апреля. С. 9.]

Мертвые души: поэма / Коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева; рис. А.М. Лаптева. М.: Детская литература, 2006. 352 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Коммент. С. 341–351.

Приложения:

Аксаков К.С. Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души». С. 304–312.

Белинский В.Г. Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души». С. 313–318.

Воропаев В.А. Главы из книги «Н.В. Гоголь: жизнь и творчество». С. 319–340.

Мертвые души: поэма. М.: АСТ, 2006. 454, [10] с.

Мертвые души: поэма / Ил. А.А. Агина, гравированные на дереве Е.Е. Бернадским М.: Эксмо, 2006.

Мертвые души. Поэма (избранные главы) Школьникам – для подготовки к урокам литературы. [М.:] Стрекоза-Пресс, 2006. 255 с. – (Классика для школы).

Мертвые души. Выбранные места из переписки с друзьями / Сост., коммент. В.А. Воропаева. М.: Дрофа, 2006. 430 [2] с. – (Библиотека отечественной классической художественной литературы).

Коммент. С. 371–417.

Приложения:

Мережковский Д.С. Из статьи «Гоголь и черт». С. 418–424.

Воропаев В.А. «Будьте не мертвые, а живые души». О названии поэмы Н.В. Гоголя. С. 424–429.

Мертвые души; Тарас Бульба; Ревизор. М.: Альта-Принт, 2006.

Мудрые мысли // Историческая газета. М., 2007. № 8. Август. № 9.

[Отрывки из сборника Н.В. Гоголь. Из писем. «Что может доставить пользу душе», составленного И. Монаховой.]

Ночь перед Рождеством / Худож. К. Лавро. Киев: А-ба-ба-га-ла-ма-га, 2006. 24 с.

[Рец.: *Мильчин К.* Гоголь после Рождества // Книжное обозрение. М., 2006. № 5. С. 24.]

Ночь перед Рождеством / Худож. Игорь Бурун. М.: Муза, 2006. 255 с.: ил.

[Миниатюрное издание.]

Петербургские повести. Пьесы / Сост., коммент. В.А. Воропаева. М.: Дрофа: Вече, 2006. 368 с. – (Библиотека отечественной классической художественной литературы).

Коммент. С. 320–348.

Петербургские повести. Шинель. М.: Мартин, 2006.

Портрет: повесть / Худож. В. Панов. М.: Пан пресс, 2006. 136 с.: ил.

Размышления о Божественной Литургии / Послесл. В.А. Воропаева; ил. Ф.Г. Солнцева. СПб.: Русская симфония, 2006. 136 с.

Загл. послесл.: «Размышления о Божественной Литургии» Николая Васильевича Гоголя: из истории создания и публикации. С. 108–127.

Размышления о Божественной Литургии / Предисл. В.А. Воропаева, примеч. Н.С. Тихонравова, В.О. Корховой. СПб.: Русская симфония, 2006. 216 с. – (Сер. Книжные памятники из фондов Библиотеки Академии наук. Вып. 11).

Загл. предисл.: «Размышления о Божественной Литургии» Николая Васильевича Гоголя: из истории создания и публикации. С. 5–18.

Примеч. С. 108–160.

Приложение 1:

Тихонравов Н.С.: «Размышления о Божественной Литургии». С. 161–198.

Приложение 2:

Науменко В.П.: К истории печатного текста сочинения Николая Васильевича Гоголя «Размышления о Божественной Литургии» / Публ. В.А. Воропаева. С. 199–205.

Размышления о Божественной Литургии: Сборник / Предисл. В.В. Зеньковского. М.: Эксмо, 2006. 800 с. – (Антология мысли).

Предисл. С. 5–12.

Выбранные места из переписки с друзьями. С. 13–207.

О «Современнике». С. 208–218.

Авторская исповедь. С. 219–252.

Искусство есть примирение с жизнью. С. 253–257.

Письмо по поводу «Мертвых душ». С. 258–260.

Приложение к «Размышлениям о Божественной Литургии». С. 309–317.

Заметки, наброски на отдельных листах. С. 318–320.

Молитвы, духовное завещание, предсмертные записи. С. 320–324.

Заметки о крестьянском быте. С. 325–362.

Материалы для словаря русского языка. С. 363–434.

Мелочи. С. 435–492.

Классные сочинения. Исторические материалы. С. 493–778.

Тарасенков А.Т. Последние дни жизни Н.В. Гоголя (в сокращении). С. 779–795.

Примеч. С. 795–796.

Ревизор. М.: АСТ: Астрель, 2006. 126 [2] с. – (Библиотека школьника).

Ревизор. Комедия в пяти действиях / Вступ. статья В. Воропаева; коммент. И. Виноградова, В. Воропаева; рис. В. Бритвина. М.: Детская литература, 2006. 127 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Загл. вступ. статьи: Над чем смеялся Гоголь. О духовном смысле комедии «Ревизор». С. 5–20.

Коммент. С. 120–126.

Ревизор. Комедия с комментариями. [М.]: Стрекоза-Пресс, 2006. 190 с. – (Сер. Классика для школы).

Содерж.:

Ревизор. С. 5–133.

Коммент. С. 134–140.

Школьникам для подготовки к урокам литературы

Краткая биография автора. С. 142–143.

Размышления о произведении. С. 144–165.

Тезисные планы сочинений. С. 166–174.

Сочинения. С. 175–189.

Ревизор: Пьесы. М.: Эксмо, 2006. 640 с. – (Русская классика).

Содерж.: Ревизор; Женитьба; Игроки; Утро делового человека; Тяжба; Лакейская; Выбранные места из переписки с друзьями; Авторская исповедь; Размышления о Божественной Литургии.

Ревизор: Петербургские повести (Подробный комментарий, учебный материал, интерпретации) / Сост. примеч., учебный материал Е.А. Яковлевой. М.: Айрис-пресс, 2006. 384с. – (Русская Литература. Произведения школьной программы).

Собрание сочинений: В 5 кн. и 7 т. / Подгот. текстов, сост., вступ. статья и коммент. В.А. Воропаева. М.: Астрель: АСТ, 2006.

Кн. 1. Т. 1, 2. Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород. 718, [2] с.

Загл. вступ. статьи: Николай Гоголь: опыт духовной биографии. С. 5–109.

Коммент. С. 677–717.

Кн. 2. Т. 3, 4. Повести. Комедии. 718, [2] с.

Коммент. С. 659–715.

Кн. 3. Т. 5. Мертвые души. 766, [2] с.

Коммент. С. 687–765.

Кн. 5. Т. 7. Юношеские опыты 797, [3] с.

Коммент. С. 677–796.

Сорочинская ярмарка / Худож. С. Бабюк. М.: Стрекоза-Пресс, 2006.

Тарас Бульба: повесть / Вступ. статья В. Воропаева, коммент. И. Виноградова; худож. Е.А. Кибрик. М.: Детская литература, 2006. 188 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Загл. вступ. статьи: Гражданин земли Русской. С. 5–12.

Коммент. С. 167–188.

Тарас Бульба: повість / Худож. В.І. Лопата. Дніпропетровськ: Дніпрокнига, 2006. 223 с.: ил. – Сер. Пізнавай і шануй свій край. На рус. и укр. яз.

Фонвизин Д.И. Бригадир. Недоросль. Грибоедов А.С. Горе от ума. Лермонтов М.Ю. Маскарад. Гоголь Н.В. Ревизор. Женидьба: пьесы. М.: Изд-во Эксмо, 2006. 608 с. – (Русская классика).

Ревизор. С. 433–537.

Женидьба. С. 538–606.

Что может доставить пользу душе // Славянка: Православный женский журнал. М., 2006. Ноябрь – Декабрь. С. 34–39.

[Отрывки из одноименного сборника писем Гоголя, составленного. И. Монаховой.]

ЛИТЕРАТУРА

А. В. Камера смотрит в Миргород // Литературная газета. М., 2006. 6–12 сентября.

[Экранизация «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Гоголя (1941 г.).]

Абель И. Фантазия на тему нетерпения // Знак вопроса. 2006. № 2. С. 124–129.

[О повести Гоголя «Нос».]

Авраменко А.П. Традиции Н.В. Гоголя в ранней прозе Андрея Белого (роман «Серебряный голубь») // Феномен творческой личности в культуре. М., 2006. С. 23–31.

Агаева И.И. Публицистика Н.В. Гоголя и Ф. М. Достоевского: «Выбранные места из переписки с друзьями» и «Дневник писателя» / Бакинский славянский ун-т. Баку: Kitab Aləmi, 2006.

Аксаков И.С. У России одна-единственная столица... Стихотворения и поэма. Пьеса. Статьи, очерки, речи. Письма. Из воспоминаний и мнений об И.С. Аксакове. Венок И.С. Аксакову. Москва И.С. Аксакова / Сост., вступ. статья и примеч. Г.В. Чагина. М.: Русский мир, 2006. 512 с.: ил. – (Большая Московская библиотека).

Из содерж.:

Несколько слов о Гоголе. С. 162–164.

Алексеева Т.В., Воронина Е.А. Архетипические структуры цикла Н.В. Гоголя «Петербургские повести» как прием отражения мировоззрения автора (Система женских образов цикла) // Православие в контексте отечественной и мировой литературы. Арзамас, 2006. С. 224–231.

- Алехин К.* Ход Гоголем // Огонек. М., 2006. № 36. С. 49.
[Беседа с режиссером Владимиром Бортко, приступившим к съемкам фильма «Тарас Бульба».]
- Алпатова И.* Иллюзия справедливости // Современная драматургия. М., 2006. № 2. С. 182–184.
[«Мертвые души» в театре им. В. Маяковского.]
- Алпатова И.* Цветы довольствия. «Ревизор» Н.В. Гоголя. Малый театр // Культура. М., 2006. 26 октября – 1 ноября.
- Арват Н.Н.* Разговорная речь и просторечие в поэме Гоголя «Мертвые души» // Мова та культура. 2006. Вип. 15.
- Аржаных Т.Ф.* Нравственные императивы в диалоге Н.В. Гоголя с ведущими представителями российской интеллигенции 30-х–50-х годов XIX века // Личность. Культура. Общество / Гл. ред. Ю.М. Резник. Т. 8. Спец. вып. 1(33). М., 2006. С. 301–309.
- Аржаных Т.Ф.* Особенности общественной жизни России 1830–50-х годов как факторы социально-культурного самоопределения отечественной интеллигенции // Интеллигенция и мир / Гл. ред. В.С. Меметов. Иваново, 2006. 2. С. 59–73.
- Аржаных Т.Ф.* Противоречия творческого сознания российской интеллигенции второго тридцатилетия XIX века (о проблеме взаимоотношений Н.В. Гоголя и радикальных мыслителей революционно-демократического направления) // Политическая культура интеллигенции и ее место и роль в жизни общества: Материалы XVII международной научно-теоретической конференции 21–23 сентября 2006 г. Иваново, 2006. С. 188–190.
- Аржаных Т.Ф.* Этапы и особенности идейной жизни России второго тридцатилетия XIX века: взгляд на проблему сквозь призму восприятия и осмысления творчества Н.В. Гоголя консервативными кругами отечественной интеллигенции // Политическая культура интеллигенции и ее место и роль в жизни общества: Материалы XVII международной научно-теоретической конференции 21–23 сентября 2006 г. Иваново, 2006. С. 115–117.
- Артёменко Д.В.* Почтовая проза Н.В. Гоголя. Состояние вопроса // Разноуровневые характеристики лексических единиц. Смоленск, 2006. С. 213–217.
[Проблемы публикации и изучения эпистолярного наследия Гоголя.]
- Арустамова А.А.* Капитан Копейкин в Америке: к специфике структуры пространства «Повести о капитане Копейкине» // Пушкинские чтения – 2006: Материалы X международной научной конференции: сб. научных статей. СПб., 2006. Т. 1. С. 184–188.
- Архипова Ю.В.* Сюжет пушкинского «Демона» в повести Н.В. Гоголя «Портрет» // Дергачевские чтения – 2004: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Екатеринбург, 2006. С. 25–27.
- Афанасьев Э.С.* Гоголь – Чехов: эстетика «малых величин» // Литература в школе. М., 2006. № 10. С. 2–7.
- Афанасьева Т.С.* Архетип трикстера в творчестве Н.В. Гоголя и И. Ильфа и Е. Петрова // Классические и неклассические модели мира в отечественной и зарубежной литературе. Волгоград, 2006. С. 233–237.
[На материале «Мертвых душ» Гоголя, дилогии «Двенадцать стульев» и «Золотого тельца» И. Ильфа и Е. Петрова.]
- Ахапкин Д.Н.* Гоголь Николай Васильевич // Санкт-Петербург: Энциклопедия. 2-е изд., испр, доп. СПб.: ООО Бизнес-пресс; М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 1024 с.: ил: карты. С. 197–198.

- Бабенко Н.Г.* Н.В. Гоголь – родоначальник поэтики русского постмодернизма? // Альтернативный текст: версия и конверсия. Калининград, 2006. Вып. 1. С. 64–86.
[Предвосхищение поэтики постмодернизма в творчестве Н.В. Гоголя (на материале сравнительного анализа гоголевского текста и прозаических фрагментов И. Аксенова, В. Нарбиковой, Н. Садур, В. Сорокина, А.Г. Битова).]
- Багно В.Е.* Россия и Испания: общая граница / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб.: Наука, 2006. 477 с.
Гоголь и испанская литература. С. 284–316.
- Баданов А.* Он гоголевских персонажей рисовал с натуры // Парламентская газета. М., 2006. 3 июля.
[В Рязанском художественном музее открыта экспозиция, посвященная 190-летию Петра Боклевского – иллюстратора русской классики.]
- Базылев В.Н.* Археология повседневности в гоголевском «Ревизоре» // Картина мира: язык, литература, культура. Бийск, 2006. Вып. 2. С. 135–146.
- Балашова И.А.* Русская литература 1800–1860-х годов в вузовском изучении: Учебное пособие. Ростов на Дону, 2006. 460.
Образный мир комедии Н.В. Гоголя «Ревизор»: 313–347.
- Барабаш Ю.* «Анти-» и «пост-»: Гоголь в литературном сознании украинского зарубежья // Вопросы литературы. М., 2006. Вып. 2. С. 165–201.
- Барановская Е.П.* «Записки сумасшедшего» как сюжет о починке ветхого мира // Святоотеческие традиции в русской литературе. Омск, 2006. С. 158–163.
- Бедовая Я.* Едим вместе с Гоголем // Комсомольская правда. М., 2006. 11 июля.
[Рецепты блюд в произведениях Гоголя.]
- Белоногова В.Ю.* Гоголь и Горький: итальянские «встречи» // Творчество Максима Горького в социокультурном контексте эпохи: Горьковские чтения 2004 г.: Материалы международной конференции. Нижний Новгород, 2006. С. 253–261.
[О лекциях по истории русской литературы М. Горького в Италии в 1906–1913 гг.]
- Беляева Н.С.* Все дороги ведут в «Рим»: архетипы дороги и дома в неоконченном романе Н.В. Гоголя // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых. Саратов, 2006. Вып. 9. Ч. 1–2. С. 21–25.
- Бодянский О.М.* Дневник. 1852–1857 / Предисл., подгот. текста, подбор ил. и коммент. Т.А. Медовичевой. М.: Жизнь и мысль, 2006. 336 с: ил. – (Большая московская библиотека (БМБ): мемуары).
[Указ. имен.]
- Боровиков Д.С.* Нежинский эпистолярный период в жизни Н.В. Гоголя // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых. Саратов, 2006. Вып. 9. Ч. 1–2. С. 153–159.
- Бочкова Е.М.* Использование видеоматериалов на уроках литературы. На примере темы «Н.В. Гоголь. «Мертвые души»» // Литература в школе. М., 2006. № 10. С. 19–21.
- Бельтраме Ф.* Мотивы обиды и возмездия в повести Н.В. Гоголя «Шинель» // Критика и семиотика. Новосибирск, 2006. Вып. 10. С. 74–81.
- Бузина О.* Тайная история Украины-Руси. Киев: Довіра, 2006.
Николай Гоголь – жизнь за царя. С. 250–255.
- Бульвинская О.* Набоков об абсурде в «Шинели» Гоголя и «Превращении» Кафки // Всесвітня література та культура. Київ, 2006. № 2. С. 26–29.

Бушлакова Т.П. Русская литература XIX века: Учебный минимум для абитуриента. М.: «ЧеРо», 2006. 574 с.
Н.В. Гоголь. С. 321–348.

Быцько О.К. «Портрет» Н.В. Гоголя как зеркало художественных замыслов писателя // Всесвітня література та культура. Київ, 2006. № 2. С. 46–50.

Вайскопф М. Случай, который повторился: К происхождению гоголевских «Записок сумасшедшего» // Поэтика русской литературы. М., 2006. С. 124–129.
[Публикации в русской периодике 1830-х гг. (заметки о политике Испании, повесть В.П. Андреева «Случай, который может повториться») как источники повести «Записки сумасшедшего» Гоголя.]

Валеева Е.В. Деформированная телесность в повестях Н.В. Гоголя // Православие в контексте отечественной и мировой литературы. Арзамас, 2006. С. 218–224.

Варламов А. Заметки о прозе Пушкина и Гоголя // Октябрь. М., 2004. № 4. С. 165–171.
[«Капитанская дочка» и «Тарас Бульба».]

Варламова О. «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя // Ніжинська історико-філологічна школа: минуле, сьогодні, майбутнє: Матеріали Третьої міжнародної студентської конференції. Ніжин, 2006. С. 6–7.

Вдовин А.В. Два «портрета» Н. Гоголя и Н. Готорна: к интерпретации архетипического сюжета // Труды Кафедры русской литературы. Киров, 2006. Вып. 5. С. 47–49.
[Сюжет о договоре человека с дьяволом в повести Н.В. Гоголя «Портрет» и новеллах Н. Хоторна «Пророческие портреты» и «Портрет Эдуарда Рэндольфа».]

Ветчинкина Ю.В. Трансформация пространства героя в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя // Вторые Ознобишинские чтения. Инза; Самара, 2006. Т. 1. С. 90–94.

Видугирите И. Украинский Гоголь // Literatura=Литература. Vilnius, 2006. № 48(2). С. 56–65.
[Гоголь в свете проблемы его национальной принадлежности. На материале сборника «Гоголь в воспоминаниях современников» (М., 1952).]

Викулова В.П. Концепция полистилистического библиотечно-информационного учреждения (на примере ЦГБ-мемориального центра «Дом Гоголя» // Библиотечное дело – 2006: Скворцовские чтения: Материалы 11-й международной конференции 19–20 апреля 2006 г. Ч. 1. М., 2006. С. 144–149.

Вильнова С.В. «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя в оценке русской общественно-критической и религиозной мысли 1840-х годов // Вестник Оренбургского гос. ун-та. Оренбург, 2006. Ноябрь. Спец. вып. Наука и образование: проблемы и перспективы. Ч. 1. С. 15–22.

Вильнова С.В. Слово художника в контексте русской православной традиции в итоговой книге Н.В. Гоголя // Вторые Бочкаревские чтения. Тридцатая юбилейная зональная конференция литературоведов Поволжья. Самара, 2006. С. 63–71.
[«Выбранные места из переписки с друзьями».]

Виноградская Н.Л. Монологи в «Женитьбе» Н.В. Гоголя // Поэтика русской литературы. М., 2006. С. 155–167.

«Вий» по-американски: из гроба встанет дочь шерифа... // Отдохни! М., 2006. № 23. С. 18.
[О фильмах О. Фесенко и О. Степченко по мотивам повести Гоголя «Вий».]

Владимирова Т.Л. Легенда о Рафаэле в русской литературной римлиане // Вестник ТГПУ. Сер. Филология. Томск, 2006. № 8 (59). С. 10–13.

Владимирова Т.Л. Стратегии интерпретации культурного пространства города (на материале римских писем Н.В. Гоголя) // Прикладная филология и инженерное образование: сб. научных трудов IV международной научно-практической конференции. Томск: Изд-во Томского политехнического ун-та, 2006. Ч. 2. С. 251–258.

Воропаев В.А. А.С. Хомяков: «Церковь одна» // Московский журнал. История Государства Российского. М., 2006. № 2. С. 9–11.

Воропаев В.А. Гоголь Николай Васильевич (1809–1852) // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940 / Т. 4. Всемирная литература и русское зарубежье. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. С. 95–117.

Воропаев В. Гоголь в Иерусалиме // Православный паломник. М., 2006. № 2(27). С. 44–46; № 3(28). С. 55–59.

Воропаев В.А. Гоголь и Московский университет // Московский журнал. История Государства Российского. М., 2006. № 9. С. 47–51.

Воропаев В.А. Гоголь и церковнославянский язык // Московский журнал. История Государства Российского. М., 2006. № 3. С. 38–39.

Воропаев В. Живой источник родного слова. Церковнославянский язык в творчестве Н.В. Гоголя // Православная беседа. М., 2006. № 1. С. 58–61.

Воропаев В.А. Забытая книга // Московский журнал. История Государства Российского. М., 2006. № 6. С. 39–43.

[О книге А.К. Воронского «Гоголь» (1934).]

Воропаев В. Значение великих истин (Пушкин и Гоголь о вере и Государстве Российском) // К единству! Журнал Международного Фонда единства православных народов. М., 2006. № 6. Ноябрь – Декабрь. С. 30–32.

Воропаев В. Значение великих истин. Пушкин и Гоголь о Государстве Российском // Православная беседа. М., 2006. № 6. С. 58–61.

Воропаев В. Из рассказов о Гоголе // Семейный круг. Иваново, 2006. 24 мая. № 9. С. 7.

Воропаев В.А. Однажды Гоголь... : Из рассказов о писателе // Виноград. Православный педагогический журнал. СПб., 2006. № 2 (14). С. 52–56.

Воропаев В.А. Пушкин и Гоголь о Государстве Российском // Московский журнал. История Государства Российского. М., 2006. № 12. С. 9–13.

VIII міжнародні Гоголівські читання: Матеріали міжнародної наукової конференції. Полтава: ПДПУ [Полтавський національний пед. ун-т ім. В.Г. Короленка], 2006 На рус. и укр. яз.

Из содерж.:

Троцик О.А. Инфернальный мир поэмы Н. Гоголя «Мертвые души» в контексте Дантовских традиций. С. 9–12.

Лавриненко Е.С. Творчество Гоголя в критической и художественной рецепции Ходасевича. С. 12–18.

Сергеева В.А. Жанровое своеобразие повестей Н. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» и А. Погорельского «Двойник, или Мои вечера в Малороссии». С. 21–26.

Терещенко Е.Е. Столица в малой прозе Гоголя и Булгакова. С. 26–28.

Подгурская И.А. Мотив страха в произведениях Н.В. Гоголя и М.А. Булгакова. С. 28–32.

Тверитинова Т.И. Гоголевские традиции в творчестве Я.П. Буткова. С. 32–34.

Романова Е.И. Гоголь – Гаршин – Чехов: Трансформация сюжета о падшей женщине. С. 43–47.

- Поборчая И.П.* Гоголь и Акутагава Рюноске. С. 48–51.
- Кобзарь Е.И.* Гоголевские образы в пьесах М. Булгакова. С. 51–55.
- Няму А.Е.* Художественные миры Н.В. Гоголя в мировом литературном контексте. С. 55–60.
- Звизняцковский В.Я.* «Смехом твоим ты докажешь...» (еще о природе комического у Гоголя). С. 61–66.
- Киченко А.С.* Пушкин и Гоголь: творческие взаимосвязи и историко-культурный контекст. С. 72–75.
- Мережинская А.Ю.* Гоголевский миф в русской постмодернистской прозе. С. 80–86.
- Мацапура В.И.* Функции сна и поэтика сновидений в художественной прозе Н.В. Гоголя. С. 86–93.
- Вечерок О.Н.* Мотив дороги в творчестве Гоголя и Короленко. С. 93–97.
- Конева Т.М.* Проблема героического в повести «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя. С. 97–102.
- Абрамович С.Д.* Фрагмент «Рудакопов»: попытка интерпретации. С. 102–104.
- Дмитренко Е.В.* Следы немецкого влияния в творчестве Н.В. Гоголя и В.Ф. Одоевского. С. 105–109.
- Мусий В.Б.* «Вечера на хуторе близ Диканьки»: эсхатология или космогония? С. 109–114.
- Остапенко Л.М.* Как творятся мифы: по поводу явления «нового Гоголя». С. 121–125.
- Павельева А.К.* Образы славянской демонологии в первых повестях Гоголя. С. 146–151.
- Арват Н.Н.* Маленькая деталь большого художественного мастерства (Н.В. Гоголь, Мертвые души). С. 162–166.
- Меньшиков И.И.* Многокомпонентная атрибутивная конструкция как элемент стиля Н.В. Гоголя. С. 166–168.
- Безобразова Л.Л., Семенец Л.С.* Безэквивалентная лексика в композиции «Энеиды» И.П. Котляревского и «малороссийских» повестях Н.В. Гоголя. С. 172–177.
- Козуб Г.Н.* Художественный текст как отражение лингвистических и внелингвистических факторов (на материале «Мертвых душ» Н.В. Гоголя). С. 179–182.
- Быцько О.К.* Школьное изучение повести Гоголя «Портрет» (методические рекомендации). С. 205–211.
- Вранчан Е.В.* Вещь и герой в произведении «Коляска» и в цикле Н.В. Гоголя «Повести» // Вестник Томского гос. ун-та: Общественно-научный периодический журнал. Бюллетень оперативной научной информации. Томск, 2006. № 80. Июль. С. 33–38.
- Вранчан Е.В.* О принципе организации цикла Н.В. Гоголя «Повести» // Аспирантский сборник Новосибирского гос. пед. ун-та – 2006. Новосибирск, 2006. Ч. 2. С. 149–154.
- Высотская Н.* Кто еще вышел из гоголевской «шинели»? // Дружба народов. М., 2006. № 9. С. 187–194.
- Высоцкая В.В.* Особенности пространственных и временных характеристик в повести Гоголя «Шинель» // XI Пушкинские чтения. СПб., 2006. Т. 1. С. 105–108.
- Гаджиева Л.И.* Исторические реалии и судьбы казачества в художественном пространстве «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н. Гоголя // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. № 17(72). Сер. Социально-гуманитарные науки. Вып. 7. Челябинск, 2006. С. 183–188.
- Гаджиева Т.Б.* К вопросу об идейных и художественных истоках миргородского цикла повестей Н.В. Гоголя // Актуальные проблемы языка и литературы: сб. статей. Вып. 15. Махачкала, 2006. С. 77–82.
- Галустова О.В.* История русской литературы: Конспект лекций. М.: А-Приор, 2006. 240 с. Творчество Н.В. Гоголя. С. 142–146.
- Комедия Н.В. Гоголя «Ревизор». С. 146–148.
- Роман-поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души». С. 149–152.
- Гараненко А.* Кому достанется дом, где умер Гоголь? // Известия. М., 2006. 17 августа. [Интервью «Известиям» главы комплекса экономической политики Москвы Юрия Росляка.]

Гардзонио С. Николай Гоголь и Яким Нахимов: Несколько размышлений о «мотиве лужи» // Критика и семиотика. Новосибирск, 2006. Вып. 10. С. 68–73.

[Реминисценции из сатирических стихотворений А.Н. Нахимова о российской бюрократии в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Гоголя.]

Гафаров Р.М. Н.В. Гоголь и русская поэзия XVIII века: К вопросу о роли ломоносовских и державинских традиций в творчестве Н.В. Гоголя: монография / Мурманский гос. пед. ун-т. Мурманск: Мурманский гос. пед. ун-т, 2006. 128 с.

Генина Н.Е., Савинова А.Г. Особенности звуковой характеристики фантастического мирообраза в повести Н.В. Гоголя «Вий» // Бюллетень оперативной научной информации / Томский гос. ун-т. Томск, 2006. № 110. С. 28–32.

<Гоголь Н.> «Мысли о географии» Николая Гоголя // Краєзнавство. Географія. Туризм. Київ, 2006. № 34. С. 2–6.

<Гоголь Н.В.> Н.В. Гоголь и его эпоха: Портреты, Иллюстрации. Документы. Демонстрационные материалы. М.: Айрис-пресс, 2006. 8 л.

<Гоголь Н.В.> Н.В. Гоголь и Русское Зарубежье: Пятые Гоголевские чтения: сб. докладов / Комитет по культуре г. Москвы; Центральная городская библиотека – мемориальный центр «Дом Гоголя»; под общ. ред. В.П. Викуловой. М.: Книжный дом «Университет», 2006. 368 с. [2] л. цв. ил.: ил.

Содерж.:

Summary. Аннотированное содержание на английском языке. С. 3–13.

Викулова В.П. С. 14–19.

Москвин В.А. С. 20–21.

Манн Ю.В. Неисчерпаемая Вселенная. С. 22–24.

Гоголь и культура русской эмиграции:

Мандельштам Ю.В. В Париже с Гоголем / Подгот. текста и примеч. И.А. Виноградова. С. 27–33.

Глушаков П.С. Генрих Гроссен и Иван Лукаш о Гоголе (восприятие писателя в русской журналистике Латвии). С. 34–42.

Сугай Л.А. Гоголь и культурная жизнь русской эмиграции первой волны. С. 43–54.

Кривонос В.Ш. Поворот или надрыв? (Поздний Гоголь в исследованиях Русского Зарубежья). С. 55–65.

Воропаев В.А. Из цикла «Русская эмиграция о Гоголе». С. 66–81.

Мильдон В.И. Россия в изгнании о России Гоголя. С. 82–88.

Гольденберг А.Х. Ад и Рай Гоголя (к проблеме интерпретации творчества писателя в критике Русского Зарубежья). С. 89–101.

Андрущенко Е.А. Взгляд, обращенный назад (деятели русской эмиграции о Гоголе). С. 102–107.

Калашишникова О.Л. Розанов и Русское Зарубежье: диалог о Гоголе. С. 108–114.

Гусев В.А. Трансформация гоголевского мифа в книгах «Духовный путь Гоголя» К.В. Мочульского и «Николай Гоголь» В.В. Набокова. С. 115–126.

Барабаш Ю.Я. Набоков и Гоголь (Мастер и Гений). С. 127–140.

Гордович К.Д. Гоголь в интерпретации Набокова. С. 141–148.

Овечкин С.В. Набоковский вопрос к «Шинели» Гоголя. С. 149–160.

Ельницкая Л.М. «Жилет Гоголя»: личность писателя глазами И. унина и Вл. Набокова. С. 161–171.

Федякин С.Р. «Инфернальный» Гоголь в русском сознании – от Мусоргского до Набокова. С. 172–179.

Осипова Н.О. Гоголь в семиотическом поле поэзии русской эмиграции. С. 180–191.

Крашенинников А.Ф. Поэт русского Зарубежья Анатолий Величковский и его трактовка хрестоматийного гоголевского образа. С. 192–195.

Орлицкий Ю.Б. Гоголь и его проза в структуре книги Ремизова «Огонь вещей». С. 196–208.

Саськова Т.В. «Гоголевский текст» в «Учителе музыки» А.М. Ремизова. С. 209–216.

Ермишин О.Т. Н.В. Гоголь и эстетика В.В. Зеньковского (о принципах религиозной эстетики). С. 217–221.

Есаулов И.А. Богословие и русская словесность: о Георгии Флоровском о Гоголе. С. 222–228.

Творчество Гоголя: малороссийский, российский и европейский аспекты:

- Михед П.В.* У истоков «православного» гоголеведения: Пантелеймон Кулиш. С. 231–253.
- Арват Ф.С., Арват Н.Н.* О первых украинских переводах произведений Н.В. Гоголя. С. 254–263.
- Замыслова Е.Е.* «Чужое» глазами Гоголя: по страницам поэмы «Мертвые души» и переписки. С. 264–270.
- Вайскопф М.Я.* Гоголь на фоне беллетристики периодики 1830-х годов (российский и европейский контекст). С. 271–282.
- Сапченко Л.А.* Гоголь и Фонвизин о парижских театрах. С. 283–293.
- Гетман Л.И.* Петербурги Рим глазами малоросса. С. 294–301.
- Джулиани Р.* Гоголь и «другой»: римляне и римлянки в повести «Рим» / Пер. А. Ямпольской. С. 302–315.
- Ишук-Фадеева Н.И.* «Все» и «всё» в гоголевском фрагменте «Рим». С. 316–324.
- Денисов В.Д.* «Рим» Гоголя: об одном из возможных источников текста. С. 325–332.
- Белоногова В.Ю.* Итальянские «встречи» Гоголя с эмигрантом М. Горьким. С. 333–342.
- Страно Дж.* Гоголь в итальянской критике последнего двадцатилетия (1984–2004). С. 343–354. [Реф.: *Петрова Т.Г.* // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Реферативный журнал. Сер. 7. Литературоведение. М., 2007. № 3. С. 119–127.]
- Голубкова А.* «...Вот почему я отрицаю Гоголя» // Октябрь. М., 2006. № 6. С. 176–181. [Творчество Гоголя в оценке В.В. Розанова.]
- Гольденберг А.Х., Гончаров С.А.* Гоголь и Караваджо: к проблеме интерпретации символического сюжета // Восток – Запад: пространство русской литературы и фольклора. Волгоград, 2006. С. 25–33. [Живописный сюжет обращения св. апостола Павла в творчестве Караваджо как параллель к сюжету духовного преображения Чичикова в поэме «Мертвые души».]
- Гончарова О.А.* Русская литература в свете христианских ценностей (Ю.Н. Говорухо-Отрок – критик). Харьков: Майдан, 2006. 164 с. Н.В. Гоголь. С. 91–97. [О полемике между Ю.Н. Говорухо-Отроком и В.В. Розановым.]
- Горанчаровская Е.В.* Видение мира через фантастику. Обобщающий урок по творчеству Н.В. Гоголя («Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород», «Петербургские повести»). VIII класс // Литература в школе. М., 2006. № 10. С. 25–28.
- Горбачев А.Ю.* Русская литература от Карамзина до Горького: новые грани. Минск: ТетраСистемс, 2006. 224 с. Н.В. Гоголь (1809–1852). С. 107–139.
- Горбачева Н.Б.* Оптиные старцы. М.: Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2006. 336 с.: ил. Николай Васильевич Гоголь в Оптиной. С. 77–89.
- Григорьев В.П.* Велимир Хлебников в четырехмерном пространстве языка. Избранные работы. 1958–2000-е годы. М.: Языки славянской культуры, 2006. 816 с. [Указ имен.]
- Гришин Г.А.* Гоголь во взаимоотношениях с адресатом: «Письма к одному литератору» // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых. Саратов, 2006. Вып. 9. Ч. 1–2. С. 103–108. [Проблема определения адресата «Отрывка из письма, писанного автором вскоре после первого представления «Ревизора» к одному литератору» Н.В. Гоголя в литературоведении России (1889–2001 гг.).]
- Грудкина Т.В., Кубарева Н.П., Мещеряков В.П., Сербул М.Н.* 100 великих мастеров прозы. М.: Вече, 2006. 480. – (100 великих). Николай Васильевич Гоголь (1809–1852). С. 159–165.
- Гуллер Ю.* Гоголь мог стать другим // Вечерняя Москва. М., 2006. 20 апреля. [Сто лет назад власти Москвы утвердили проект памятника великому писателю.]

Гуминский В.М. Гоголь Николай Васильевич // Православная энциклопедия. Т. XI. Георгий – Гомар. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006. С. 652–666.

Гураль С.К. Дональд Фэнгер и Н.В. Гоголь («Петербургские повести» в американской критике) // Россия и Запад: диалог культур. М., 2006. Вып. 13. Ч. 1. С. 176–191.
[Анализ «петербургских повестей» Гоголя в кн. Д. Фэнгера «The creation of Nicolaj Gogol». Cambridge, 1979.]

Гуреев М. Последнее путешествие Гоголя. Оптина пустынь в судьбе великого писателя // Культура. М., 2006. 2–15 ноября.

Давыденко Л.А. Письма Гоголя: взгляд на себя // Филологические этюды: Сб. научных статей молодых ученых: В 3 ч. Саратов, 2006. Вып. 9. Ч. 1–2. С. 159–165.

Де Лотто Ч. «Вам могу дать небольшой образец...» Многоязычные разговорники в «занятиях» и в творчестве Н.В. Гоголя // Поэтика русской литературы. М., 2006. С. 168–180.

[Тетради «Занятия итальянским языком» в творческой биографии писателя.]

Демченко А.А. Н.В. Гоголь в оценке А.В. Дружинина: возвращение к теме // Бочкаревские чтения. Самара, 2006. Т. 3. С. 173–184.

Денисов В.Д. Мир автора и миры его героев (о раннем творчестве Н.В. Гоголя): Монография. СПб.: Изд-во Российского гос. гидрометеорологического ун-та, 2006. 275 с.

Джафарова К.К. Особенности гоголевского историзма в сборнике «Арабески» // Сборник научных статей к 75-летию проф. Н.А. Горбанева. Махачкала, 2006. С. 48–63.

Джулиани Р. Аннунциата: обреченная на забвение // Поэтика русской литературы. М., 2006. С. 103–123.

[Образ Аннунциаты в повести Гоголя «Рим».]

Дзюба Г. О традициях российского сервиса: По страницам поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Литературная Россия. М., 2006. № 44. С. 13–15.

Дитькова С.Ю. Образное постижение прозы: повести Николая Гоголя // Всесвітня література та культура в навчальних закладах України. Киев, 2006. № 10. С. 5–11.

Дмитренко С. «Прореха на человечестве» или «травестированный святой»? // Литература: Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». М., 2006. 16–31 марта. № 597. С. 26–28.

Долгушин Д., священник. Учебное пособие «Религиозно-философская культура России» // Богословский сборник. Вып. 2. Новосибирск: Изд-во Новосибирской епархии РПЦ, 2006. С. 220–255.

Религиозно-философские искания Н.В. Гоголя. С. 224–234.

Доманский В.А. Ранний Гоголь и украинская литературная традиция // Вестник Томского гос. пед. ун-та. Сер. Гуманитарные науки (филология). Томск, 2006. № 8(59). С. 24–28.

Дроздова Н.Г. Единство и многообразие // Известия Пензенского гос. пед. ун-та. Научные и учебно-методические вопросы. Сектор молодых ученых. Пенза, 2006. № 2. С. 184–187.

[Сопоставление произведений Гоголя, О. Уайльда, А.Д. Кронина.]

Дурьлин С.Н. В своем углу / Сост. и примеч. В.Н. Тороповой; предисл. Г.Е. Померанцевой. М.: Молодая гвардия, 2006. 879, [1] с.: ил. – (Библиотека мемуаров: Близкое прошлое; Вып. 21).

[Указ. имен.]

Евдокимов А. «Как это все было чертовски разыграно!» Интертекстуальный анализ комедии Н.В. Гоголя «Игроки» // От «Игроков» до «Dostoevsky-trip»: Интертекстуальность в русской драматургии XIX–XX веков: сборник / Отв. ред. В.Б. Катаев, Э. Вахтел. М.: Изд-во Московского ун-та, 2006. С. 7–28.

Егоров В.Н. «Размышления о Божественной Литургии» Н.В. Гоголя // Литература в школе. М., 2006. № 10. С. 13–14.

Елизаветинские чтения памяти Императрицы Елизаветы Алексеевны и Императрицы Марии Феодоровны: сб. научных трудов / Редкол.: В.Н. Аношкина и др. М.: Изд-во МГОУ, 2006. 104 с.

[К 75-летию Московского гос. областного ун-та].

Из содерж.:

Воропаев В.А. Подданный русского царя. Н.В. Гоголь и Государь Николай Павлович. С. 50–58.

Виноградов И.А. Н.В. Гоголь в Патриотическом институте. С. 58–63.

Елина Е.А. Семиотика натюрмортов в творчестве Н.В. Гоголя (На примере поэмы «Мертвые души») // Язык художественной литературы. Литературный язык. Саратов, 2006. С. 167–171.

Ермилова Г.Г. Поэтика взгляда в прозе Н.В. Гоголя // Малые жанры: теория и история. Иваново, 2006. С. 27–36.

Есипов В.М. Пушкин в зеркале мифов. М.: Языки славянской культуры, 2006. 560 с. – (Studia philologica).

«С Гомером долго ты беседовал один...». С. 282–299.

Жаравина Л.В. В. Шаламов и Н. Гоголь (На материале рассказа «Посылка») // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 8. Литературоведение. Журналистика. Волгоград, 2006. Вып. 5. С. 122–129.

Жаравина Л.В. Шаламов и Гоголь: проблема самоотчуждения личности // Гуманитарные исследования = Humanitaria studia. Астрахань, 2006. № 2. С. 43–48.

Жилякова Э.М. Гоголь и Байрон: от «Ганца Кюхельгартена» к «Мертвым душам» // Вестник Томского гос. пед. ун-та. Сер. Гуманитарные науки (филология). Томск, 2006. № 8. С. 13–21.

Жиркова М.А. Взаимопроникновение двух миров: «Диспут» Саши Черного о гоголевском «Вие» // XI Пушкинские чтения. СПб., 2006. Т. 1. С. 129–135.

Жуков А.С., Иванов А.И. Петербургские «трагедии» Н.В. Гоголя // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Сер. Гуманитарные науки. Пенза: Изд-во Пензенского гос. ун-та, 2006. № 3. С. 219–225.

Журавлева А.А. Н.В. Гоголь в литературно-критической концепции русской классики Д.С. Мережковского // Вестник Челябинского гос. пед. ун-та. Челябинск, 2006. № 5. 3. С. 173–182.

Зайцева И. Соавторы «Мертвых душ» // Поэтика русской литературы. М., 2006. С. 193–206.

Заранкин Ю. Мертвые души... ожили // Москвичка. М., 2006. № 10. С. 22.

- [О постановке Сергеем Арцыбашевым «Мертвых душ» на сцене Театра им. В. Маяковского.]
Зарецкий В.А. Поручик из Рязани – персонаж «Мертвых душ». Из исследований гоголевской поэтики // Труды Стерлитамакского филиала Академии наук Республики Башкортостан. Сер. Филологические науки. Уфа, 2006. Вып. 3. С. 57–62.
- Заславский Г.* Другой Чичиков // Октябрь, М., 2006. № 1. С. 189–191.
 [О постановке Сергеем Арцыбашевым «Мертвых душ» на сцене Театра им. Маяковского.]
- Заславский Г.* Очередной реванш деятельного кукловода. Андрей Денников снова вышел на сцену Театра имени Образцова // Независимая газета. М., 2006. 24 мая.
 [О постановке «Концерта для Чичикова с оркестром» по мотивам «Мертвых душ» Гоголя.]
- Заславский О.Б.* Структурные парадоксы русской литературы и поэтика псевдооборванного текста // Труды по знаковым системам. Тарту, 2006. Т. 34. № 1. С. 261–269.
- Звянцковский В.Я.* Гоголь – наше что? // Studia philologica. Филологические студии. Симферополь, 2006. № 1–2(5–6). С. 15–23.
- Знобищева М.И.* Есенин и Гоголь. К вопросу о литературных влияниях // Сергей Есенин и литературный процесс: традиции, творческие связи. Рязань, 2006. С. 44–51.
- Знобищева М.И.* Поэтика русского пространства в творчестве С.А. Есенина и Н.В. Гоголя: контур проблемы // Вестник Луганского национального пед. ун-та им. Тараса Шевченко. Филологические науки. Ч. 1. Июнь. № 11(106). Луганск, 2006. С. 163–169.
- Золотусский И.П.* От Грибоедова до Солженицына: Россия и интеллигенция. М.: Молодая гвардия, 2006. – 347 [5] с.
- Из содерж.:**
 Пушкин в «Выбранных местах из переписки с друзьями». С. 28–43.
 Гоголь и Достоевский. С. 44–54.
 Струна в тумане (Еще раз о Гоголе и Достоевском). С. 55–66.
 Гоголиана Марка Шагала. С. 67–90.
 Центральная натура. С. 91–96.
 Толстой читает «Выбранные места...». С. 124–138.
 Солженицын в «Выбранных местах из переписки с друзьями». С. 155–162.
- Изотова Е.В.* Французские мотивы в «Миргороде» Н.В. Гоголя // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых. Саратов, 2006. Вып. 9. Ч. 1–2. С. 118–122.
- Иоскевич О.* Повесть Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего» как «психическая история болезни» // Studia Slavica. Таллинн, 2006. Вып. 6. С. 36–46.
- История русской литературы XIX века: Учебное пособие для старших классов школ гуманитарного профиля / Под ред. А.И. Журавлевой. М.: Изд-во Московского ун-та; «ЧеРо», 2006. 688 с. – (Московский университет – школе).
 Николай Васильевич Гоголь. С. 243–291.
- Казарин В.П.* Великий сын России и Украины: [интервью] // Слава Севастополя. Севастополь, 2006. 2 июня. № 99. С. 3.
- Казарин В.П.* Гоголь может наказать...: [беседовал Станислав Бондаренко] // Литературная газета. М., 2006. 2–8 августа. № 32. С.1, 7.
 [О подготовке к празднованию 200-летия со дня рождения Гоголя.]
- Казарин В.П.* К юбилею великого сына Украины и России / Интервью Л. Милюиной [Л.А. Обуховской] // Литературный Крым. Симферополь, 2006. 26 мая. № 17–20. С. 2.

Казарин В.П. К юбилею великого сына Украины и России / Интервью Л. Милиной [Л.А. Обуховской] // Крымские известия. Симферополь, 2006. 30 мая. № 96. С. 4.

Казарин В.П. Образ Александра Адуева и письма молодого Н.В. Гоголя (К типологии романтического мирозерцания) // *Studia philologica*. Филологические студии. Симферополь, 2006. № 1–2(5–6). С. 4–14.

[Первоначально: *Казарин В.П., Чернета Л.Т.* Образ Александра Адуева и письма молодого Гоголя (К типологии романтического мирозерцания) // Вопросы русской литературы. Львов, 1986. Вып. 2. С. 44–51.]

Калганова Т.А. Гоголь в школе: поурочное планирование, материалы к урокам, вопросы и задания, анализ произведений, внеклассная работа, межпредметные связи: книга для учителя. М.: Дрофа, 2006. 303, [1] с.: ил. – (Писатель в школе).

Калганова Т. «Страшное явление» Плюшкин // Литература: Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». М., 2006. 16–31 марта. № 597. С. 29–31.

Камедина Л.В. Духовные смыслы в творчестве Н.В. Гоголя // Литература в школе. М., 2006. № 10. С. 14–17.

Каминская Н. Птица на «тройку». «Похождение» по Н.В. Гоголю в Табакерке // Культура. М., 2006. 13–19 апреля.

[Режиссер М. Карбаускис поставил спектакль по мотивам поэмы Гоголя «Мертвые души».]

Канашкин А.В. Традиция как творческий феномен (Духовная правда, или Глаголь Добро) // Культурная жизнь Юга России. Краснодар, 2006. № 1. С. 63–65.

[О творческом методе Гоголя и А.С. Пушкина.]

Канунова Ф.З. Некоторые проблемы поэтики и эстетики Н.В. Гоголя в переписке с В.А. Жуковским // Поэтика русской литературы. М., 2006. С. 181–192.

Капитанова Л.А. Н.В. Гоголь в жизни и творчестве: Учебное пособие для школ, гимназий, лицеев и колледжей. 2-е изд. М.: Русское слово, 2006. 160 с.: фотоил. – (В помощь школе).

Капитон В.П. Актуальность Н.В. Гоголя // Філософія. Культура. Життя: міжвузівський зб. наукових праць. Вип. 27. Донецьк, 2006. С. 178–181.

Карамашева В.А. Сравнительно-сопоставительный анализ комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» и М.И. Кильчичакова «Медвежий лог» // Актуальные проблемы изучения языка и литературы. Абакан, 2006. С. 120–124.

Кардаш Е.В. Тайна «танцующих старушек»: «зеркала» и «автоматы» в романтической литературе и «Сорочинская ярмарка» Гоголя // Русская литература. СПб., 2006. № 3. С. 19–37.

Катаева Н. Катит брочка по России... // Литературная газета. М., 2006. 19–25 апреля. [Премьеры спектаклей «Похождение, составленное по поэме Гоголя «Мертвые души» в Театре-студии п/р О. Табакова и «Концерт для Чичикова с оркестром» в Центральном театре кукол им. С.В. Образцова состоялись в один день.]

Каурова Е.В. Эпический мир повести «Тарас Бульба» в свете гомеровской традиции // Россия и Греция: диалоги культур. Петрозаводск, 2006. Ч. 1. С. 134–140.

Кирсанова М. Гоголем будут пугать американцев. Режиссер Олег Фесенко закончил съемки фильма «Последняя молитва» по мотивам книги Гоголя «Вий» // Комсомольская правда. М., 2006. 27 января.

Киселев В.С. Творческая судьба сборника Н.В. Гоголя «Арабески» // Литература в школе. М., 2006. № 10. С. 8–12.

Ковалева Ю.Н. «Мученик перекрестков»: Споры о Гоголе и русско-украинском вопросе в публикациях последних лет // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 8. Литературоведение. Журналистика. Волгоград, 2006. Вып. 5. С. 142–148.

Коваль О.В. Мнимый Гоголь // Література та культура Полісся. Вип. 33: Північне Полісся в історико-культурному контексті / Відп. ред. і упоряд. Г.В. Самойленко. Ніжин: Видавництво НДУ ім. М. Гоголя, 2006. С. 32–54.

Кодак В. «Рождество» в Театре кукол // Наша газета. Луганск, 2006. 23 сентября. № 107. С. 8.

[О премьере спектакля по повести Гоголя «Ночь перед Рождеством» в Луганском областном театре кукол.]

Козлова А.В. Жестящик Шиллер и сапожник Гофман и их масонская родословная // Литература и диалог культур. Хабаровск, 2006. С. 62–73.

[Литературная проекция масонского понятия «искусство ремесла» в произведениях Э.Т.А. Гофмана, А.С. Пушкина и Гоголя («петербургские» повести.)]

Кокшенева К. Чичикова пожалели // Москва. Журнал русской культуры. М., 2006. № 10. С. 210–216.

[О постановке Сергеем Арцыбашевым «Мертвых душ» на сцене Театра им. В. Маяковского.]

Колокольцев Е.Н. Художники иллюстрируют повесть Гоголя «Ночь перед Рождеством». VI класс // Литература в школе. М., 2006. № 10. С. 36–40.

Кольцова Н.З. «Гоголевское» начало в романе. Ю. Трифонова «Дом на набережной» // Художественный текст и культура. Владимир, 2006. С. 219–223.

Константин (Зайцев), архимандрит. Гоголь как учитель жизни // Глинские чтения. М., 2006. № 9–10. С. 84–89.

Константинова Н.В. Именная структура героя у Ф.М. Достоевского и Н.В. Гоголя: соотношение лица и человека // Текст и интерпретация. Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. пед. ун-та, 2006. С. 95–101.

Кормилов С. [Рецензия] // Вопросы литературы. М., 2006. Вып. 4. С. 366–367.

[Рец. на кн.: *Смирнов А.С.* Романтическая ирония в русской литературе первой половины XIX века и творчество Н.В. Гоголя: Пособие. Гродно: Гродненский гос. ун-т, 2004. 134 с.]

Корнеева Ю.Б. Картина видений символа «портрет» в русско- и англоязычном художественном тексте: На материале повести Н.В. Гоголя «Портрет» и романа О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» // Сопоставительная лингвистика. Екатеринбург, 2006. № 7. С. 207–218.

Костина А. Концепт Украины в творчестве Гоголя // Ніжинська історико-філологічна школа: минуле, сьогодні, майбутнє: Матеріали Третьої міжнародної студентської конференції. Ніжин, 2006. С. 5–13.

Кошелев В.А. Иван Аксаков: консервативная оппозиция как литературная идеология // Русская литература. СПб., 2006. № 1. С. 76–94.

[Аксаковы о «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя. С. 78–82.]

Кременцов Л.П. Русская литература XIX века. 1801–1850: Учебное пособие. 2-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2006. 248 с.

Н.В. Гоголь (1809–1852). С. 150–185.

Кривонос В.Ш. Варшава в повести Гоголя «Тарас Бульба» // Славянские чтения. V. Daugavpils, 2006. С. 30–44.

Кривонос В.Ш. Город в повести Гоголя «Тарас Бульба» // Поэтика русской литературы. М., 2006. С. 130–154.

[Библейские и фольклорно-мифологические коннотации образа польского города Дубно в повести «Тарас Бульба».]

Кривонос В.Ш. Люлька Тараса (Человек и вещь в повести Гоголя «Тарас Бульба» // Восток – Запад: пространство русской литературы и фольклора. Волгоград, 2006. С. 526–537.

Кривонос В.Ш. Метаморфозы женского в «Петербургских повестях» Гоголя // Кормановские чтения. Ижевск, 2006. Вып. 6. С. 482–497.

Кривонос В.Ш. Не отходя от кассы // Окна. Литературное приложение к газете «Вести». Тель-Авив, 2006. 27 апреля. С. 24, 28, 30.

[Об особенностях восприятия Гоголя.]

Кривонос В.Ш. Отмеченные числа у Гоголя // Arbor mundi = Мировое древо. М., 2006. Вып. 13. С. 52–61.

[Мифологическая семантика чисел в творчестве Гоголя.]

Кривонос В.Ш. Повести Гоголя: Пространство смысла: Монография. Самара: Изд-во СГПУ [Самарский гос. пед. ун-т], 2006. – 442 с.

[Рец.: *Давыдов Д.* Глубинные смыслы // Книжное обозрение. М., 2007. № 21/22. С. 9; *Орлицкий Ю.* Главный классик XIX века // Литература: Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». М., Спецвыпуск «Гоголь в современной школе». М., 2008. № 2. С. 45; *Дубровская С.А.* // Интеграция образования. Саранск. 2008. № 3. С. 123; *Ковалева Ю.Н.* Горизонты смысла // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 8. Литературоведение. Журналистика. Волгоград, 2009. Вып. 8. С. 202–206; *Иваницкий А.И.* // Известия РАН. Сер. лит. и яз. М., 2010. Т. 69. № 5. С. 73–80.]

Кривонос В.Ш. Поляки и казаки в повести Гоголя «Тарас Бульба» // Przegląd Rusycystyczny. 2006. Zeszyt 116. S. 54.

Кривонос В.Ш. Поляки и польский мир в повести Гоголя «Тарас Бульба» // Фольклор, постфольклор, быт, литература: сб. статей к 60-летию А.Ф. Белоусова. СПб., 2006. С. 64–71.

Кривонос В.Ш. Проблема смысловой границы в анекдоте (Лев Лосев, Гоголь и история о бедном чиновнике) // Slavic Almanac 2006. Vol. 12. № 1. P. 71–84.

Кривонос В.Ш. Происшествие «прошедшего века» (XVIII век в повести Гоголя «Портрет») // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. СПб.; Самара, 2006. Вып. 12. С. 199–207.

Кривонос В.Ш. Рама и ее роль в «Портрете» Гоголя // Рама и граница = Rahmen und Grenzen. Самара, 2006. Вып. 3.– С. 190–197.

[Рама как элемент экфрасиса в повести Гоголя.]

Кривонос В.Ш. Семантика границы в повести Гоголя «Портрет» // Известия РАН. Сер. лит. и яз. М., 2006. Т. 65. № 3. С. 39–46.

Кривонос В.Ш. Семантика порога в «Мертвых душах» Гоголя // Поэтика рамы и порога: функциональные формы границы в художественных языках. Самара, 2006. Вып. 4. С. 381–392.

Кривонос В.Ш. Собачий код в повести Гоголя «Тарас Бульба» // Филологический журнал. М., 2006. № 1. С. 112–120.

Кривонос В.Ш. Сюжет испытания в «Петербургских повестях» Н.В. Гоголя // Филологический журнал. М., 2006. № 2(3). С. 15–25.

Кривонос В.Ш. Функции «прошедшего века» в повести Гоголя «Портрет» // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. Воронеж, 2006. Вып. 24. С. 132–141.

Кривуля Н.Г. Поэтика гоголевского мира в пространстве фильма А. Алексева «Нос» // Анимация как феномен культуры. М., 2006. С. 66–86.

Кузнецова М. Воспитание читателя на уроках литературы (опыт чтения комедии Н.В. Гоголя «Женитьба», 8 класс) // Учитель. М.: Приоритет-МВ, 2006. № 4. С. 55–58.

Кулакова Т.А. «Знай, сверчок, свой шесток» // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых. Саратов, 2006. Вып. 9. Ч. 1–2. С. 25–29.
[Мотив служения в комедии Гоголя «Женитьба».]

Курбанова Е. Сечь запорожская // Московская правда. М., 2006. 5 апреля.
[О российско-украинском проекте исторического фильма по мотивам повести Гоголя «Тарас Бульба».]

Курбанова Е. Сны Марьи Антоновны // Московская правда. М., 2006. 3 ноября.
[О премьерере камерной одноактной оперы «Ревизор» (по мотивам одноименной комедии Гоголя.)]

Кучина С.А. Модификация «серединного» героя Гоголя в системе парадигмы персонажей: Хлестаков – Ноздрев – Кочкарев // Аспирантский сборник НГПУ [Новосибирский гос. пед. ун-т] – 2006 (По материалам научных исследований аспирантов, соискателей, докторантов): В 4 ч. Ч. 1. Новосибирск, 2006. С. 167–177.

Кучина С.А. Эквиваленты «дьявольского комплекса» в образной структуре гоголевского авантюрного героя // Аспирантский сборник НГПУ – 2006 (По материалам научных исследований аспирантов, соискателей, докторантов): В 4 ч. Ч. 1. Новосибирск, 2006. С. 177–185.

Ласкин А.С. Гоголь-моголь: Документальная повесть. М., Новое литературное обозрение, 2006. 248 с.

Лешенко Е.А. Фантастика в повести Н.В. Гоголя «Портрет» и в романе Э.Т.А. Гофмана «Эликсиры сатаны» // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых. Саратов, 2006. Вып. 9. Ч. 1–2. С. 99–103.

Лётин В.А. Натюрморт как способ визуализации времени в пространстве усадьбы Плюшкина // Язык и общество: диалог культур и традиций. Ярославль, 2006. Вып. 5. Т. 2. С. 19–24.

Лётин В.А. Пусто место, или Инфернальный хронотоп усадьбы Ноздрева // XI Пушкинские чтения. СПб., 2006. Т. 1. С. 146–149.

Литвинова Л. «Портрет» Н. Гоголя и «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда: диалоги литератур // Ніжинська історико-філологічна школа: минуле, сьогодні, майбутнє: Матеріали Третьої міжнародної студентської конференції. Ніжин, 2006. С. 10–11.

Література та культура Полісся. Вип. 31: Проблеми розвитку філології, історії та культури (до 200-річчя Ніжинської вищої школи) / Відп. ред. і упоряд. Г.В. Самойленко. Ніжин: Видавництво НДУ ім. М. Гоголя, 2006. 248 с. На рус. и укр. яз.

Из содерж.:

Самойленко Г.В. О «Сорочинской ярмарке» Н. Гоголя. С. 44–63.

Якубина Ю.В. И.Г. Кулжинский в восприятии и оценке гоголеведов. С. 63–71.

Примайчок О.И. Паремии как элементы народно-смеховой культуры в ранних повестях Н. Гоголя. С. 71–80.

Арват Н.Н. Понятие «русское» в произведениях Н.В. Гоголя. С. 80–88.

Остапенко Л.М. Как стать классиком, или По поводу примерки Достоевским Гоголевской шинели. С. 88–96.

Чоботько А.В. Розанов о художественном методе Н. Гоголя. С. 96–106.

Краснобаева О.Д. Постмодернистские тенденции в повести А. Королева «Голова Гоголя». С. 106–113.

Література та культура Полісся. Вип. 32: Сучасні тенденції вивчення спадщини М. Гоголя та проблем історії, культури, мистецтва Полісся XVII–XX ст. / Відп. ред. і упоряд. Г.В. Самойленко. Ніжин: Видавництво НДУ ім. М. Гоголя, 2006. 266 с. На рус. і укр. яз.

Из содерж.:

Мощенская Л.Г. Мир казаков и поляков в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба». С. 12–21.

Жаркевич Н.М. Образ Гоголя и его художественная интерпретация в трилогии В.Н. Авенариуса «Ученические годы Гоголя». С. 22–31.

Хомчак Е.Г. Способы выражения авторской позиции Н.В. Гоголя и И.А. Гончарова (на материале поэмы «Мертвые души» и романа «Обломов»). С. 31–35.

Бойко И.В. Реализация национально-культурного компонента на лексическом уровне (на примере повести Н. Гоголя «Ночь перед Рождеством»). С. 36–39.

Белая А.С. Языковая картина мира средствами социальной терминологии в поэме Н. Гоголя «Мертвые души». С. 39–41.

Михальчук Т.Г. Стилистический анализ ситуаций речевого этикета и этикетное поведение персонажей в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». С. 42–53.

Лобанов С. Н.В. Гоголь – мистик и поэт русской государственности // Литературоведение. 2006. № 4. С. 1–7.

Лучников М.Ю. Спор о «Мертвых душах» в свете исторической поэтики: О читательских стратегиях восприятия поэмы ее современниками // Поэтика русской литературы. М., 2006. С. 220–239.

Любите ли вы Гоголя // Аргументы и факты. М., 2006. № 33. С. 34.

[О планах создания Гоголевского центра в Москве.]

Мазинг-Делич И. Как спасти культуры от цивилизации: Средиземноморская модель Максима Горького // Культуральные исследования. М., 2006. С. 267–289.

[Идеализация средиземноморской (итальянской) культуры в творчестве М. Горького каприйского периода (в контексте рецепции писателем гоголевской традиции).]

Майорова С.А. Мифология города в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Православие в контексте отечественной и мировой культуры: сб. статей / Под ред. Г.А. Пучковой; АГПИ [Арзамасский гос. пед. ин-т] им. А.П. Гайдара, Всемирный Русский Народный Собор, СП России. Арзамас: АГПИ, 2006. С. 231–239.

Максимов Ю.И. Кишинев готовится к юбилею Гоголя // Литературная Россия. М., 2006. 1 декабря. № 48.

Макурина А.Г. Эволюция демонологического образа в повести Н.В. Гоголя «Нос» // Вестник СНО [Студенческое научное общество] / Волгоградский гос. пед. ун-т. Волгоград, 2006. № 22. С. 130–132.

Манн Ю.В. «Мертвые души» для А.П. Елагиной // Наше наследие. М., 2006. № 79–80. С. 188–189.

[Об экземпляре «Мертвых душ» с дарственной надписью Гоголя в собрании книг А.П. Елагиной.]

Манушина О.В. Скрытое значение антропонимов пьесы Н.В. Гоголя «Игроки» // Семантика слова и семантика текста. М., 2006. Вып. 7. С. 95–101.

Маркадэ Жан-Клод. Творчество Н.С. Лескова. Романы и хроники / Пер. с фр. А.И. Поповой, Е.Н. Березиной, Л.Н. Ефимова, М.Г. Сальман. СПб.: Академический проект, 2006. 478 с. – (Современная западная русистика. Т. 60).
[О Гоголе: С. 82–84, 145–148 и др.]

Маслова М.В. Жанровые особенности и образ повествователя-интерпретатора в книге В. Набокова «Николай Гоголь» // Вестник Удмуртского ун-та. Ижевск, 2006. № 5. С. 143–150.

Машковцев А.В. Работа Иванова над портретом Гоголя // Изобразительное искусство в школе. М., 2006. № 4. С. 24–36.

Меженко Ю.С. Гоголь Николай Васильевич // Шестьдесят знаменитых писателей: Судьба и творчество. Донецк: БАО, 2006. С. 98–104.

Мелешко К. Загадки Гоголя // Деснянська правда. Чернигов, 2006. 9 верес. С. 3.

Меркулова Е. Гоголь против Толстого. В Москве открылся IV международный театральный форум «Золотой витязь» // Вечерняя Москва. М., 2006. 25 октября.

Мехедов В.Н. Роль страха в комедии Н.В. Гоголя «Ревизор». VII класс // Литература в школе. М., 2006. № 10. С. 29–32.

Мирзоев В. Спящий режим. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 328 с.
Николай Гоголь – луна нашей прозы. [Портрет Гоголя работы А.Е. Смирнова.]
[Рец.: Заварзин Г. // Независимая газета. М., 2007. 24 мая. С. 7.]

Михеев Ю.Э., Субботина И.А. Начало и конец явления в комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» как структурные понятия // Текст: теория и методика в контексте вузовского образования. Тольятти, 2006. С. 171–175.

Михеева С.А. Символ гоголевской тройки в «Деревне» И.А. Бунина // Образы России в отечественной и мировой словесности, истории и культуре. Калининград, 2006. С. 87–94.

Михеєнко В.Г. «Должен всяк из нас спасти себя самого...»: Театрализованная литературно-музыкальная композиция, посвященная 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя // Всесвітня література. Київ, 2006. № 12. С. 14.

Мишин М. На приколе // Огонек. М., 2006. № 13. С. 10.

Мнацаканян С. Читаем классику. М., 2006. 15–21 марта.
Неисчерпаемый Гоголь.

Молодой отец в роли Плюшкина и птица-тройка из спортклуба // Литературная газета. М., 2006. 12–18 апреля.
[О спектакле «Похождение» режиссера М. Карбаускиса в Театре п/р О. Табакова по мотивам поэмы Гоголя «Мертвые души».]

Монахова И. «Всё да управляется у нас любовью к Богу». Поучительные письма Гоголя // Роман-журнал. М., 2006. № 11. С. 40–45.

Монахова И. Гоголь дает советы и проповедует. Руководство по практическому христианству от автора «Мертвых душ» // Независимая газета («Ex libris»). М., 2006. 18 мая.

Монахова И. Николай Гоголь: что может доставить пользу душе // Истина и жизнь. М., 2006. № 9. С. 34–37.

Монахова И.Р. Получите письмо... от Гоголя. Полезные душе советы не устарели и за полтора века // Юность. М., 2006. № 12. С. 95–98.

Монахова И.Р. Путь навстречу // Слово. М., 2006. № 6. С. 91–100.

Монахова И. «Что может доставить пользу душе» // Нева. СПб., 2006. № 8. С. 171–184.

Морозова Н.Ю. Диалогические и монологические отношения в художественной системе Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского («Выбранные места из переписки с друзьями», «Село Степанчиково и его обитатели») // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. Кострома, 2006. № 3. С. 107–111.

Морозова Н.Ю. О стилистическом аспекте полемики Достоевского с Гоголем (На материале романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди») // Художественный текст и культура. Владимир, 2006. С. 35–39.

Москвичева Е.В. Фразеологизм как изобразительно-выразительная единица в творчестве Н.В. Гоголя // Вопросы отечественной и зарубежной истории. Ярославль, 2006. С. 46–49.

Мотеюнайте И.В. Восприятие юродства русской литературой XIX–XX веков. Псков, 2006. 304 с.

[Указ. имен.]

Мурзак И.И., Ястребов А.Л. Гоголь и Пиранделло: парадокс о жизни и искусстве (постановка проблемы) // Феномен творческой жизни в культуре. М., 2006. С. 516–522.

Мусафирова О. Депардье и Михалков станут Бульбами // Комсомольская правда. М., 2006. 4 февраля.

[О планах съемок двух фильмов по мотивам повести Гоголя «Тарас Бульба».]

Мякинина Е.С. Шапка в повести «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя // Русская речь. М., 2006. № 2. С. 3–7.

Намакшитанская И.Е. Ситуативное функционирование в произведениях В.С. Высоцкого и Н.В. Гоголя эмоционально-экспрессивных средств выражения // Научный вестник Воронежского гос. архитектурно-строительного ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж, 2006. Вып. 1. С. 39–44.

Нараленкова О. «Однажды Гоголь сам побывал в роли ревизора» // Вечерняя Москва. М., 2006. 15 июня.

[О премьерере документального цикла «Театральный архив» на телеканале «Культура».]

Наривская В.Д. «Тарас Бульба» Н. Гоголя и А. Довженко: рецепция характерности // Литература XX века: итоги и перспективы изучения. М., 2006. С. 113–120.

[О киносценарии А.П. Довженко «Тарас Бульба» по одноименной повести Гоголя.]

Наривская В.Д., Калашиников В.А. Творчество Н.В. Гоголя в контексте современной компаративистики // Актуальні проблеми слов'янської філології. Сер. Лінгвістика і літературознавство. Київ, 2006. Вип. 11. Ч. 2. С. 60–67.

Наумова Н.Г. Языковые средства, отражающие коммуникативные тактики Чичикова // Семантика. Функционирование. Текст. Киров, 2006. С. 20–25.

Недопекина Н.В. Учимся комментировать. К изучению повести Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством». V класс // Литература в школе. М., 2006. № 6. С. 42–44.

Нефагина Г.Л. Стилевая палитра творчества Анатолия Королёва // Научные труды кафедры русской литературы БГУ [Белорусский гос. ун-т]. Минск: РИВШ [Республиканский ин-т высшей школы], 2006. Вып. 4. С. 149–162.

[Интерпретация повести А. Королёва «Голова Гоголя» как феномена русского постмодернизма.] [Реф.: *Жулькова К.А.* «Гоголевский текст» в литературе постмодернизма (Сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература Реферативный журнал. Сер. 7. Литературоведение. М., 2009. № 4. С. 94–101 [96–98.]

Нечаенко Д.А. Сюжетно-композиционные особенности античной драмы и онейрический цикл в «Невском проспекте» Н.В. Гоголя // Православие в контексте отечественной и мировой литературы. Арзамас, 2006. С. 240–250.

Никанорова Ю.В. Образ Руси-тройки в немецких переводах поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Вестник Томского гос. ун-та: Бюллетень оперативной научной информации. Томск, 2006. № 84. С. 58–62.

Никишов Ю.М. Святогор: Гоголь и его «Мертвые души» / Тверской гос. ун-т. Тверь: Научная книга, 2006. 418 с.

Николаева П.В. Метаморфозы пространства – метаморфозы жанра в раннем творчестве Н.В. Гоголя // Малые жанры: теория и история: сб. научных статей. Иваново, 2006. С. 16–26.

Николаева П.В. Мотив невыполненной просьбы в петербургских повестях Н.В. Гоголя // Поэтика и лингвистика: Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Р.Р. Гельгардта. Тверь, 2006.

Николаева П.В. О национальном своеобразии речевого поведения героев Н.В. Гоголя // Литература в диалоге культур: Материалы международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 2006. Вып. 4.

Николаева П.В. Проблема инонационального и система первичных речевых жанров в произведениях Н.В. Гоголя // Материалы XIII международной конференции «Ломоносов». М., 2006. Т. 3.

Николаева П.В. Пространство и первичные речевые жанры в раннем творчестве Н.В. Гоголя: типы соотношений // Вестник молодых ученых ИвГУ. Иваново, 2006. Вып. 6. С. 112–114.

Николаева П.В. Этикетные речевые жанры в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя // Проблемы школьного и вузовского анализа литературного произведения в жанрово-родовом аспекте: теория, содержание, технология: сб. научно-методических статей. Иваново, 2006. С. 16–26.

Новикова Л.Н. «Где некогда все было пусто, голо, теперь младая роща разрослась...»: К истории взаимоотношений А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя // Проблемы социально-политического и культурного развития России. М., 2006. С. 143–146.

Новикова Н.Ю. Идея телеологизма в философской антропологии Гоголя // Мирозренческая парадигма в философии: генеалогия бытия и его обновление. Нижний Новгород, 2006. С. 80–81.

Новикова Н.Ю. «Человек» в произведении Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Вестник Волжского гос. инженерно-педагогического ун-та. Сер. Философские науки. Нижний Новгород, 2006. № 2. С. 63–64.

Нурманова Ж.К. «Гоголиада от Лунгина»: (Современная интерпретация гоголевских образов в телесериале «Дело о мертвых душах») // Традиционная культура сегодня: теория и практика. Челябинск, 2006. Ч. 2. С. 26–30.

Няголова Н. Заколдованные места у Гоголя и Чехова: Семантические параллели «баштан» – «вишневый сад» // Мир романтизма. К 45-летию научной деятельности проф. И.В. Карташовой. Тверь, 2006. Т. 11(35). С. 209–218.
[Реф.: Культурология. М., 2007. № 4. С. 57–59.]

О Джонг Сок. Образ панночки-ведьмы в повести Н.В. Гоголя «Вий» // Русская литература. Исследования: сб. научных трудов. Вып. X. Киев, 2006. С. 139–144.

Овечкин С.В. Город Миргород как герменевтическая проблема // Жизнь провинции как феномен духовности. Нижний Новгород, 2006. С. 125–131.
[Проблемы интерпретации цикла повестей Гоголя «Миргород».]

Овечкин С.В. «Старосветские помещики»: неоднородность нарратива и жанровая трансформация // Дергачевские чтения – 2004: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Екатеринбург, 2006. С. 88–93.

Одинокое В.Г. Поэтические образы А.С. Пушкина в художественной памяти Н.В. Гоголя («Медный всадник» и «Записки сумасшедшего») // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер. История, филология. Новосибирск, 2006. Т. 5. Вып. 2. С. 29–33.

Озеров Ю.А. Бытовая деталь в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Русская словесность. М., 2006. № 2. С. 18–30.

Орлова А. Безруков стал Чичиковым // Комсомольская правда. М., 2006. 13 апреля.
[Режиссер М. Карбаускис поставил спектакль по мотивам поэмы Гоголя «Мертвые души».]

Падерина Е.Г. Еще о гоголевских именах у Достоевского // Поэтика русской литературы. М., 2006. С. 252–272.

Падерина Е.Г. О мотиве дела в первом томе «Мертвых душ» // Текст и интерпретация. Новосибирск, 2006. С. 68–85.

Петрова О.Н. Принципы анализа художественного произведения. Пособие по русской литературе для старшеклассников и абитуриентов. М.: Изд-во СпортАкадем Пресс, 2006. 602 с.
Н.В. Гоголь. С. 135–174.

Пивоваров А.Б. Мотив «приобретения одежды» в христианской традиции и повести Н.В. Гоголя «Шинель» // Духовно-нравственные основы российской культуры и образования. Новосибирск, 2006. С. 160–170.

Плохотнюк В.М. О двух трудностях перевода «Шинели» Гоголя на польский язык (имя текста и имя героя) // Preklad a tlmočenie 7: Sociokultúrne aspektu prekladu a tlmočenia: prítomnosť a budúcnosť. Banská Bystrica: Univerzita Mateja Bela, 2006. С. 273–280.

Погорелова Т.В. «И цена есть цена, и вина есть вина, и всегда хорошо, если честь спасена»: Урок-размышление по повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» // Русская словесность в школах Украины. Киев, 2006. № 6. С. 35–37.

Погоржельская В.В. Многозначное явление стиля и «лад» в произведениях Н.В. Гоголя // Студентські філологічні студії початку ХХІ століття. Літературознавство. Донецьк, 2006. Т. 1. С. 46–51.

Подоплека М.В. Поэтические мотивы дьяволического дискурса: На примере рецепции образа Н.В. Гоголя в критике Д.С. Мережковского // Проблемы школьного и вузовского анализа литературного произведения в жанрово-родовом аспекте. Иваново, 2006. С. 84–94.

Подорога В.А. Мимесис: Материалы по аналитической антропологии литературы. Т. 1. Н. Гоголь, Ф. Достоевский. М.: Культурная революция, Логос, Logos-altera, 2006. 688 с. ил.

Кн. 1. Nature morte. Строй произведения и литература Н. Гоголя. С. 17–308.

[Рец.: *Архипов Ю.* // У книжной полки. М., 2007. № 1. С. 79–80; *Давыдов Д.* Танец вокруг писателей // Книжное обозрение. М., 2007. № 9. С. 8.]

Полецук Л.З. Гоголевские рецепции в романе Андрея Белого «Петербург» // Проблемы поэтики русской литературы XX века в контексте культурной традиции. М., 2006. С. 24–35.

Полуминскова Е. Болезнь Н.В. Гоголя: факты и вымысел // Литературное Ставрополье. Ставрополь, 2006. № 3/4 С. 310–321.

Полякова Л.В., Знобищева М.И. Есенин и Гоголь: к вопросу о литературных влияниях // XI Державинские чтения. Институт филологии. Факультет журналистики: Материалы научной конференции преподавателей и аспирантов. Тамбов, 2006. С. 34–36.

Понько А.Д. Пушкиниана Н.В. Гоголя (К 210-летию А.С. Пушкина и 200-летию Н.В. Гоголя) // Хозяева и гости усадьбы Вязёмы: Материалы XIV Голицынских чтений. М., 2007. С. 550–568.

Попов А.В. К вопросу о народности в литературе: представления Н.В. Гоголя и А.А. Бестужева-Марлинского // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых. Саратов, 2006. Вып. 9. Ч. 1–2. С. 165–170.

Попов В. Под взглядом Гоголя // Литературная газета (приложение «Невский проспект»). М., 2007. № 43. 24–30 октября.

[О литературной премии имени Гоголя.]

Просвирякова Е.В. Расширение художественных функций предметной детали: от Н.В. Гоголя к В.В. Набокову // Сравнительное и общее литературоведение: сб. статей молодых ученых. Вып. 1. М.: МАКС ПРЕСС, 2006. С. 140–147.

[Традиции Гоголя в романе В.В. Набокова «Прозрачные вещи».]

Пуля И. Заколдованное место на Никитском бульваре. Гоголевский центр будет создан в столице к 200-летней годовщине со дня рождения писателя // Российская газета. М., 2006. 14 августа.

[См. также: Российская газета. М., 2006. 19 июня.]

Пушкарева Ж. Русская литература в попытках обновления традиции (Розанов, Белый, Ремизов читают Гоголя) // Литература в контексте художественной культуры. Новосибирск, 2006. Вып. 5. С. 101–109.

Пушкин в XXI веке: сб. в честь Валентина Семёновича Непомнящего. М.: Русский мир, 2006. 640 с.

Из содерж.:

Варламов А.Н. Заметки о прозе Пушкина и Гоголя. С. 43–54.

[«Капитанская дочка» и «Тарас Бульба».]

Золотуский И.П. Пушкин в «Выбранных местах из переписки с друзьями». С. 354–369.

Пыхтина Ю.Г. Анализ архетипического пространства в повести Н.В. Гоголя «Старосветские помещики» // Филологические чтения: Материалы всероссийской научно-практической конференции. Оренбург: Оренбургский гос. ун-т, 2006. С. 222–224.

Радь Э.А. Притча о блудном сыне в русской литературе: Учебное пособие. Стерлитамак; Самара: Изд-во СГПИ [Самарский гос. пед. ин-т], 2006. 185 с.

Рамазанова О.М. А.П. Чехов как внимательный читатель Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского // Наука и образование – 2005. Нефтекамск, 2006. Ч. 2. С. 382–386.

Рахматуллин Р. К 200-летию Гоголь получит второй дом в столице // Известия. М., 2007. 12 октября. С. 7.

[Правительство Москвы распорядилось передать Гоголевской библиотеке-музею флигель усадьбы на Никитском бульваре.]

«Ревизор» по-китайски: Неожиданная интерпретация Гоголя: куклы в шелковых платьях // Комсомольская правда. М., 2007. 1 ноября.

[О выступлении в Москве китайского кукольного театра «Цюаньчжоу».]

Резникова Л., Звезгинцев В. «Вий» вашему дому. Зрителю предложат на выбор сразу две экранизации Гоголя // Московский комсомолец. М., 2006. 19 октября.

[О фильмах О. Фесенко и О. Степченко по мотивам одноименной повести Гоголя.]

Религиоведение / Энциклопедический словарь. М.: Академический Проект, 2006. 1256 с. *Васильева М.О.* Гоголь Николай Васильевич. С. 243.

Репин Л. Гений в минуту смятения // Тверская, 13. М., 2006. 18 февраля.

[Жизнь Гоголя в доме графа А.П. Толстого в Москве.]

Рогалев А.Ф. Имя и образ. Имена собственные в комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» // Литература в школе. М., 2006. № 11. С. 19–21.

Роднянская И.Б. Движение литературы. Т. 1. М.: Знак: Языки славянских культур, 2006, 712 с. – (Studia philologica).

Развязка «Женитьбы» или Чему смеемся? С. 90–123.

Романова Г.И. Мотив денег в русской литературе XIX века: Учебное пособие. М.; Флинта: Наука, 2006. 216 с.

Золото в повести Н.В. Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала». С. 26–31.

Н.В. Гоголь. «Портрет». С. 53–57.

«Болезненная жажда стяжания...» (Н.В. Гоголь «Мертвые души», М.Е. Салтыков-Щедрин «Господа Головлевы»). С. 105–119.

Мотив денег в русской драме (Д.И. Фонвизин «Недоросль», Н.В. Гоголь «Ревизор», А.Н. Островский «Свои люди – сочтемся!»). С. 135–149.

Романова Г.А. Вновь о Гоголе и Достоевском // Вестник Санкт-Петербургского гос. ун-та культуры и искусств. СПб., 2006. № 1. С. 106–112.

[Гоголевский контекст повестей Ф.М. Достоевского «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково».]

Романтизм: грани и судьбы: Ученые записки НИУЛ КИПР [Научно-исследовательская и учебная лаборатория комплексного изучения проблем романтизма] ТвГУ [Тверской гос. ун-т]. Тверь, 2006. Вып. 6. 160 с.

Из содерж.:

Карандашова О.С. Фантастическое и реальное пространство в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя. С. 36–42.

Кузнецова И.В. «Эстетический диалог» Жуковского и Гоголя в конце 40-х гг. XIX в. С. 42–48.

Плохотнюк В.М. Н.В. Гоголь и Ю.И. Крашевский в трактовке образа художника. С. 48–54.

Рубинс М. «Человеческий документ» или литературная пародия? Сюжеты русской классики в «Ночных дорогах» Гайто Газданова // Новый журнал = New rev. Нью-Йорк, 2006. Кн. 243. С. 240–259.

[Полемичне переосмислення традицій Гоголя і Ф.М. Достоевського в романі Г. Газданова.]

Рыкова Е.К. Русское масонство и славянофильство: точки соприкосновения (И.П. Тургенев, Н.В. Гоголь, Аксаковы). Постановка проблемы // Вторые Аксаковские чтения: сб. материалов всероссийской научной конференции 21–24 сентября 2006 г. Ульяновск: УлГУ, 2006. С. 142–149.

Савенко А.А. Народный календарь в повести Н.В. Гоголя «Басаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала» // Русская речь. М., 2006. № 4. С. 112–116.

Савенков А.И. Мифология и религия в романтизме Н.В. Гоголя // Романтизм: Истоки, метафизика, эволюция. Екатеринбург, 2006. С. 122–143.

Савинков С.В. Человек без титула: к образу титулярного советника в русской литературе // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. Воронеж, 2006. Вып. 24. С. ?

Савинова А.Г. Повесть Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего»: эволюция знаков музыкального // Наука. Технологии. Инновации: Материалы всероссийской научной конференции молодых ученых 7–10 декабря 2006 г. Ч. 7. Новосибирск: Изд-во НГТУ [Новосибирский гос. технический ун-т], 2006. С. 183–185.

Самойленко Г.В. Мир ярмарки у Н. Гоголя и его предшественников // Русистика. Киев, 2006. Вып. 5–6. С. 97–106.

Сапожников Н.В. «В письме я есмь»: жизнь и философско-антропологическая судьба эпистолярного дискурса «русского» XIX века. Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского гос. гуманитарного ун-та, 2006. 303 с.

Саськова Т.В. Символистский миф о Гоголе в мемуарной книге А. Ремизова «Учитель музыки» // Куприяновские чтения – 2005. Иваново, 2006. С. 23–32.

Сахаров В.И. Русская литература XI–XIX вв. 9–10 классы: Учебное пособие для школ, гимназий, лицеев и колледжей. М.: ООО «ТИД «Русское Слово – РС», 2006. 512 с. Николай Васильевич Гоголь. С. 235–262.

Сахаров В.И., Зинин С.А. Литература XIX века. 10 класс: Учебник для общеобразовательных учреждений: В 2 ч. Ч. 1. 3-е изд. М.: ООО «ТИД «Русское Слово – РС», 2006. 336 с. Николай Васильевич Гоголь. С. 81–108.

Севрук Е. Миф о Петербурге в произведениях Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского // Ніжинська історико-філологічна школа: минуле, сьогодні, майбутнє: Матеріали Третьої міжнародної студентської конференції. Ніжин, 2006. С. 11–13.

Сергеева Е.С. Ритм прозы Гоголя в итальянских переводах // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Сер. Литературоведение. Журналистика. М., 2006. № 1(9). С. 3–11.

Сергеева Т. И к Гоголю не зарастет народная тропа // Московская правда. М., 2006. 1 сентября.

[Беседа с председателем Комитета по культуре Москвы С.И. Худяковым.]

Сивкова А.В. Концептуализация смеха как особенность идиостиля Н.В. Гоголя (на примере текста повести «Ночь перед Рождеством») // Вестник молодых ученых. Филологические науки. СПб., 2006. № 1. С. 21–26.

Сидоренко В. Художественное время в повести Н.В. Гоголя «Сорочинская ярмарка» // Ніжинська історико-філологічна школа: минуле, сьогодні, майбутнє: Матеріали Третьої міжнародної студентської конференції. Ніжин, 2006. С. 8–10.

Силина Л.А. О значении антиномии гармония и хаос в гоголевской поэтике: попытка интерпретации // *Художественный текст: варианты интерпретации.* Бийск, 2006. Ч. 2. С. 187–193.

[Поэтика «петербургских» повестей Гоголя.]

Синякова Л.Н. Эстетический манифест А.Ф. Писемского: Статья о втором томе «Мертвых душ» Н.В. Гоголя // *Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер. История, филология.* Новосибирск, 2006. Т. 5. Вып. 2. С. 34–42.

Ситковский Г. Хождение по душам. В Театре Олега Табакова поставили «Похождение» // *Газета.* М., 2006. 12 апреля.

[О спектакле М. Карбаускиса по мотивам поэмы Гоголя «Мертвые души».]

Склемина С.М. Лики земные и неземные: поэтика экфразиса в повестях Н.В. Гоголя «Портрет» и И.С. Шмелева «Неупиваемая чаша» // *Научная мысль Кавказа: Приложение.* Ростов на Дону, 2006. № 10. С. 260–266.

Скрипник А.В. Гоголевские рецепции в литературе XX века: «Собачье сердце» М.А. Булгакова // *Материалы всероссийской научной конференции молодых ученых «Наука. Технологии. Инновации».* Ч. 7. Новосибирск, 2006. С. 187–188.

Скрипник А.В. «Записки одного молодого человека» А.И. Герцена в свете гоголевской традиции // *Вестник Томского гос. ун-та: Бюллетень оперативной научной информации.* Томск, 2006. № 84. Август. С. 63–68.

Скрипник А.В. Проблема сумасшествия героя и истинного знания в повестях Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего» и В.Ф. Одоевского «Сильфида» // *Материалы X всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование».* Т. 2. Ч. 1. Томск, 2006. С. 105–109.

Скрипник А.В. Семантика испанской инквизиции в «Записках сумасшедшего» Н.В. Гоголя // *Материалы VII всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодежь и наука XXI века».* Т. 2. Красноярск, 2006. С. 197–199.

Скрипник А.В. Содержательная природа формы «записок» и ее рецепция в литературе 1830-х годов (На материале повестей Н.В. Гоголя, О.И. Сенковского, В.Ф. Одоевского // *Материалы XLV международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс».* Дополнительный сборник. Новосибирск, 2006. С. 156–158.

Славкина А. К Гоголю на огонек: В год юбилея писателя в Москве появится музейно-библиотечный центр // *Вечерняя Москва.* М., 2007. 27 ноября. С. 1, 2.

Смирнов С.Р. «Скверные анекдоты» в творчестве А. Вампилова // *Вестник Бурятского ун-та. Сер. 6. Филология.* Улан-Удэ, 2006. Вып. 10. С. 181–188.

[Традиции Гоголя и Ф.М. Достоевского в неоконченной пьесе А.В. Вампилова «Рафаэль».]

Снегина Т.Б. Структура мифа о смерти Гоголя // *Литературоведение и эстетика в XXI веке.* Казань, 2006. Вып. 3. С. 7–12.

Соколовская Я., Троицкая Л. «Тарас Бульба» стал жертвой дворцового переворота: Крымские татары запретили съемки российского фильма // *Известия.* М., 2007. 12 октября. С. 5.

Соломонов А. Художник Сергей Бархин: «Я бы вел себя так же, как Плюшкин» // *Известия (приложение).* М., 2006. 7 апреля.

[О спектакле М. Карбаускиса по мотивам поэмы Гоголя «Мертвые души».]

Спесивцева В.В. Киносценарная интерпретация гоголевских текстов: композиционно-синтаксический аспект // XI Пушкинские чтения. СПб., 2006. Т. 2. С. 127–131.

Спесивцева В.В. Композиционно-синтаксическая трансформация гоголевской ремарки в комментирующий фрагмент киносценарной интерпретации М.А. Булгакова // Слово. Словарь. Словесность: из прошлого в будущее. СПб., 2006. С. 189–192.

[Работа М.А. Булгакова над киносценарием по комедии Гоголя «Ревизор».]

Семиотика и Авангард: Антология / Ред.-сост. Ю.С. Степанов, Н.А. Фатеева, В.В. Фещенко, Н.С. Сироткин; под общ. ред. Ю.С. Степанова. М.: Академический Проект, 2006. 1168 с.

[Указ. имен.]

Стратийчук Е.А. Н.В. Гоголь на подступах к «Петербургским повестям» // Утренняя заря: Молодежный литературоведческий альманах / Под ред. Т.К. Батуровой, В.П. Зверева. М.: МГОУ [Московский гос. областной ун-т], 2006. С. 28–40.

[Петербургский период жизни и творчества Гоголя (1829–1836 гг.).]

Стрельцова Е.И. Проза на современной сцене: «Мертвые души» в свете 2-го тома // Литература и театр. Самара, 2006. С. 25–36.

[О постановке «Мертвых душ» Гоголя в инсценировке В. Малягина в театре им. В. Маяковского.]

Субботина И.А. К вопросу об интерпретации финала комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» // Текст: теория и методика в контексте вузовского образования. Тольятти, 2006. С. 188–189.

Суворов А.А. Идея суда в пьесе Н.В. Гоголя «Ревизор» // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых. Саратов, 2006. Вып. 9. Часть 1–2. С. 16–21.

Суворов А.А. Семантический диапазон понятия «Суд» в русской пословично-поговорочной традиции // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых. Саратов, 2006. С. 86–92.

Суворов А.А. Судейские мотивы в статье Н.В. Гоголя «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году» и в журнале «Библиотека для чтения» // Властные функции СМИ: литературно-журнальные традиции и современная масс-медийная практика / Под ред. проф. В.В. Прозорова. Саратов, 2006. С. 187–203.

Сухих И. Русская литература. XIX век. Николай Васильевич Гоголь (1809–1852) // Звезда. СПб., 2006. № 2. С. 218–228.

Сухих И. Русская литература. XIX век. Второй период русского реализма (1840–1880-е гг.) // Звезда. СПб., 2006. № 3. С. 223–226.

Тарасова Е.К. Н.В. Гоголь в немецком литературоведении 1990-х годов // Знание. Понимание. Умение. М., 2006. № 3. С. 156–164.

Тарасова М.Р. И.А. Ильин и В.В. Зеньковский о воцерковлении русской культуры и о роли Гоголя в этом процессе // Филологический журнал: межвузовский сб. научных статей. Вып. XIV. Южно-Сахалинск: Сахалинский гос. ун-т, 2006. С. 26–32.

Таумов И.Д. Мотив чина и его роль в создании образа человека в мире комедий Н.В. Гоголя // Известия Самарского научного центра РАН. Актуальные проблемы гуманитарных наук. Самара, 2006. № 2.

Текст и комментарий: Круглый стол к 75-летию Вяч. Вс. Иванова / Сост. Д.В. Вальков, Т.В. Цивьян; отв. ред. В.Н. Топоров; Научный совет РАН «История мировой культуры»; МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Наука, 2006. 420 с.

Из содерж.:

Двинятин Ф.Н. Об одном возможном случае прототипического подтекста: персонажи Гоголя и литераторы. С. 167–183.

[Русские писатели в качестве возможных прототипов персонажей «Мертвых душ». Первоначальное изложение гипотезы см.: *Двинятин Ф.Н.* О литературском подтексте в характерологии первого тома «Мертвых душ» Гоголя // Канадский колледж: сб. статей: К 5-летию основания. СПб., 2000. С. 153–161.]

Тихонова Е.Ю. Человек без маски. В.Г. Белинский: Грани творчества / Институт российской истории РАН. М.: Совпадение, 2006. 279 с.

Пафос творчества Гоголя в понимании Белинского и славянофилов. С. 242–251.

Токмашева М. Дом классика: В столице появится «Гоголевский центр» // Культура. М., 2007. № 48. 6–12 декабря. С. 3.

Трофимов И.В. Испытание литературой. Николай Гоголь и эстетика духовной прозы первой половины XIX века. Ульяновск: УлГТУ [Ульяновский гос. технический ун-т] 2006. 122 с.

[Рец.: *Дырдин А.А., Макаров Д.В.* Строитель духовного ковчега // Вопросы филологии и книжного дела. Ульяновск, 2007. С. 142–144.]

Трофимов И. Разность потенциалов в духовной картине мира Н.В. Гоголя («Ночь перед Рождеством») // Литература XI–XXI вв. Национально-художественное мышление и картина мира. Ульяновск, 2006. Ч. 1. С. 18–23.

Труайя Анри. О «Мертвых душах» Н.В. Гоголя / Пер. с фр., публ., вступ. заметка Т.Н. Унанянц // Русская словесность. М., 2006. № 2. С. 10–17; № 4. С. 17–24.

Трумль Е.Н., Невадюк С. Перевод национально маркированной лексики на примере произведений А.П. Чехова и Н.В. Гоголя // Теоретические проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации. Омск, 2006. С. 6–10.

[Проблемы перевода прозы писателей на английский язык.]

Трушкина Ю.Н. Специфика имен прилагательных с градуальным значением в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Язык – Система – Культура – Личность. М., 2006. С. 55–58.

Туманов Д. Устами Гоголя... // Тонус. Казань, 2006. № 13. С. 280–282.

[По поводу выхода в свет словаря-справочника «Крылатые слова и выражения из сочинений Н.В. Гоголя» (Саратов, 2005), составленного В.В. Прозоровым.]

Тюна В.И. Анализ художественного текста: Учебное пособие для студентов филологических факультетов высших учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 336 с.

«Мертвые души» Н.В. Гоголя (глава третья). С. 130–137.

Успенский А. Спасай свою бедную душу: Урок в 9-м классе на тему «Чичиков у Плюшкина» // Учительская газета. М., 2006. 24 октября. С. 14.

Устюжна: родина «Ревизора» // Отдохни! М., 2006. № 8. С. 46–47.

Фаустова Т.С. Языковое воплощение авторской идеи в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» (На материале лирического отступления начала VII главы) // Экология культуры и языка: проблемы и перспективы. Архангельск, 2006. С. 67–69.

Федина А. Опустите ей веки. Ведьма из Евгении Крюковой получилась не только страшная, но и вполне симпатичная // Известия. М., 2006. 17 декабря.

[О фильмах О. Степченко и О. Фесенко по мотивам повести Гоголя «Вий».]

Филенко О.Н. «Что пророчит сей необъятный простор?» (Пространственные образы в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» и романе Платонова «Чевенгур» // Русский язык и литература в учебных заведениях. Киев, 2006. № 3. С. 15–21.

Финк Э.Л. Зеркало «Ревизора» // Литература и театр. Самара, 2006. С. 127–134.
[Мейерхольдовская версия «Ревизора» (1926) в современной постановке комедии в Александринском театре (режиссер В. Фокин).]

Фогельсон И.А. Русская литература первой половины XIX века: Тексты. Комментарии. Практикум: Пособие для школьников и абитуриентов. М.: Материк-Альфа, 2006. 228 с.
Николай Васильевич Гоголь (1809–1852). С. 193–227.

Фолкинштейн М. Старый фокус с «Ревизором». Московский гастрольный сезон открыли артисты из Казахстана // Культура. М., 2006. 21–27 сентября.
[О гастрольях в Москве Русского драматического театра им. М. Горького (Астана).]

Фомина А.Н. Поэтика русской литературы: Грибоедов. Пушкин. Лермонтов. Гоголь: Учебное пособие для вузов, обучающихся по специальности 032900 – русский язык и литература / Комсомольск на Амуре гос. пед. ун-т. Комсомольск на Амуре, 2006. 107 с.

Фридкин В. Из зарубежной пушкинианы. М.: Захаров, 2006. 352 с.
Неизвестное письмо Гоголя. С. 144–145.

Фролова О.Е. Гоголевский Петербург на пересечении Европы и Азии // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2006. Вып. 3. С. 290–306.
[Образ города в «петербургских» повестях Гоголя.]

Фуссо С. Гоголь в Скотопригоньевске // Поэтика русской литературы. М., 2006. С. 240–251.
[Гоголевские коннотации в образе города Скотопригоньевска в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы».]

Халин С.М. Особенности философской культуры Н.В. Гоголя // Духовная культура русской словесности. Тюмень, 2007. Ч. 1. С. 17–21.

Ханинова Р.М. Рассказ А.Н. Толстого «Портрет» в диалогической парадигме гоголевского «Портрета» // Художественный текст и текст в массовых коммуникациях. Смоленск, 2006. Вып. 3. Ч. 2. С. 45–54.

Харчевников В.И. Поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души» и ее отголоски в поэзии С.А. Есенина // Литература в школе. М., 2006. № 10. С. 41–43.

Хасанова Г.Р. Место и роль символического образа портрета в произведениях О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» и Н.В. Гоголя «Портрет» // Наука и образование – 2005. Нефтекамск, 2006. Ч. 2. С. 386–393.

Хафизова В.А. О чувстве вещи у Н.В. Гоголя // Наука и образование – 2005. Нефтекамск, 2006. Ч. 2. С. 393–397.

Ходырев В.В. Метатекстовая организация персонажа в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Аспирантский сборник. НГПУ [Новосибирский гос. пед. ун-т] – 2006 (По материалам научных исследований аспирантов, соискателей, докторантов): В 4 ч. Ч. 1. Новосибирск, 2006. С. 201–205.

Холодова М.В. Гоголевский сюжет в «Опере о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Г. Банщикова // Вестник Красноярского гос. ун-та, Гуманитарные науки. № 6/1. Красноярск, 2006. С. 329–332.

Храмцова Р. Две помещицы // Литература: Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». М., 2006. 1–15 марта. № 5. С. 21–23.

[Коробочка («Мертвые души») и Пульхерия Ивановна Товстогубиха («Старосветские помещики».)]
Целехович Т.П. «Куда идешь?..»: Гоголь и Борщевский – в поисках встречи // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. Сер. Беларуская літаратура. Гомель, 2006. № 1(34). С. 104–111.

Дуркан А. Роль мотива воспоминаний в «Мертвых душах»: К проблеме гоголевского психологизма // Поэтика русской литературы. М., 2006. С. 207–219.

Черниговская М.С. «Негативная антропология» и ее художественное воплощение в «Петербургских повестях» Н.В. Гоголя // Вестник Бурятского гос. ун-та. Сер. 6. Филология. Улан-Удэ, 2006. Вып. 11. С. 169–179.

Черниговская М.С. Риторические средства выражения авторской позиции в повестях Н.В. Гоголя «Невский проспект» и «Нос» // Труды молодых ученых и аспирантов Бурятского гос. ун-та. Улан-Удэ, 2006. С. 48–53.

Чернов Л. Гоголь и юродство // Альманах Гуманитарного семинара. Рига, 2006. Вып. 5. С. 96–114.

[Апокалиптическое видение мира у Гоголя.]

Чухненко Ю. «Все действующие лица могут назваться героями недостатков...» Письма Николая Гоголя о работе над поэмой «Мертвые души» // Зарубіжна література. Київ, 2006. № 3. С. 17–19.

Чухненко Ю. «Я принадлежу к живущей и современной нации»: Из переписки Николая Гоголя // Зарубіжна література. Київ, 2006. № 2. С. 19–22.

Шабанов А.С. Гоголевская традиция в «Призраках» Тургенева: мотив полета // Молодые тургенеvedы о Тургеневе: Материалы конференции: сб. статей. М.: Экон-Информ, 2006. С. 102–111.

Шаповалов М.А. Вяземский – Гоголь. Диалог // Литература в школе. М., 2006. № 10. С. 17–19.

Шарбенко Т. «Сорочинская ярмарка» и «Невский проспект» Н. Гоголя: типологические взаимосвязи // Вопросы русской литературы. Вып. 12(69). Симферополь, 2006. С. 71–83.

Шахматова Т.С. Синтетические возможности водевиля: о традициях водевиля в комедии Н.В. Гоголя «Женитьба» // Синтез в русской и мировой художественной культуре. М., 2006. С. 298–302.

Шимадина М. Многоуважаемый «Ревизор»: Гоголь в Малом театре // Коммерсантъ. М., 2006. 16 марта.

[«Ревизор» в постановке Юрия Соломина.]

Шишиморова Ю.И. Анализ понимания личности в творчестве Н.В. Гоголя (На примере публицистического сборника «Выбранные места из переписки с друзьями») // Университетские чтения: сб. статей. М., 2006. Вып. 12. С. 36–38.

Шорохов А. Мертвые туши Андрея Волоса // Литературная газета. М., 2006. 29 марта – 4 апреля.

[О романе А. Волоса «Аниматор».]

Шулевский Н.Б. Россия – противостояние демонам? // Знак вопроса. М., 2006. № 2. С. 82–94. Антидьяволиада «Мертвых душ» Н.В. Гоголя. С. 84–85.

Шумко В.В. «Вий» Н.В. Гоголя как важнейший этап в развитии русской фантастической прозы первой половины XIX века // *Вестник Віцебскага Дзяржаўнага ун-та. Витебск*, 2006. № 1. С. 90–95.

Шутая Н.К. Типология и топография романного пространства // *Филологические науки*. М., 2006. № 6. С. 16–24.

Щербаков А.Б. Очерк рефлексивной поэтики Гоголя // *Саратовского гос. ун-та им. Н.Г. Чернышевского*. С. 12–23.

Щирова В. На заработки в Киев. Жерар Депардьё сыграет Тараса Бульбу // *Новые известия*. М., 2006. 2 февраля.

[О российско-украинском проекте исторического фильма по мотивам повести Гоголя «Тарас Бульба».]

Эпштейн М. Философия тела; *Тульчинский Г.* Тело свободы. СПб.: Алетейя, 2006. 432 с. – (Сер. Тела мысли).

Эпштейн М. Асексуальность в литературе и философии (Гоголь и Кант). С. 158–162.

Юдина Е. Г-ну Гоголю, кукле и человеку. «Концерт для Чичикова с оркестром». Театр им. С.В. Образцова // *Культура*. М., 2006. 3 мая.

[О спектакле А. Денникова по мотивам поэмы Гоголя «Мертвые души».]

Юхно Н. Дом, где ожили «Мертвые души» // *Тверская*, 13. М., 2006. 26 августа.

[Беседа с председателем Комитета по культуре Москвы С.И. Худяковым.]

Ямпольская Е. Путешествие менажера // *Известия*. М., 2006. 10 апреля.

[О спектакле «Похождение» режиссера М. Карбаускиса в Театре п/р О. Табакова по мотивам поэмы Гоголя «Мертвые души».]

Ямщиков С. Гоголь и швыдкие // *Завтра*. М., 2006. Август. № 31(663). С. 8.

[По поводу пресс-конференции «Российской газеты» с членами попечительского совета «Фонда Гоголя» (в связи с созданием музея Гоголя в Москве).]

Янушкевич А.С. Философия и политика гоголевского всемира // *Вестник Томского гос. ун-та. Филология*. Томск, 2006. № 291. С. 145–154.

Ракъовски Ц. Петербург: от лабиринта до толпы. Поглощение истории // *Современные гуманитарные исследования*. М., 2006. № 1. С. 99–109.

[«Египетская маска» О.Э. Мандельштама в свете «петербургского текста» русской литературы.]

Автор-составитель:

Владимир Алексеевич Воропаев,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Author-composer:

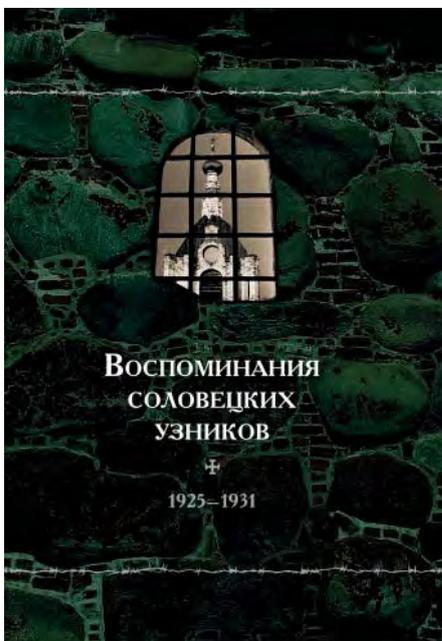
Vladimir A. Voropaev,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
voropaevvl@bk.ru

Критика. Библиография

Critique. Bibliography

Иерей Вячеслав Умнягин

**Книжная серия
«Воспоминания соловецких узников (1923–1939)».
Том четвертый¹**

Книжная серия «Воспоминания соловецких узников» включает в себя как хорошо известные, так и не печатавшиеся в нашей стране либо вообще не издававшиеся рукописи о Соловках 1920–1930-х гг., а также аналитические материалы по истории беломорского архипелага и тематические указатели.

Полностью или фрагментарно, в зависимости от своего объема и того, какая их часть посвящена рассказу о Соловецком лагере и тюрьме, воспоминания размещаются в хронологическом порядке, который задается временем начала и окончания пребывания мемуаристов в СЛОНе.

Большое внимание при издании текстов уделяется особенностям мировоззрения заключенных. Наряду с излагаемыми ими историческими свидетельствами, индивидуальные черты определяют внутреннюю драматургию отдельных выпусков и серии в целом, отражающей единство и

разнообразие описанных в воспоминаниях судеб.

Подобный интерес к внутреннему миру мемуаристов объясняет то, что каждый том включает в себя биографические очерки к входящим в него источникам. В качестве авторов вступительных статей привлекаются представители различных научных дисциплин из отечественных и зарубежных академических центров и общественных организаций, участие которых позволяет говорить о комплексном подходе к изучению документально-художественного наследия соловчан.

Рецензентами самого издания выступили доктор филологических наук Е.Г. Соини (КарНЦ РАН), доктор геолого-минералогических наук П.В. Флоренский (РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, РАЕН), кандидат филологических наук, М.Д. Ян-

¹ Воспоминания соловецких узников / [отв. ред.: иерей Вячеслав Умнягин]. Соловки: Изд. Соловецкого монастыря, 2013. – (Книжная серия «Воспоминания соловецких узников 1923–1939 гг.»). Т. 4: 1925–1931. 2016. 559 с., ил. ISBN 978-5-91942-038-5; ИС Р16-608-0311.

диева (руководитель ИПО «Ингушский мемориал»), а его научным консультантом стала доктор филологических наук Д.С. Московская (ИМЛИ РАН).

Очередной том книжной серии посвящен 110-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачева, которого можно считать одним из наиболее известных заключенных Соловецкого лагеря особого назначения. Его усилия были нацелены на то, чтобы в памяти поколений не изгладились события недавнего прошлого, а люди смогли извлечь из него духовно-нравственный урок, что является и важнейшей задачей монастырского проекта.

Настоящий выпуск охватывает историю СЛОНа середины 1920-х – начала 1930-х гг. По уже сложившейся традиции он состоит из трех частей: аналитической, включающей в себя тематические статьи, мемуарного раздела и справочных материалов.

Открывает первый раздел статья «Соловки времени Д.С. Лихачева (1928–1931)» заместителя директора Соловецкого музея-заповедника О.Г. Волкова, который характеризует общее положение заключенных и акцентирует внимание на особенностях лагерной жизни указанного периода.

Следующая публикация «Теперь лучшее время для доброделания и приучения себя к добру» принадлежит и. о. заведующего отделом Истории Соловецкого архипелага Соловецкого музея-заповедника А.П. Яковлевой, которая рассказывает о мирянах, ставших помощниками ссыльного духовенства. Историк освещает важную сторону жизни заключенных, многие из которых выжили благодаря заботам оставшихся на свободе родственников и знакомых, чье содействие не сводилось только к материальному обеспечению и моральной поддержке, но могло выражаться в помощи по организации церковной жизни в эпоху гонений.

Статья «Образ уголовников в воспоминаниях соловецких узников» написана ответственным редактором книжной серии иереем В. Умнягиным. Публикация раскрывает особенности взаимодействия осужденных контрреволюционеров и профессиональных преступников – в свете меняющегося со временем отношения советских заключенных к нормам и порядкам уголовного мира.

Мемуарную часть сборника открывает ранее не публиковавшаяся «Соловецкая быль» А.Д. Булыгина, которая была записана в 1981 г. и пребывает в настоящее время в архиве НИПЦ «Мемориал» (Москва). Представитель дворянской семьи, он был арестован совсем молодым человеком по «делу фокстротистов» и отправлен на три года на Соловки в середине 1925 г. Пройдя общие работы, значительную часть срока автор трудился в бухгалтерии лагерной железной дороги, о деятельности которой подробно рассказывается в воспоминаниях. Кандидат филологических наук А. Гуллотта (University of Glasgow) в своей вступительной статье отмечает то, что мемуаристу «удавалось пройти выпавшие на их долю испытания с минимальными эмоциональными и физическими потерями», что характеризует не только личность самого автора, но и общий тон его произведения, которое отличается ровное отношение к описываемым событиям.

Воспоминания «Соловецкий изолятор» принадлежат анархисту Константину Лаврентьевичу Власову-Улассу. Машинописная рукопись была обнаружена в архиве Русского заграничного исторического архива в Праге (1923–1945), находящегося на хранении в ГА РФ. Впервые текст увидел свет в сборнике Соловецкого музея-заповедника в 2014 г. Мемуары содержат уникальный, едва ли не единственный в своем роде рассказ о побеге с Большого Соловецкого острова и отличаются весьма мрачным отношением к происходящему. Смерть – ее синонимы и

описания – упоминается в сравнительно небольшом по объему произведении не менее двух десятков раз, даже Солнце – символ и источник жизни – напоминает мемуаристу о гибельности существования («кровавый диск медленно погружался в воды Белого моря», «тучи, окрашенные в кровавый цвет заходящим солнцем»). Патологическим изменениям в лагере подвергается не только окружающий мир, но и человеческая природа. «Здесь люди так мельчают, становятся такими ничтожными, что просто и говорить не стоит, – рассуждает автор в духе позднего В.Т. Шаламова. – Нет, здесь не люди, нет, нет. Я не могу допустить, чтобы человек так обращался с человеком».

Биографический очерк Н.А. Журавлева «Живут три друга» из сборника «Необычные воспитанники» (1976) повествует о питомцах Болшевской трудовой коммуны им. Г.Г. Ягоды. Рассказчик – вчерашний уголовник, который в конце 1928 г. уже в качестве болшевского активиста прибыл на Соловки для отбора новых коммунаров из числа местных заключенных. Двое других героев – рецидивисты, судьбы которых также радикально меняются после вступления в трудовой коллектив. Несмотря на несколько пропагандистский характер, произведение содержит массу деталей, раскрывающих внутренний мир и психологию «сбросивших с себя груз прошлого и вставших на трудовую дорогу» преступников. Кандидат филологических наук Е.А. Певак (МГУ) отмечает в своей вступительной статье, что «не раз и не два в очерках колонистов речь заходит о вере, или доверии, на чем, собственно, и построена была “колониальная” жизнь». Последнее нередко упускается из виду при изучении недавней эпохи, состоявшей, как и любая другая, из целого ряда парадоксов, требующих своего научного и нравственного осмысления.

Роман «Соловки» А.П. Скрипниковой, хранящийся в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки, еще одна новация настоящего издания. Несмотря на то что рукопись ранее не публиковалась, некоторые детали ее повествования и основные вехи биографии самой мемуаристки известны читательской аудитории по многочисленным упоминаниям в «Архипелаге ГУЛАГ». Давая характеристику романистке, А.И. Солженицын отмечал важную деталь ее личности: несмотря на скептическое отношение к религии, в качестве высшего образца она взяла стойкость раскольников, усвоив, что «лучше умереть, чем дать сломать свой духовный стержень». По мнению кандидата филологических наук М.Е. Бабичевой (РГБ), и автору, и героине произведения, которых она считает весьма схожими по своим внутренним установкам, «имманентны понятия “вера”, “душа”, “грех”, “молитва”: в духовной сфере героиней движет скорее богоискательство, чем богоборчество». Несмотря на такую во многом справедливую оценку, произведение можно рассматривать как антитезу опубликованной в предыдущем томе книжной серии повести О.В. Второй-Яфы «Мать Вероника», героиня которой проходит на Соловках школу смирения и становится духовным человеком, возвышающимся над обстоятельствами земной жизни на путях самоотверженного служения ближним. Напротив, «изломанная, запутанная», признающая за собой «еретический склад ума и натуры», героиня романа Скрипниковой укореняется в сознании собственного интеллектуального и нравственного превосходства, представляя собой яркий образ разрушительной личности, которыми богата любая революционная эпоха, склонная к упразднению не только политического устройства, но и духовно-нравственных оснований общественной жизни.

Завершают мемуарную часть сборника статьи, интервью и воспоминания разных лет Д.С. Лихачева. «Истинный рыцарь памяти», – так характеризует акаде-

мика его ученик и автор вступительной статьи кандидат филологических наук О.В. Панченко (ИРЛИ РАН), – ставил в центр своего повествования рассказ об окружающих его людях. Для многих из них, как и для самого Дмитрия Сергеевича, пребывание на Соловках стало едва ли не главным событием жизни.

Другой объединяющей особенностью творчества мемуаристов является то, что, свидетельствуя об ужасах лагерного существования, они – кто явно, кто в менее выраженной форме – указывали на идеалы, которые позволили им сохранить жизнь и внутреннюю целостность. Системе подавления личности заключенные противопоставляли идеальное начало, которое было первичным в отношении способов выживания и приспособления к окружающим условиям. Не быт, а сила духа определяла бытие и сознание, позволив пережить выпавшие на долю людей испытания и оставить рассказ о себе и о тех, кому этого по разным причинам сделать не удалось.

Затрагивая религиозно-нравственные доминанты и опосредованные ими социально-психологические особенности поведения жертв политических репрессий, мемуаристы касались самых глубоких движений человеческой души. Внимательное чтение воспоминаний позволяет выстроить аксиологическую иерархию и выявить непреходящие, мало зависящие от внешних обстоятельств ценности. Среди них, наряду с культурными и идеологическими компонентами, выделяется религиозная составляющая, определяющая, в конечном счете, отношение человека к переносимым им страданиям и смыслу жизни.

Сведения об авторе:

Вячеслав Вячеславович Умнягин, иерей
ответственный редактор книжной серии
«Воспоминания соловецких узников» (1923–1939)
Московское подворье
Спасо-Преображенского Соловецкого ставропигиального
мужского монастыря

Vyacheslav V. Umnyagin, priest
Executive Editor of the book series
«Memories of Solovki Prisoners» (1923–1939)
Moscow farmstead Spaso-Preobrazhensky Solovetsky Friary
solovki-news@yandex.ru

In Memoriam

In Memoriam

**Лидия Владиславовна Ершова
(1955–2016)**

23 июля ушла из жизни Лидия Владиславовна Ершова. В это так трудно поверить, ведь совсем недавно – всего полгода назад – мы поздравляли ее с 60-летием. Филологический факультет, кафедра дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного лишилась прекрасного специалиста в области преподавания РКИ и лингвокультурологии, блестящего преподавателя, а все знавшие Лидию Владиславовну потеряли светлого и позитивного человека, надежного товарища, искреннего друга.

Вся жизнь Л.В. Ершовой была связана с филологическим факультетом МГУ имени М.В. Ломоносова. Она окончила филфак в

1978 г. Распределившись сразу после окончания на кафедру русского языка для иностранных учащихся, Л.В. Ершова проработала преподавателем русского языка как иностранного почти сорок лет. В последние годы своей жизни она работала на кафедре дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного.

Л.В. Ершова была поистине универсальным специалистом: проводила практические занятия по РКИ в группах иностранных магистрантов, стажеров и аспирантов самого разного уровня подготовки и самых разных национальностей, читала лекции и вела семинарские занятия для студентов отделения РКИ и магистрантов, обучающихся на кафедре дидактической лингвистики. Л.В. Ершовой были разработаны четыре авторских лекционных курса, среди них – два лекционных курса на английском языке: «Лингвометодические вопросы работы над культуроведческим материалом в иноязычной аудитории» и «Лингводидактические основы изучения истории русской культуры». Английским языком Лидия Владиславовна владела в совершенстве. Вопросам лингвокультурологии был посвящен и спецсеминар для студентов 2–4 курсов «Культурологический аспект в контексте преподавания русского языка как иностранного». Нужно сказать, что этот семинар пользовался неизменной популярностью среди русских студентов; кроме того, проблемы лингвокультурологии всегда привлекали иностранных учащихся; ежегодно под руководством Л.В. Ершовой защищали диссертации иностранные магистранты, получая при этом высшие баллы. Сколько труда было вложено в эти работы научным руководителем, поймет лишь тот, под чьим руководством писали и защищали работы иностранцы.

За свою жизнь Лидия Владиславовна написала около 70 статей, посвященных вопросам лингвокультурологии. Широта охвата материала поразительна: от особенностей восприятия иностранными читателями лирики Сергея Есенина до темы Великой Отечественной войны на занятиях по РКИ, от образной системы

русской народной песни до особенностей научной статьи как жанра текста и единицы обучения РКИ. В 1998 г. Л.В. Ершова опубликовала учебное пособие для иностранных учащихся «Дворянская усадьба. Из истории русской культуры»; оно оказалось настоящим открытием для всех, кто интересуется русской историей, культурой и традициями.

Лидия Владиславовна никогда не жаловалась на жизненные неурядицы и крайне редко говорила о своем здоровье, хотя в последние годы была тяжело и неизлечимо больна. Она была очень стойким, мужественным и терпеливым человеком, отзывчивым и удивительно скромным. Она очень любила жизнь, свою семью (она воспитала прекрасную дочь и внучек), свою работу и учащихся, которые неизменно отвечали ей взаимностью. Она была очень красивым человеком. Все знавшие ее никогда не забудут ее светлый образ.

О.Ю. Дементьева

STEPHANOS

2016

№4 (18)

Номер подготовлен
на филологическом факультете
МГУ имени М.В. Ломоносова

Issue prepared
at the Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Москва — Moscow

2016

ИЮЛЬ — July